

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

**№ 3
Том 1. Филология**

Санкт-Петербург
2010

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 3 (Том 1) 2010
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

С. И. Алаторцева, доктор филологических наук, профессор;
Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент;
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор.

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**

Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2010

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Н. А. Азаренко

Метафорическая сакрализация персонажей как основной способ объективации христианских традиций в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского7

И. С. Урюпин

Воплощение национально-культурного архетипа самозванца в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов 15

И. М. Куликова, В. В. Артамонова

История и современность в изображении этноса в региональной литературе25

Т. В. Брехова

Временная организация повествования в романе У. С. Моэма «Узорный покров»33

ЛИНГВИСТИКА

Е. В. Горбова

Выбор видо-временной формы русского глагола в заданном контексте (на материале лингвистического эксперимента).....42

Т. П. Ившина

Риторический потенциал наречия в публицистическом тексте.....55

В. Н. Колодяжная

Некоторые особенности употребления наречий неполноты действия или признака в английском предложении62

Т. И. Ерофеева

Локальная единица в городской литературной речи как результат диалога двух языковых систем71

М. А. Никитина

Синтаксические особенности заголовка экономического текста79

М. В. Влавацкая

Комбинаторная лингвистика в структуре науки о языке86

Ю. В. Кобенко

Экстра- и интралингвистические причины экзоглоссии95

О. Ю. Шмелева

Современные подходы к определению термина как специальной единицы языка 104

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Е. С. Абрамова

Номинативное поле концепта «Россия» 115

М. В. Гаранович

О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка..... 122

Л. М. Малых

Антиномия единства и многообразия в сравнительных исследованиях разносистемных языков 129

<i>Н. А. Бондаренко</i>	
Глаголы с атрибутивной валентностью как средство выражения оценки.....	139
<i>О. Д. Прокопчик</i>	
О рациональной и эмоциональной оценке	149
<i>Л. Ю. Емельянова</i>	
Модальный компонент высказываний сомнения.....	154
<i>С. Л. Мишланова, Н. П. Ивинских, Т. В. Пенькова</i>	
Концептуальная метафора в методическом дискурсе.....	161
ПРАГМАЛИНГВИСТИКА	
<i>Н. Ю. Бородулина</i>	
Тропеическая репрезентация понятий мира экономики	170
<i>Е. Н. Галичкина</i>	
Лингвосемиотические параметры компьютерной коммуникации.....	179
<i>В. В. Зайцева, В. С. Григорьева</i>	
Интеррогатив как основной речевой акт в структуре допросов	187
<i>П. И. Костомаров</i>	
Метафора в дискурсе рядовой личности – носителя немецкой разговорной речи Сибири	195
<i>Е. Г. Озерова</i>	
Внутренняя речь в художественном дискурсе поэтической прозы	204
<i>Л. Н. Ребрина</i>	
Мотивы и сферы отождествления при репрезентации операций памяти в немецком языке	214
<i>Е. А. Нечаева</i>	
К вопросу об изучении современного PR-дискурса	225
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ	
<i>А. П. Василенко</i>	
Симболоарий фразеологического корпуса русского и французского языков	237
<i>Р. А. Газизов</i>	
Коммуникативные стратегии реализации максим одобрения и симпатии в немецкой культуре	248
<i>И. К. Федорова</i>	
Фоновые знания в культурном переносе кинотекста: проблема стратегии перевода	259
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
<i>Т. Г. Галушко</i>	
Некоторые проблемы интерпретации художественного абсурда.....	271
<i>И. А. Савченко</i>	
Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей.....	281
<i>А. М. Амирханян</i>	
Нравственная цель религиозного контекста в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	298
<i>А. И. Звягина</i>	
Транспортный дискурс и современность	306
Сведения об авторах.....	313

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

N. Azarenko

Metaphoric Sacralization of Characters as
the main Way of Objectification of Christian Traditions
in F.M. Dostoevsky's «The Brothers Karamazov» novel 7

I. Uryupin

The National Cultural Archetype of Impostor and its Personification in
M.A. Bulgakov's creative of 1920 years (in the «Moscow» stories and
in Play «The Zoyka's Flat») 15

I. Kulikova, V. Artamonova

History and Present of Ethnos in Regional Literature 25

T. Brekhova

The Time Organization of a Narration in the Novel of
W.S. Maugham «The Painted Veil» 33

LINGUISTICS

E. Gorbova

Choice of Russian Temporal-aspectual Verbal Forms
in Given Context (on Linguistic Experiment Materials) 42

T. Ivshina

Rhetorical Potential of an Adverb in a Publicistic Text 55

V. Kolodyazhnaya

Some Features of the use of Adverbs of Incompleteness
of Action or Sign in the English Sentence 62

T. Erofeeva

Local Unit in the City Literature Language as
a Result of the Dialog of Two Language Systems 71

M. Nikitina

Syntactical Peculiarities of Economic Text's Title 79

M. Vlavatskaya

Combinatorial Linguistics in the Structure of Linguistic Science 86

Y. Kobenko

Extra-linguistic and Intra-linguistic Reasons for an Exoglossy 95

O. Shmeleva

Modern Approaches to the Definition of "term"
as the Special Linguistic Unit 104

COGNITIVE LINGUISTICS

E. Abramova

The Nominative Field of the Concept "Russia" 115

M. Garanovich

About Sociolinguistic Method to the Study of
the Gender Stereotypes in Language awareness of Native Speakers 122

L. Malykh

Antinomy of Universality and Diversity in Comparative Study
of Unrelated Languages 129

<i>N. Bondarenko</i>	
Verbs with Attributive Valence as Means of Value's Expression.....	139
<i>O. Prokopchik</i>	
About Rational and Affective Evaluation.....	149
<i>L. Emelyanova</i>	
A Modal Part of Utterances of Doubt.....	154
<i>S. Mishlanova, N. Ivinskich, T. Penkova</i>	
Conceptual Metaphor in the Foreign Language Teaching Discourse.....	161
PRAGMALINGUISTICS	
<i>N. Borodulina</i>	
Tropeic Representation of Economic Notions.....	170
<i>E. Galichkina</i>	
Lingvosemiotic Parameters of Computer Communication.....	179
<i>V. Zaitseva, V. Grigorieva</i>	
Interrogative as the Basic Speech Act in the Interrogation Structure.....	187
<i>P. Kostomarov</i>	
The metaphor in the Discourse of the Ordinary Personality – the Native Speaker of the German-speaking Discourse of Siberia.....	195
<i>E. Ozerova</i>	
Endophasy in the Literary Discourse of Poetic Prose.....	204
<i>L. Rebrina</i>	
The Motives and Dimensions of Identification by Representation of the Memory Operations in the German Language.....	214
<i>E. Nechaeva</i>	
On the Problem of Studying Modern PR-discourse.....	225
INTERCULTURAL COMMUNICATION	
<i>A. Vassilenko</i>	
Culture Metalanguage of Russian and French Phraseological Case.....	237
<i>R. Gazizov</i>	
Communicative Strategies of Realization of Approval and Sympathy Maxims in German Culture.....	248
<i>I. Fedorova</i>	
Background Knowledge in Cultural Transfer of Movie Script: Problem of Translation Strategy.....	259
INFORMATION AND SURVEYS	
<i>T. Galushko</i>	
Some Problems of Interpretation of Absurd.....	271
<i>I. Savtchenko</i>	
Lingual Identity and socio-cultural Development Conditions of Ethnic Groups.....	281
<i>M. Amirkhanyan</i>	
Religious Context of Morality in L. Tolstoy's novel «Anna Karenina».....	298
<i>A. Zvyagina</i>	
Modern Transport Discourse.....	306
About authors.....	313

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

УДК 81'42; 801.7

Н. А. Азаренко

Метафорическая сакрализация персонажей как основной способ объективации христианских традиций в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского

В статье представлено теоретическое и практическое обоснование метафорической сакрализации персонажей и пространства как основного способа объективации христианских традиций на примере романа «Братья Карамазовы», рассмотрены некоторые языковые средства, объективирующие названный художественный прием.

The article is to give linguistic characteristics of the major method of objectifying Christian traditions in the works of F.M. Dostoevsky, and in “The Brothers Karamazov” in particular. The way metaphoric sacralization of characters and space is carried out in terms of the writer’s last novel is given theoretical and practical substantiation; the number of linguistic devices to objectify the vehicle is examined.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», метафора, сакрализация, Христос, антитеза.

Key words: F. M. Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», metaphor, sacralization, Christ, antithesis.

Многочисленные исследователи творчества Достоевского считают, что в последнем своем романе великий знаток человеческой души и художественного слова подводит итоги всему своему предшествующему творчеству.

В достоевсковедении аксиомой стало утверждение о том, что все романы «великого пятикнижия» написаны о Христе. Мы же дополним общепризнанные утверждения и скажем, что все события и персонажи в последних, вершинных, романах великого писателя так или иначе соотнесены с событиями и действующими лицами христианского Священного писания, под которым понимаются религиозные книги, признанные Православной Церковью как канонические: 27 книг Нового Завета и 38 книг Ветхого Завета.

На наш взгляд, эту обусловленность можно охарактеризовать с языковой точки зрения как способ метафорической сакрализации

персонажей и пространства, включающий в себя метод христологической метафоризации, который основан на уподоблении романских персонажей евангельским действующим лицам.

Так, образ Алеши, на наш взгляд, являет собой не просто аллюзию на образ Богочеловека, а его безусловную метафору. Аргументами, доказывающими христоориентированную метафоричность образа Алеши Карамазова, могут служить поведение и речи этого персонажа, в уста которого автором неоднократно вкладываются слова самого Христа, например, о неосуждении ближнего, сказанные Иисусом в Нагорной Проповеди: «Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» [4, с. 120].

Достаточно однозначное указание на метафоричность образа Алеши содержится, на наш взгляд, и в пророчестве Зосимы о судьбе своего духовного сына и ученика, которое очень сильно напоминает факты жизни Христа: «Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь – что важнее всего» [3, XIV, с. 259].

Помимо того, сближению образов Иисуса Христа и Алеши Карамазова в картине мира Достоевского способствует еще один эпизод, обнаруживающий явные параллели в их поведении. Вспомним: инквизитор выносит смертный приговор – Христос молча целует своего палача, и «поцелуй горит на его сердце». Этот безмолвный жест Христа переносится в настоящее время романной жизни: Алеша целует брата в непосредственном и молчаливом порыве. Таким образом, временные рамки расширяются за счет введения образа Христа и позволяют сблизить эти два образа, демонстрирующие нам образцы любви и всепрощения.

Вспомним также и то, что всеобъемлющая сострадательная любовь Алеши, подавшего грешнице Грушеньке «луковку», сделала то же, что сотворил в свое время Иисус: блудница преображается почти в святую, готовую пострадать вместе с любимым человеком. Такое преображение сродни чудесам, сотворенным Христом.

Подтверждением выдвинутых выше гипотез могут послужить слова преподобного Иустина Поповича, необыкновенно точно объясняющие действия Алеши и других христоориентированных персонажей: «Христоликость положительных героев Достоевского происходит из того, что они в душах своих сохраняют чарующий Лик Христов. Этот Лик – сердцевина их личностей. Они живут Им, мыслят Им, чувствуют Им, творят Им, все в себе устраивают и оп-

ределяют по Нему и, таким образом, через христородицу создают православную теодицею» [5, с. 24].

В рамках христородицы, или теодицеи, Достоевского однозначно соотносительными – «христородиками» – являются образы Алеши Карамазова и князя Мышкина из романа «Идиот». Думается, что метафоризация образа Мышкина, несомненно, повлияла на создание образа Алеши в целом. Среди записок, относящихся к IV главе «Братьев Карамазовых», Алеша неоднократно называется Идиотом [3, XV, с. 199, 202 и др.], что, несомненно, свидетельствует о генетической зависимости образа Алеши Карамазова от Мышкина. Такая преемственность отнюдь не случайна: работая в 1868 году над планами «Идиота», Достоевский намеревался развить мысль о том, что, «может быть, в Идиоте человек-то более действителен», чем во всех других. В печатном тексте романа Достоевский называет Алешу не «идиотом», а «чудаком», очевидно, чтобы не вызвать у читателей прямых ассоциаций с Мышкиным, но в «Братьях Карамазовых» Достоевский уже не побоялся сказать то, что хотел, об идиотах – людях странных, чудаках: «...не только чудаки «не всегда» частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и *носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...*» [3, XIV, с. 5]. [Курсив здесь и далее наш. – Н.А.]

Выдвинутую нами гипотезу подтверждают и языковые средства. Процитированное предложение представляет собой фигуру экспрессивного синтаксиса, антитезу, члены которой: «чудаки» - «остальные», «носит сердцевину» - «оторвались» - можно определить как контекстные антонимы, выражающие индивидуально-авторское мировосприятие (дихотомичное по своей сути) и позволяющие выделить христородику «чудных» персонажей (в особенности Алешу) из всех остальных.

Об однозначной рядоположенности образов князя Мышкина и Алеши Карамазова говорит также и то, что им присваиваются одинаковые номинации: именно существительное «князь» (Лев Мышкин – князь по рождению), выполняющее функцию подлежащего, употребляется Грушенькой для номинации Алеши Карамазова: «Что ж мне, Ракитка, с тобой, что ли, разговаривать, когда тут *такой князь* стоит» [3, XIV, с. 314]. В процитированном предложении важная смысловая нагрузка сосредоточена на определении, выраженном указательным местоимением «такой», которое вербализует в данном контексте обстоятельство степенное значение высшей ме-

ры проявления метафоричности значения, вкладываемого в номинацию «князь» и указывает на самое высокое положение номинируемых персонажей в духовной иерархии.

Говоря о метафорической сакрализации персонажей и обнаруживая образные параллели в «великом пятикнижии» Достоевского, нельзя не вспомнить о женских образах с именем Софья, воплощающих премудрость Божию в художественном творчестве писателя. В первую очередь, это, конечно, Соня Мармеладова, необходимая Достоевскому как то единственное божеское на земле, что способно просветлить погрузившееся во **тьму** человечество и силой сострадательной любви возродить его к новой жизни в лоне Новой Церкви. Этим же именем и этой же **освещающей** сущностью наделена и мать Алеши Карамазова: об этом говорят лексические средства, используемые Достоевским при описании Софьи Ивановны: «...он (Алеша) запомнил ее потом на всю жизнь... Такие воспоминания могут запоминаться... выступая всю жизнь как бы *светлыми* точками из *мрака*...» [3, XIV, с. 18]. Антонимы свет – мрак в данном контексте, как и в целом в языковой картине мира Достоевского, в отличие от значений, фиксируемых современными толковыми словарями, объективируют значения «добро» - «зло», «праведность» – «греховность».

Именно с влиянием матери автор связывает такие качества своего Алеши, как душевную чистоту и способность к состраданию. Как верно отмечает Г.К. Щенников: «И сама родная мать словно бы вдохнула в него любовь к Богу и любовь к людям» [8, с. 289]. Об этом же метафорически говорится и в тексте романа: «Он (Алеша) запомнил один вечер... отворенное окно (метафорически свидетельствует об обилии света – Н.А.), косые лучи заходящего солнца... в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях... мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и *молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице*...» [3, XIV, с. 18].

Примечательно также, что в набожных людях, которым был, например, слуга Карамазова Григорий Васильевич Кутузов, Софья Ивановна была способна вызвать «священное» чувство: «Григорий ненавидел Аделаиду Ивановну, первую супругу Федора Павловича... и наоборот, защищал вторую его супругу, кликушу, Софью Ивановну... В нем симпатия к этой несчастной обратилась во что-то *священное*» [3, XIV, с. 87]. Напомним, что прилагательное «священный» всеми значениями так или иначе связано с высшим соответст-

вием религиозным канонам [7, IV, с. 60], что, на наш взгляд, дает возможность однозначно определить метафоричность образа Софьи Ивановны как явно соотносительную с образом Богоматери.

Очень значимо также соединение в номинации матери Алеши имени и отчества – Ивановна, что обозначает связь премудрости Божьей с глубинными русскими народными корнями. Некая нервная женская болезнь, напоминающая кликушество, которой страдала Софья Ивановна Карамазова и от которой «больная временами даже теряла рассудок» [3, XIV, с. 13], – это, на наш взгляд, метафора того, что русская народная почва поражена болезнью, излечить которую способен только такой человек Божий, как Алеша.

Закономерно и то, что именно от русской земли, в которую уходит старец Зосима, Алеша Карамазов получает новые силы, новую, непоколебимую уже более ничем уверенность в истинном назначении своем – спасти погрузившееся во тьму человечество.

Вспомним, что объединение в женских образах Достоевского с чертами Богородицы, божественности с русскими народными корнями проявляется и в образе Сони Мармеладовой, которая после смерти матери отчасти заменяет ее для Раскольникова.

Символическая (мы бы сказали – метафорическая) функция имен собственных в творчестве Достоевского является общепризнанной, ей посвящено много научных работ. Так, например, всецело западный, Петр Александрович Миусов имеет соответствующее имя, отсылающее нас к виновнику «европейства» в России – Петру I. Стоит сказать, что образ Миусова есть своего рода метафора западного уклада жизни, крайне отличного, по мнению Достоевского, от русского.

Рассудок и образованность для Достоевского есть результат негативного, фактически атеистического, по мнению писателя, западного влияния, поэтому в его творчестве любая связь с Западом неминуемо символизирует отход от истинной, православной, веры. Об этом же свидетельствует совершенно кощунственное обстоятельство: приехав на «сходку» семейства Карамазовых в монастырь, он особенно заинтересовался тем, насколько «дорогонько» обошлись хоронившим могилки «в таком «святом» месте» [3, XIV, с. 33]. Важно, что прилагательное «святой» заключено автором в кавычки, что должно было свидетельствовать о переносности значения этого слова для Миусова.

Запад с его бесовщиной рождает «идеи», которые, по мнению Достоевского, занимают в умах и душах то место, которое должно принадлежать Богу, в результате чего ценности меняются местами

и человек начинает поклоняться не Богу, а бесовской идее. Таков Раскольников, таков и «парижанин», «передовой господин» Миусов, испугавшийся более всего «унизить» свою идею в келье, где происходила беседа со старцем. Эта же «идея», искажающая и даже перевертывающая восприятие мира, не дает возможности ее носителю увидеть истинные ценности. Именно поэтому, на наш взгляд, увидев старца Зосиму, Миусов решил, что перед ним «по всем признакам злобная и мелко-надменная душонка» [3, XIV, с. 37]. Процитированный пример очень ярко демонстрирует степень перевернутости сознания: при определении старца используются прилагательные, антонимичные тем, которые на самом деле должны быть использованы для характеристики старца.

Как уже было отмечено выше, метод христологической метафоризации персонажей, на наш взгляд, пронизывает и организует все творчество Достоевского, все образы являют собой скрытую или явную метафору персонажей или реалий, так ли иначе связанных с фактами Священного писания в целом и с судьбой русского православия, в частности.

Одна из главных героинь романа – Аграфена Александровна Светлова – претерпевает метаморфозу, ведущую ее многогрешную душу на путь покаяния и нравственного обновления. Ученые предполагают, что эта героиня Достоевского имеет некоторое отношение к судьбе и характеру Марии Египетской, великой грешницы и блудницы, долгим страданием снискавшей венец святости. Отдельные мотивы, связанные с образом Грушеньки, прямо восходят к житийным текстам. В целом можно сказать, что этот женский образ являет собой метафору блудницы, вставшей на путь истины.

Исследователи считают, что и в описании судьбы Мити Карамазова писатель также опирался на житийную традицию, в частности, на житие Ефрема Сирина [1, с. 325–354], который, как и герой «Карамазовых», провел молодость среди грехов и заблуждений, тоже был ложно обвинен в преступлении, за что сетовал на несправедливость судьбы. Но однажды во сне Ефрем услышал таинственный голос: «Будь благочестив, и уразумеешь промысел Божий. Перебери все свои дела и мысли, и поймешь, что если ты и теперь безвинно наказан, то заслужил наказание прежними поступками» [2, с. 43]. С этого момента глубокого сокрушения и осознания собственной греховности и вины началось духовное перерождение как Ефрема Сирина, так и Дмитрия Федоровича Карамазова. Некоторые слова Мити, такие, например, как «... и душу мою из ада извлечет...» [3, XIV, с. 111], вводят высокие библейские параллели к настоящим и

будущим страданиям героя. Процитированные слова восходят к молитве пророка Ионы: «... отринут я от очей твоих... Объяли меня воды души моей, бездна заключила меня... До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но ты, господи боже мой, изведешь душу мою из ада... У господи спасение!» [6, с. 26].

Христос-истина-справедливость как суд совести противостоит у Достоевского суду юридическому как истинное – неистинное (ложное). Суд человеческий юридически неправ, отправляя Митю на каторгу, но сам осужденный принимает наказание, так как он согласен с приговором другого суда – суда совести, который предполагает возможность самоосуждения и принятия искупления через страдание. Митя хотел совершить это преступление, и поэтому он преступник, независимо от того, совершил он его или нет. Ведь греховный умысел, в точном соответствии с Нагорной проповедью, то же самое преступление, что и содеянное преступление. То есть Митя Карамазов, никого фактически не лишивший жизни, такой же точно преступник-убийца, как Раскольников, убивший двух и спровоцировавший смерть третьей – матери. И Раскольникову, и Мите Карамазову, по мнению Достоевского, для очищения и возрождения необходимо принять страдание, причем Митя принимает более тяжкое страдание – «несправедливое» обвинение в не совершенном им тяжком, зверском преступлении. Но несправедливый приговор суда признается справедливым самим осужденным, и этого достаточно Достоевскому, идущему вслед за Евангелием, согласно которому раскаяние есть необходимое условие воскрешения.

Раскаяние Мити оказалось возможным потому, что голос совести, т.е. Бога, по Достоевскому, звучал в нем всегда; в самой пучине разврата он спасался от внутреннего омертвения верой в Бога: «Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облакался Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и Твой сын, Господи, и люблю тебя и ощущаю радость, без которой миру нельзя стоять и быть» [3, XIV, с. 99]. Этот пример, как, впрочем, и все творчество Достоевского, отразившее его дихотомичное мировосприятие, вновь являет собой развернутую антитезу, антонимичные составляющие которой («проклят», «низок», «подл», «иду... за чертом» - «целую край... ризы», «твой сын, Господи, и люблю тебя») призваны отразить двойственную природу Дмитрия Карамазова. Двойственная, противоречивая природа людей, их положение между двумя полюсами, между Богом и Дьяволом, осознается Дмитрием Федоровичем, понимает он и всю

глубину своего внутреннего раздвоения, и самым страшным и таинственным оказывается для Мити красота: «Красота – это страшная и ужасная вещь... Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Приведенная цитата стала известной всему миру как лейтмотив всего творчества Достоевского, нашедший максимальное выражение в финальном его романе.

Митя Карамазов идет на каторгу с ощущением необходимости пострадать вообще, за грехи не только и не столько свои, сколько за самую греховную природу человека. Тем самым он также включается в духовную иерархию и по чину страдальца обретает в ней новую, настоящую жизнь. Таким образом, гениальный писатель гениальным же усилием приблизил своих героев к новой духовной иерархии, но оставил на пороге этой жизни. Можно сказать, что в незавершенности романа «Братья Карамазовы» проглядывает некая предопределенность, если не преднамеренность.

Список литературы

1. Ветловская В. Е. Достоевский и поэтический мир Древней Руси (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых») // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. – Л., 1974. – Т. 28.
2. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Материалы, библиография и комментарии. – М.: Прогресс, 1922.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Л.: Наука, 1972-1990.
4. Евангелие от Матфея / с предисл. и подробными объяснительными примечаниями епископа Михаила. – Мн.: Харвест, 2000.
5. Иустин (Попович), преподобный. Достоевский о Европе и славянстве. – СПб.: Изд-во Сретенского монастыря Патриаршего издательско-полиграфического центра (г. Сергиев Посад), 2002.
6. Книга пророка Ионы в русском переводе / пер. епископа Агафангела. – Вятка, 1860.
7. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984.
8. Щенников Г. К. Целостность Достоевского. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001.

Воплощение национально-культурного архетипа самозванца в творчестве М. А. Булгакова 1920-х годов

В статье анализируется национально-культурный архетип самозванца в творчестве М.А. Булгакова 1920-х годов. Автор исследует «московские» повести писателя и его пьесу «Зойкина квартира» в историко-культурном и литературном контексте эпохи.

The article is devoted to the national cultural archetype of impostor and its personification in M.A. Bulgakov's creative work of 1920 years. The author analyses the «Moscow» stories of the writer and in his play «The Zoyka's flat» in historical and cultural, literary context of epoch.

Ключевые слова: Булгаков, архетип, мифопоэтика, самозванство.

Key words: Bulgakov, archetype, mythopoetic aspect, imposture.

«Демонической» казалась М.А. Булгакову современная действительность, сводившая человека с ума своей жестокостью и лживостью, порождавшая разного рода самозванство и приспособленчество. В повести «Дьяволиада» (1924) средствами философской сатиры писатель очень точно передал атмосферу тотального безумия настоящего, процесс подмены всего подлинного мнимым. Мнимость (как реализация антитезы истинный/ложный) является лейтмотивом произведения, а самозванство выступает в нем сюжетообразующим приемом: персонажи повести по роковой случайности всегда оказываются «на месте» и «вместо» друг друга («За т. Субботникова – Сенат», «За т. Иванова – Смирнов» [1, II, с. 8]; «За т. Богоявленского – Преображенский. И я полагаю. – Кшесинский» [1, II, с. 9]) и в этой дьявольской «рокировке» всегда теряют собственную сущность.

Так, главный герой «Дьяволиады» Варфоломей Петрович Коротков, уволенный со службы в Главцентрбазспимате, желая разобраться с начальником Кальсонером, направляется за ним в Центрснаб. В трамвае становится жертвой карманного вора, укравшего у него документы, и принимается «люстриновым старичком» за Василия Павловича Колобкова – того самого «молодого человека с усиками», который и есть настоящий вор: «он в нашем районе специально работает» [1, II, с. 21]. Однако все усилия делопроизводителя доказать свою личность в условиях «бюрократиады» («Я –

Коротков, – нетерпеливо крикнул Коротков. – Я и говорю: Колобков, - обиделся старичок...» [1, II, с. 20]) терпят заведомое поражение. Человек, изначально обреченный на экзистенциальное непонимание, в советской реальности, нивелирующей сознание, перестает быть настоящим человеком и приобретает свойства «механизма», «автомата» [9, с. 15]. Все его попытки преодолеть фатальную деперсонализацию, заявить о своей «самости» воспринимаются другими как дерзкое самозванство, с которым вынужден бороться булгаковский персонаж, бросая вызов поистине нечистой силе. «Серый человек», останавливая бегущего по улице Короткова, просит предъявить удостоверение:

«Украли у меня его только что, - застонал Коротков <...>

- Удостоверение дай, что украли.

- От кого?

- От домового» [1, II, с. 21].

Паронимическая игра слов «домком» – «домовой» сообщает всему эпизоду инфернальный колорит.

«Дьявольский фокус» с путаницей в Спимате (где происходит «раздвоение» Кальсонера на «бритого» и «с длинной ассирийско-гофрированной бородой» [1, II, с. 18]; куда на место Короткова переведен Колобков, «а на место Кальсонера – Чекушин» [1, II, с. 20]) приводит к помешательству несчастного чиновника, вызывая ассоциацию с гоголевской повестью «Записки сумасшедшего». Только в отличие от Короткова, мнимого самозванца, ее главный герой, титулярный советник Поприщин, так же все путающий, «что сам сатана не разберет» [2, с. 148], – самозванец «натуральный», объявляющий себя «испанским королем» Фердинандом VIII [2, с. 160]. «Большой дом», в который он попадает («Эка машина! Какого в нем народу не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи чиновников – как собак, один на другом сидит» [2, с. 150]), обращается для него «сумасшедшим домом» [2, с. 160], как для Короткова – «серое здание Центрснаба», где все его принимают за кого-то другого: машинистка в бюро претензий – за своего возлюбленного («Из-за вас я не спала всю ночь и решила. Будь по-вашему. Я отдамся вам» [1, II, с. 32]), Ян Собесский – за журналиста («Чем же вы порадуете нас новеньким?» [1, II, с. 29]). В свою очередь и Ян Собесский предстает самозванцем поневоле: не желая ассоциироваться с польским полководцем и королем Яном Собеским (1629-1696) («Представьте, многие изумляются <...> но вы не подумайте, товарищ, что я имею что-либо общее с этим бандитом»),

он «подал заявление об утверждении» своей «новой фамилии – Соцвосский. Это гораздо красивее и не так опасно» [1, II, с. 28].

Реальную угрозу своей человеческой самости очень хорошо почувствовал и Коротков. Видя, как окружающие люди, будто сговорившись, отказываются признать в нем его истинное лицо («я, товарищ, здешний делопроизводитель...» – «извиняюсь... здешний делопроизводитель – я» [1, II, с. 24]), несчастный чиновник приходит в отчаяние («истерика овладела» им [1, II, с. 33]) и перестает понимать, кто же он на самом деле. Психологически точно писатель передает процесс распада личности, закономерно приводящий к гибели персонажа, бросающегося вниз с крыши одиннадцатизэтажного здания.

В безысходной атмосфере советской «дьяволиады», утвердившейся в послереволюционной России, Булгаков «поднимает вопрос» о существовании «маленького человека» [9, с. 9], который «в ситуации “безвременья”» находится на грани жизни и смерти: утрачивая свое подлинное лицо и приспособляясь к изменяющимся обстоятельствам, он вынужден играть разные роли и примерять самые неожиданные маски. Так в литературе 1920-х годов появляется особый тип героя-авантюриста, непревзойденным образцом которого оказывается Остап Бендер в романе И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев». «Великий комбинатор», обладавший необыкновенной «живостью характера», «отшлифовывал в мыслях» и виртуозно воплощал в реальность «возможные варианты своей карьеры» [4, с. 25], расширяя до бесконечности свое личностное пространство, делая его проницаемым и относительным.

Отсюда нравственный релятивизм, отличающий всех без исключения персонажей «плутовской» литературы эпохи нэпа, выступающий их идеологией и жизненной философией, которую исповедует и герой булгаковской пьесы «Зойкина квартира» (1926) Александр Аметистов. «Враль, болтун, гениальный пройдоха, самый бессовестный перевертыш и приспособленец» [8, с. 246], он, по сути, является настоящим самозванцем и потому, что выдает себя за другого человека: имея «полный карман» документов, Аметистов умело пользуется самым «нужным» из них: «весь вопрос в том, какой из этих документов, так сказать, свежей. <...> Чемоданов Карл... Сигурадзе Антон...» [1, III, с. 95-96]; «По сцене – Василий Иванович Путинковский, а в жизни Александр Тарасович Аметистов» [1, III, с. 97]. Сама Зоя Пельц теряется в таком обилии имен, приводя в отчаяние «кузена»: «Прошел ничтожный срок, и вы забыли даже мое имя! Мне это горько. Ай-яй-яй» [1, III, с. 92]. Аметистов сочиняет ис-

торию «загадочной судьбы»: «В Чернигове я подотделом искусств заведовал»; «эвакуировался к белым в Ростов»; «у белых получил на эвакуацию и к красным. Поступил заведующим агитационной группой»; «я к белым в Крым. Там я просто администратором служил в одном ресторанчике в Севастополе»; «актером был во Владикавказе. Старшим музыкантом в областной милиции в Новочеркасске. Оттуда я в Воронеж подался, отделом снабжения заведовал»; «решил я тогда по партийной линии двинуться» [1, III, с. 94]. «Тут целый роман» [1, III, с. 97], и потому Аметистов разыгрывает комедию, принимая участие в заведомо сомнительном проекте Зойки по созданию пошивочной мастерской: «Лучшего администратора на эту должность вам не найти» [1, III, с. 91].

Уже в этом авантюрном предприятии проявилось особого рода самозванство: в «роли» самозванца выступила сама Зойкина квартира, в которой под вывеской модного ателье скрывался «веселый дом». Нередкая в творчестве Булгакова сюжетно-композиционная коллизия «роковой» подмены диаметрально противоположных сущностей (истинного ложным, внутреннего внешним, позитивного негативным и т.д.) в «Зойкиной квартире» получает ярко выраженный сатирический эффект, усиленный за счет символизации художественной детали. Такой семантически емкой деталью, на которую в ремарках пьесы автор постоянно обращает внимание, становится висящий днем «на стене портрет Карла Маркса» [1, III, с. 99], заменяемый ночью на «картину обнаженной женщины» [1, III, с. 111].

Кажущаяся на первый взгляд абсурдной оппозиция «вождя» и «нимфы» (с весьма спорной и неоднозначной в ней маркировкой «самозванца») имеет вполне определенные историко-культурные и литературные основания. В самом начале 1920-х годов В.В. Маяковский, у которого, по замечанию Л.М. Яновской, с М.А. Булгаковым никогда не ослабевали «нити притяжения», и при всем «противостоянии» их отличало творческое, «если можно так выразиться, *рядомстояние*» [13, с. 145], в стихотворении «О дряни» отметил непрменный атрибут официального советского быта: «На стенке Маркс. / Рамочка ала» [6, с. 145], – противоречащий реальному мироощущению обывателя [Курсив Л.М. Яновской. – И.У.]. Поэт с негодованием обрушился на новых мещан, ведущих цинически-двойную жизнь: внешне идейно-прогрессивную, а на самом деле – фальшиво-аморальную, вызывающую неподдельный гнев у вождя: «Маркс со стенки смотрел, смотрел... / И вдруг / разинул рот, / да

как заорет: / «Опутали революцию обывательщины нити...» [6, с. 145]. Весь коммунистический антураж и в сатире Маяковского, и в комедии Булгакова является всего лишь маской, а «клик» Маркса – личиной, под которой проступает «мурло мещанина» [6, с. 144], профанирующего революционные идеалы и оказывающегося по существу не гражданином Советской республики, а недостойным ее самозванцем.

В «Зойкиной квартире» писатель, разоблачая обывательски-нэпманское гнездо порока, из которого далеко за пределы Садовой распространялась нравственная зараза, представил несколько характерных для эпохи 1920-х годов типов самозванцев. Среди них особое место занимают псевдопролетарии, подобные китайцам Херувиму и Газолину, торговавшим опиумом под прикрытием прачечной, или мамаше Манюшки, которая, по словам псевдоплемянницы Зои Денисовны, была «чернорабочая», а фактически – буржуйка («Они в Тамбове на базаре ларек имеют» [1, III, с. 128]), а также псевдопартийцы. К числу последних относятся красный директор «треста тугоплавких металлов» Гусь-Ремонтный – бюрократ, весьма напоминающий героя стихотворения Маяковского «Прозаседавшиеся» («Гусь. <...> Утром заседание, в полдень заседание, днем – заседание, вечером заседание, а ночью... Зоя. Тоже заседание» [1, III, с. 115]), и сам Аметистов, признавшийся «сочувствующему» коммунистическим идеям Аллилуе в том, что состоял в партии, но вышел из нее из-за «фракционных трений» («Не согласен со многим»), о чем «прямо в глаза» заявил Михаилу Ивановичу Калинин: «Я старый боевик, мне нечего терять, кроме цепей» [1, III, с. 98]. Талантливый импровизатор и беспринципный конформист Аметистов не только бравирует своей причастностью к «железной когорте» [1, III, с. 94], но и, мастерски пользуясь арсеналом большевистской пропаганды, намеренно дискредитирует саму революционную идеологию, превратившуюся в период нэпа в объект постоянных спекуляций: распространяет «портреты вождей», продавая их «по двугривенному»: «Товарищ, купите вождя!» [1, III, с. 93–94]; требует от нанимающейся швеи «партийную рекомендацию»: «Мы и не берем никого без партийной рекомендации» [1, III, с. 102]; даже аккомпанирует на гитаре Лизаньке, поющей «агитационные» куплеты: «Отчего да почему да по какому случаю / Коммуниста я люблю, а беспартийных мучаю!» [1, III, с. 130]. Об этом еще в пору журналистской деятельности Булгаков, стоявший, по его ироничному признанию, «на

передовых позициях», писал в сатирических очерках, приводя многочисленные примеры мнимой коммунистической лояльности со стороны бывших граждан, по-своему приспособляющихся к новой власти. В «Московских сценах» (1923) писатель отмечал поразительное умение «бывшего присяжного поверенного» чувствовать политическую конъюнктуру: в своей просторной квартире, которую ему удалось «защитить» от уплотнения, он повесил «четыре портрета»: «Луначарского <...> пристроил в гостиной на самом видном месте», «в столовой <...> портрет Маркса», «в комнате кузена над великолепным зеркальным желтым шкафом кнопками прикрепил Л. Троцкого», а для «комнаты кухни» приготовил Карла Либкнехта [1, II, с. 291]. Выдавая себя за «идейного» человека, бывший поверенный играет роль «коммуниста в душе» [1, II, с. 293], «ненавидящего его [Маркса. – И.У.] всей душой» [1, II, с. 289]. Впрочем, самому Марксу, «сидевшему неподвижно и безмолвно», не было решительно никакого дела до хозяина квартиры: «Выражение лица у него было такое, как будто он хотел сказать: - Это меня не касается!» [1, II, с. 295].

Псевдокоммунист из числа бывших – типичный самозванец революционной эпохи, оказавшейся весьма благоприятной для самозванства всех мастей и оттенков.

В «Зойкиной квартире» «бывший граф» [1, III, с. 88] Обольянинов, как никто другой пострадавший от политики большевиков по преодолению/преображению «бывшего» «нынешним», сумел очень точно определить абсурдную закономерность, лежащую в основе советского бытия: бывшее в нем выступает «самозванцем» по отношению к нынешнему, а нынешнее – «самозванцем» по отношению к истине. Красноречивым примером, поясняющим эту абстрактную формулу, становится наблюдение самого Обольянинова над одним «жизненным» фактом: «Сегодня демонстрируется бывшая курица» <...> «Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?» – «Она таперича пятах» – «У меня все перевернулось в голове, клянусь вам» [1, III, с. 89]. Эта сумасшедшая противостоительная «логика» в сознании героя обернулась «дурной бесконечностью»: «мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!» [1, III, с. 89].

Кошмарной представлялась Булгакову сама революционная действительность, искажающая привычный миропорядок с его «предустановленной гармонией», порождающая невиданных монст-

ров – интеллектуальных химер и апокалиптических гадов, грозящих человеку (и человечеству) духовным разложением и физической гибелью. «Чудовищная история» [1, II, с. 119], разворачивающаяся в стране и обусловленная «бесчисленными уродствами нашего быта» [1, V, с. 446], наглядно демонстрирует процесс нравственной дезинтеграции личности в безликой массе, тщательно фиксируемый писателем, ведущим «*historia morbi*» (историю болезни) современного ему общества.

Этот распад личности, выступая типичной сюжетной коллизией «московских повестей» и фельетонов Булгакова 1920-х годов, является следствием утраты индивидом своей идентичности, результатом предпринятого большевиками социального эксперимента по «пересозданию» человеческой природы, целенаправленно и последовательно подменяемой суррогатом. Самозванство, вытесняя истинную сущность человека за пределы его душевно-духовного поля, в советской реальности становится выражением безличности и фактически санкционируется государством, стирающим подлинное лицо и формирующим новую генерацию «преображенной» твари.

В повести «Собачье сердце» (1925) писатель осмыслил пагубную тенденцию современности, взявшей курс не столько на внешнее переустройство существующей политической системы, сколько на внутреннее изменение «человеческой породы» [1, II, с. 194], об «улучшении» которой на протяжении XIX века мечтала «прогрессивная» русская интеллигенция, абсолютизовавшая свое материалистическое мировоззрение и механически переносившая принципы евгеники с биологической в социальную плоскость. Булгаков одним из первых почувствовал нравственную уязвимость и потенциальную опасность такого «переноса», порождающего «антропологического самозванца» – не преобразенного, а искаженного человека, каким в произведении предстает Шариков – «продукт» креационистских опытов профессора Преображенского по пересадке человеческого гипофиза бродячей собаке.

Получившийся в результате операции («на символическом языке повести – революции» [5, с. 205]) псевдочеловек, сбросивший с себя оковы культуры/цивилизации и обнаживший свою низменную животную природу, свое узкоклассовое, точнее – примитивное доклассовое сознание (Преображенский прямо указывал, что Шариков стоит «на самой низшей ступени развития» [1, II, с. 184]), оказался конкретным воплощением утопических идей интеллигенции о «соз-

дании» нового поколения «народа» – авангарда истории. Автор «Собачьего сердца», по мнению М. Золотоносова, не только «опровергает “обожествление” народа, понимание его как носителя положительных целей и плодотворных программ поведения» [3, с. 167], но и выступает с критикой интеллигенции, возлагая на нее вину за сам политический эксперимент над страной и ее гражданами: «в 1925 году позиция Преображенского лишилась для Булгакова всякого обаяния, перестала быть образцом верного социального поведения» [3, с. 168].

Модель человека, практически осуществленная Преображенским, теоретически была готова к тиражированию и в случае массовой реализации представляла бы серьезную общественную угрозу. О ее потенциальной возможности сигнализирует имя, выбранное для себя «очеловечившимся» псом («Полиграф Полиграфович» [1, II, с. 171]), в семантике которого заключается идея многократного технического копирования «какого-либо изображения» (образа) [11, с. 288], носящего откровенно вторичный характер. В самом акте именования, по мнению П.А. Флоренского, обнаруживается скрытый «логос объекта», «субстанция вещи», тот «узел бытия», которым человек крепко связывается с миром и которым оправдывает свое существование, ибо «человек без имени не человек», а «имя есть сама мистическая личность человека, его трансцендентальный субъект»: «уже не имя – при человеке, но человек – при имени» [12, с. 23].

Булгаковский персонаж всем своим существом подтверждает правомерность этой идеи: он, по словам Преображенского, лишь на первый взгляд кажется «неожиданно появившимся существом» [1, II, с. 171], а на самом деле является результатом «материализации» деструктивной энергии революции, аккумулируемой большевиками и внедряемой в сознание «трудового элемента» через средства полиграфии – пресловутые «советские газеты», вызывающие расстройство пищеварения («Вы знаете», – замечал профессор Борменталю, – «я произвел тридцать наблюдений у себя в клинике. И что же вы думаете? Пациенты, не читающие газет, чувствовали превосходно. Те же, которых я специально заставлял читать “Правду”, теряли в весе!» [1, II, с. 142]), и пропагандистско-агитационную литературу, подобную «переписке Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским» [1, II, с. 183], оказывающую эффект политического

гипноза. Под его воздействием «новорожденный пролетарий» [7, с. 244] начинает «творить» самого себя: по «календарю из смотровой» он находит подходящее имя, вызывающее недоумение у Преображенского, отказывающегося признать не столько само это нелепое прозвище («не валяйте дурака» [1, II, с. 171]; «ваше имя показалось мне странным» [1, II, с. 172]), сколько человеческую ипостась своего «пациента», которого демиург-профессор воспринимает исключительно как мнимого человека.

Так Булгаков выразил свое принципиальное согласие с Флоренским, проиллюстрировав одно наблюдение, сделанное философом в статье «Общечеловеческие корни идеализма», наполнив его художественной конкретикой: «Когда интеллигент XX века хочет отметить мнимость какого-либо бытия, указать на его призрачность, он говорит, что это – “только имя”. И действительно, по *ходячим*, так называемым научным, воззрениям, имя лишь кличка, *flatus vocis* – “пустой звук, не более”» [Курсив Флоренского. – И.У.] [12, с. 23]. Преображенский таким «пустым звуком» считает имя «Полиграф Полиграфович», а процесс именованья бывшей дворовой собаки расценивает как самозванство.

Самозванцем (отнюдь не в фигуральном, а в прямом смысле слова) готов признать себя и Шариков («Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газете – и шабаш!» [1, II, с. 171]), тем более что «папаша» [1, II, с. 169] (как он называет профессора, даровавшего ему человеческий облик) сам не позаботился ни об имени для своего детища («ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются» [1, II, с. 169]), ни о документах, удостоверяющих его личность («как же так без документа? Это уж извиняюсь. Сами знаете, человеку без документа строго воспрещается существовать» [1, II, с. 170]). В пореволюционной России, в эпоху утверждения «советской идеомифологической системы» [10, с. 193], мистическая связь имени и человека, глубоко осмысленная русскими религиозными философами П.А. Флоренским, С.Н. Булгаковым, А.Ф. Лосевым и др., трансформировалась в вульгарно-пародийную оппозицию имя / документ и шире – в ее абсурдную разновидность – антитезу документ / человек, вылившуюся в романе «Мастер и Маргарита» в категорически-четкую формулу: «Нет документа, нет и человека» [1, V, с. 281].

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Худож. лит., 1989–1990.
2. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 3-4.
3. Золотоносов М. «Родись второрождением тайным...». Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени // Вопросы литературы. – 1989. – № 4. – С. 149-182.
4. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок. – М.: Худож. лит., 1986.
5. Ленчик Л. Интеллигент и пёс: повесть М. Булгакова «Собачье сердце» в контексте русской мысли // Изменяющаяся Россия – изменяющаяся литература: художественный опыт XX – начала XXI веков. Сб. научн. тр. – Саратов: Научн. книга, 2006. – С. 197-208.
6. Маяковский В. В. Сочинения: В 2 т. – М.: Правда, 1987. – Т. I.
7. Менглинова Л. Б. Апокалиптический миф в прозе М.А. Булгакова. – Томск: Изд-во Томского университета, 2007.
8. Петелин В. В. Жизнь Булгакова. Дописать раньше, чем умереть. – М.: Центрполиграф, 2000.
9. Плаксицкая Н. А. Сатирический модус человека и мира в творчестве М.А. Булгакова (на материале повестей 20-х годов и романа «Мастер и Маргарита»): Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Елец, 2004.
10. Скороспелова Е. Б. Еретики и ортодоксы. К проблеме противоборства и сосуществования двух художественных тенденций в русской прозе 1920-1950-х годов: Учебн. пособие. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004.
11. Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1985.
12. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2003.
13. Яновская Л. М. Записки о Михаиле Булгакове. – М.: Текст, 2007.

**И. М. Куликова,
В. В. Артамонова**

История и современность в изображении этноса в региональной литературе

В данной статье анализируются особенности изображения истории этноса в современной региональной литературе на материале романов «Сердце Пармы» А. Иванова и «Богоматерь в кровавых снегах» Е. Айпина.

There is a view of features of description ethnos history in novels of modern regional writers in this article in novels «Serdtse Parmy» by A. Ivanov and «Bogomater' v krovavyh snegah» by E. Ajpin.

Ключевые слова: региональная литература, этнос, историзм, современные аллюзии, взаимопроникновение культур, христианские концепты.

Key words: regional literature, ethnos, historicism, modern hints, interosculation of cultures, Christian concepts.

Региональная этническая литература последнего десятилетия стремится к осмыслению ментальных основ народа, населяющего ту или иную территорию, его исторических судеб. Так, Алексей Иванов, пермский автор, чей роман «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор» (2003) создает легендарный средневековый образ Центрального Урала и Прикамья, и хантыйский писатель Еремей Айпин, написавший свой роман «Богоматерь в кровавых снегах» (2002) на основе реальных фактов, избрали одну тему: взаимоотношения народов, издавна сосуществующих бок о бок на северных землях России – русских, остяков, вогулов, современных хантов и манси. В обоих произведениях авторов интересует конфликт национальных окраин и центра, хотя события в романах разделены веками. Уральский автор воспроизводит перипетии XV века – присоединение княжества Пермского и земель финно-угорских племен к Московской Руси, а Е. Айпин обращается к изображению восстания хантов против советской власти в 30-е годы XX века и его жестокому подавлению.

«Многоязычная древность, героическая история, природа, явленная в своей первородной мощи, – <...> содержание романа Иванова, несомненно, есть предмет изображения и материал строительства эпоса», – подчеркивает Г. Ребель [7]. А исследователь Н. Энгвер, в свою очередь, отмечает эпическую природу рома-

на Е. Айпина: «Книга Еремея Айпина «Божья Мать в кровавых снегах» поражает великолепием <...> странностей. <...> Неодолимость мифа ведёт борьбу с неодолимостью реальности, которая вне мифа не имеет смысла» [8]. Обе книги отличает стремление к художественному осмыслению духовного и материального мира этноса. Лучшие страницы романа «Богоматерь в кровавых снегах» отведены истории Югорской земли: изображению национального характера хантов и манси, их естественной человечности, сострадания, миролюбия; этническим обрядам и обычаям, приметам и верованиям; особенностям миропонимания, где своеобразно соединились христианство и язычество. Е. Айпин поэтизирует материальную культуру этноса в описаниях причудливой раскраски одежды и обуви, своеобразия орнамента и его символики («заячьи ушки», «ветка березы», «спинка соболя на две стороны»). Роман А. Иванова «Сердце Пармы» демонстрирует тот же подход. Исследователи отмечают особую любовь автора к уральским рекам – Каме, Сылве, Чусовой, Вишере: они мифологизированы автором, наделены неповторимым характером, обликом, судьбой. Глава «Талая Вода» рассказывает о путешествии княжича Матвея по уральской земле. Для читателя же она оказывается «захватывающей экскурсией по природному отчужденному дому в его реально зримом и историко-мифологическом ракурсах» [7]. Современные региональные авторы, несомненно, возвращаются к традиции «деревенской прозы» 70-х гг. XX века, которую в свое время упрекали в идеализации народной жизни. На деле это было стремление сохранить историю и культуру этноса в эпоху бурного научно-технического прогресса (вспомним В. Белова и его книгу «Лад: Очерки о народной эстетике»). В произведениях А. Иванова и Е. Айпина этот пафос усиливается, появляется тяга к определенной «музеефикации» былого с целью увековечить уникальность каждого исчезающего исторического «экспоната», будь то первозданный природный пейзаж или выходящие из обихода материальная вещь и слово. Так, национально-самобытный окрас имеют у А. Иванова образы и метафоры картин природы («...Лето, оказывается, уже проскользнуло мимо, как *девичья лента* по речному перекату»); душевного состояния героев («Вольга согнул свою душу, как *лук*, и сцепил её *тетивой* воли») [Курсив здесь и далее в цитатах наш. - И.К., В.А.] [2, с. 245, 381]. Историко-этнографические комментарии создают органичный образ пермского средневековья. Этнонациональный колорит произведениям Е. Айпина придают включенные в ткань текста этнонимы (*Сидящая* – Земля, *Ногастый* (зверь) – созвездие Большой Медве-

дицы); сравнения и метафоры, характеризующие мифологичность мировосприятия остяков («огненный камень сразил первого пристяжного быка» – это о бомбе, «железная птица клюнула» (аэроплан)); «сердце клюет голод», «голова побелела, как перо халея»; «бесстрашны, как медведи»). Автор активно использует лексику и стиль народных сказок и легенд: сложносоставные определения («костляво-тощий», «древние-задревние»), приложения («реки-земли», «деревья-травы», «святимища-капища») [1, с. 94, 115 и др.].

Однако «музеефикация» этнической культуры не имеет самодовлеющего значения для обоих писателей. В произведениях А. Иванова и Е. Айпина прослеживаются современные интенции и смыслы. Так, сближает русского и хантыйского писателей демонстрируемая на протяжении повествования идея равновеликости региона «центру», «атрибутирование его национально-культурного пространства как значимого для России и даже для всего человечества» [5]. Любопытно, на наш взгляд, объяснение критиком И. Кукулиным причин возникновения «нового историзма» региональной литературы. И. Кукулин приводит высказывание социолога А. Левинсона, проанализировавшего результаты опроса общественного мнения о значимости «перестроечных» событий в сибирском городе: «...Распространенное в начале и середине 1990-х мнение о том, что это было десятилетие исторического прорыва, изменившего к лучшему судьбы чуть ли не половины человечества, исчезло из обихода. Выдвинута прямо противоположная оценка тех же событий как катастрофы XX века, как годов сплошного кризиса и сплошных неудач, неприятностей и несчастий, охвативших всех» [6, с. 503]. В противовес этому убеждению происходит активное становление регионального сознания, возвращение памяти об истории того или иного края, реализуется возможность соединить краеведение с развитыми формами историко-культурной рефлексии.

Эти сдвиги в региональном общественном сознании в той или иной мере отражены в обеих книгах. И А. Иванов, и Е. Айпин апеллируют к постсоветской государственности и стремятся художественными средствами обозначить такую модель нового общественного устройства, которая учитывала бы наличие множества национально-культурных прав равноправных этносов России XXI века. Проблема восприятия «своего» и «чужого» миров является одной из центральных в художественном мире обоих романов. А. Иванов, который начал писать «Сердце Пармы» в самом конце 1990-х, подчинил жанр легендарного романа актуальным задачам: его книги представляют описываемые исторические события «как

метафору современности, осуществляя тем самым «очную ставку» эпох, позволяющую увидеть их сходство и несходство» [5]. А. Иванов, пожалуй, первый русский писатель, постоянно помнящий, что российская цивилизация основана на обско-угорском и восточно-финском субстрате, считает критик С. Кузнецов, но книга А. Иванова, написанная с точки зрения «постколонизатора», «заставляет вспомнить о методах, которыми создается любая империя» [3]. Читателю нужно принимать как данность равновеликость нравственно-философских точек зрения представителей разных народов в споре о смысле и цели русского продвижения на восток и север.

Когда посланец великого московского князя пытается восстановить Михаила против пермских татар, он натывается на категоричный отпор. У пермского князя своя правда: «...Исур мне друг преданный. Я на Исуре не пойду. И если кто против него встанет, с тем сам вместе с ним биться буду» [2, с. 109]. Языческая Парма для Михаила – родная земля, которую московский правитель принуждает его завоевать и «охристианить» ценой ссоры с соседями-вогулами. Михаил близок по взглядам Верховному шаману вогулов, для которого Парма «была словно бы мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьется вместе с высоким ходом судеб» [2, с. 174]. Шаман готов смириться с вторжением в пармский мир христианского бога, потому что считает, что есть нечто большее, это «изначальный порядок вещей», который вбирает в себя все ориентиры и верования. На этом фоне кощунственным выглядит желание христианского епископа Ионы истребить этот естественный «изначальный порядок», воплощенный, по его мнению, в Прокудливой березе, под которой соединились судьбы русича-христианина Михаила и язычницы-вогулки Тиче. Своя правда и у московского царя. Вот слова Ивана III: «... Во всем мире мы теперь главная твердыня праведной веры. И потому Русь должна быть великой державой. Хочу я из единой Руси такую глыбу сделать, чтобы по всем нашим землям от Смоленска до Чердыни не было чердынцев, тверяков, московитов, не было чудинов, литвинов, русинов, — а все были русские!» [2, с. 242]. В результате присоединения Перми к Москве автономное развитие этой земли, основанное на живом общении разных этносов — противоборстве, любви, ненависти, — заменяется обезличенным развитием Российской империи. Вернувшись домой, Михаил советует племенным вождям принять православие: не потому, что эта религия более «правильна», чем их исконная, а потому что бессмысленно воевать против жестокой государственной силы. Проблемы, которые решают ле-

гендарные и исторические герои Алексея Иванова, – прежде всего национальные и религиозные проблемы – и сегодня чреватые конфликтами. Современные политические аллюзии писателя очевидны. В беседе с журналистами по поводу романа сам автор соглашается с тем, что ему не обойти было вниманием вечные русские архетипы государственности и власти [5].

Социально-критический пафос романа Е. Айпина также основан на убеждении, что давление государственной власти уничтожает живой круговорот национальной жизни. Как Алексей Иванов изображает мир, в котором живой процесс общей жизни этносов сменяется неподвижной «имперской» жизнью, лишенной пафоса индивидуального действия и поступка, так и Еремей Айпин убежден, что только укорененность в естественной жизни, следование обычаю позволило остякам выжить при утвердившемся большевистском «порядке». Тема романа «Богоматерь в кровавых снегах» – восстание хантов против большевиков в 1933-35 годах, известное по архивным документам как Казымское, – еще одно «белое пятно» в советской истории. Причиной восстания, как указано в Прологе романа, стала «невыносимость» установленных красными правил жизни. Поводом послужило осквернение языческой святыни. Остяки восстали, чтобы изгнать красных со своих земель и «жить свободно, то есть по своим обычаям и верованиям, со своими богами и богинями». В противовес стереотипному отношению к народам Крайнего Севера как умирающим этническим группам, писатель отстаивает идею ценностной значимости их бытия, выступает против навязывания им цивилизационных достижений. Остяки не могли быть счастливы на чужой лад, потому заслонились от цивилизации своей собственной культурой, созданной охотниками, рыбаками, шаманами-поэтами, первооткрывателями тундры, северных рек и лесов.

Н. Энгвар, рассуждая о романе, так определяет философскую идею произведения: «Человеческая зрелость народа определяется не технологическими преобразованиями, а переживанием им живой жизни – желаний и надежд, сожалений и радостей, забвений и прозрений» [8]. Важнейшей сюжетной линией романа является история Белого – христианина, которого остяк спас от смерти и приютил в своем чуме. Обычай остяков, в основе которого лежит уважение к человеку, открыт для всего мира, он заставляет хозяина быть гуманистом в высшем смысле, признать своим того, кто на него не похож. Состояния этноса после противоборства «центра» и «окраины» оба писателя изображают как «невозможные для его осмысленного движения и эволюции» [5]. Резко публицистичен финал «Богомате-

ри в кровавых снегах», в котором Е. Айпин показывает последствия большевистского господства: опустошение земель, спаивание местного северного населения, разграбление нефтяных недр и др. Не верит в «централизованное» будущее и пермский князь, потому что оно не воспринимается им как собственное насущное дело. Князь Михаил в «Сердце Пармы» и Белый, делящий с остяками тяготы их существования в романе Е. Айпина, являются «медиаторами», которые транслируют авторские оценки происходящего, считает критик Б. Кузьминский: «...крупные индивидуальности, которым до того ... тесно среди окружающего..., что у них есть лишь два пути: гордо воспарить над повседневностью или гордо умереть» [4]. Так, Белый представлен писателем как своего рода «культурный герой» народного эпоса. Храбрый воин, удачливый придворный, знаток древних летописей, живописец, архитектор, пророк – он «исчезает» в пространстве, преодолевая просторы Севера и перебираясь в Европу. В романе А. Иванова князь Михаил гибнет, растворяясь в пармской природе: «...на губах его было молчание, а в глазах — прозрачная тьма, потому что, убитый, он уже лежал вниз головой на заросшем откосе рва под Спасской башней. И он уже не был князем, не был человеком, а был только корнями отцветающих трав, только палой листвой, только светящимся песком» [2, с. 397].

Немаловажной проблемой произведений А. Иванова и Е. Айпина является переплетение исторического бытия этноса с православной духовностью. Центром онтологической картины мира в этнонациональной прозе А. Иванова и Е. Айпина становятся сакральные, «женские», концепты: «жизнь», «природа», «мать», «духовность» – в противовес историческому, «мужскому», концепту «государство». Появление в современной этнонациональной литературе христианских концептов – явление принципиальное, свидетельствующее о реальном взаимопроникновении культур, признании сложности и многогранности мира. Образ остяцкой Матери Детей у Е. Айпина в контексте заглавия романа приобретает всечеловеческий масштаб: икона *Salus Populi Romani*, носящая название Богородица в снегах, является покровительницей Вечного Города. Смысл его – в силе любви, в подвиге спасения и защиты всех обездоленных и скорбящих. В изображении столкновения Главаря красных и Матери Детей автор не жалеет экспрессивных красок. Приготовившись умереть, Мать Детей увидела, как посылает Главарь красных хулу на православную икону в углу чума, а потом стреляет в неё и убегает. Казанская Божья Мать, висящая в ос-

тяцком чуме, спасает главную героиню от смерти. Икона Богоматери – нечто чужеродное и постороннее для остячки, приняла пулю революционного фанатика и тем самым спасла язычницу и ее сына. Символика этой сцены состоит в утверждении возможности соединения «своего» и «чужого», установлении единого для всех нравственного, духовного порядка. Матери детей чудится собственная фигура, заколдованная и заговоренная от красных пуль и смерти, как Божья Матерь. Переплетением мотивов и образов автор романа решает для своего этноса вопрос о вере: защитница небесная равновелика для всех и помогает всему человечеству, будь то язычник, католик или православный, точно так же, как «боги и богини» остяков.

В романе А. Иванова мы обнаруживаем сходный «богородичный» мотив. Идея взаимопроникаемости мира находит отражение в образе языческой Золотой Бабы, из-за которой в романе разворачиваются жестокие конфликты. «...Не Баба это никакая, а Богородица. Потому её язычники и прячут. Она ведь у крещёных быть должна», – такие сведения почерпнул княжич Матвей из рассказов епископа Филофея, затеявшего охоту на языческое сокровище [2, с. 525]. Калина, воспитатель молодого наследника князя Михаила, рассказывает свою историю, отличную от версии корыстолюбивого церковника. Золотая Баба, действительно, Богородица, слепленная из небесного града, который бог напустил на землю, в нее уверовала и крестилась половина язычников в дальних странах, а другая половина в родную Парму вернулась и Богородицу из золота с собой унесла. Параллель Золотая Баба – Богородица проходит через весь роман как знак изначальной общности всех народов и верований и как трагический символ враждебности распавшихся осколков этой общности, отмечает Г. Ребель [7]. Сквозь трагические эпизоды древней и новой истории проступает мысль о ценности общей жизни, основанной на силе любви и радости бытия.

В заключение можно сделать вывод об определенной общности мировосприятия современной этнической региональной прозы. Она сказывается в схожем пафосе изображения «центра» и «окраин», негативных последствий «имперской» и «колониаторской» политики, в художественном развитии идеи свободного коллективного и личностного бытия равноправных этносов. Трансформация христианских мотивов отражает ориентацию российских этносов на совместное существование в рамках ценностной системы, восполненной духовно-культурными достижениями каждого народа.

Список литературы

1. Айпин Е. Богоматерь в кровавых снегах. – Екатеринбург, 2002.
2. Иванов А. Сердце Пармы. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
3. Кузнецов С. Кровь империи и печень врага // Русский журнал. – Москва. – 2003. – 8 мая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.russ.ru
4. Кузьминский Б. Гордый VIP соленое ухо // Сайт «Global Rus.ru». – 2005. – 28 сентября.
5. Кукулин И. Героизация выживания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arkada-ivanov.ru>
6. Левинсон А. 1990-е и 1990-й: социологические материалы // НЛО. – 2007. – № 83–84. – Т. II (№ 84). – С. 501–510.
7. Ребель Г.М. «Пермское колдовство», или роман о парме Алексея Иванова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arkada-ivanov.ru>
8. Энгвер Н. То, что под камнем // Сайт газеты «Литературная Россия». – Архив №13. – 19.04. – 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.litrossia.ru

Временная организация повествования в романе У. С. Моэма «Узорный покров»

В статье рассматривается проблема реализации художественного времени в романе У.С. Моэма «Узорный покров» (1925). Временная организация романа «Узорный покров» представлена комплексной концепцией художественного времени. С точки зрения художественного времени и сюжетных линий героев можно говорить о взаимодействии двух временных пластов – линейного и циклического, главным из которых является время линейное.

The article deals with the problem of artistic time in the novel of W.S.Maugham «The Painted Veil» (1925). Temporal organization of the novel «The Painted Veil» presented complex conception of artistic time. From point of artistic time and with plot lines of heroes, it is possible to talk about co-operation of two temporal layers – line and cyclic, main from which is line time.

Ключевые слова: художественное время, сюжетная линия, временная организация, повествование, У. С. Моэм.

Key words: artistic time, plot line, temporal organization, narration, W.S.Maugham.

Одной из характеристик художественного мира литературного произведения является его временная организация. Категория времени имеет все большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве. Развитие представлений о времени – одно из важных достижений «новой» литературы. Время охватывает и подчиняет себе все более крупные участки в сознании людей. Историческое понимание действительности проникает во все формы и звенья художественного творчества. Но дело не только в историчности, но и в стремлении весь мир воспринимать через время и во времени. Сознание и ощущение движения, изменяемости мира в многообразных формах времени пронизывает собой всю литературу. Существует много работ, посвященных понятию времени в литературе. Этим вопросом занимались такие ученые, как М. М. Бахтин, В. Д. Днепров, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, В. В. Федоров, Р. О. Якобсон и многие другие.

Особый интерес представляет работа М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе», в которой автор вводит понятие «хронотопа». Хронотоп – это «существующая взаимосвязь времен-

ных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234]. Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [1, с. 234].

Д. С. Лихачев в работе, посвященной исследованию поэтики художественного времени в древнерусской литературе, пишет: «Литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения» [3, с. 85]. Д. С. Лихачев также подчеркивает, что художественное время имеет свои границы. Время имеет и физические характеристики: «может идти быстро или медленно, прерывисто или непрерывно, интенсивно наполняться событиями или течь лениво и оставаться «пустым, редко «населенным» событиями» [3, с. 83]. Время представляет собой сложный аспект анализа внутреннего мира литературного произведения, где важны не взгляды автора на время, а особенности и закономерности временного пространства. Время лишь косвенно связано с реальным временем писателя, который художественно трансформирует действительность. По мнению Д.С. Лихачева, «именно оно дает возможность творчества, создает необходимую художнику «маневренность», позволяет творить свой мир, отличный от мира другого произведения, другого писателя, другого литературного направления, стиля и т.д.» [3, с. 78].

Очевидно, что моделирование художественного времени связано с авторской концепцией: через художественное время выражается авторская эстетическая оценка действительности. Художественное время передает картины субъективных миров, и главное отличие художественного времени от реального, объективного, заключается в том, что это время человека. Поэтому художественное время выполняет и характерологическую функцию. Эту функцию можно смело назвать психологической, поскольку образы времени выражают душу, мысли, чувства героя, его мироощущение. Так, В. В. Федоров отмечает, что «художественное время – это важная характеристика художественного образа, обеспечившая целостное восприятие созданной автором в произведении "поэтической реальности"» [8, с. 125].

Анализ художественного времени романа «Узорный покров» («The Painted Veil», 1925) выявляет следующие его характеристики. Несомненно, это время многомерное, на что указывает наличие трех временных пластов – прошлого, настоящего и будущего. Кроме того, помимо общего художественного времени произведения можно выделить и индивидуальное время героев. Оно реализуется несколькими сюжетными линиями, события которых не укладываются в последовательный ряд. Сюжетные линии отдельных героев развиваются параллельно или пересекаются, образуя своеобразные композиционные узлы. Наличие нескольких временных линий позволяет создать определенную эмоциональную атмосферу произведения.

Многомерность художественного времени в произведении Моэма сосуществует с его обратимостью или разнонаправленностью. Эта характеристика обнаруживает себя уже на первых страницах романа, начальными строчками которого заявлено событие, задана так называемая «отправная точка» сюжета: «Она испуганно вскрикнула...» [6, с. 213] («She gave a startled cry») [11, с. 11] – Китти, находившаяся дома со своим любовником Чарли, вдруг обнаружила, что кто-то вошел в дом. Повествуя нам о поведении героев в этой ситуации, автор внезапно прерывает развитие действия и переворачивает временной вектор в противоположном направлении. Он раскрывает предысторию главных героев – Китти Гастин и Уолтера Фейна. Взгляд автора, а вместе с ним и читателя, переносится из настоящего (с события, которым начинается роман) в прошлое семьи Гастин. Другой вариант ретроспективного приема обратимости художественного времени романа связан уже не с «точкой зрения» автора, а с «точкой зрения» самих героев: обращение к прошлому происходит через их воспоминания.

Первые главы романа, с точки зрения временной организации, являются ретроспективой: здесь автор рассказывает о событиях, которые противоречат принципу последовательности и по логике упорядоченного развития сюжета являются не настоящим для героев временем, а фактом их прошлой жизни.

Нельзя не отметить в романе диалектику непрерывности/ дискретности художественного времени. Напомним, что образ художественного времени складывается из нескольких временных пластов (время биографическое, историческое, календарное, суточное...), каждый из которых по-своему организован – по принципам объективного или субъективного, перцептуального времени. Непрерывность художественного времени обусловлена существованием

такого его элемента, как время историческое (объективное). Время действия в романе охватывает всего несколько месяцев, автор дает нам факты, позволяющие установить историческое время – это время, когда восточные провинции находились под короной Британской империи, а это значит, что художественное время произведения тесно связано с временем историческим. Автор вплетает вымышленный сюжет в конкретную историческую эпоху.

Художественное время в основе своей – это комплекс индивидуальных времен отдельных героев (биографическое – сюжетное и субъективное – перцептуальное), следовательно, важным компонентом для определения художественного времени в романе является рассмотрение сюжетных линий героев. Так, сюжетная линия Китти Фейн вводится автором, как отмечалось выше, с первых страниц романа: «Она испуганно вскрикнула...» [6, с. 213] – это настоящее время героини. Далее автор, прерывая повествование «в настоящем», знакомит нас с предысторией Китти. Здесь автор рассказывает о ее жизни в родительском доме, о взаимоотношениях родителей, о сестре Доррис, о желании и причинах ее поспешного замужества. Все эти события двадцатипятилетней жизни героини занимают в тексте не более семи страниц. Прошлое героини, охватывающее 25 лет жизни, является типичным примером «сжатого» времени. Затем автор возвращает нас к указанному событию. Обращает на себя внимание чрезвычайная насыщенность событиями жизни героини. Автор не дает точного указания на то, сколько времени Китти проводит в Гонконге, но зато есть указание, что в Мэй-дань-фу Китти проводит всего несколько недель: «Всего несколько недель я здесь прожила, а кажется – целую жизнь» [6, с. 349]. («It's only a few weeks that I've been here and it seems a lifetime») [11, с. 201] – говорит Китти перед отъездом домой. Однако за столь короткое время успевает произойти цепь событий: приезд в Мэй-дань-фу, знакомство с Уолдингтоном и его женой, работа в приюте, общение с монахинями и приютскими девочками, беременность, смерть мужа, переосмысление жизненных принципов и жизни в целом. Таким образом, отчетливо видно, что время перенасыщено событиями как внешними, так и внутренними, психологическими. Автор особое внимание уделяет описанию переживаний героини. Мы можем увидеть весь спектр человеческих переживаний: это и ощущение уходящей любви, и ненависть, и беспокойство, и тревога, и боль потерь, и мысли о еще не родившемся ребенке и т.д. Все это явно указывает на повышенную интенсивность художественного времени в описании жизни героини. Этот факт «выдвигает» героиню

на первый план, незаметно делая ее главным персонажем произведения. И это закономерно. Для повествовательной манеры Мозма характерна одна особенность, которая отражает его позицию: «центральное лицо повествования не занимает центрального места» [7, с. 8]. Такая композиционная перестройка символизирует, по мысли Мозма, власть среды, силу обстоятельств, подавляющих и даже упраздняющих самостоятельное значение какой бы то ни было личности. Именно поэтому Китти «затмевает собой» главного героя романа – Уолтера Фейна. Художественное время Китти можно охарактеризовать как непрерывное. Жизнь героини насыщена событиями, она не обрывается на страницах романа, а наоборот, автор указывает нам не просто на ее продолжение, а, скорее всего, на благополучное продолжение: ведь Китти вернулась из Китая преобразенным человеком, над которым теперь властвует не сила традиций общества, а человеческое чувство.

Сюжетная линия Уолтера Фейна имеет прямо противоположные характеристики. О нем впервые упомянуто в разговоре его жены Китти с ее любовником Чарльзом Таунсендом. Именно с этого места в романе открывается его жизнь – это жизнь, построенная по определенной схеме и подчиненная установленным обществом и самим героем законам.

Из разговора Китти и Чарльза мы впервые узнаем о том, что Уолтер Фейн является ученым-бактериологом, который живет по расписанию и все свое время отдает работе: «Ручаюсь, что это не Уолтер. С какой стати ему было приходить домой в это время? Ведь он никогда не приходит среди дня?» [6, с. 215] («It's a hundred to one it wasn't Walter. Why on earth he comes back at this hour? He never does come home in the middle of the day, does he?») [11, с. 12]).

Затем, вместе с основной линией повествования, мы переносимся в прошлое героя, где и узнаем о нем и его жизни. И опять автор показывает нам героя через разговор, который ведется в семье Гастин:

«Понятия не имею, кто он. Это ты его пригласила? - Да, я с ним познакомилась у Бреддели. Он сказал, что встречался с тобой на балах. Я сказала, что по воскресеньям всегда рада гостям. - Фамилия его Фейн. Он служит где-то на Востоке» [6, с. 227]. («I haven't a motion. Did you ask him to come here?». «Yes, I met him at the Baddeleys. He said he'd seen you at various dances. I said I was always at home on Sundays». «His name is Fane and he's got some sort of job in the East») [11, с. 30]).

Таким образом, мы узнаем о том, что Уолтер Фейн имеет «медицинское образование, но он не практикующий врач, а бактериолог и служит в Гонконге». Это типичный пример «сжатого» времени, поскольку вся жизнь героя до встречи с Китти уместается в нескольких фразах других героев романа о нем.

Возвращаясь к времени реальному, мы видим, что жизнь Уолтера Фейна движется по замкнутому кругу. Его индивидуальное время замкнуто и однообразно, кроме того, оно характеризуется событийной псевдонаправленностью: единственное его занятие – это работа в лаборатории. Появление Китти в жизни героя лишь ненадолго выбивает его из привычного русла, но с возвращением в Гонконг все встает на круги своя. «Круговое» время героя вновь замыкается в стенах лаборатории или кабинета: «Уолтер уходил рано утром, позавтракать забежал только на полчаса, а потом возвращался только уже вечером, к обеду, так что Китти много бывала одна» [6, с. 275]. («Since Walter went out early in the morning, came back at tiffin only for half an hour, and did not then return till dinner was just ready, Kitty found herself much alone» [11, с. 96]).

Жизнь Уолтера не перегружена событиями. Его индивидуальное время – однообразное и закрытое: «Уолтер, как обычно, сидел у лампы и читал. Он читал каждый вечер, пока Китти не уходила спать, а потом шел в лабораторию, под которую приспособил одну из пустовавших комнат, и работал там до поздней ночи. Спал он очень мало. Был занят какими-то экспериментами» [6, с. 283]. («As usual Walter sat by the lamp and read. He read every evening till Kitty went to bed and then went into a laboratory which he had fitted up in one of the bungalow's empty rooms. Here he worked late into the night. He slept little. He was occupied with she knew not what experiments» [11, с. 127]).

Кроме того, перцептуальное время героя представлено как время, «стянутое в одну точку», временная константа. Это вариант «замершего времени», когда прошлое, настоящее, будущее заполнено одними и теми же событиями, повторяющимися во временных координатах романа. Все действия героя автор сопровождает словами с семантикой повтора «как обычно», «снова», «опять»: «Уолтер, как обычно, сидел у лампы и читал» [6, с. 297]. («As usual Walter sat by lamp and read» [11, с. 89]).

Таким образом, автор показывает нам жизнь замкнутую, смоделированную по определенному расписанию, с четкими временными границами. В рамках романа мы наблюдаем, как стремительно замыкается индивидуальное время героя, что влечет за собой некий

исход. Существование в замкнутом пространстве одновременно замедляет течение времени и усиливает действие. Действительно, ближе к финалу романа читатель ощущает, что жизнь Уолтера Фейна представляет собой замкнутый круг. Герой, женившись на Китти, все равно оказывается одинок, он не смог достичь счастья в семейной жизни, более того, он осознает, что жена не просто его не любит, но еще и изменяет ему, а их брак – всего лишь желание Китти покинуть родительский дом, дабы не остаться старой девой. Невозможность изменить ситуацию и определяет однообразие и пустоту его жизни. Ему не о ком заботиться, не для кого жить. Перед нами не жизнь, а существование героя, лишенное всякого смысла, лишенное какого бы то ни было нравственного или духовного развития. Поэтому и становится закономерным ощущение скорого исхода, конечной точки в жизни Уолтера Фейна, смерть его становится неизбежной.

Жизнь Уолтера Фейна с ее монотонным течением не может иметь продолжения. Именно поэтому герой осознанно отправляется в Китай, туда, где наблюдается самая сильная вспышка холеры за последние пятьдесят лет, тем самым пытаясь искусственно приблизить себя к смерти.

Художественное время Уолтера Фейна можно охарактеризовать как прерывистое, поскольку его сюжетная линия направлена к «точке смерти». За постепенной духовной смертью приходит и физическая. Время героя обрывается на страницах романа.

Итак, согласно сюжетным линиям главных героев романа «Узорный покров» с точки зрения их временной обусловленности следует, что сюжет романа строится в линейном измерении, и его развитие направлено по одному вектору, в одну точку. Так, художественное время главного героя романа Уолтера Фейна направлено к «точке смерти». С первых страниц романа у читателя возникает предчувствие его скорой гибели. Художественное время Китти Фейн также направлено к одной точке – точке преодоления себя, переосмысления жизненных принципов.

Каждая из линий по-своему построена и поэтому требует соответствующей организации. Так, время Китти Фейн – это время, насыщенное событиями, поэтому мы можем говорить о повышенной его интенсивности. Оно не зафиксировано в одной координате. У Уолтера Фейна – оно однообразное, замкнутое. Его существование закреплено в одной координате и протекает по определенным образом установленному порядку.

Индивидуальное время героев имеет и такую характеристику, как прерывность/непрерывность. Если художественное время Китти является непрерывным, оно не имеет своего конца в пределах романа, то художественное время Уолтера, напротив, конечно. Художественное время главного героя мы называли «круговым», замкнутым. Это время «само в себе», движущееся вокруг одной точки. Время Китти, хоть и движется вокруг одной точки, все же имеет свое продолжение.

Автор показывает своих героев в кризисные моменты их жизни. Характеры их раскрываются в острых драматических ситуациях, неожиданных поступках, передающих остроту душевных переживаний и потрясений, в выявлении которых и помогает художественное время.

Особое место в канве произведения занимает автор. Он не просто рассказывает читателю трагическую историю любви со строгой последовательностью событий. Автор то прерывает повествование, перенося читателя в прошлое героев, тем самым, убыстряя бег времени, то, напротив, дает великолепные описания восточных красот китайской провинции, что замедляет течение времени, настаивая читателя на философские размышления. При этом автор делит свой рассказ на множество маленьких глав, которые продолжают одна другую, что также позволяет экономить время читателя и способствует убыстрению общего художественного времени романа. Повествование от лица автора позволяет также установить, что грамматическое время в романе представлено конструкцией простого прошедшего времени, которое автор использует как при прямом повествовании, когда описывает действие героев, их чувства: «Она чуть заметно улыбнулась» [6, с. 13] («She gave him the shadow of a smile» [11, с. 13]), так и переносясь в их прошлое: «Красивая, к тому же не скучная...» [6, с. 30] («She was amusing as well as beautiful...» [11, с. 26]).

Кроме того, автор использует и точное указание временных промежутков: «Через три месяца после свадьбы» [6, с. 24] («Within three month of her marriage...» [11, с. 21]) или «В течение следующей недели...» [6, с. 36] («During the next week...» [11, с. 30]).

Итак, временная организация романа «Узорный покров» представлена комплексной концепцией художественного времени. С точки зрения художественного времени и сюжетных линий героев, можно говорить о взаимодействии двух временных пластов – линейного и циклического, главным из которых является время линейное, поскольку именно линейное время оформляет общую картину мира в романе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975. - С. 234-407.
2. Зеленина Т. Пространство и время как элементы образной системы произведения // Литература. – 1997. - № 26. - С.13.
3. Лихачев Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. - № 8. - С.76-89.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб., 1998. - С. 14-285.
5. Мозм У. С. Узорный покров. Избранные произведения: В 5 т. - М., 1985. - Т.1.
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. - 2-е изд. - М., 2001.
7. Урнов Д. М. Судьба обычного человека // Разрисованный занавес: книга для чтения на английском языке. – М.: Международные отношения, 1981.
8. Федоров В. В. О природе поэтической реальности. - М., 1984.
9. R. Cordell. Somerset Maugham. A biography and critical study. - Bloomington, 1961. - P. 140-145.
10. Claude McIver. Somerset Maugham: A study of technique and literary sources. - P. 30- 41.
11. Maugham W. S. The Painted Veil. - London, 1934.

Выбор видо-временной формы русского глагола в заданном контексте (на материале лингвистического эксперимента)*

В статье анализируются результаты эксперимента, в ходе которого информанты-носители русского языка (45 участников) указывали (одну или более чем одну) приемлемую с их точки зрения в предложенном контексте видо-временную форму глагола (ВВГФ). Эксперимент выявил возможность полной предсказуемости ВВГФ и вариабельности. Анализируются как крайние значения выбора, так и промежуточные случаи с точки зрения их обусловленности имеющимся контекстом и стратегиями взаимодействия граммем и контекста в русском языке.

This paper is based on an experiment in which course 45 native Russian informants were asked for indicate (one or more if possible) acceptable from their points of view in given contexts temporal-aspectual verbal form. The analysis of the informant's solutions brings to light two poles apart: the complete predictability of the verbal form and the high variability. The extreme terms of the choice and the intermediate are both analyzed from the viewpoint of their conditionality of the given context and interaction strategies of the (aspectual) grammemes and context in the Russian.

Ключевые слова: экспериментальное исследование, видо-временная глагольная форма, контекст, стратегия взаимодействия (аспектуальных) граммем и контекста.

Key words: experimental investigation, temporal-aspectual verbal form, context, interaction strategies of the (aspectual) grammemes and context

В ходе эксперимента проверялась следующая гипотеза: эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор видо-временной глагольной формы (далее – ВВГФ). Эксперимент по множественно-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ "Школа общего языкознания Ю.С. Маслова" НШ-3688.2010.6.

му выбору ВВГФ в заданном контексте проводился в письменной форме. Информантам было необходимо подчеркнуть в тексте глагольную форму из предложенных. При выборе более чем одной возможной формы (например, с несколько отличными друг от друга смыслами) нужно было пронумеровать их в порядке убывания приемлемости (1, 2 и т. д.). Если представлялись одинаково приемлемыми две формы, нужно было снабдить их одинаковыми номерами. Информантам предлагалось 40 фрагментов текста, содержащих левый и правый контекст (в двух фрагментах было по две лакуны, итого – 42 лакуны для заполнения). Тексты представляли собой переводы на русский язык испаноязычной беллетристики XX века. Предложенные претеритальные и презентные русские ВВГФ являлись, по крайней мере, квазивидовыми парами (т. е. функциональными видовыми парами; отступлением от «классических» видовых пар являлись введенные в качестве вариантов для выбора делимитативы, пердуративы и инцептивы. Приведем в качестве иллюстрации два фрагмента: «Это Инес нашла тетрадь и маленькую пулю, завернутую в кусок газетной бумаги. Она (**складывала, сложила, складывает**) серый пиджак, чтобы положить его в сундук, когда обнаружила под подкладкой какую-то твердую и гладкую поверхность <...>»; «Хосефино открыл рот, но ничего не сказал. Несколько секунд он (**моргал, поморгал, моргает**), со смущенной и апатичной улыбкой, кривившей все его лицо. Потом мягкими движениями начал потирать руки».

Переводной характер материала был мотивирован одной из задач более широкого компаративного исследования на материале испанского и русского языков; ранее эксперимент с теми же 40 фрагментами, но в их оригинальном виде, был проведен с носителями испанского языка для исследования специфики функционирования ВВГФ испанского глагола.

Информантами послужили 45 студентов-романистов 1 курса, являющихся носителями русского языка; вторая группа информантов – участники аспектологического семинара (6 человек), студенты и аспиранты-филологи разных курсов (материнским языком одного из участников является японский). В дальнейшем будут учитываться данные исключительно по первой группе (45 человек).

При анализе ответов информантов в первую очередь было обнаружено, что с достаточной четкостью выявляются два типа решения при выборе ВВГФ, которые условно обозначим как:

1. уверенный выбор (результаты в диапазоне от 83 до 100% относительно одной из ВВГФ), реализованный в 19 случаях из 41 (46%) - предсказуемость граммем(ы);

2. отсутствие явного предпочтения, оказанного одной из ВВГФ (результаты колеблются в диапазоне от 18 на 82% до 50 на 50% относительно двух ВВГФ), обнаруживаемое в оставшихся 22 контекстах (54%) – относительно равная возможность использования граммем в заданном контексте. Приводимые данные имеют отношение к противопоставлению НСВ и СВ в плане прошедшего, т.е. здесь не учитывается противопоставление презентной и претеритальной формы НСВ. Именно поэтому количество анализируемых случаев сократилось с 42 до 41 (в одном случае основная конкуренция ВВГФ имела место между прошедшим и настоящим НСВ).

В [2, с. 96–111] среди типов видового противопоставления граммем СВ и НСВ выделяется как их антонимия (с подразделением на последовательную, непоследовательную и относительную, приравняваемую к конкуренции), так и синонимия (=синонимическая конкуренция). Результаты проведенного эксперимента подтверждают утверждения Ю.С. Маслова: тип 1 в решениях испытуемых, обнаруживающий дополнительную дистрибуцию относительно окружения, может быть сопоставлен с (последовательной) антонимией видовых граммем русского языка; тип 2, характеризующийся появлением в одном и том же окружении двух различных единиц, по-видимому, дает основания для постулирования разных видов отношений между граммемами – от непоследовательной антонимии до синонимии.

В [3, с. 71–73] утверждается, что переход к видовому корреляту (от некоторого реального русского предложения П к результату видовой замены П*) может иметь один из трех исходов:

- при недопустимости замены (П* оказывается неправильным предложением) – «контекстный контроль»;

- при допустимости замены (П* является правильным предложением): видовые корреляты П и П* имеют разный смысл – «контраст»; видовые корреляты П и П* имеют одинаковый смысл – «конкуренция».

Как видим, схема отношений между граммемами русской аспектуальной оппозиции, предложенная Ю.С. Масловым, и схема исходов при взаимозамене НСВ и СВ, принадлежащая А.К. Поливановой, обнаруживают некоторую аналогию. Более того, полученные в рамках эксперимента результаты могут быть интерпретированы в рамках и той, и другой. Однако примечательным является сильное расхождение полученных количественных данных с таковыми из [3, с. 73]: если в [3] соотношение между «контекстным контролем»

(недопустимость замены) и «контрастом» и «конкуренцией» вместе взятыми (допустимость замены) составляет 90 на 10%, то в рамках обсуждаемого эксперимента – 46 на 54%.

Задачами дальнейшего анализа полученного материала являются:

1) выявление особенностей окружения аспектуальных граммем, обуславливающих как их дополнительное распределение относительно заданных контекстов (антонимия), так и их синонимию;

2) определение типа стратегии взаимодействия граммемы и контекста, как при антонимических отношениях граммем, так и при их синонимии в соответствии с типологией, предложенной в [1];

3) соотнесение полученных результатов с положениями гипотезы видового согласования и результатами исследования языкового материала, представленными в [3].

Здесь будет представлено решение поставленных задач не на всем полученном материале, а на его части. Мы ограничимся анализом взаимоотношений аспектуальных граммем, сосредоточив внимание на плане прошедшего. Анализ взаимоотношений претеритального и презентного НСВ остается за рамками данного этапа работы.

Рассмотрим вначале 1-ый тип, обозначенный выше как (последовательная) антонимия СВ/НСВ («контекстный контроль»). Следует отметить, что информант в каждом случае должен был осуществить двоякий выбор: а) относительно аспектуальной граммемы (СВ/НСВ)¹ и б) относительно темпоральной граммемы (презенс/претерит для НСВ). Следовательно, каждый раз при анализе ответов информантов и роли элементов окружения ВВГФ в осуществлении выбора, анализ должен осуществляться дважды – относительно темпоральности и аспектуальности. В соответствии с принятым выше ограничением, в рамках данной статьи анализ будет проводиться только относительно аспектуальных граммем в плане прошедшего.

В полученном материале (группа с уверенным выбором граммемы) можно выделить две подгруппы по отношению к признаку на-

¹ В части случаев при наличии альтернативы СВ/НСВ сутью выбора оказывалось не достижение/недостижение предела (как, например, *прочитал – читал* (книгу)), а эксплицирование двусторонней ограниченности (СВ) / ее отсутствие (НСВ) у неопредельной ситуации (напр., *помяла – мяла* (плюшевого мишку)).

личие/отсутствие в окружении эксплицитных элементов контекста, «катализирующих» употребление аспектуальной граммы:

- 1) наличие в контексте «катализатора»¹ граммы;
- 2) отсутствие в контексте «катализатора» граммы (частный случай – нулевой контекст).

В свою очередь при положительном значении обозначенного признака возможна дополнительная классификация в соответствии с типом фактора («катализатора»), обуславливающего реализацию граммы. В итоге получаем следующую классификацию:

- 1) наличие в контексте «катализатора» граммы:
 - a) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой имперфективности (предлогов (типа *в течение* или *на протяжении* + ИГ с семантикой неограниченной множественности), союзов (*пока*), частиц (*(все) еще*), обстоятельств (*долго*)), см. (1), (2), (3), (4), (5);
 - b) присутствие в левом контексте лексических «катализаторов» с семантикой перфективности (не реализовано в материале);
- 2) отсутствие в контексте эксплицитного «катализатора» граммы (6) или его амбивалентность относительно обоих членов противопоставления (типа *некоторое время, все это время*), см. (7), (8).

(1) Было время, когда **в течение многих ночей** я (*слышал*^{НСВ}, *услышал*^{СВ}, *слышу*) шум праздника. Звуки доходили до меня даже в Медия Луна (45/0/0)².

¹ В литературе подобные эксплицитные элементы контекста, способствующие реализации той или иной граммы, обозначаются также как «семантические актуализаторы», или «видовые согласователи» (см., напр., [3], где первый термин только упоминается, а второй используется в соответствии с гипотезой видového согласования; впрочем, в названной работе речь идет исключительно о семантической актуализации частных видовых значений, но мне думается, что явление семантической актуализации может иметь более широкое распространение).

² Полужирным шрифтом выделен тот элемент контекста, который оказался значимым для выбора граммы. В скобках приводятся результаты эксперимента. Порядок следования (абсолютных) чисел соответствует порядку предложенных информантам глагольных словоформ. Напомню, что в данной работе учитываются ответы первой группы информантов (45 человек; относительно некоторых фрагментов – 44 (при незаполненности лакун)). Превышение суммой трех чисел выбора ВВГФ 100% (45) имеет место вследствие предоставленной инструкцией и реализованной во многих случаях возможности предложить для заполнения лакуны более чем одну приемлемую с точки зрения информанта форму.

(2) Я сижу около канавы и дожидаясь, когда покажутся лягушки. Вчера, **пока** мы (ужинали^{НСВ}, поужинали^{СВ}, ужинаем) они подняли ужасный шум и не прекращали свои песни до самого рассвета. (45/0/0)

(3) Некоторые из нас **еще** (ждали^{НСВ}, подождали^{СВ}, ждут), что, может, он еще вернется, что придет день, и он объявится, чтобы снова поднять нас на борьбу; но потом устали мы ждать (45/0/0).

(4) -Ты что, (плакала^{НСВ}, поплакала^{СВ}, заплакала^{СВ}, плачешь)? Глаза как будто покраснели.

Хулита делает гримаску.

- Нет, мама, я просто **долго** (думала^{НСВ}, подумала^{СВ}) (44/0).

(5) -Говорил ты это потому, что **на протяжении нескольких дней** ты (видел^{НСВ}, увидел^{СВ}, видишь) этого солдата. Ты столько на него глядел, что он тебе теперь как родной стал (42/1/15).

(6) И я уж (снял^{НСВ}, снял^{СВ}, снимаю) засов с ворот, когда увидел, что хозяин, дон Хусто, выходит из надстройки со спящей барышней Маргаритой на руках и идет через двор, не замечая меня (29/40/2).

(7) [**Некоторое время**] они (спорили^{НСВ}, проспорили^{СВ}, спорят), размахивая руками и переругиваясь, и наконец, он их убедил, и все вслед за ними вступили в заросли кустарника, покрывавшие остров (45/7/1).

(8) Я вам скажу одну вещь, - заявил Литума, - с путешествиями для меня покончено. **Все это время** я (думал^{НСВ}, продумал^{СВ}, думаю) и осознал, что невезенье привязалось ко мне из-за того, что я не остался на своей земле, как вы. Хотя бы это я заучил: хочу умереть здесь (44/3/1).

Относительно стратегии взаимодействия контекста и аспектуальной граммы можно отметить следующее. При эксплицитном присутствии аспектуально значимого элемента контекста («катализатора») реализуется партнерский сценарий взаимодействия граммы и контекста в одном из двух его подвидов: семантическое дублирование (см. (1)-(5)) или индифферентность контекста (7), (8).

Примечателен тот факт, что в рамках 1-ой группы, характеризующейся уверенным выбором одной из предложенных ВВГФ, соотношение случаев с наличием и отсутствием эксплицитного лексического «катализатора» аспектуальной граммы – 42 на 58% (в абсолютных цифрах – 8 на 11). Это означает, что более чем в половине случаев информант не мог воспользоваться «подсказкой» контекста, и вынужден был осмыслять всю полипредикативную си-

туацию для принятия решения (см. (9), (10)). При этом колебаний в выборе именно в этой группе примеров (практически) не было.

(9) Мне тогда только что исполнилось одиннадцать лет, и вот однажды вечером, покормив скотину и заперев на засов входную дверь, он сел напротив меня и отодвинул книгу, которую я (*читал*^{НСВ}, *прочитал*^{СВ}, *читаю*), чтобы посмотреть мне в глаза. (45/3/2; выбор *читал*^{НСВ} как единственно возможный – 41, выбор *прочитал*^{СВ} как единственно возможный – 0, в рамках комбинации *читал*^{НСВ}-*прочитал*^{СВ} – 2, в рамках комбинации *читал* - *читаю* – 1, в рамках комбинации *читал*-*прочитал*-*читаю* - 1).

(10) И вот уже, как тогда полагалось, был выставлен на всеобщее обозрение сундук с приданным в доме невесты, а Мануэль почти каждый вечер принимал у себя портного, который (*шил*^{НСВ}, *сшил*^{СВ}, *шьет*) ему фрак. (44/8/5; выбор *шил*^{НСВ} как единственно возможный – 34, выбор *сшил*^{СВ} как единственно возможный – 0, выбор *шьет* как единственно возможный – 1, в рамках комбинации *шил*^{НСВ}-*сшил*^{СВ} – 6, в рамках комбинации *шил*-*сшил*-*шьет* - 2).

В случаях такого рода особенно ярко реализуется дискурсивная роль русской аспектуальной оппозиции и ее таксисная функция в сфере финитных форм. Решение принимается с учетом возможного и, что особенно важно, наиболее естественного соотношения референтов обозначенных глагольными формами ситуаций, причем одной из важнейших альтернатив является следующая: последовательность секвентных событий – их (полная или частичная) одновременность (при одновременности секвентность может отсутствовать).

Факт наличия в группе последовательной антонимии СВ/НСВ («контекстный контроль» по А.К. Поливановой) доли случаев с отсутствием эксплицитного аспектуального «катализатора», в полтора раза превышающей долю с присутствием такового, заставляет либо признать, что в ходе анализа не были обнаружены контекстные «катализаторы» аспектуальных граммем и с бóльшим вниманием отнестись к их вычленению, либо отказаться от гипотезы видового согласования, согласно которой «любое предложение, содержащее видоопределенную словоформу, которую нельзя заменить на существующую противоположную ей по виду форму без нарушения правильности всего предложения, содержит в контексте некоторые видовые согласователи, совместимые с данным членом видовой оппозиции и антагонистичные противоположному члену» [3, с. 77 (сноска 8)].

Факт наличия в группе примеров с уверенным выбором ВВГФ значительной доли (более 1/2) фрагментов текста с отсутствием «катализатора» аспектуального выбора свидетельствует о том, что эта группа не находится в полном соответствии с исходом «контекстный контроль». То есть не обнаруживается двусторонняя корреляция между наличием в окружении граммы «видовых согласователей» («катализаторов» в принятой здесь терминологии) и невозможностью взаимозамены видовых граммем.

Эти же случаи служат своего рода переходом к материалу, выделенному во 2-ую группу (с отсутствием явного предпочтения в выборе граммы), в рамках которой при тех же условиях отсутствия «катализатора» аспектуальной граммы, наблюдались существенные колебания информантов в выборе НСВ или СВ. (Впрочем, как можно видеть на примерах (9) и (10), абсолютного единодушия не было и в 1-ой группе)¹.

Второй тип выбора ВВГФ информантами, обозначенный выше как антонимия, переходящая в синонимию («контраст» и «конкуренция» по [3]), составляет 54% от общего количества. Объединен материал в эту группу по количественному параметру – выбор альтернативной граммы как единственно возможной в количестве случаев, превышающем 3 (и превышающем 8 в случае ее появления в рамках комбинации ВВГФ), что демонстрирует возможность появления в данном контексте более одной ВВГФ. Содержательно же он распадается на две самостоятельные подгруппы, на первый взгляд существенным образом различающиеся: с антонимическими («контраст») и синонимичными («конкуренция») отношениями между граммемами.

Несмотря на практикуемое здесь параллельное использование терминов Ю.С. Маслова и А.К. Поливановой, нельзя не отметить, что это является определенным упрощением. Дело в том, что резкие границы присутствуют у Поливановой, но не у Маслова. В [2, с. 111] антонимия и конкуренция частных видовых значений представлена с использованием следующего набора отношений:

- последовательная антонимия (процессного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),

¹ В ходе обработки материала было принято решение, что пороговым значением при решении вопроса об отнесении фрагмента в 1-ую или 2-ую группу является количество 3: ≤ 3 случаев выбора альтернативной граммы как единственно возможной – 1-ая группа, ≥ 3 – 2-ая группа (для общего количества выбора альтернативной граммы с учетом ее появления в комбинациях пороговым значением считается 8).

- непоследовательная антонимия (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- относительная антонимия (конкуренция) (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ),
- синонимическая конкуренция (синонимия) видов (подчеркнуто-длительного значения НСВ и значения охвата длительности СВ).

Как видим, это континуум, в котором осуществляется градуальный переход от антонимии к синонимии, а не дискретная схема. Вернемся к этой теоретической проблеме ниже, после обсуждения материала.

Приведем по одному примеру на каждый из выделяемых в [2, с. 96-111] видов отношений между контекстно реализованными формами НСВ и СВ, соблюдая порядок приведенного выше перечня.

а) Последовательная антонимия - 10 случаев из 22, т.е. 45%:

(11) И лишь гораздо позже, когда Миная читал рукопись, он смог понять, почему Мануэль обманул его, сказав, что не осталось ни одной страницы из той книги, которую Солана (*писал^{НСВ}, написал^{СВ}, пишет*), когда его убили (34/12/0; выбор *писал^{НСВ}* как единственно возможный – 32, *написал^{СВ}* как единственно возможный – 10, в рамках комбинации *писал^{НСВ}-написал^{СВ}* – 2).

б) Непоследовательная антонимия - 3 случая из 22 (14%):

(12) Говорил он так много и быстро, и с такими гримасами, что я сделал вывод о том, что он (*выпивал^{НСВ}, выпил^{СВ}, выпивает*) как раз до самого того момента, как поезд прибыл в Магину (26/24/0; выбор *выпивал^{НСВ}* как единственно возможный – 20, *выпил^{СВ}* как единственно возможный – 18, в рамках комбинации *выпивал^{НСВ}-выпил^{СВ}* – 6).

с) относительная антонимия (конкуренция) - 4 случая из 22 (18%):

(13) – Он что, выпивши?..

– Немного, – сказал Хосефино. – Мы (*отмечали^{НСВ}, отметили^{СВ}, отмечаем*) его возвращение у братьев Леон (44/18/5; выбор *отмечали^{НСВ}* как единственно возможный – 26, *отметили^{СВ}* как единственно возможный – 1, в рамках комбинации *отмечали^{НСВ}-отметили^{СВ}* – 13, в рамках комбинации *отмечали-отмечаем* – 1, в рамках комбинации *отмечали-отметили-отмечаем* - 4).

д) синонимическая конкуренция (синонимия) видов - 5 случаев из 22 (23%):

(14) Вытащил я его на берег, спрашиваю: «Жив еще?». А он ни звука. **До самой зари** я (*возил^{НСВ}, провозил^{СВ}, вожусь*) с Эстанислао: растирал, искусственное дыхание делал, чтобы он ды-

шать начал, но он ни слова больше не произнес (37/39/0; выбор *возился*^{НСВ} как единственно возможный – 6, *проезжался*^{СВ} как единственно возможный – 8, в рамках комбинации *возился*^{НСВ}-*проезжался*^{СВ} – 31).

При последовательной антонимии, с моей точки зрения, в случае того или другого выбора представлены различные таксисные трактовки ситуации (последовательность ситуаций при выборе СВ и (хотя бы частичная) одновременность при НСВ), см. [11].

При непоследовательной антонимии неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ суть выбора заключается в количественной оценке ситуации либо как единичной (СВ) либо как кратной (НСВ). В случае недостаточности контекстной информации для принятия однозначного решения по вопросу об одно- или многократности ситуации, возникает почва для вариабельности в интерпретации ситуации – (12).

В ситуации относительной антонимии (конкуренции) (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) граммема НСВ с одной стороны не полностью лишается свойственной ей семантики процессности и длительности, а с другой стороны, именно этой граммемой обычно обозначается денотативная ситуация как таковая, чем и вызвана бóльшая предпочтительность ее употребления – (13). Отмечу также, что в (13), по-видимому, отсутствуют эксплицитные элементы окружения, способные склонить чашу весов в пользу выбора той или иной граммемы. Тем не менее, количественные данные говорят о явном предпочтении, оказанном НСВ. Представляется, что этот факт можно объяснить «энциклопедией» носителя русского языка, побуждающей его наличествующее в левом контексте состояние (*выпивши*) обусловить предикатом НСВ *отмечали* как связанным с повторяемостью и длительностью процесса с большим основанием, чем альтернативная форма СВ *отметили*. Здесь, таким образом, граммема привносит семантику, отсутствующую в оставшейся части текста, т.е. здесь имеет место чистый случай нулевого аспектуально значимого контекста, что позволяет выйти на первый план грамматической семантике ВВГФ.

В группе синонимической конкуренции (синонимии) видов, характерной для выбора между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, количественные данные демонстрируют склонность к употреблению пердуратива (14) и делимитатива (15) (пример из 1-ой группы) при наличии в контексте указания на двухстороннюю (или хотя бы правостороннюю) ограниченность ситуации. С другой стороны, такой выбор является не бо-

лее чем тенденцией, поскольку соответствующая партнерская стратегия взаимодействия контекста и граммы повышает избыточность текста. Употребление НСВ в случаях такого рода не запрещено, при этом обнаруживается семантическая трансформация «под контекст» в рамках конфликтной стратегии, что соответствует закону экономии кода.

(15) Сусана **помолчала** немного, (*мяла, помяла, мнёт*) в руках своего плюшевого кота, **а потом** сказала:

– А ты во многих странах с моим отцом был? И в Шанхае тоже?

(1/44/1; выбор *мяла*^{НСВ} как единственно возможный – 1, *помяла*^{СВ} как единственно возможный – 43, в рамках комбинации *мяла*^{НСВ}-*помяла*^{СВ} – 0, в рамках комбинации *помяла*^{СВ}-*мнёт* – 1).

Вернемся к вопросу о том, что в рамках этой группы примеров оказались объединены два вида исхода, предусмотренные в [3, с. 96-111] в случае возможности взаимозамены аспектуальных граммем: «контраст» и «конкуренция». Где следует провести границу между этими внешне антагонистическими ситуациями? Откровенно говоря, ни континуальность переходов в сфере частных видовых значений от последовательной антонимии до синонимической конкуренции по Ю.С. Маслову, ни полученные количественные данные не позволяют с достаточной степенью уверенности провести эту границу. Впрочем, прямой перенос схемы с тремя исходами А.К. Поливановой на наш материал не является корректным в силу ряда причин:

а) в рамках проведенного А.К. Поливановой эксперимента с носителями русского языка им предлагалось оценить высказывание исключительно как правильное (метка +) или как неправильное (метка –); материал, в котором информант обнаружил сомнение, исключался из дальнейшего рассмотрения¹;

б) для рассмотрения привлекались только «морфологически парные глаголы, имеющие как СВ-, так и НСВ-формы: *решить*^{СВ}-*решать*^{НСВ}, *оказаться*^{СВ}-*оказываться*^{НСВ}, *убедиться*^{СВ}-*убеждаться*^{НСВ}, но не *мыть-вымыть*^{СВ}, *гулять*^{НСВ}-*погулять*^{СВ}» ис-

¹ Ср.: «Разумеется, иногда информанту бывает затруднительно с уверенностью отнести ту или иную из предъявленных пар П – П* к одному, но не другому из исходов. Как обычно, все случаи, вызывающие затруднения у информанта, могут быть безболезненно выброшены из контрольного корпуса наблюдаемых данных, поскольку, по счастью, при наблюдении над живым языком исследователь располагает неограниченным резервом данных; а для первоначальных наблюдений можно обойтись изучением бесспорных примеров» [3, с. 72–73].

ключительно в формах прошедшего времени на –л и форме инфинитива, в рамках «предложений естественной длины, рассматриваемых в их природном контексте», извлеченных из текстов научной или научно-деловой прозы [3, с. 73].

Учитывая принятые в [3] условия наблюдения, постараемся соотнести «контраст» и «конкуренцию» с континуумом отношений между видовыми граммемами из [2]. (Здесь следует оговориться, что речь идет о моей реконструкции, потому что в рассматриваемой работе подробному разбору с привлечением и комментированием примеров подвергся только исход «контекстный контроль», доля которого составила более 90%.)

По-видимому, из спектра последовательная антонимия – не последовательная антонимия – относительная антонимия (конкуренция) – синонимическая конкуренция (синонимия) видов по причине б) исключается последний вид отношений, поскольку он устанавливается между подчеркнуто-длительным значением НСВ и значением охвата длительности СВ, а последнее реализуется исключительно в делимитативах и пердуративах. Далее, последовательная антонимия с высокой степенью вероятности также должна быть исключена, поскольку соотносится с исходом «контекстный контроль», при котором невозможна взаимозамена ВВГФ. Остаются не последовательная антонимия и относительная антонимия (конкуренция). Логично предположить, что не последовательная антонимия соотносится с исходом «контраст», а относительная антонимия – с исходом «конкуренция». Если эти рассуждения верны, то граница между «контрастом» и «конкуренцией» должна проходить между не последовательной антонимией (неограниченно-кратного значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ) и синонимической конкуренцией (общефактического значения НСВ и конкретно-фактического значения СВ). Между тем, наши количественные данные (ни в их «суммарном» виде, ни в более подробном, с отдельным представлением выбора ВВГФ как единственно возможной с одной стороны и в рамках комбинаций – с другой) не дают оснований усмотреть именно в этом месте столь существенное противопоставление «контраста» и «конкуренции».

В качестве итогов предлагаются следующие соображения:

- 1) при предоставлении информантам возможности осуществлять множественный выбор она реализуется, но не во всех случаях;
- 2) количественный подход к обработке результатов эксперимента в условиях множественного выбора разбивает полученный материал на две не совсем равные по объему группы по признаку наличия/отсутствия явного предпочтения, оказанного информантами одной из ВВГФ;

3) в каждой из полученных групп присутствуют примеры и с наличествующими и с отсутствующими в окружении «катализаторами» аспектуальных граммем; в связи с этим следует констатировать, что исходная гипотеза, в соответствии с которой эксплицитный лингвистический контекст в рамках высказывания (фрагмента текста) однозначно определяет выбор ВВГФ, не подтверждается;

4) также не находит подтверждения гипотеза видового согласования, сформулированная для «контекстно-контролируемых употреблений видоопределенных словоформ» [3, с. 76–78];

5) контекстно-контролируемые употребления не составляют преобладающего большинства в русских высказываниях, извлеченных из художественной литературы и репрезентирующих как нарративный, так и диалогический дискурс;

6) доля высказываний, допускающих взаимозамену ВВГФ русского глагола, составляет более половины от общего количества исследованных высказываний – 54%;

7) резкое противопоставление «контраста» и «конкуренции» ВВГФ в русском языке не находит своего подтверждения в рамках проанализированного материала; скорее, речь должна идти о континууме взаимоотношений ВВГФ русского глагола с экстремумами в виде (последовательной) антонимии и синонимии;

8) возможно и более сильное утверждение: при способности появляться в одном и том же окружении обладающих собственной семантикой единиц (в частности, граммем) различие контраста и свободного варьирования если и является релевантным, то исключительно по отношению к денотативной ситуации (т.е. ее сохранению в неизменном виде), а не по отношению к ее интерпретации и кодированию языковыми средствами при речепорождении. Со стороны прагматики говорящего всегда будет представлен «контраст», даже в случае синонимической конкуренции типа *Вы уже обедали^{НСВ} / пообедали^{СВ}?*

Список литературы

1. Горбова Е. В. Аспектуальные граммемы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка) // Вопросы языкознания. - №4. - 2007. - С. 63-88.

2. Маслов Ю.С. Система частных видовых значений и типы противопоставлений совершенного и несовершенного вида // Очерки по аспектологии. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - С. 70-84; Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 96-110.

3. Поливанова А.К. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Russian Linguistics. - 1985. - Vol. 9. - № 2/3; Избранные работы. Общее и русское языкознание. РГГУ: Orientalia et Classica: Труды института Восточных культур и античности. М., 2008. - С. 39-52.

Риторический потенциал наречия в публицистическом тексте

В статье исследуется функционирование наречия в публицистическом тексте, его роль в реализации авторского намерения на материале воспоминаний и обвинительных речей А.Ф. Кони. Анализируются особенности наречия как признакового слова, его смысловое обогащение в контексте, экспрессивные возможности. Наречие рассматривается в риторических приемах, в частности в разных видах повтора, а также анализируется его роль в создании эмоционально-оценочного поля и значимость для коммуникативного успеха ратора.

The article considers adverb functioning in the publicistic text, its role in realization of the author's intention on the material of memories and prosecution speeches of A.F. Koni. Adverb features as a distinctive word, its semantic enrichment in the context is researched. Expressional opportunities of an adverb in particular in different kinds of repetition, and also its role in creation of an emotionally-estimating sphere to ensure communicative success is analyzed.

Ключевые слова: наречие, векторная направленность, смысловое обогащение, композиционная роль, повтор, эмоционально-оценочное поле, экспрессивные возможности, авторская интенция, коммуникативный успех.

Key words: an adverb, vector orientation, semantic enrichment, a composite role, repetition, emotionally-estimating sphere, author's intention, communicative success.

А.Ф. Кони, выдающийся юрист XIX века, в своих воспоминаниях и судебных речах представляет образец владения даром убеждающего слова. Неслучайно том избранных произведений открывает замечание К.К. Арсеньева, которое в полной мере раскрывает секрет коммуникативного успеха знаменитого оратора: «Кто слышал Кони, тот знает, что отличительное свойство его живой речи – полнейшая гармония между содержанием и формой».

Рассмотрим некоторые аспекты наречного словоупотребления на материале воспоминаний и обвинительных речей А.Ф. Кони: векторную направленность наречия как характеризующего слова; смысловое обогащение в контексте; композиционную роль в обвинительной речи; роль в создании эмоционально-оценочного поля.

Наречию свойственна разновекторная направленность на актанты. При этом наречие может быть непосредственной односто-

ронней характеристикой субъекта действия (=субъекта предложения): <Лажечников> *Искренно* восхищался его <Белинского> первыми шагами в литературном поприще («Из студенческих лет»); В <...> в Спасском-Лутовинове царила *жестко* и *всевластно* мать Тургенева («Памяти Тургенева») [Здесь и далее курсив и подчеркивания в примерах наши. – Т.И.].

Субъект предложения может получать характеристику опосредованно, через определение другого актанта: ...фигура Пушкина с *задумчиво* склоненной головой («Тургенев»).

Примыкая к глагольной форме – обозначению действия субъекта предложения, наречие может быть одновременно направлено и на объект, оказываясь выражением либо установившихся постоянных взаимоотношений, либо манифестируя сложившиеся отношения между участниками речевого акта: Ему <И.Лажечникову > было *высокомерно* объяснено, что сочинение романов для службы по ведомству двора не имеет никакой цены («Из студенческих лет»).

Эстетические возможности наречия, обусловленные его грамматической природой (подробно: [1, с. 24-46]), сопряжены со смысловым обогащением его в контексте. С помощью наречия возможно охарактеризовать как собственные, эмпирические, признаки действия, признака, предмета, так и несобственные, рациональные. Изобразительно-оценочные возможности наречия проявляются уже в условиях узкого лингвистического контекста, начиная с минимального контекста (от бинарного словосочетания до фразы).

Наречие является средством выражения авторской позиции (концептированного¹, по Б.О. Корману, автора в художественном тексте), которая эксплицируется в первую очередь наречиями с модальными значениями: В своем «Гамлете» и «Дон-Кихоте» он <Тургенев> *безусловно* становится на сторону последнего, на сторону *Alonzo el bueno* <Алоизо добрый (исп.)> («Памяти Тургенева»).

Заметим, что для обвинительной речи особенно характерны наречия со значением утвердительности: Поляк *наверно* не затруднился бы написать свою фамилию на родном языке; *бесспорно* фальшивая («По делу о Станиславе и ...»); из книг *несомненно* можно вывести... («По делу об игорном доме...»).

Приведенные в качестве примера полифункциональные слова в роли качественных определителей явно выполняют метатекстовую функцию, характеризуя позицию автора.

¹ Имеется в виду автор как «носитель концепции всего произведения» [5, с. 36].

Отчетливо прослеживается способность наречия аккумулировать и изменять свой смысловой объем в условиях лингвистического контекста, что предоставляет автору возможность дополнительной характеристики субъекта действия. Так, однозначные наречия *налево* и *направо* семантически обогащаются в условиях «ближайшего окружения» приобретая смысл 'во все стороны, без разбору': Чокаясь *направо и налево с окружающими*, Катков протянул через стол свой бокал Тургеневу («Тургенев»).

Отражая характер речевой ситуации, наречие *хорошо* может содержать семы «крепко, прочно, явно», ассоциативно соотносящиеся с 1 значением [6, с. 589] прилагательного *хороший*. Кони приводит подобное употребление, цитируя в очерке «Памяти Тургенева» письмо писателя Колбасину: Я вижу, что тут должна быть замешана женщина – и *хорошо* замешана («Памяти Тургенева») [2, с. 117]. Подобные семантические сдвиги оживляют речь, приближая оратора к слушателю, и удерживают внимание читателя/аудитории.

Применяя элементы разговорного стиля для более тесного контакта со слушателем, Кони с помощью наречий расставляет нужные ему акценты. Так, размышление о причинах преступления обвинитель выстраивает на временной оси, употребляя наречные антонимы *назад* – *вперед*, отступив при этом от их локального значения: Есть ли это преступление следствие порыва, страсти, увлечения, которые возможны при всяком общественном положении, при всякой степени развития, которые совершаются без оглядки *назад*, без заглядывания *вперед*? Нет, это преступление обдуманное и требующее для выполнения много времени [3, с. 291].

Вопросно-ответная форма построения текста позволяет ритору вернуться к теме времени в выводе, важном для обвинения. Именно наречие *вперед* оказывается переходным мостиком от представления личностей обвиняемых к собственно обвинению, а вместе с тем к убеждению присяжных заседателей в необходимости обвинительного приговора: Но если важен результат, если заманчивы цели, если решимость связана с большим риском, если можно видеть *вперед* скамью подсудимых и сопряженную с нею потерю доброго имени и прочие невеселые последствия, то естественно, что при совершении этого преступления нужно употребить особую энергию, особую осмотрительность, обдумать каждое действие, постараться обставить все *так хитро и ловко*, чтобы не попасться, постараться *особенно*, чтобы концы были спрятаны в воду [3, с. 292].

Здесь все подчинено одной задаче укрепления отрицательной оценки: негативность эксплицитно выраженной оценки в наречиях *хитро* и *ловко* подчеркивается количественным наречием степени, стилистической сниженностью глагола *обставить*, повтором синтаксической конструкции, фразеологизмом, не употребляющимся в положительно окрашенных контекстах, и наречием *особенно*. Экспрессивность самого наречия связана с его семантикой: значение «особенным образом» накладывается на количественный оттенок значения (ср. «особенно яркий», «особенно радушный прием»). Объединение разных значений в одной форме оказывается еще одним фактором психологического воздействия на адресата.

Как видим, наречия помогают не только в репрезентации авторского видения ситуации, но и проецировании коммуникативного ответа – действия со стороны адресата (суда присяжных заседателей).

Роль наречия как композиционного средства судебной речи особенно ярко проявляется в разных видах **повторов**. Можно, на наш взгляд, некоторые синтаксические конструкции отнести к формульным в силу их регулярности. Особенно частотен следующий тип:

когда..., когда..., когда..., то *естественно* возникает...;
если..., если..., если..., если..., то *естественно* возникает...

Подобные конструкции позволяют усилить собранные в один смысловой узел слабые аргументы, вызвав при этом ответный положительный импульс адресата. В них наречием *естественно* манифестируется объективность последующего изложения материала, а повтор союза констатирует всесторонность его исследования:

Когда возникает серьезное обвинение, *когда* на скамье подсудимых сидят не совсем обыкновенные люди, *когда* они принадлежат не к тому слою общества, который поставляет наибольшее количество преступников – если не качеством, так количеством – то *естественно* является желание познакомиться с личностью подсудимого, узнать свойства и характер самого преступления («По делу о Станиславе...») [3, с. 291] и т.п.

Выделим следующие типы повторов в обвинительных речах А.Ф. Кони: простой контактный; контактный двойной с усилением второй части с помощью наречия степени (*много, очень много*); дистантный в ряду однородных членов (он *слишком* опытен, *слишком* много пережил, *слишком* много испытал профессий, чтобы так легко попасться; он <закон> ко всем *равно* строг или *равно* милостив); дистантный ключевой (повтор слов, релевантных для целостности текста, в основном наречий рациональной оценки);

анафорический, причем анафора как риторический прием может усиливаться присоединительной конструкцией, при этом рассуждение (авторская рефлексия), сменяющее повествование в речи оратора, позволяет ему еще раз повторить факты, необходимые для укрепления обвинения (*Зачем* какому-то Куликову печать дома Бурбонов? *И зачем* не укротил гнев Куликова Эмиль Янсен хотя бы отдачей печати?) [3, с. 296]; семантический (*крайне* суровый, *чрезвычайно* суровый); анафорический синонимический (иначе – обстоятельство-интеррогативный) при синтаксическом параллелизме, условность его определения как синонимического обосновываем повтором обстоятельственной семантики (*Где* же этот переводчик или приемщик? *Куда* он девался?); морфемный (*вперед*, *вперед*). Все типы повторов выполняют стилистическую функцию усиления значимых с точки зрения автора элементов целого.

Для А.Ф. Кони, как показывает наше наблюдение, особенно характерен прием дистантного повтора, в котором ритор «проводит» в своей речи адресата по логической цепочке от простой констатации факта к его оценке, сначала эмоциональной, затем рациональной (этической) и наконец – судебной (юридической). Наиболее частотен у Кони дистантный тройной повтор, так как именно он позволяет держать слушателя в напряжении, направлять его мысль и чувство в соответствии с авторским намерением, подчеркивая необходимые для обвинения факты: И так, вот главные условия игорного дома: он должен быть открыт *днем и ночью* <...> игра происходила *днем и ночью*; Это были не одни дни, это были и ночи; Дом его открыт *днем и ночью* [3, с. 328, 329].

Следует заметить, что вступительная часть обвинительной речи, обозначающая позицию оратора по отношению к рассматриваемому делу, заставляет его применять наречия, помогающие эксплицировать оценку: *правильно, действительно, справедливо, определено* и т.п. Повтор оценочного наречия в конце речи создает семантическое кольцо как дополнительное средство экспрессии, которое еще более утверждает слушателя в решении принять сторону обвинения. Ср. введение семы правильности обвинения в начале речи «По делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина» и ее повтор в заключительной части: Для того, чтобы признать это обвинение *правильно* направленным против Колемина, предстоит разрешить два существенных вопроса; ...я полагаю, что суд не разделит взгляда на *неправильность* возбуждения этого дела и согласится со мной, что в деянии господина Колемина были все признаки содержания игорного дома [3, с. 326].

Автор вербализует одну и ту же оценку с помощью корневого повтора в разных частях речи. Бессубъектность конструкции в начале речи, обусловленная принципом объективного подхода к делу, авторская персонификация с намеренным смягчением позиции глаголом «полагаю», двойное отрицание, утверждающее начальный тезис обвинительной речи, только подтверждают оправданность обвинения, выдвигая на первый план другое лицо – суд, которому отдается право вынесения решения. А.Ф. Кони прибегает к употреблению наречий, которые помогают формировать у слушателя необходимое для обвинения эмоционально-оценочное поле в дополнение к рациональной оценке. Так, анализируя показания одного из фигурантов дела в речи «По делу о Станиславе...», обвинитель логически выстраивает свою речь на тех несовпадениях рассказа и реальной действительности, которые оказываются в одном лексико-семантическом поле «странного»: «первая *странность*; *чересчур скоро, немыслимо скоро*; явная *несообразность*; если он получил телеграмму, то явился *слишком рано*, если же получил письмо, то должен был явиться *гораздо позже*; оба – и отправитель, и получатель посылки – действуют *странно*».

Сема «странного» усиливается с помощью наречия степени, употребленного с явной языковой избыточностью (оба поручают ее <посылку> лицу, им *совершенно* неизвестному), а также нагнетения деталей, в том числе и с помощью наречий, в целях эмоционального воздействия на слушателей: Оба *сначала* употребляют *большие* хлопоты, чтобы отправить и получить ее, *сердятся, шумят* и затем *внезапно умолкают*, мало того, оба *исчезают*, и притом *бесследно* [3, с. 296]. Однако Кони сам формулирует оценку, прикрывая императивность содержания (признать необоснованными отдельные действия подсудимого и тем самым – его вину) неопределенным местоимением и некоторой недосказанностью самого предложения (По самому тщательному розыску он не найден, да и действия его какие-то *странно-неосновательные*, чтобы не сказать более [3, с. 309]), которая активизирует аналитическую работу аудитории в направлении, заданном оратором. Кони только в конце речи употребляет наречия с утвердительным модальным значением в отношении действий обвиняемого, причем синтаксическая конструкция, риторически выстроенная на тоекратном повторе придаточного условия (Если вы признаете <...> если вы припомните <...> если вы, повторяю, вспомните все это, то вы едва ли можете не признать, что он не мог сделать этого *иначе*, как при посредстве своего отца, так как в Петербурге он *совершенно* чужой, незнакомый [3, с. 301]) позво-

ляет ему вновь повторить логику обвинения. Двойное отрицание (можете не признать; не мог сделать этого иначе, как...), мягкость формы (едва ли) являются еще одним приемом воздействия на адресата, у которого не складывается ощущения психологического давления, хотя в данном случае явно представлен пример речевого манипулирования.

Как показало исследование отдельных воспоминаний и обвинительных речей А.Ф. Кони, наречие является одним из риторических средств воздействия на адресата. Этот класс слов в силу грамматических и лексико-семантических особенностей позволяет оратору в обвинительной речи подать признак как субъекта, так и действия с достаточной объективностью и корректностью в условиях речевой ситуации, индуцировать соответствующую оценку с помощью создания эмоционально-оценочного поля, использовать разнообразные композиционные приемы, в частности повтор. Уместность, точность, выразительность наречного словоупотребления наряду с другими языковыми средствами обеспечивают ратору коммуникативный успех, что в полной мере демонстрируют дела, в которых обвинителем выступал А.Ф. Кони.

Список литературы

1. Ившина Т. П. Реализация эстетических возможностей наречия в художественном тексте: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002.
2. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях / сост., вступ. ст. и коммент. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. – М.: Правда, 1989.
3. Кони А. Ф. Избранные статьи и речи / сост. И.В. Потапчук. – Тула: Автограф, 2000 (Юридическое наследие).
4. Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 т. – М., 1968. – Т. 6.
5. Корман Б. О. Практикум по изучению художественного произведения: Учебное пособие. – изд. 3-е. – Ижевск: Издательство ИУУ УР, 2003.
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Астрель; АСТ, 2000. – Т. 4.

Некоторые особенности употребления наречий неполноты действия или признака в английском предложении

Являясь языковыми инструментами передачи оценочного значения и одновременно индикаторами определения степени выполнения действия либо степени выраженности признака, наречия неполноты действия либо признака в своем употреблении тяготеют к позиции перед определяемым словом и являются определителями к смысловому компоненту предиката.

Being language tools of transfer of estimated value and simultaneously indicators of definition of degree of performance of action or degree of expressiveness of a sign, adverbs of incompleteness of action or a sign gravitate to a position before a defined word and are determinants to a semantic component of a predicate.

Ключевые слова: наречия, оценочная лексика, смысловый глагол, предикат, наречия неполноты, вспомогательный глагол.

Key words: adverbs, estimated lexicon, a notional verb, a predicate, incompleteness adverbs, an auxiliary verb.

На современном этапе развития науки проблеме семантического описания и функционирования наречий неполноты действия или признака уделялось определенное внимание, но в целом данная проблема окончательного решения не получила до сих пор. Наречия неполноты действия или признака относятся к оценочной лексике. Употребление наречий неполноты действия или признака позволяет автору точнее передать как отдельные семантические оттенки определяемого действия, так и всецело, комплексно и более точно донести до читателя глубину значения высказывания. В связи с данным фактом интересным является вопрос о месте наречий *almost, hardly, barely, merely, only, rarely, just, scarcely* и *nearly* в предложении. Как показывает анализ примеров, положение наречий неполноты действия или признака главным образом определено общим смыслом высказывания, а также коммуникативной задачей, которую разрешает данное высказывание.

Анализ практического материала позволяет утверждать, что наиболее распространенными моделями употребления наречий неполноты действия или признака в современном английском языке являются употребление данных наречий перед смысловым глаголом либо между вспомогательным и смысловым глаголами, а также

после модального глагола, например:

1. Harris said he felt such extraordinary fits of giddiness come over him at times, that he hardly knew what he was doing; and then George said that he had fits of giddiness too, and hardly knew what he was doing [5, с. 10].

2. These things he barely understood, and lacking anybody to talk to, it was at lunchtime sitting before an eagle whose name he did not know was Minch that he began to see his way towards them [3].

3. But I do not think he was a happy man. He suffered from dyspepsia, and he might often be seen sucking a tablet of pepsin; in the morning his appetite was poor; but this affliction alone would hardly have impaired his spirits [7, с. 156].

4. Angel One leapt back, parrying expertly enough, but knowing that his opponent was merely testing his defences, seeking out any weakness [3].

5. They can merely be well expressed thanks, comments in newsletters, public congratulations, even sometimes a small but symbolic gift [3].

Примеры №1 и №2 демонстрируют употребление рассматриваемых наречий перед смысловым глаголом, примеры №3 и №4 показывают употребление наречий неполноты действия/признака между вспомогательным и смысловым глаголами, пример №5 иллюстрирует употребление наречия неполноты действия/признака после модального глагола. Данное языковое явление можно объяснить тем, что основная смысловая нагрузка в сочетаниях модального и смыслового глаголов лежит на смысловом глаголе, так как без него смысл высказывания в целом будет утерян. Необходимо отметить, что отсутствие модального глагола не всегда приводит к потере смысла высказывания, например:

1. He could hardly speak. - Он мог с трудом говорить.

2. He hardly speak. - Он едва говорил.

Остановимся на некоторых менее распространенных случаях употребления наречий неполноты действия или признака.

Исследования показали, что употребление наречия неполноты действия/признака с глаголом *to be* не совпадает с описанной выше моделью (наречие неполноты действия/признака + смысловый глагол). В большинстве рассмотренных случаев наречие неполноты действия или признака употребляется после глагола *to be*, который является подлежащим, входит в состав предиката, например:

1. The clouds are almost white in appearance, with the merest tinge of yellow, and their existence shows that Venus has an atmosphere to support them [3].

2. Arthur's lips twitched, and his gaunt face grew pale with passion. His emotion was so great that it was nearly pain. He was puzzled, for her eyes expressed things that he had never seen in them before [6, с. 122].

Примеры иллюстрируют употребление наречий неполноты действия либо признака после глагола to be в составе предикативной конструкции.

Данное явление можно объяснить тем, что в сочетаниях наречия неполноты действия или признака с глаголом to be в составе предиката рассматриваемые наречия не являются определителями глагола to be, который в данном случае является связочным и не играет смыслообразовательной роли. Вышеуказанные факты позволяют утверждать, что наречие неполноты действия или признака определяет второй компонент предиката, который может быть выражен прилагательным или причастием, либо рассматриваемое наречие акцентирует внимание читателя на предмете, обозначенном существительным, например: That includes people ringing up to ask where they can pay their bills, which is hardly a complaint [3].

Интересно то, что в ряде случаев употребление наречия неполноты действия или признака и глагола to be идет в разрез с моделью подлежащее + вспомогательный глагол + наречие неполноты действия/признака + смысловой глагол. В таких примерах наречие неполноты действия или признака помещается после связки вспомогательного глагола и глагола to be: The task of examining this and extracting the full mechanism would be nearly impossible of achievement [3].

Данное явление также указывает на принадлежность наречия неполноты действия/признака к смысловому компоненту предиката как определителя. Другими словами наречия неполноты действия/признака играют роль идентификаторов значения определяемого глагола, причастия или прилагательного. Являясь оценочными единицами языка, наречия неполноты действия/признака не только уточняют, определяют семантическое значение, но и дают оценку характеру и степени выраженности действия либо признака, учитывая обстоятельства, ситуацию, а также субъективный опыт адресата и адресанта, например: I don't know why it should be, but everybody is always so exceptionally irritable on the river. Little mishaps, that you would hardly notice on dry land, drive you nearly frantic with rage, when they occur on the water [5, с. 269].

В приведенном примере наречие неполноты действия/признака hardly демонстрирует ситуацию, когда действие едва успело закончиться, а возможно даже не было завершено. Употребление наре-

чия *hardly* в данном предложении способствует лучшему пониманию эмоционального настроения говорящего и ситуации в целом.

В случаях употребления наречий неполноты действия или признака с глаголом *to be* рассматриваемые наречия употребляются в позиции перед причастием, прилагательным или существительным. В таких случаях наречие неполноты действия/признака входит в состав предиката в качестве определителя для смыслового компонента, например: *It was hardly surprising therefore, that she resented, but grudgingly accepted, being told by those on the shop floor, or in administration, what customers wanted [3]; Some were barely alive [3]; There is scarcely an element of any that is not linked to another [3].*

М. А. Беляева также отмечает, что при употреблении с глаголом *to be* наречия неопределенного времени занимают место после глагола [1].

Таким образом, необходимо отметить, что согласно анализу примеров при употреблении наречия неполноты действия или признака с глаголом *to be* данные наречия употребляются после данного глагола в позиции непосредственно перед определяемым словом. С этой точки зрения представляет интерес употребление наречий неполноты действия/признака в сочетании с глаголом *to seem*. В большинстве случаев наречия неполноты действия или признака употребляются также после данного глагола, согласно анализу примеров как правило, за этой связкой следует инфинитив либо прилагательное, определителем которого является наречие неполноты действия/признака. Данное явление еще раз доказывает, что наречия неполноты действия/признака в своем употреблении тяготеют к позиции перед определяемым словом, например: *With difficulty she stared up again at the unreachable sky beyond the bars and wire mesh of her cage and though she tried to say more she was unable to, for her wings sagged ever more weakly and she seemed barely able to hold up her head [3]; 'You see, Margaret was ten when I first saw her, and only seventeen when I asked her to marry me. She thought she had reason to be grateful to me and would have married me there and then. But I knew she hankered after these two years in Paris, and I didn't feel it was fair to bind her to me till she had seen at least something of the world. And she seemed hardly ready for marriage, she was growing still [6, с. 6]; The actor appeared to be slightly bewildered, and seemed hardly to take in the full meaning of the old gentleman's words [4, с. 43].*

Приведенные выше примеры демонстрируют описываемое употребление наречий неполноты действия/признака после глагола

to seem. Тем не менее, употребление наречий неполноты действия/признака также возможно в позиции до глагола to seem, за которым следует инфинитив либо прилагательное, хотя данные случаи употребления являются малочисленными, например: Yes, it hardly seemed right to leave them there in the circumstances [3]; In some ways it hardly seemed to exist; in another way, it had almost brought about the death of all three [3].

Данные примеры показывают, что при употреблении наречий неполноты действия/признака перед глаголом to seem, за которым следует инфинитив либо прилагательное, отрицательная коннотация глагола усиливается, автор акцентирует наше внимание на трудности и практически невозможности наличия признака (пример 1), совершения действия (пример 2).

Что касается глагола have, то в случаях, когда он является смысловым глаголом, а не вспомогательным, наречия неполноты действия или признака помещаются перед глаголом have, например: Those who take the view that capitalism operates to favour those with capital at the expense of those who merely have their labour to sell tend to believe that when new technology is developed and applied in a basically capitalist society the result is likely to be that jobs are degraded and the quality of working life of those in employment suffers [3].

Наречие only следует за глаголом have, когда он является модальным и выражает необходимость, например: Guests have only to step across the main promenade to reach the beach [3] - Гостям стоит лишь перейти главную аллею, чтобы оказаться на пляже; If you are planning to spend the evening with this gentleman, you have only to say so [3] - Если вы желаете провести вечер с этим джентльменом, вам, лишь стоит сказать об этом.

Следует отметить, что в таких сочетаниях наречие only помогает автору подчеркнуть тот факт, что наличие в описываемой ситуации необходимости прибегать к определенным действиям совершенно не является обременительным. Судя по результатам оценки примеров, также имеет место сочетание наречий неполноты действия/признака с причастиями. Данное употребление не является одним из доминантных случаев употребления наречий неполноты действия/признака, тем не менее, является интересным для исследования.

Г. А. Вейхман отмечает, что данное употребление наречий степени с причастиями зависит от степени адъективированности или глагольности причастия. Наречия степени употребляются: а) с адъективированными причастиями; б) с причастиями, сохранившими глагольность; в) пограничные случаи – употребления наречий сте-

пени с причастиями II, передающими состояние и в то же время не полностью утратившими глагольность. К данной группе относятся следующие причастия: 1) передающие или 2) не передающие душевное состояние и эмоциональную реакцию лица, обозначенного подлежащим. В частности, к адъективированным причастиям I и II, а также к причастиям I и II, которые сохранили глагольность, относятся такие причастия: 1) адъективированные причастия I: interesting, exciting, warring; 2) глагольное причастие I: screaming children; 3) адъективированные причастия II: a frightened animal, a tired child, a complicated problem; 4) глагольные причастия II: to be weakened, to be improved, to be admired, например: He's very much admired by his students [2, с. 83-96].

Учитывая данные факты, а также данные, полученные вследствие анализа примеров употребления наречий неполноты действия/признака с причастиями, необходимо отметить, что наречие неполноты действия/признака употребляются с адъективированными причастиями I, а именно в позиции перед причастиями данного типа. Наиболее типичным употреблением наречия неполноты действия/признака перед адъективированным причастием I является сочетание *hardly surprising*, например: *It's hardly surprising that in retaliation many people regard the pushy salesperson with contempt* [3].

Типичным случаем для употребления наречий неполноты действия/признака и причастий I является их употребление в позиции перед причастиями I сохранившими глагольность, например: *She looked at him without speaking, and in a moment he had clasped his arms round her, almost lifting her off her feet, and kissed her. She turned her face away* [8].

Наречия неполноты действия/признака употребляются перед адъективированными причастиями II, хотя данное употребление является малочисленным. Данное употребление является характерным для *almost, hardly, rarely, scarcely, nearly, barely, merely*, например: *His header, in injury time before the interval, brought a hardly deserved Cup exit for the £60-a-week part-timers on a night when Gloucester proved there really was sporting life locally beyond Kingsholm* [3]; *When he didn't answer immediately she glanced up at him, and the breath caught in her throat at the look of barely controlled fury in his night-dark eyes* [3].

Перед причастиями II, сохранившими глагольность, употребляются все рассматриваемые наречия неполноты действия/признака: *almost, hardly, rarely, scarcely, nearly, barely, merely, only, just*, например: *This is almost always caused by bad wound management* [3].

Г. А. Вейхман отмечает, что перед причастием I, сохранившим глагольность, употребляются наречия не степени, а образа действия [2, с. 83]. Большинство рассматриваемых наречий неполноты действия/признака относятся к наречиям меры и степени, которые определяют глагол, прилагательное, причастие или наречие и обозначают, количественный показатель действия или признака. Тем не менее, для рассматриваемых в нашей работе наречий неполноты действия/признака их употребление с причастием I сохранившим глагольность является достаточно частым, например: *Barely breathing she closed her eyes* [3]. Данное явление можно объяснить тем, что наречия неполноты действия/признака определяют не только меру или степень выполнения действия или проявления признака, но также служат отражением того, какие эмоции и чувства вызывает выполнение действия либо проявление признака. Другими словами, наречия неполноты действия/признака демонстрируют не только меру и степень выполнения действия либо проявления признака, но, являясь оценочными единицами языка, и образ действия.

Г. А. Вейхман выделяет пограничные случаи – употребление наречий степени с причастиями II, передающими состояние и вместе с тем не полностью утратившими глагольность. По мнению Г.А. Вейхман семантически такие причастия охватывают группы: 1) передающие состояние и эмоциональную реакцию лица, обозначенного подлежащим (*interested, bored, surprised, shocked, amused, astonished, impressed*); 2) не передающие состояние и эмоциональную реакцию лица, обозначенного подлежащим (*mistaken, known*) [2, с. 83–84].

Как показывает анализ примеров, наречия неполноты действия/признака также употребляются с причастиями, передающими или не передающими состояние и эмоциональную реакцию лица, обозначенного подлежащим, хотя данное употребление не является распространенным. Данные случаи употребления являются характерными для *almost, hardly, barely, merely, only, rarely, scarcely, just*, например: *American observers were hardly surprised by the outcry from sections of the British Labour party, but they were more disturbed by the attitude of influential Conservatives such as Lord Salisbury and Winston Churchill; One of the few American dealers to take an interest in British Romanticism, Richard L. Feigen has taken advantage of the excellent exhibition of Sir Thomas Lawrence's work at the Mellon Center at Yale to mount his own show, coupling Lawrence with Sir David Wilkie, an artist barely known to Americans* [3].

Также для наречий неполноты действия или признака характерным является употребление с другими наречиями, например: *He shook her away, almost violently* [6, с. 199].

В заключение необходимо еще раз отметить, что использование наречий неполноты действия или признака позволяет автору точнее передать семантические оттенки определяемого действия и комплексно, более точно донести до читателя значение высказывания в целом. Наиболее распространенными моделями употребления наречий неполноты действия или признака в современном английском языке являются употребление данных наречий перед смысловым глаголом. Наречие неполноты действия или признака употребляется после глагола *to be*, который входит в состав предиката. В сочетаниях наречия неполноты действия/признака с глаголом *to be* в составе предикативной конструкции рассматриваемые наречия определяют второй компонент предиката, то есть прилагательное, причастие или акцентирует внимание читателя на предмете обозначенным существительным. Наречия неполноты действия/признака являются определителями к смысловому компоненту предиката.

Учитывая данные факты употребления наречий неполноты действия/признака, можно сделать вывод, что, являясь языковыми инструментами передачи оценочного значения и одновременно индикаторами определения степени выполнения действия либо степени выраженности признака, рассматриваемые наречия в своем употреблении тяготеют к позиции перед определяемым словом. Тем не менее, данное употребление свойственно лишь высказываниям, в которых определяемое действие выражено простой формой глагола. В случаях, когда определяемое действие выражено сложной формой глагола (связкой вспомогательного и смыслового глаголов), рассматриваемые наречия употребляются между смысловым и вспомогательным глаголами. Таким образом, наречия неполноты действия или признака располагаются в позиции непосредственно перед определяемым компонентом.

В тех случаях, когда определяемое наречием неполноты действия/признака выражено сочетанием модального и смыслового глаголов, наречие неполноты действия/признака располагается в промежуточной позиции, то есть между модальным и смысловым глаголами. Наречия неполноты действия/признака относятся к наречиям меры, степени и обозначают, количественный показатель действия или признака. Для рассматриваемых наречий неполноты действия или признака наиболее типичным случаем является их

употребления с причастиями, сохранившими глагольность, тем не менее, употребление с адъективированными причастиями также является для них характерным.

Данное явление можно объяснить тем, что наречия неполноты действия или признака являются отражением того, какие эмоции и чувства вызывает выполнение действия (проявление признака). Таким образом, рассматриваемые наречия являются показателями образа действия. Наречия неполноты действия/признака употребляются в позиции перед определяемым компонентом, которым может являться глагол, прилагательное, причастие I или причастие II, наречие, а также существительное, входящее в состав предикативной конструкции. Рассматриваемые наречия неполноты действия/признака служат идентификаторами значения определяемого компонента и отражают не только степень выполнения действия или выраженности признака, но и в своем значении рассматриваемые наречия несут «зерно модальности». Наречия неполноты действия/признака, являясь оценочными единицами языка, отражают субъективное отношение говорящего к действию или признаку, а также предвосхищают субъективное отношение читателя к данному действию либо признаку. Рассматриваемые наречия являются инструментом эмоциональной, субъективной, психологической, качественной, количественной, а также вероятностной оценки.

Список литературы

1. Беляева М. А. Грамматика английского языка. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/engl/engl02.htm> (дата обращения 11.10.2009).
2. Вейхман Г. А. Новое в грамматике современного английского языка. – М.: Астрель, 2002.
3. British National Corpus. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения 11.10.2009).
4. Henry O. Selected Stores. – М.: Менеджер, 2005.
5. Jerome K. Jerome. Three men in a boat. – М.: Менеджер, 2004.
6. Maugham W. S. The Magician. – М.: Vintage, 2000.
7. Maugham W. S. The Moon and Sixpence. – L.: Mandarin Paperbacks, 1986.
8. Maugham W. S. Lisa of Lambeth. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikisource.org/wiki/Lisa_of_Lambeth (дата обращения 11.10.2009).

Локальная единица в городской литературной речи как результат диалога двух языковых систем

В статье рассматривается природа локализма – лексической единицы, появившейся в речи лиц, владеющих литературным языком, в результате воздействия диалекта. Исследована реализация локализма в речи городского населения с учетом ряда социальных страт, показана энергетическая заряженность локальной единицы.

The paper discusses the nature of localism – lexical unit appeared in the speech of people, who knows the literary language very well as a result of the influence of the dialect. The realization of localism in the speech of urban population is searched, taking into account some social strata. The energy of the local unit is shown.

Ключевые слова: устная форма литературного языка, локализм, социальные факторы, дисперсионный факторный анализ, поэтическая энергетика.

Key words: oral form of the literary language, localism, social factors, dispersive factor analysis, poetic energetics.

Работа по изучению обиходно-бытовой речи лиц, владеющих литературным языком, начата в Пермской школе социо- и психолингвистики речи еще в 70-е гг. Как показали исследования лингвистов, литературная речь жителей городов Пермского края, в том числе и областного центра, города Перми, подвержена воздействию местных диалектов [2; 3; 4; 6]. Описание языковой ситуации в пермском регионе позволило сделать теоретическое заключение о территориальном варьировании русского литературного языка в его устной форме как реально существующем факте, явившемся результатом взаимодействия двух языковых систем – литературного языка и диалекта в том числе.

Изучение языкового состояния в Пермском крае позволило установить, что большинство локальных элементов по происхождению связано с диалектом. В речевом обиходе горожанина, владеющего литературным языком, такие единицы получили название **локализмов**. Они не принадлежат к кодифицированным единицам литературного языка и являются локальными элементами либо в речи только жителей пермского

региона, либо в речи жителей пермского региона наряду с некоторыми другими областями.

Фронтальное исследование обиходно-бытовой речи лиц, владеющих литературным языком, родившихся в пермском регионе (записи речи составили около 30 часов звучания), выявило значительное количество лексических единиц диалектного происхождения. В семантическом плане локальные слова и ЛСВ имеют не родовую, а видовую семантику, обозначают, как правило, конкретные явления: названия жилых и хозяйственных строений и их частей; названия предметов и действий, связанных с домашним хозяйством; тематическая группа слов, представляющих еду и процессы, связанные с ее приготовлением; достаточно представительной оказалась группа слов, определяющих черты характера, поведение человека, его поступки и действия.

Есть довольно значительная тематическая группа слов – названий представителей животного и растительного мира. Наконец, выделяется группа слов, обозначающих элементы местности.

Помимо выделенных групп лексических единиц в анализируемом материале имеет место и локализованная непредметная лексика. Это такие слова, как *взад* – 'назад', *взаде* – 'сзади, позади', *внаклонку* – 'внаклон', *вскольз* – 'вскользь', *гольный* – 'голый, чистый, без примесей', *даве* – 'недавно', *живой* – 'целый, невредимый, без изъяна', *назавтре* – 'назавтра', *нарастапашку* – 'нараспашку', *начистовую* – 'начисто', *нашто* – 'зачем, для чего', *ну* – 'да, хорошо', *позарезу* – 'до крайности, очень', *склизкий* – 'скользкий', *сподряд* – 'подряд', *уросливый* – 'капризный' и др.

Локализмы географически приурочены. Тем не менее, это не значит, что все они распространены только в одном конкретном регионе. Во многих случаях местные слова широко употребляются за пределами пермского (и даже урало-сибирского) ареала. Это позволяет сделать вывод о существовании общерусского разговорного фонда, «некоего «низкого» общего разговорного языка» (по выражению Б. А. Ларина – 7: 187), слова которого используют и лица, владеющие литературной нормой.

Исследование реализации диалектных элементов в речи городского населения с учетом ряда социальных страт показывает, что наиболее очевидным представляется влияние фактора «уровень образования» (и сопряженного с ним фактора связи с диалектной средой). Сопоставлялась спонтанная речь трех групп информантов, по четыре человека в каждой – жителей Перми разного возраста, пола, уровня образования и разных профессий. Информанты не

были осведомлены о том, что их речь фиксируется. Записи делались вручную. Материал составил 300 речевых отрезков, содержащих в среднем по 15-20 словоупотреблений обиходно-бытовой тематики.

Неоднородность речевого опыта, явившаяся результатом таких доминирующих социальных факторов, как уровень образования и связь с диалектной средой, предопределила разделение информантов на три группы.

Группу А составили информанты, родившиеся в Пермском крае. В городе они живут давно, однако воздействие диалекта на их речь ощутимо, ибо информанты сохраняют тесную связь с родными местами. Высшего образования не имеют.

Информанты группы Б, родившиеся в Перми и Пермском крае, также не получили высшего образования, но по роду своей деятельности находятся в тесном контакте со специалистами, имеющими его. Это оказывает соответствующее влияние в плане усвоения норм литературного языка.

Информанты группы В родились в Перми, имеют высшее филологическое образование, с диалектом не связаны, нормами литературного языка владеют в достаточной степени.

При анализе полученного речевого материала в избранном аспекте в первую очередь обращает на себя внимание диалектная лексика. Диалектное слово (или локализм, ибо мы рассматриваем его на уровне городской речи) оказалось существенным лексическим компонентом речи горожанина. В нашем речевом материале отмечено 66 локализмов. Причем жители Перми употребляют диалектные слова, которые представлены в лексическом составе пермских диалектов. Так, проверка употребленных городскими жителями локализмов показала, что 51 диалектное слово из 66 описано в «Словаре говоров Соликамского района Пермской области», который «относится к диалектным словарям дифференциального типа, то есть содержит местные слова, являющиеся принадлежностью **только народных говоров**» [Выделено нами. – Т.Е.] [10, с. 5].

Отмеченные в речевом употреблении локализмы неоднородны по составу. С учетом структурно-семантического признака, их можно условно разделить на три группы. Самой многочисленной (44 слова) оказалась группа собственно лексических локализмов типа *баской* – 'красивый', *брезг* – 'рассвет', *бусый* – 'серый', *влязины* – 'новоселье', *втолмить* – 'объяснить, втолковать', *гасник* – 'шнурок, подвязка', *голбец* – 'подполье', *гуня* – 'верхняя одежда', *давеча* – 'спустя некоторое время', *кашик* – 'шумовка', *пельменник* – 'шумовка', *лони* – 'в

прошлом году', *скать* – 'раскатывать тесто', *толкушка* – 'пестик', *уросить* – 'капризничать' и др. Это лексические единицы, характерные для народных говоров и используемые в речи городских жителей с тем же значением. Например: *Никак не могу ему втолмить, что грубить мне нельзя* (9А)*; *Они ведь давно уже квартиру-то получили, мы на влазины ходили, два дня пировали* (7А); *Вроде девка-то ведь какая баская, а вот не везет – да и только!* (1А); *У меня Володя ловко пирожником орудует, так быстро скет, что я не успеваю за ним* (2Б); *Идем на работу – и уже брезг* (6Б); *Кошка у нас бусая какая-то!* (7В); *Да машина [швейная. – Т.Е.] у меня, Тамара, уросит. Ты гляди, ты подумай-ка!* (8В).

Вторую группу составили семантические локализмы (в записях их 14). Это слова, обладающие по меньшей мере двумя значениями; одно характерно для литературного языка, другое – для диалекта. Например, *вышка* – в литературном значении 'мелкая пристройка наверху дома; мезонин' [1, III, с. 1334]; в диалектном – 'чердак' (Соликамский словарь, с. 101). Укажем пары значений (литературное – диалектное) у некоторых слов из этого рода: *клетка* – 'закрытое помещение для птиц и др. животных со стенками из железных или деревянных прутьев' [1: Т. 5: 1019], 'детский домик, комнатка' [11, II, с. 28]; *огород* – 'участок земли для выращивания овощей, обычно обнесенный изгородью' [1, VIII, с. 634], 'изгородь' (Соликамский словарь, с. 384); *ограда* – 'забор, стена, решетка и т.п., то, чем обнесено, огорожено что-либо' [1, VIII, с. 639], 'двор, в противоположность жилью, избе' [9, II, с. 637] и др. См. также записи городской речи: *У нас хорошо было: за огород перелезь, веток наломай да и иди в баню* (10А); *Грибы всегда сушили на вышке, а сейчас балкон есть* (1А); *Наделаем клеток... Кукол посадим, а потом усядемся и играем* (2Б); *Эти ребята из одной ограды* (5В).

Третья группа локализмов – словообразовательные. Это слова типа *внаклонку, изладить, гольная, засоня* и др. Они отличаются от соответствующих им литературных слов составом аффиксов, употребляются в следующих контекстах: *Сорок лет проработала в одном цехе, да все внаклонку* (1А); *Что бы ни приговорила – соль гольная. Как жить будем – не знаю* (9А); *Ну, этот засоня! Обязательно опоздает!* (5В).

Другую, близкую к диалектным элементам, однако отличную от них, разновидность лексики в речи информантов составили слова

* Цифра обозначает конкретного информанта, буква – группу, к которой он принадлежит.

городского просторечия как формы функционирования национального языка. Эта форма речи занимает заметное место в разговорной стихии современного города и противопоставляется другим формам функционирования языка в силу целого ряда особенностей [5].

В группе просторечной лексики оказались многозначные слова, которые в одном или нескольких значениях отличаются большой экспрессивностью, эмоционально сниженной окрашенностью. Именно в этих значениях данные слова определяются в БАС как просторечные. Такими, например, являются слова: *больно* – 'очень, чрезмерно' [1, I, с. 558], *голосить* – 'громко петь, кричать' [1, III, с. 238], *дядька* – 'всякий взрослый мужчина' [1, III, с. 1215], *нажратся* – 'напиться пьяным' [1, VII, с. 206], *паршивый* – 'очень плохой' [1, IX, с. 257], *поспеть* – 'стать готовым к употреблению' [1, X, с. 1511], *ровно* – 'как будто' [1, XII, с. 1357], *тетка* – 'всякая взрослая женщина' [1, XV, с. 406] и т.д. См.: *Он такой дядька, ух!* (10А); *Квас-то, поди, поспел?* (1А); *Что у вас сегодня чем-то кислым пахнет, ровно в пекарне?* (2Б); *Да и не в деньгах тут дело! Ведь нажрался как зюзька!* (3Б).

К просторечным были отнесены и однозначные слова, образованные от корней слов литературного языка и имеющие в нем пейоративную или стилистически сниженную окраску. Это слова типа *заводи́ла* – 'начинатель, вдохновитель каких-либо развлечений или шалостей; зачинщик' [1, IV, с. 310], *нама́яться* – 'сильно устать' [1, VII, с. 325], *объе́горить* – 'обмануть, провести' [1, VIII, с. 552], *оже́ниться* – 'вступить в брак; жениться' [1, VIII, с. 728], *паца́н* – 'мальчишка' [1, IX, с. 326] и др. См. тексты: *Я в девках заводилой была* (10А); *Пацан был совсем, когда приехали* (2Б); *Оженился в 19 лет* (6Б); *В справочном бюро диспетчер объегорила меня* (8Б); *Ну и намаялась я, пока сняла выкройку* (5В).

Можно говорить и о словах-просторечиях, образованных с помощью суффиксов *-к-* и *-шк-* и обладающих сниженной окраской (ср.: *столовка* – столовая, *компашка* – компания, *комиссионка* – комиссионный (магазин) и т.п.), а также о специфической «норме» ударения типа *во-перв'ых*, *зв'онит*, *кв'артал*, *кил'ометров*, *подв'едены*, *пров'едены*, *р'евнует* и др. Наконец, в записях встретились слова-просторечия с неправильными с точки зрения литературной нормы фонетическими (фонематическими) и грамматическими формами типа *боюся*, *белушший*, *зонта*, *кажн'ый*, *обожгешься*, *транвай*, *шкап* и др.

Чтобы выявить количественные особенности функционирования диалектных и просторечных слов, был проведен их подсчет в 800 словоупотреблениях четырех представителей каждой из групп информантов (А, Б, В).

Больше всего диалектных слов встречается в речи горожан, которые не имеют высшего образования и близки к диалектной среде, к живому народному языку (гр. А – 6,3 %). Отмечается 3,4 % диалектных слов у информантов группы Б: они также не имеют высшего образования, но тяга к знаниям, совершенствование своей квалификации и ослабление связей с диалектной средой сказались на их речи. Наконец, информанты с высшим филологическим образованием, отличающиеся знанием норм литературного языка (гр. В), употребляют диалектных слов меньше – всего 0,3 %. Итак, наличие диалектных слов в речи горожан находится в прямой и тесной зависимости от социальных факторов: образования человека, среды, его окружающей, связи с диалектом, наконец, от общего развития.

Что касается просторечной лексики, то самый большой процент ее фиксируется в речи информантов группы Б (4,0 %), людей, знакомых с диалектной речью, но стремящихся отойти от нее. Информанты группы А, владеющие диалектной нормой, употребляют меньше просторечных слов (2,6 %), чем информанты группы Б. В группе В наблюдается небольшой процент использования просторечных слов (2,3 %), что также естественно, так как информанты этой группы владеют литературной нормой. Следовательно, употребление слов-просторечий, как и локализмов, находится в тесной зависимости от тех же социальных факторов: образования информантов, их окружения, связи с диалектной средой и пр. При этом использование диалектных и просторечных слов оказывается взаимосвязанным на уровне городской речи: чем больше встречается диалектных элементов, тем меньше просторечных, и, наоборот, при увеличении в речи числа слов-просторечий уменьшается число диалектных (ср. группы А и В). Кроме того, речь людей, владеющих литературной нормой, характеризуется небольшим включением и диалектных, и просторечных слов – 1-2 % (группа В). Суммированные средние процентные данные маркированных диалектных и просторечных элементов сближают группы А и Б (8,9 и 7,4 %) и резко противопоставляют их группе В (2,6 %). Отсюда и доля нейтральной (общелитературной) лексики в группах А и Б в среднем меньше, чем в группе В (соответственно 91,8 и 97,4 %).

Таким образом, группы А и Б противопоставлены группе В по проценту встречаемости диалектных и просторечных слов. Это со-

ответствует страте «наличие-отсутствие высшего образования». В то же время факт противопоставления группы А группам Б и В по проценту превышения диалектных слов над просторечными несомненно коррелирует с фактором «наличие-отсутствие связи с диалектной средой».

Чаще всего местные слова и выражения используются в литературной речи горожан неосознанно, поскольку локализмы являются органической частью их идиолексикона с детства. Например, информант объясняет, что слово **синявки** органично для речи пермяка: *Я не слышала, чтобы кто-то в уральской среде называл синявки сыроежками. Везде: от рынка до самых высоких сфер – все их зовут синявками, особенно любители грибов, знатоки.*

Однако в определенной ситуации пермяки могут оценить особую заряженность диалектного слова: *Это расстояние измеряется от самой глубокой впадины на переносице до **чушки** (смех). До подбородка.* (На занятиях по ПВО).

Весьма нередки случаи, когда локализмы используются носителями литературного языка Прикамья в ярко выраженной экспрессивно-стилистической функции. Ср. зафиксированное в речи использование фразеологизма *каждую шишку носил на вышку* – то есть собирал и хранил в памяти много разнообразных сведений.

Энергетическая заряженность локального слова способствует использованию его в своеобразной «языковой игре»: (Шутит). ***Тенета?** Да по углам у хорошей хозяйки для красоты. У студентов тоже бывает, чтобы всякие мушки попадались.*

Локализмы, обладающие энергетической силой, привлекают поэтов и расцениваются ими в качестве поэтических ресурсов. См. у Авенира Крашенинникова:

*Видишь: один листок
Не позабылся сном,
Стуже **напоперек**
Алым горит огнем.*

Часто локализмы встречаются в поэтической речи в функции специфических этнографизмов. Так, употребление слова **угор** – возвышенность, характерное для региона, помогает М. Смородину пробудить чувство сопричастности, близости к природе, краю малой родины.

Высшим проявлением силы локализма является использование его в совокупности нескольких поэтических функций, когда локализм не просто удачно именуется предмет или явление, не просто содействует созданию ярких, выразительных образов, но,

органически входя в контекст стиха, позволяет высветить идейное звучание произведения. Ср. у А. Решетова:

Опять зима, опять мороз.

Крахмальный скрип сухого снега.

Куржак на веточках берез.

Дымок над кровом человека.

И солнце, яркое до слез.

По определению Л.И. Скворцова, высокая речевая культура «предполагает достаточно высокий уровень общей культуры человека, сознательную любовь к языку, культуру мышления... Программа языковой политики, основанной на научных знаниях, состоит в том, чтобы удерживать литературную речь на высшем уровне современной культуры и книжно-письменной традиции и в то же время не допускать ее отрыва от народной почвы, живых процессов национального языка» [8, с. 119].

Взаимопроникновение и смешение языковых подсистем – характерная черта функционирования современного русского языка.

Список литературы

1. БАС. – Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах). - М., Л.; 1950-1965.
2. Ерофеева Е. В. Экспериментальное исследование фонетики регионального варианта литературного языка. - Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1997.
3. Ерофеева Е. В., Ерофеева Т. И., Скитова Ф. Л. Локализмы в литературной речи горожан. - Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002.
4. Ерофеева Т. И. Опыт исследования речи горожан. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991.
5. Ерофеева Т. И., Грузберг Л. А. Еще раз о просторечии // Живое слово в русской речи Прикамья. - Пермь, 1989. - С. 3-10.
6. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование. - Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2009.
7. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы. - М.: Просвещение, 1977.
8. Русский язык. Энциклопедия. - М., 1979.
9. Словарь Даля. – В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - М., 1955.
10. Соликамский словарь. - Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О.И. Беляев. - Пермь, 1973.
11. Уральский словарь. - Словарь русских говоров Среднего Урала. - Т. 1-7. - Свердловск, 1964-1988.

Синтаксические особенности заголовка экономического текста

Целью данной статьи является изучение синтаксических особенностей заголовков экономических текстов в немецком журнале «Der Spiegel». Одним из требований, предъявляемых к оформлению заголовка текста, является его компактная форма, влекущая за собой компрессию, сжатость и опущение некоторых элементов заголовка. Следовательно, стремление к краткости заголовка, главным образом, отражается на его синтаксических характеристиках, которые в свою очередь обусловлены определенной структурой заголовка.

The article is aimed at studying syntactical peculiarities of economic text's title in German magazine „Der Spiegel“. One of title requirements is its short form that caused compression and omission of some units of the title. Consequently tendency to short form of the title influences its syntactical peculiarities that are determined by certain structure of the title.

Ключевые слова: номинативная структура заголовка, вербальная структура заголовка, экономический текст.

Key words: nominative structure of the title, verbal structure of the title, economic text.

Заголовки, согласно синтаксической классификации К. Гнутцмана, могут иметь номинативную, вербальную или свободную структуру (*nominale, verbale und freie Titelstruktur*) [2, с. 28]. Анализ 153 заголовков экономических текстов, опубликованных под рубрикой «Wirtschaft» в немецком информационно-политическом журнале «Der Spiegel» в 2008 году, показал, что в исследуемом материале преобладают заголовки с номинативной и вербальной структурой.

К заголовкам с номинативной структурой относятся заголовки, которые оформлены в виде именной группы. Они могут быть представлены непосредственно одним существительным либо именной группой, включающей в себя разного рода определения. Среди заголовков экономических текстов журнала «Der Spiegel» ведущее место занимают заголовки с номинативной структурой (66% заголовков от общего числа анализируемых заголовков). Структура заголовка данного вида может быть представлена:

- существительным: *Die Ölpreis-Treiber* (9.2008. S.80); *5-Sterne-Campinski* (37.2008. S.98); *Der Wind-Macher* (24.2008. S.104);

- именной группой, связанной с помощью союза *und*: *Milch, Markt und Markt* (23.2008. S.86); *Wahn und Wirklichkeit* (6.2008. S.48); *Luxusyacht und Kurzarbeit* (24.2008. S.58);

- именной группой, распространённой справа: *Schonung für Buchhalter* (3.2008. S.65); *Wirren um Windhorst* (3.2008. S.67); *Jahr der Entscheidung* (5.2008. S.70);

- именной группой, распространённой слева: *Teure Format-schlacht* (3.2008. S.66); *Beispielloser Ausverkauf* (6.2008. S.62); *Frad-würdiges Geschäft* (9.2008. S.95);

- именной группой, распространённой слева и справа: *Neue Tar-
ifstrategie für die Zeitarbeit* (3.2008. S.66); *Vergessene Guthaben bei
Postbank* (6.2008. S.55); *Die dunkle Seite der Macht* (24.2008. S.86).

Номинативные заголовки, состоящие из одного существительного, составляют 5% заголовков от общего числа номинативных заголовков. С нашей точки зрения подобные заголовки, словно имена, которые называют тексты. Как правило, они указывают на основное событие, о котором сообщается в тексте, либо на главных героев, которые определённым образом задействованы в описываемых в статье экономических новостях, ср.: *5-Sterne-Campinski* (37.2008. S.98); *Die Ölpreis-Treiber* (9.2008. S.80).

Заголовки текстов, представленные в виде нескольких существительных, связанных соединительным союзом «*und*», составляют 3% заголовков от общего числа номинативных заголовков. При анализе подобных заголовков было обнаружено, что существительные, являющиеся их компонентами, в некоторой степени противопоставлены друг другу. Например: *Wahn und Wirklichkeit* (6.2008. S.48); *Luxusyacht und Kurzarbeit* (24.2008. S.58).

Анализ практического материала показал, что в заголовках с номинативной структурой достаточно часто в целях языковой экономии опускается глагол-связка: *Bruc ohnmächtig* (6.2008. S.75); *Besser schlechte Jobs als keine* (25.2008. S.82); *Spitzenbeamter als Allianz-Lobbyist* (24.2008. S.68); *Ex-Siemens-Mann als Lückenbüßer* (21.2008. S.79). Например, вместо заголовков *Bruc ist ohnmächtig*, *Besser sind schlechte Jobs als keine* используются заголовки-эллипсы *Bruc ohnmächtig*, *Besser schlechte Jobs als keine*. Таким способом достигается лаконичность заголовка и не искажается его информативная ценность.

В целях языковой экономии при оформлении заголовка текста успешно используются комбинаторные возможности существительного. В немецком языке в постпозиции существительного могут стоять генитивные или предложные определения. Анализ

практического материала показал, что заголовки, имеющие структуру распространённого в постпозиции существительного, занимают ведущее место среди номинативных заголовков (50% заголовков от общего числа номинативных заголовков). Заголовки этого стиля могут быть оформлены в виде словосочетаний «существительное + генитивное определение» и «существительное + предложное определение». Заголовки, имеющие структуру «существительное + генитивное определение» составляют 49% от общего числа номинативных заголовков, распространённых справа: *Meister des leisen Geschäfts* (25.2008. S.80); *Der Fluch der Zahlen* (25.2008. S.72); *Mauern des Schweigens* (21.2008. S.80). Как видно из примеров, существительное уточняется и конкретизируется посредством генитивного определения, что повышает информативность заголовка.

Заголовки, имеющие структуру «существительное + предложное определение», достаточно распространены среди заголовков экономических текстов прессы и составляют 51% заголовков от общего числа номинативных заголовков, распространённых справа. Например: *Milliardenloch bei „Galileo“* (3.2008. S.65); *Sand im Getriebe* (23.2008. S.90); *Käfer im Goldrausch* (3.2008. S.74). За счет использования словосочетания «существительное + предложное определение» исчезает необходимость употребления глагола, в результате чего достигается компактная форма заголовка.

В препозиции именной группы в немецком языке обычно употребляются адъективные или причастные определения. Соответственно эта конструкция нашла своё применение в заголовках экономических текстов журнала «Der Spiegel» (34% заголовков от общего числа номинативных заголовков). Например: *Verdächtiger Fund* (25.2008. S.74); *Dubiose Fragen* (25.2008. S.67); *Düstere Diagnose* (24.2008. S.90); *Typischer Schnellschuss* (23.2008. S.88); *Gefühlte Belastung* (25.2008, S.68); *Hinterletzte Tricks* (23.2008. S.92). В заголовках, распространённых слева, посредством употребления оценочных прилагательных или причастий характеризуются свойства экономических объектов, процессов и явлений, а также даётся положительная или отрицательная оценка излагаемому. В связи с этим подобные заголовки, как правило, оказывают эмоциональное воздействие на читателя, что в свою очередь обуславливает их широкое распространение в прессе.

Кроме этого в современном немецком языке отмечается тенденция к расширению именной группы как слева при помощи адъективных и причастных определений, так и справа – при помощи генитивных и предложных определений [1, с. 110]. Заголовки с по-

добной структурой составляют 8% заголовков от общего числа номинативных заголовков. В качестве примеров приведем следующие заголовки: *Das große Minus an AirPlus* (25.2008. S.74); *Die dunkle Seite der Macht* (24.2008. S.86); *Mehr Geld für den KfW-Chef* (23.2008. S.85). В заголовках экономического текста в связи с расширением именной группы в препозиции и постпозиции исчезает необходимость употребления придаточных предложений.

Достаточно распространённым приемом является построение заголовка в форме вопросительного эллиптического предложения, состоящего из именной группы (13% заголовков от общего числа номинативных заголовков). Например: *Freiwillige Zwangsarbeit?* (23.2008. S.96); *Ackern bis zum Umfallen?* (19.2008. S.100). Использование вопросительного знака в заголовках свидетельствует об их эмоциональности и достаточно часто придаёт им саркастический оттенок. Такие заголовки намекают на подтекст и чтобы его понять, читателю предлагается прочесть текст.

Анализ показал, что в номинативных заголовках экономических текстов представлены следующие виды заголовков:

заголовок в виде существительного	5%
заголовок в виде именной группы, связанной с помощью союза und	3%
заголовок в виде именной группы, распространённой справа:	50%
существительное + генитивное определение	49%
существительное + предложное определение	51%
заголовок в виде именной группы, распространённой слева	34%
заголовок в виде именной группы, распространённой слева и справа	8%

Среди заголовков экономических текстов немецкого журнала «Der Spiegel» широко представлены заголовки вербальной структуры (34% заголовков от общего числа анализируемых единиц). Вербальная структура заголовка может быть:

- финитной (finite verbale Titelstruktur) [2, с. 29]: *Kontroleurre reagieren auf Kritik* (3.2008. S.66); *Das „Hexle“ kämpft* (7.2008. S.60);
- инфинитной (infinite verbale Titelstruktur) [2, с. 29]: *In der Oktave vegriffen* (9.2008. S.102); *Zum Glück gezwungen* (10.2008. S.76).

В анализируемом материале преобладают заголовки с финитной вербальной структурой. Они составляют около 81% заголовков от общего числа вербальных заголовков. Частотность использования финитной вербальной структуры объясняется стремлением придать динамичность сообщению, показать быстрые темпы изменений в мире экономики: *Kontroleurre reagieren auf Kritik* (3.2008.

S.66); *Das „Hexle“ kämpft* (7.2008. S.60). Как видно из данных примеров, глагол с помощью синтаксической валентности задаёт структуру заголовка. Структура заголовка *Kontroleurre reagieren auf Kritik* является синтаксически полной в силу того, что глагол *reagieren* имеет две обязательные актанта (*sie reagieren auf etw.*), обе из которых представлены в данном заголовке. Заголовки с подобной структурой, как правило, четко называют тему сообщения и формируют у читателя ясное представление о содержании статьи. В заголовке *Das „Hexle“ kämpft* наблюдается выпадение одного из обязательных актанта глагола *kämpfen um etw.* Это придаёт заголовку загадочность и недосказанность. Такого рода заголовки подогревают интерес читателя к статье.

Анализ практического материала выявил, что в заголовках с финитной вербальной структурой может отсутствовать: объект: *Bonusregelung greift* (9.2008. S.78); *Steinbrück geizt* (5.2008. S.83); субъект: *Wie viel wäre zu viel?* (3.2008. S.72); субъект и объект одновременно: *Dienstlich genießen* (5.2008. S.73); *Mehr muss her* (6.2008. S.56).

Среди заголовков экономического текста журнала «Der Spiegel» преобладают заголовки, в которых используется личная форма глагола, но отсутствует объект (76% заголовков от общего числа заголовков с финитной вербальной структурой). Так, например, в данных заголовках опущен объект: *Bonusregelung greift - zum Kartellrecht*; *Steinbrück geizt - mit den Abgaben*. Частотность опущения объекта объясняется стремлением заинтриговать читателя и вызвать его интерес, поскольку заголовки с подобной структурой указывают лишь на основную идею текста, а для получения дополнительной информации необходимо прочитать статью.

Среди заголовков с финитной вербальной структурой реже встречаются заголовки, которые предполагают наличие субъекта, но в заголовке он опущен. Подобные заголовки составляют 11% от общего числа заголовков с финитной вербальной структурой. Например, в заголовке *Wie viel wäre zu viel?* отсутствует субъект *der Mindestlohn*, что в свою очередь интригует читателя и подогревает его интерес к дальнейшему чтению статьи.

Кроме этого среди заголовков с финитной вербальной структурой были обнаружены заголовки, в которых отсутствует субъект и объект одновременно. Они составляют 13% от общего числа заголовков с финитной вербальной структурой. Например, в заголовке *Dienstlich genießen* элиминированы субъект *20 Damen und Herren des Aufsichtsrats* и объект *einen Trip zur TUI-Zentrale in Hannover*. Вслед за К.-Е. Зоммерфельдом [3, с. 221] мы считаем, что заголовки

с такой структурой представлены в виде загадки и, чтобы их разгадать и понять, о чем идет речь, нужно прочитать сообщение.

В заголовках с инфинитной вербальной структурой, которые составляют около 19% от общего числа вербальных заголовков, могут быть элиминированы: финитная форма глагола: *Mindestlohn ausgehebelt?* (9.2008. S.77); *Ver.di ausgebootet* (25.2008. S.66); объект и финитная форма глагола: *T-Kontrolleur gesucht* (7.2008. S.61); *Koalitionsprogramme kaum gefragt* (23.2008. S.84); субъект и финитная форма глагола: *Zum Glück gezwungen* (10.2008. S.76); *Auch mal lauter werden* (19.2008. S.92); *Gut gewappnet* (21.2008. S.79); *Zu früh gefreut?* (24.2008. S.68).

Согласно анализу практического материала наибольшее распространение среди заголовков с инфинитной вербальной структурой получили заголовки, в которых отсутствует субъект с финитной формой глагола (56% заголовков от общего числа заголовков с инфинитной вербальной структурой). В качестве примеров приведем следующие заголовки: *Zum Glück gezwungen - Der Stromriese ist zum Glück gezwungen*; *Auch mal lauter werden - Man muss auch mal lauter werden*, *Gut gewappnet - Deutschland ist gut gewappnet*, *Zu früh gefreut? - Haben die deutschen Milchbauern zu früh gefreut?* Преобладание заголовков с подобной структурой обусловлено не только необходимостью языковой экономии, а также «стремлением пробудить интерес читателя к экономическому тексту» [4, с. 256]. Авторы заголовков намеренно опускают в них субъект, представляющий наиболее важную информацию, чтобы заинтриговать реципиента и настроить его на дальнейшее чтение материала.

В отличие от вышеуказанной структуры заголовки с инфинитной вербальной структурой, указывающие на отсутствие финитной формы глагола или объекта с финитной формой глагола, используются в меньшей степени. В исследуемом материале среди заголовков с инфинитной вербальной структурой 21% составляют заголовки, в которых элиминирована финитная форма глагола. Так, в заголовках *Mindestlohn ausgehebelt?*, *Ver.di ausgebootet* наблюдается выпадение финитной формы глагола *sein*. В 23% заголовков от общего числа заголовков с инфинитной вербальной структурой было обнаружено элиминирование объекта и финитной формы глагола, ср.: *T-Kontrolleur gesucht - T-Kontrolleur ist vom Aufsichtsrat gesucht*; *Koalitionsprogramme kaum gefragt - Koalitionsprogramme sind von der Bundesagentur für Arbeit und vom Sozialministerium kaum gefragt*. С нашей точки зрения данные синтаксические структуры способствуют, главным образом, достижению сжатости и лаконичности заголовка.

Таким образом, вербальные заголовки представлены следующими видами:

финитная вербальная структура:	81%
элиминирование объекта	76%
элиминирование субъекта	11%
элиминирование субъекта и объекта	13%
инфинитная вербальная структура:	19%
элиминирование финитной формы глагола	21%
элиминирование объекта и финитной формы глагола	23%
элиминирование субъекта и финитной формы глагола	56%

Итак, заголовки экономических текстов журнала «Der Spiegel» обладают номинативной и вербальной структурами. Заголовки свободной структуры не были обнаружены в анализируемом материале. Это в свою очередь позволяет заключить, что данная структура не характерна для заголовков экономических текстов журнала «Der Spiegel». Анализ практического материала выявил такие синтаксические особенности заголовков, как стремление к компрессии, элиминирование элементов заголовка, которые читатель может восстановить без особых трудностей, преобладание заголовков номинативной структуры, активное использование комбинаторных возможностей существительного и предпочтение синтаксических структур, выражающих эмоциональное состояние автора. В совокупности данные синтаксические особенности способствуют компактному и лаконичному оформлению информационно емкого заголовка.

Список литературы

1. Вельман Х. Грамматика немецкого языка. Звук. Слово. Предложение. – М.: Московский лицей, 2009.
2. Gnutzmann C. Aufsatztitel in englischsprachigen Fachzeitschriften. Linguistische Strukturen und kommunikative Funktionen // Fachbezogener Fremdsprachenunterricht (Forum für Fachsprachen-Forschung, B. 6). – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988. – S. 23-38.
3. Sommerfeldt K.-E. Zur Semantik von Überschriften in Tageszeitungen // Sprache im Alltag: Beobachtungen zur Sprachkultur. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1994. – S. 231- 239.
4. Trübner G. Zur Problematik des englischen „headlines“ und dessen sprachlicher Wirksamkeit, dargestellt an Überschriftenbeispielen des „Morning Star“ // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. – Berlin: Akademie Verlag, 1976. – B. 29. – S. 254-263.

Комбинаторная лингвистика в структуре науки о языке

Комбинаторная лингвистика – область языкознания, изучающая линейные отношения языковых единиц и их комбинаторный потенциал. В рамках данной дисциплины исследуются проблемы сочетаемости языковых единиц, соотношения семантики и сочетаемости, функций сочетаемости речи, комбинаторных свойств и лексикографического отражения сочетаемости языковых единиц.

Combinatorial Linguistics is the branch of Linguistic Science that studies linear relations of language units and their combinatorial profile. The article considers the problems of collocability, correlation of semantics and syntagmatics between language units, their functions, combinatory properties and lexicographical description.

Ключевые слова: синтагматика, сочетаемость, комбинаторика, семантика, комбинаторный потенциал, функции сочетаемости.

Key words: syntagmatics, collocability, combinatorics, semantics, combinatorial profile, functions of collocability.

Комбинаторная лингвистика – направление языкознания, изучающее синтагматические отношения языковых единиц и их комбинаторный потенциал. В основе комбинаторной лингвистики, с одной стороны, лежит понятие синтагматики, которое понимается как аспект языка, содержащий языковые правила сочетаемости одноуровневых единиц, с другой стороны, – понятие комбинаторики, или составление и изучение комбинаций единиц языка. В рамках комбинаторной лингвистики проводятся исследования по проблемам сочетаемости единиц языка, самой природы сочетаемости, взаимосвязи семантики и сочетаемости, функционирования сочетаемости в языке и речи, комбинаторных свойств языковых единиц и т.д.

Предпосылками зарождения комбинаторной лингвистики явились научные труды выдающихся языковедов: А. Х. Востокова, Ф.Ф. Фортунатова, Н. В. Крушевского, Л. В. Щербы, Ф. де Соссюра, Ш. Балли, Л. Блумфилда, З. Харриса, Дж. Р. Фёрса, Л. Теньера, Н. Хомского, Г. Хельбига и многих других.

Начало комбинаторной лингвистики связано с появлением самого влиятельного направления языкознания XX века структурализма. Идеи Фердинанда де Соссюра о двух аспектах лингвистических исследований способствовали поискам универ-

сальных схем для формализации языка. Синтагматические и парадигматические отношения являются двумя основными типами отношений между языковыми единицами. Синтагматические отношения проявляют линейный характер, реализуются в речевой цепи (тексте) и являются всецело наблюдаемыми. Парадигматические отношения носят вертикальный характер и хранятся в индивидуальном сознании носителя языка. Отношения между этими двумя аспектами представляются весьма сложными и не до конца изученными. И если в современной лингвистике проблемы парадигматического плана следует считать хорошо разработанными (это относится, прежде всего, к понятию значения, семантической структуре слова, семантическому полю, системе языка и т.д.), то в области синтагматики ещё остаётся много нерешённых проблем. Эпоха структурализма повлияла на возрастание интереса к изучению законов сочетания языковых единиц. В то время появилось множество работ, различающихся по взглядам на данное языковое явление.

Синтагматические отношения языковых единиц являются функциональными отношениями языка, т.к. реализуют главную его функцию – коммуникативную. В лингвистической литературе термин «синтагматика» имеет следующие значения [5, с. 447]:

1) один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых – синтагматических – отношений знаков языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте; этот аспект изучения языка противопоставляется парадигматике;

2) синоним выражения «синтагматический план речи или текста», обозначающего линейный план отношений между наблюдаемыми единицами языка, поскольку синтагматика рассматривает эти единицы при их одновременной реализации в речи или тексте;

3) реже – учение о синтагме, чаще учение о синтагматических типах отношений как отношений между единицами языка «по горизонтали» (в отличие от парадигматики, изучающей отношения «по вертикали»).

В комбинаторной лингвистике синтагматика представлена как аспект языка, содержащий языковые правила сочетаемости одноуровневых единиц и их реализацию в речи.

Вновь проявившийся интерес к синтагматическим свойствам языковых единиц можно объяснить следующими причинами:

1) потребностью классификационно-систематизированного описания сочетательных способностей языковых единиц;

2) интересом к исследованию функционально-речевого аспекта языка;

3) необходимостью изучения когнитивного аспекта сочетаемости;

4) расширением сферы преподавания иностранных языков, что влечёт за собой потребность в сопоставительно-типологических исследованиях сочетаемости в разных языках;

5) необходимостью создания словарей комбинаторного типа в разных сферах употребления языка и т.д.

Эти причины свидетельствуют о том, что необходимость исследований в области комбинаторной лингвистики актуальна как для теоретических, так и для прикладных областей языкознания.

Комбинаторная лингвистика тесно соотносится с понятием лингвистической комбинаторики, которое появилась в 60-е годы XX века в связи с зарождением нового перспективного тогда направления – машинного перевода (см. работы Ю. Д. Апресяна, А. К. Жолковского, И. А. Мельчука и др.). Лингвистическая комбинаторика означает составление и изучение комбинаций слов, которые подчинены определенным коммуникативным задачам при данных условиях их реализации, и которые можно образовать из заданного количества слов.

Исследования в области лингвистической комбинаторики проводит М.М. Маковский. Учёный выделяет её в качестве отдельной отрасли языкознания, изучающей качественные и количественные характеристики изолированных языковых элементов и целых континуумов, в которые входят данные элементы в определённый период лингвистического времени. Целью такого изучения является определение возможности или невозможности их объединения, а также получение результатов различных видов их взаимодействия. Как утверждает М. М. Маковский, «комбинаторика присутствует на всех уровнях языка и является основным принципом организации всех без исключения языковых единиц, формой их существования, эволюции и взаимодействия» [4, с. 5–7]. По мнению исследователя, одну из важных ролей для комбинаторики играют виды отношений, в которые вступают языковые единицы, а именно, синтагматические (линейные), парадигматические (нелинейные) и иерархические (вхождение менее сложных единиц в более сложные, или отношения зависимости между единицами языка).

Несмотря на своё давнее происхождение, комбинаторная лингвистика только сейчас приобретает возможность обособиться в отдельное лингвистическое направление, так как она является ярким

проявлением связи между теоретическими и практическими аспектами науки о языке. Накопленный фактический материал, представленный в виде имеющихся научных концепций, и их всесторонний анализ позволяет взглянуть по-новому на природу отношений между языковыми знаками на разных уровнях языка. Хотя проблема сочетаемости является одной из наиболее важных, единой общепризнанной теории сочетаемости пока не создано. Причины этого кроются в крайней сложности самой проблемы (в частности, не были до конца исследованы различия между сложным словом и словосочетанием), в разнонаправленности лингвистических исследований по сочетаемости, к которым подходят с разных сторон, иногда диаметрально противоположно, и в несогласованности применения терминологии: частые подмены и пересечения, неразличение таких терминов, как синтагматика, сочетаемость, валентность, дистрибуция, контекст, коллокация, коллигация и т.д.

Данные проблемы к началу 80-х годов XX в. весьма негативно сказались на создании общей теории сочетаемости. Тем не менее за это время накопился богатый языковой материал в рамках исследований по сочетаемости, который требует определённого теоретического обобщения и выявления общих закономерностей.

Комбинаторная лингвистика с её собственным понятийно-терминологическим аппаратом и глубоким теоретическим обоснованием рассматривается как одна из областей в структуре науки о языке. Предназначение комбинаторной лингвистики заключается в научно доказательном описании сочетаемости как языкового явления, выявлении проблем синтагматики языковых знаков, раскрытии соотношения сочетаемости и семантики языковых единиц, обнаружении функций сочетаемости в языке и речи, а также в выведении правил построения словарей комбинаторного типа и лексикографическом отражении в них сочетаемости слов.

В комбинаторной лингвистике сосредоточен синтез теоретических и прикладных отраслей лингвистики, что подтверждается следующими фактами. Во-первых, имеющиеся достижения в области синтагматических исследований способствуют глубокому осмыслению научно значимых утверждений на природу и свойства сочетаемости единиц языка. Во-вторых, исследования в данной области способствуют созданию и использованию универсального метаязыка комбинаторной лингвистики, с помощью которого становится возможным описание комбинаторных свойств языковых единиц. В-третьих, изучение синтагматических связей языковых единиц у определенной языковой общности людей позволяет наиболее точно описать картину мира и языковое сознание носителей языка. В чет-

вёртых, при изучении иностранных языков исследование комбинаторных возможностей языковых единиц в разных языках особенно необходимо для наиболее полного понимания семантики и сочетаемости языковых единиц. В-пятых, исследование речевого аспекта сочетаемости способствует выявлению функций сочетаемости и их теоретическому описанию. В шестых, фундаментальное изучение проблем комбинаторной лингвистики порождает тесно соотносимое с ней прикладное направление, в качестве которого выступает комбинаторная лексикография, или практическое воплощение первой.

Комбинаторная лингвистика является той сферой, в которой ярко проявляется связь между элементами языка. Исследования в данной области помогают проникнуть в суть языковых процессов сочетания языковых единиц и понять законы, лежащие в основе этих процессов.

В зависимости от выбранной единицы анализа (фонемы, морфемы, лексемы) следует различать:

- 1) комбинаторную фонологию, исследующую отношения фонем в процессе речи;
- 2) комбинаторную морфологию, аналогом которой является словообразование;
- 3) комбинаторную морфемистику, изучающую сочетаемость морфем;
- 4) комбинаторную лексикологию, исследующую сочетаемость слов в языке и речи.

Целью комбинаторной лингвистики является исследование и теоретическое описание проблем, связанных с синтагматическими отношениями и комбинаторными возможностями единиц языка, а также природа, развитие, эволюция, семантика, функции, прикладное описание сочетаемости языковых единиц.

Реализация поставленной цели предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) определить содержание комбинаторной лингвистики;
- 2) обозначить место комбинаторной лингвистики в структуре науки о языке;
- 3) рассмотреть учения о синтагматических связях языковых единиц в русской и зарубежной лингвистических традициях;
- 4) разработать понятийно-терминологический аппарат комбинаторной лингвистики;
- 5) выделить разделы комбинаторной лингвистики;
- 6) теоретически обосновать и описать раздел комбинаторной лексикологии в качестве одного из основных.

Создание научной теории комбинаторной лингвистики является ключом к решению данных проблем.

В рамках комбинаторной лингвистики при исследовании линейных связей языковых единиц выявляются их комбинаторные свойства и функции сочетаемости, а следовательно, раскрывается заданность смысла каждого конкретного высказывания в аспекте речи.

На современном этапе развития лингвистической науки изучением сочетаемости и комбинаторики в качестве объекта описания занимаются немногие исследователи (см. работы Н.Г. Архиповой, Е.Г. Борисовой, Е.В. Рахилиной, Д.О. Добровольского и некоторых др.). Чрезвычайно востребованные сегодня когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации напрямую не затрагивают проблемы сочетаемости. Вместе с тем актуальность теоретической разработки комбинаторной лингвистики представляется нам несомненной. Для изучения сущностных характеристик языка особенно важно исследование характера дистрибуции отдельных языковых единиц, возможностей и результатов их комбинаций в тех или иных условиях.

Сочетаемость слов была и остаётся одной из самых актуальных проблем в современной лингвистике. Общеизвестно, что самые сложные и противоречивые нормы в языке относятся именно к сфере сочетаемости. Необходимость систематизации комбинаторных свойств слова особенно важна для таких областей языкознания, как ортология, культура речи, лингводидактика, методика обучения языку, перевод, лексикография и др. Сочетаемость как языковое явление – основное свойство языковых единиц, обеспечивающее их функционирование в речи. Изучение знаков языка в линейных отношениях предполагает раскрытие связей между значениями слов на синтагматической оси, или при употреблении слов в речевом процессе. В лексике синтагматические отношения проявляются в правилах сочетаемости слов и в их связях с партнёрами по контексту в рамках конкретных высказываний.

В настоящее время вновь возросшее внимание к проблеме сочетаемости объясняется произошедшим сдвигом к исследованию функционально-речевого аспекта языка, который вскрыл целесообразность введения сочетаемости в «функционально-коммуникативное русло изучения синтагматики лексических единиц в целом» [1, с. 73]. В связи с этим возникает потребность научного изучения проблем сочетаемости слов и их комбинаторики. Обраще-

ние к данным проблемам обуславливает актуальность выделения области комбинаторной лексикологии, под которой понимается отдельный раздел комбинаторной лингвистики, имеющий собственный предмет описания – комбинаторные свойства слов как принадлежащих одному языку, так и слов одного языка относительно другого [3].

В изучении лексики синтагматические характеристики слов играют первостепенную роль, т.к. слово – это особая языковая единица, которая обладает смысловой и комбинаторной значимостью, возникающей на основании индивидуального значения слов при их сочетаниях в линейном ряду. Систематизация комбинаторных возможностей слова вносит определённый вклад в описание строя языка, является основанием для классификации слов по их синтаксическим и лексическим сочетаемым свойствам и лежит в основе отражения когнитивных процессов в интерпретации языковых выражений.

Целью комбинаторной лексикологии является изучение проблем, связанных с сочетаемостью и комбинаторным потенциалом лексических единиц, выявлением механизмов их сочетаемости, установлением закономерностей их связей, а также ограничениями на сочетаемость и её функциями. Достижение данной цели сопряжено с решением следующих задач:

1. изучение соотношения сочетаемости и семантики слова;
2. описание структуры синтагматического аспекта значения слова;
3. рассмотрение типов сочетаемости слов, выделяемых на основе различных принципов (по характеру сочетаемости, по способу связи между компонентами, по количеству соотносимых слов и т.д.);
4. выявление функций сочетаемости слов в языке и речи;
5. выделение комбинаторной лексикографии как прикладного аспекта комбинаторной лексикологии.

Терминологическая база комбинаторной лексикологии содержит понятия теории валентности и сочетаемости, синтагматики, термины теории лексического значения, традиционной лексикологии и общей фразеологии. Комбинаторная лексикология представлена двумя объёмными частями: теоретической, в которой рассматривается теория и история дисциплины, и практической, в рамках которой осуществляется отбор и накопление языкового материала для изучения и анализа, а также для создания словарей комбинаторного типа. В рамках комбинаторной лексикологии

выделяется особый раздел комбинаторной семасиологии, в котором описываются семантические механизмы отношения значения слова и его сочетаемости (как в одном языке, так и в разных языках). Вместе с тем комбинаторная семасиология – это область, содержанием которой является изучение семного состава лексического значения сочетающихся слов, выявление общих сем, позволяющих связываться словам в речевой цепи, а также рассмотрение структуры синтагматического аспекта значения слова в частности и др. Теоретическая и практическая комбинаторная лексикология включает не только лингвистический, но лексикографический и методический (в обучении языку) аспекты сочетаемости слов.

В речи сочетаемость обладает немалым количеством функций, которые реализуются при определенных коммуникативных условиях или заданности конкретного смысла. Значение слова формируется под воздействием экстралингвистических условий, в то время как смысл высказывания является результатом чисто языкового фактора – контекста. К функциям сочетаемости можно отнести актуализацию лексического значения слова, разграничение полисемичных слов и омонимов, создания комического эффекта, образование окказиональных словоупотреблений, роль сочетаемости слов для говорящих и слушающих и т.д.

Комбинаторная лексикография определяется как раздел комбинаторной лексикологии, содержанием которой являются теоретические и практические вопросы создания словарей комбинаторного типа, а также осмысление всей суммы относящихся к этому проблем. Отметим, что комбинаторная лексикография, как и комбинаторная лексикология, может быть разделена на теоретическую и практическую. Первая включает теорию и историю комбинаторной лексикографии, вторая состоит из двух разделов: 1) создание словарей сочетаемости; 2) накопление и хранение словарных материалов по сочетаемости [2].

Современные потребности общества, обуславливающие возросшую необходимость в изучении линейных связей слов и их комбинаторного потенциала, а также научные изыскания по сочетаемости и связанные с данным явлением проблемы, делают насущным вопрос о выделении и формировании особого направления лингвистической науки – комбинаторной лингвистики – с собственной научной теорией в целом и её отдельными разделами в частности.

В современном языкознании растущий интерес к комбинаторной лингвистике подтверждается новыми теоретическими работами в этом направлении. Крайне востребованные сегодня лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, теория межкультурной коммуникации хотя и затрагивают проблемы комбинаторной лингвистики, но весьма косвенно и фрагментарно. Следовательно, потенциал комбинаторной лингвистики представляется нам обнадеживающим. Большие возможности открывают исследования в области комбинаторной морфемики и морфологии. Неисчерпаемый запас языкового материала может дать изучение синтагматического аспекта в описании всевозможных концептов. Следует отметить, что теоретических работ в этом направлении практически нет. Кроме того, исследования в направлении сопоставительно-типологического аспекта сочетаемости и комбинаторики слов в рамках родного и иностранного языков также можно отнести к насущным и перспективным.

Таким образом, актуальность теоретической разработки и практического использования ресурсов комбинаторной лингвистики представляется нам очевидной.

Список литературы

1. Архипова Н. Г. Сочетаемость слова в лексикографическом описании: дис. ... канд. филол. наук. - М., 2000.
2. Влавацкая М. В. Комбинаторная лексикография (к постановке проблемы) // Известия Международной Академии Наук Высшей Школы (МАН ВШ) / Proceedings of the International Higher Education Academy of Sciences. Научный и общественно-информационный журнал. – 2006. - №1(35). – С. 167-176.
3. Влавацкая М. В. Комбинаторная лексикология: структура и содержание // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Научный журнал. – 2009. - № 09. – С. 197-210.
4. Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика: Опыт типологической стратификации языковых структур. - М.: КомКнига, 2006.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. - М: Советская энциклопедия, 1998.

Экстра- и интралингвистические причины экзоглоссии

В статье рассматриваются основные внешне- и внутриязыковые причины экзоглоссной динамики языкового функционирования, характеризующейся усиленным заимствованием иноязычного языкового материала. В качестве примера взят этап исторического развития литературного немецкого языка в условиях американизации с 1950 года.

The article displays typical extra- and intra-linguistic reasons for exoglossic dynamics of language functioning, characterized by an increased borrowing of material from another language. The period of historical development of the literary German within the Americanization from 1950 was taken as an example.

Ключевые слова: экстра- и интралингвистический уровни, причины развития экзоглоссии, усиленное заимствование, язык-донор, язык-реципиент, подражание культуре-донору, динамика языковой эволюции.

Key words: extra- and intra-linguistic levels, reasons for evolving an exoglossy, increased borrowing, a donor language, a recipient language, imitation of a donor culture, dynamics of language evolution.

Под *экзоглоссией* (греч. *exo* = внешний и *glōssa* = язык, речь) понимается такая эволюционная динамика определённого языка, при которой стандартом функционирования для него выступает некий другой язык. Наряду с явлением *эндоглоссии* (греч. *endo* = внутренний), обозначающим противоположную динамику языковой эволюции и предполагающим ориентацию на одно из прошлых состояний языка как образец языкового функционирования, экзоглоссия образует так называемый метаглоссный параметр языковой эволюции. Стойкой характеристикой экзоглоссной динамики эволюции определённого языка является заимствование в его состав иностранных слов, или экзоглоссного языкового материала.

Обращаясь к причинной стороне явления экзоглоссии, необходимо подчеркнуть, что у последней не существует определённого набора причин. И причины, и факторы, обуславливающие развитие экзоглоссии, состоят в подвижной констелляции, которая имеет исключительно казуальную природу. Тем не менее, наиболее частым признаком образования экзоглоссного языкового состояния можно считать аномию на культурном уровне, которая может зиждиться, как в случае с послевоенной Германией, на неудовлетворении носи-

телями собственной культурой. Впоследствии будут названы причины и факторы экстра- и интралингвистического уровня, обусловившие экзогlossную динамику эволюции немецкого языка с 1950 г. За основу взята классификация причин заимствования по Д.С. Лотте [2].

К экстралингвистическим причинам относятся разнообразные виды связей языка-реципиента (ЯР) с культурой-донором, диктуемые ростом внешнеэкономических, общественно-политических и иных отношений, а также тенденциями современной американоцентричной глобализации. Одной из форм реализации влияния последней является заимствование слова с заимствованием предмета, явления, понятия, качества, действия. Этот процесс естественен и характерен практически для большинства англоязычных заимствований в современном немецком языке (ср.: *Blue Jeans, joggen, Scratching, chirpen, der Computer*), он поддерживается давно наметившейся тенденцией к созданию международных терминов, единых наименований – интернационализмов. Сегодня по количеству англоязычных заимствований можно определить степень участия той или иной страны в процессе глобализации. Лидирующая позиция США в мире в сферах экономики, индустрии, спорта и т. д., а также их идеология законодательства инноваций, сопровождаемая инвазивностью внешней политики, во многом определяют тенденции развития многих современных государств, их культуры, прогресса и благосостояния.

Итак, в составе экстралингвистических причин можно выделить следующие.

1. Культурное влияние одного народа на другой. Принято различать два этапа влияния американской культуры в истории Германии: период между Первой и Второй мировыми войнами (1918–1939 гг.) и время после 1945 г. Первый этап Германии известен как «помешательство на Америке» [11, с. 25]. Он ознаменовал, – совершенно неожиданно для многих, – новую эпоху в истории Германии и характеризовался явным предпочтением культуры языку. Конец Второй мировой войны стал отправной точкой длительного периода в истории Германии, известного как «американизм». Упадок немецкой культуры, подорванное национальное самосознание и чувство стыда и вины перед народами Европы определили выбор нового ориентира развития: американизации. «Можно было наблюдать глубокое сомнение немцев в самих себе», подчёркивает В. Фойгт. «Всё нещадно критиковалось – от науки до образования, пока все не поверили в то, что в данной ситуации поможет лишь радикальная пе-

рестройка по заокеанскому образцу» [10]. Особенностью второго этапа считается усиленное заимствование англо-американизмов в состав немецкого языка, обусловившее его экзоглоссную динамику эволюции.

2. Наличие (устных и письменных) контактов. В эру информационных технологий международные контакты вышли за рамки письменных и устных и приобрели характер мультимедийных. Большую роль в существовании мультимедийных контактов играют интернет; электронная торговля, развившаяся из так называемой Mail-Order-Handel («заказной электронной торговли») и позволяющая через интернет-каталоги ознакомиться с товаром любой категории; услуги электронного трансферта денежных средств без границ в глобальном пространстве; техника Virtual-Reality, посредством которой стало возможным общение в «видеорежиме» людей из любых точек земного шара, и т. п.

Наличие таких контактов между Германией и США бесспорно в силу мирового лидерства последних в областях науки и техники. Техника дистанционного образования, линии интернационального обмена, международные конференции являются прочной базой для их поддержания. Фактор постоянного образования в условиях подобных контактов ведёт к регулярному увеличению количества билингов и, следовательно, к увеличению количества заимствуемых единиц.

3. Повышение интереса к изучению того или иного языка. Одна из безусловных причин наличия большого числа англо-американизмов в современном языке – неосмысленное, зачастую мотивированное одним лишь стремлением к подражанию, повторение формул языка-донора (ЯД). Потребность в изучении языка мирового значения обусловлена тенденциями глобализации, в которой вполне естественно стремление «шагать в ногу со временем». Увлечение английским языком, диктуемое его привлекательностью и, не в последнюю очередь, перспективностью, приобрело в последние десятилетия в Европе колоссальные масштабы.

4. Авторитетность ЯД. Английский язык имеет статус международного языка, опосредующего общение на любом уровне с использованием унифицированного набора терминологических средств и общедоступных клише. Английский – это язык-унификатор, который способствует упразднению любых барьеров: языковых, территориальных и этнокультурных. Его прелесть в том, что он позволяет общаться людям различных групп и культур с другими людьми, не выходя за внутриэтнические рамки. Интернет, мобильная связь, на-

личие англоязычных видео- и телевизионных каналов, массовое тиражирование аутентичной литературы на английском языке – всё это наилучшим образом способствует интернационализации английского и консолидации его в мировом пространстве.

5. Исторически обусловленное увлечение определённых социальных слоёв культурой чужой страны. Исторически культура США несла с собой либерализм и право на самоопределение, что делало её привлекательной фактически для большинства немцев. Её витальность и непринуждённость ассоциируются, прежде всего, с молодостью, в особенности благодаря таким реалиям, как скейтборд, фристайл, фитнес, сити-скейтинг, кёрлинг, пляжный волейбол и т. д.

6. Условия языковой культуры социальных слоёв, отождествляющих себя с другой культурой. Многочисленные лексические заимствования из английского языка, расширяющие немецкий словарь в конце XX в. – начале XXI в., способствовали тому, что под влиянием иноязычных образцов появились новые речевые формулы, например: „*Okay!*“ или „*Business as usual!*“. Известно, что в социолектах понятие языковой нормы редуцировано, следовательно, социолекты могут являться как проводниками новшеств, так и их законодателями. Для формирования новых речевых образцов путём заимствования решающее значение имеет социальная среда, в которой это новшество получает распространение: чем выше «общественный вес» той или иной социальной группы, её престиж в обществе, тем легче иницируемые ею языковые инновации распространяются в других группах носителей языка. Так, традиционно «законодателем мод» на немецком рынке были рекламные дилеры, манипулирующие английскими словами для создания интереса к покупке, например: *O₂ can do; Wo ist das Handy most trendy?* Однако произносительные, грамматические и лексические образцы, принятые в элитарных социальных группах, не всегда имеют преимущество (с точки зрения вхождения в общий речевой оборот) перед образцами, привычными для неэлитарной среды. Например, слова *groggy, der Turkey, high* вошли в немецкий язык из криминального жаргона. Влиянием просторечной и профессиональной среды объясняются и многие другие варианты, допускаемые в современной литературной немецкой речи, например: *downloaden, hochpushen, der Break* и т.п. Нередки заимствования в основной фонд немецкого языка посредством молодёжного лексикона, ср.: *Raver, Groove*. Молодёжные субкультуры Германии оперируют англо-американским вокабуляром не с целью престижа, а скорее для понимания и общения с себе подобными из других стран.

Существует также ряд дополнительных причин, которые выделяются отдельными германистами, изучающими англоязычные заимствования в современном немецком языке. В. Незер, к примеру, называет среди них такие:

1) дефицит внимания родному языку. За несколько прошедших десятилетий немецкому языку не уделено должного внимания, тенденции его изменения перестали отслеживаться, анализ новшеств и заимствований не проводился вовсе. Общественное сознание было скорее обращено в сторону скачкообразного развития развлекательной индустрии, компьютерных технологий и новых средств коммуникации. В условиях бескомпромиссного глобализационного турбо-капитализма, ставящего перед людьми единственную цель: заработать как можно больше денег, у общества просто нет времени для осмысления языковых изменений [8]. Ф. Дебус констатирует: «Если сами немцы попустительствуют проникновению англицизмов в собственный язык и свыкаются с мыслью, что немецкий уже давно не является языком науки, техники и образования, да и собственно языком общения, то следует ли удивляться, если в скором будущем из-за недостаточного внимания немецкому языку его снимут с образовательных планов повсеместно в мире?» [6, с. 18].

2) роль СМИ в распространении англо-американских речевых формул. В последние три десятилетия для немецкого телевидения и радиовещания было характерно отсутствие какого-либо культурного «фильтра» относительно музыкальной, кино- и видеопродукции из Великобритании и США. Также отмечается роль рекламы, манипулирующей терминологией культуры-изобретателя. Доминирующая в информационном пространстве культура создаёт феномен безальтернативности выбора, следствием действия которого становится формирование позитивного гетеростереотипа восприятия американского образа жизни и англоязычной лингвокультуры [1, с. 24]. Заимствования становятся в этом случае атрибутом американизированного мышления.

К интралингвистическим причинам экзоглоссии относится стремление носителей языка отразить принадлежность, зачастую формальную, к той или иной культуре-донору, в частности пополнить, углубить и расширить представление об определённых реалиях быта, детализировать понятия посредством разграничения смысловых и функциональных оттенков.

К интралингвистическим (собственно языковым) причинам экзоглоссии относятся:

а) заимствование модных реалий. Заимствование иноязычного материала в условиях экзоглоссии зачастую восходит к необходимо-

сти соответствовать культурному стереотипу (стандарту) культуры-донора. Для этой цели в реципиентной культуре создаются обозначения, больше походящие на цитаты культуры-донора, ср.: *Manager, City, Catwalk, duty-free* и т.п.

К этой же группе следует отнести заимствования так называемых «брендов», т. е. наименований торговых марок и продуктов англоязычного происхождения, например: *Wash&Go, Canon, Pentium*. Импорт и распространение рыночной продукции культуры-донора в условиях глобализации сопряжены с заимствованием соответствующих названий как необходимым условием соблюдения авторских и смежных прав.

б) увлечение иностранными словами. «Эффект чужого» традиционно используется для повышения статусных параметров говорящего. Выражения „*High muss man leben*“ и „*Die Kinder müssen free erzogen werden*“ наглядно свидетельствуют о намеренном употреблении ксенизмов „*high*“ и „*free*“ с целью приблизить себя к другому культурному стандарту. Ю.Г. Шоттель обозначает данное явление «жадностью до чужого» (цитата по: [7]), а Ю. Абреш – англоязычным термином „*hyperforeignism*“ («гиперксенизм») [4]. Очевидно, оно также связано с тем, что в современную концепцию адекватного перевода входит представление об обязательном сохранении ссылки на культуру-донора. Однако, как правило, это лишь следствие переводческого натурализма как признака экзоглоссии: высказывания представителей престижной культуры ассоциируются с наивысшей нормой и поэтому сохраняются в формате, приближённом к дословному цитированию.

Следует подчеркнуть, что инфильтрация большинства англо-американизмов в состав современного немецкого языка является следствием натуралистического перевода либо вообще опущения опции перевода на систему ЯР, т.е. положительного переноса, причём для большинства импортируемых новшеств уже имеются автохтонные обозначения.

Г. Шраммен и Х. Х. Дитер сходятся во мнении, что увлечение американской культурой весьма наглядно демонстрирует, что консолидация чужих элементов проходит тем успешнее, чем свободнее в реципиентной культуре думают о них. «Иначе бы английский был переполнен заимствованиями из теории марксизма, из психоанализа, атомной физики и теории относительности» [9, с. 7].

в) альтернатива либо тенденция к экспрессивности, ведущая к появлению иноязычных стилистических синонимов. Англо-американизмы нередко бывают синонимами уже существующих

слов в немецком языке, которые, однако, отягощены коннотациями, ассоциативными значениями и тем самым дают возможность заимствованиям более точно описать то или иное явление. Коннотации же слова чужого языка носителю неизвестны, и для этого он вводит путём заимствования переводной эквивалент, лишённый этих коннотаций и приобретающий в заимствующем языке таковые, связанные с представлениями о чужой стране, из языка которой взят синонимичный эквивалент. Англо-американизмы способны выражать позитивное и нейтральное, успешно конкурируя с уже имеющимся понятием, «обросшим» социальными предрассудками и имеющим сильную художественно-стилистическую наглядность, например, *Teenager* вместо *Backfisch* (табу-перифраза + эвфемизм). В этом случае в англо-американизме *Teenager* выражено стремление выделить в понятии нейтральное, т. е. узко его охарактеризовать. Нередко причиной этому бывает также престижность слова, диктуемая внешними социальными условиями. Англо-американизмы могут также вуалировать истинный смысл понятия, лишая его враждебной экспрессивности, когда того требует ситуация, например: *Callgirl*, *Baby-Pro* вместо *Prostituierte*.

Заимствования с целью создания экспрессивности производятся, когда обозначение какого-то предмета или признака в ЯР нейтрально и требуется более яркое или адекватное определённым обстоятельствам название, например: *Stringer – Korrespondent*, а также для придания важности или престижности понятию: *Manager – Angestellter*. В ситуации, когда в немецкий язык заимствуется слово из английского, по смыслу близкое к исконному или даже дублирующее его, оказывается, что семантическое значение нередко распределяется между этим словом и заимствованной инновацией, например: *City – Innenstadt, Stadtmitte* (не *Stadt*).

В целом, англо-американизмы имеют перед немецкими синонимами то преимущество, что аттестуют говорящего в социальном плане в определённых сферах более высоко, подчеркивают уровень информированности и превосходство определённых социальных слоёв, использующих эту лексику, способствуют повышению его статуса и общественного признания.

г) накопление в ЯР однотипных слов, у которых намечается вычленение одного из подобных элементов. Таким образом, заимствуются морфемы и словообразовательные элементы. Накопление однотипных единиц связано с систематичностью процесса заимст-

вования, с одной стороны, и с пополнением словообразовательного арсенала ЯР, с другой. У приведённых ниже англоязычных заимствований наблюдается вычленение общего лексико-грамматического признака, характеризующего их как новый класс слов, ср.: *Training, Scratching, Outsourcing, Branding, Assembling; Basement, Statement, Entertainment* – средний род; *Facility, Utility, Ability; Fairness, Fitness, Political Correctness* – женский род. Принцип присуждения грамматического рода обусловлен лексико-семантическими критериями трансфера англо-американизмов, например, слова на *-ing* получают средний род по принципу образования *nomina actionis* от инфинитивов, ср.: *das Leben, Schwimmen, Weinen*. Иногда критерием может служить фонетическая идентификация, например, английского суффикса *-ment* в слове *Agreement* с эквивалентным суффиксом галльского происхождения *-ment* (от лат. *-mentum*). Наличие базы англоязычных словообразовательных средств в немецком языке оптимизирует дальнейшее проникновение в него схожих по строению лексических единиц. Этому существенно способствует наличие единого латинского алфавита в английском и немецком языках.

В связи с этим П. Браун называет лёгкую интегративность англо-американизмов в числе обязательных языковых причин экзогlossной динамики эволюции немецкого языка [5, с. 143]. Гомологичность английского и немецкого языков нивелирует даже те сложности, которые связаны с отсутствием того или иного явления в ЯР. К примеру, произношение *j* (*Jogging, Job*), *r* (*Raid, Wrestling*), *th* (*Thriller, Thatcher*) не представляет существенных проблем для немцев, а глобализационные тенденции способствуют скорейшему усваиванию материала языка глобализации – международного английского, что обуславливает экзогlossную динамику функционирования и эволюции немецкого языка.

Список литературы

1. Богословская В.Р. Структурно-семантическая и функциональная адаптация заимствований: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.
2. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. – М.: Наука, 1982.
3. Романов А.Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
4. Abresch J. The pronunciation of Anglicisms and English proper names in German: a corpus study // Proceedings of the 16th conference on electronic speech signal processing (ESSP). – Prague, 2005.

5. Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten. – Stuttgart, Berlin, Köln: W. Kohlhammer, 1998. – 265 S.
6. Debus, F. Überfremdung der deutschen Sprache? Zur Frage des englisch-amerikanischen Einflusses. – In: DaF 4, 2001. – S. 195–204.
7. Junker H. „Blockbuster“ und andere Zumutungen / Anglizismen-INDEX. – Paderborn, 2008.
8. Näser W. Sex, Crime and Action: Amerikanismen und Anglizismen im Deutschen. Eine Brainstorming-Liste. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.staff.uni-marburg.de/~naeser/ws2k2lk-am.htm>.
9. Schrammen G., Dieter H.H. Argumente zur deutschen Sprache. Urteile, Vorurteile und unsere Er widerungen // VDS, 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.VdS-ev.de/denglisch/in-dex.php>.
10. Voigt W. Dokumentation zur Zukunft der deutschen Sprache. Außer einigen eigenen Texten Belegmaterial. – Berlin, seit 1997, mehrfach aktualisiert.
11. Zieglschmid A.J.F. Englisch-amerikanischer Einfluss auf den Wortschatz der deutschen Sprache der Nachkriegszeit // Journal of English and German Philology, 1935. – Vol. 34. – S. 24–33.

Современные подходы к определению термина как специальной единицы языка

В статье анализируются различные подходы к изучению термина с целью выявить современное видение определения понятия термина. В работе также значительное внимание уделяется рассмотрению специфики термина на словообразовательном и грамматическом уровнях.

Different approaches to the investigation of term aiming at determining the modern definition of "term" are analyzed in the article. The great deal of light is thrown to the special term investigation on the word-formative and grammar levels.

Ключевые слова: концептосфера, терминология, терминсистема, фрейм, когнитивный домен, номинация, семантический дериват, дефиниции.

Key words: sphere of concepts, terminology, term system, frame, cognitive domain, nomination, semantic derivative, definitions.

В наше время, когда профессиональная коммуникация является залогом успешного бизнеса, стремительно развиваются экономика и промышленность, появляются новые отрасли науки, когда возрастает роль международного экономического сотрудничества, значимость точной номинации предмета или реалии бизнес-среды переоценить невозможно. Известно, что большое количество новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика, то есть терминологические единицы. Они формируют особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению, в котором наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа.

В современном языкознании проблема дефиниции термина, несмотря на достаточно длительную традицию исследований, является одним из самых актуальных вопросов. Изучению сущностных характеристик термина посвящено большое количество фундаментальных трудов, однако до сих пор в лингвистической литературе не выработано универсального и исчерпывающего определения термина.

В прошлом веке исследователи терминологии считали термин особым словом, часто продуктом сознательного авторского словотворчества, а терминологию – изолированной, четко очерченной

подсистемой внутри общей системы языка [17, с. 44]. Исходя из этого, к термину предъявлялся целый ряд требований:

- термин должен быть членом определенной терминологической системы, т. е. соотноситься с другими терминами данной системы;

- всякий термин должен иметь только одно значение;

- у термина внутри определенной терминосистемы не должно быть синонимов;

- термин в пределах терминологического контекста не должен обладать эмоциональной окрашенностью, он должен быть стилистически нейтральным.

Следует обратить внимание на то, что ранним работам в сфере терминологии свойствен несколько упрощенный и однозначный взгляд на термин как на особое слово, не связанное с лексикой общенационального языка, внутреннее содержание которого меняется только в связи с развитием новых научных представлений и взглядов, с перегруппировкой понятий в науке. Понятие «термин» в лингвистике в основном сформировалось к началу XX века. Исследованию терминологической лексики посвящены работы таких ученых, как В.В. Виноградова [7], Л.В. Щербы [25], Г.Н. Головина [11], А.С. Герда [9], Л.Н. Беляевой [3], и др.; в зарубежном языкознании следует выделить работы Ф. де Соссюра и Э. Бенвениста, которые оказали большое влияние на развитие взглядов относительно терминологии.

Термины, а именно их совокупности, созданные на базе понятий, лексико-семантических отношений, а также на их словообразовательном и грамматическом уровнях [8], представляют собой существенную часть общего языка и являются неотделимыми от него. Именно понимание неразрывной связи терминологии и единиц общенационального языка, а также выявление особенностей термина как особого типа слова знаменует начало нового этапа в развитии терминологии.

Термин предстает в современных исследованиях как слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности [3]. Однако представляется важным привести ряд дефиниций, разработанных в трудах различных авторов. В.А. Татаринев, который подвёл итоги процесса развития терминоведения на современном этапе, определяет термин как языковой знак (слово/словосочетание), соотнесенный со специальным понятием, явлением или предметом [24]. Такое определение свидетельствует о нормативном подходе к изучению термина, при котором

термин -лексическая единица определенного типа, обладающая особой семантической и грамматической структурой, которая отличает его от слов общелитературного языка. В.П. Даниленко, являясь представителем дескриптивного подхода, считает термин единой, отдельной, самостоятельной единицей наименования [14]. Термин, по мнению автора, имеет характер особого языкового знака и, независимо от того, представлен ли он словом или словосочетанием, являет собой один знак, которому соответствует одно понятие. Дескриптивный подход трактует термин как слово в особой функции и придает особое значение функционированию терминологических единиц. Д. С. Лотте видит в термине единство звукового знака и соотношенного с ним понятия в системе понятий данной области науки и техники [22]. Учитывая, что в дефиниции термина должны отражаться его основные свойства и признаки, и то, что дефиниция должна быть емкой и лаконичной, на наш взгляд, О.С. Ахманова дает одно из самых удачных определений термина: «Термин – особое слово или словосочетание специальной сферы употребления, служащее для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции» [2]. И.С. Квитко считает, что термин как слово или словесный комплекс вступает в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образует вместе с ними замкнутую систему в силу наличия особых признаков – информативности, однозначности, точности и экспрессивной нейтральности [5]. С. В. Гринев подчеркивает специализированность термина, считая его «специальной лексической единицей» «специального языка», применяемой для точного наименования «специальных понятий» [12]. Ф. М. Березин и Б. Н. Головин выдвигают на первое место в термине его профессиональное значение, которое формируется в процессе освоения круга понятий, объектов и отношений между ними под углом определенной профессии [4]. Многие ученые считают термин обозначением технического понятия [23].

Третий подход к изучению термина лежит в рамках концепции «языкового субстрата», которая утверждает, что между термином и общеупотребительным словом существует тесная взаимосвязь, так как терминология считается важной составной частью лексики современных литературных языков. Однако такие определения не раскрывают в полной мере объем и содержание понятия «термин», т. к. термины - это слова, соотносимые не только с техническими понятиями, но также с понятиями других областей знания (искусства, науки и т. д.).

Как известно, важнейшей специфической чертой термина является его тесная связь с обозначаемым им понятием. Значение термина строго понятийно, оно выражает понятие и участвует в формировании понятий [10]. Среди современных определений, наиболее емким и точным является определение А.С. Герда: «Термин – это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (чаще слово или словосочетание), существовавшая ранее или специально созданная и обладающая специальным терминологическим значением, которое выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки, признаки существующего научного понятия» [9].

При дефинировании термина представляется необходимым учитывать семантические, формальные и прагматические (функциональные) требования, предъявляемые к нему как особой единице языка. К семантическим характеристикам относятся непротиворечивость семантики, под которой имеется в виду соответствие термина понятию; однозначность, то есть исключение категориальной многозначности; полноточность, понимаемая как отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия; отсутствие синонимов.

Формальные требования заключаются в соответствии нормам языка, а именно в устранении или замещении отклонений от фонетических и грамматических норм, профессиональных жаргонизмов; лексической и формальной краткости, что значит: предпочтение не-тавтологичности и кратким формам; деривационной способности; инвариантности форм; мотивированности; систематичности (возможности отражения в структуре термина связи называемого понятия с другими в данной системе понятий и места этого понятия в данной понятийной системе).

Прагматические, или функциональные, требования характеризуются внедренностью в профессиональную коммуникацию, что указывает на их общепринятость и употребительность в определенной среде; также они включают в себя интернациональность – стремление к одинаковости или близости форм, совпадению содержания терминов, употребляемых в нескольких национальных языках; современность (замена устаревших терминов современными эквивалентами); эзотеричность (намеренная недоступность для неспециалистов); и наконец, благозвучие, удобство произношения и отсутствие ассоциативной неблагозвучности.

Своеобразие терминологических единиц, прежде всего, заключается в их внутренней семантической организации (строении). Термин представляет собой один знак, которому в идеале соответствует одно понятие, когда соотношение означающего и означаемого является однозначным. Минимальный значимый компонент термина - терминологический элемент (Д. С. Лотте) - совпадает с минимальной структурной единицей, которая может быть выражена и словообразующим аффиксом, и словом в составе терминорасчленения [21]. У общеупотребительного слова, как известно, семантическая структура и формальная организация чаще всего не совпадают. Кроме того, термины выражают специальные понятия, с которыми они соотношены и которые в структуре значения термина несут особую, доминирующую значимость, аннулируя, хотя иногда и не полностью, коннотативные компоненты в значении термина.

Дискуссионным является вопрос о том, является ли термин словом или значением слова, так как семантическая структура общеупотребительных значений многозначных слов представляет собой совокупность различных значений, в том числе и терминологических. Мы уже убедились, что большинство лингвистов определяют термин как специальное слово. Е.Д. Коновалова справедливо считает терминологические значения общеупотребительных слов самостоятельными единицами терминорасчленения [18].

При конкретизации понятия к простому (однословному) термину присоединяются уточняющие элементы, образуя тем самым видовые корреляты исходного понятия, т. е. терминологические словосочетания, или составные, или многословные термины. Терминорасчленение представляет собой некий промежуточный тип между свободными и фразеологическими словосочетаниями. Это объясняется тем, что грамматическая структура термина-словосочетания аналогична грамматической структуре свободного словосочетания, а поскольку вследствие семантической равновесности членов терминорасчленения и семантической целостности всего многословного термина семантический центр представляется трудновыделимым, это приближает составные термины к фразеологизмам. В то же время большинство терминологических словосочетаний, как правило, семантически приближены к типу свободных словосочетаний, т. к. их значения равны сумме значений составляющих их частей [6]. Составные термины могут быть выделены на основании трех признаков: коммуникативности, устойчивости и воспроизводимости. Термины-словосочетания расчленены формально, но едины по содержанию и выполняют в языке ту же функцию, что и

термины-слова [8], они способны входить в специализированную речь готовыми и не создаются заново. Даже многокомпонентные термины-словосочетания при своем включении в предложения воспринимаются как готовый и устоявшийся комплекс.

Таким образом, объединив важные моменты во всех определениях, термином можно назвать специальную языковую единицу (слово или словосочетание), состоящую в системных отношениях с другими себе подобными по статусу языковыми единицами соответствующего специального языка, используемую для точного наименования и выражения специального (или профессионального) объекта, понятия, явления или вида деятельности, при этом способную обладать образностью и полисемантической.

Термин, представляя собой единицу общего национального языка, одновременно является принадлежностью специальной языковой подсистемы, тем самым являясь специальной языковой единицей, выполняющей особую функцию наименования специализированного и профессионального понятия, которая и позволяет отличать его от других языковых единиц в языковой системе.

Анализ многочисленных дефиниций понятия «термин» (В. П. Даниленко, Г. Н. Головин, О. С. Ахманова, С. В. Гринев, А. С. Герд и др.) позволяет раскрыть столь же многочисленные свойства термина, которыми он, по мнению авторов публикаций, обладает или должен обладать. Однако в состав определений и в число свойств термина включают и такие, которые не отличают его от слова общеупотребительного языка. При этом наблюдаются два явления. Во-первых, видовой признак как свойство термина не только нерелевантен, то есть не служит дифференцирующим элементом, но еще и несуществен. Поэтому вводить его в текст определения и отмечать как свойство понятия «термин» нет необходимости. Во-вторых, отмеченные в определениях или в характеристиках понятия «термин» свойства являются существенными и важными, но при этом остаются нерелевантными, не дифференцирующими это понятие, прежде всего, от понятия слова (вообще) или слова общеупотребительного языка. Примером первых, т. е. несущественных, «лишенных смысла», могут служить признаки, характеризующие термин как единицу «акцентологически оформленную», «конкретного или искусственного языка» [5]. Совершенно очевидно, что термин ничем другим, кроме как единицей языка, быть не может, а будучи не просто единицей языка, а словом или словосочетанием, должен иметь ударение, то есть быть акцентологически оформленным. Кроме того, существуют искусственные языки, в которых термины составляют не самый внушительный пласт лексики

(эсперанто, волапюк). К этой же группе выделяемых свойств можно отнести утверждение о том, что в термине наблюдается «единство языкового знака и соотнесенного (связанного) с ним соответствующего понятия», что термин имеет «знаковый характер» [20]. Однако слова, не являющиеся терминами, также имеют знаковый характер и, следовательно, представляют собой единство языкового знака и соотнесенного с ним понятия. Представляется, что несколько излишним для понимания сущности термина служит мнение, что он – «совокупность всех инвариантов (в том числе словоизменительных) определенного слова и словосочетания» [14]. Кроме того, проблематичной представляется мысль о том, что в это единство войдут словообразовательные и особенно лексико-семантические варианты.

Примером существенных, но не центральных свойств термина является свойство, сформулированное как способность быть объектом логической дефиниции. Это означает, что термин можно определить с помощью правил дефиниции, выработанных формальной логикой, прежде всего через ближайший род и видовые отличия. Безусловно, это важное свойство термина, однако оно также характеризует и слова общеупотребительного языка.

Следующим очень важным свойством термина является то, что он соотносится с другими терминами в данной области и образует вместе с ними систему [15]. Это свойство термина (системность) проявляется двояко: с одной стороны, это системность понятийная, логическая, вытекающая из системности понятий самой науки, с другой – системность лингвистическая, системность языковых единиц, выражающих эти понятия. Термину присуща системность, поскольку он входит в терминологию, которая является системой понятий определенной области знания, и именно в системе слово приобретает свою характеристику термина. В системе терминов «один термин как бы поддерживает другой термин, стоящий рядом с ним. Положение термина в ряду других терминов приобретает особое значение» [16]. Российская терминологическая школа выделяет системность как один из основных признаков термина. Однако мы не можем с этим согласиться, так как терминология любой области знания не может не быть системой, так как область знания и ее понятия, выраженные терминами, сами образуют систему.

К отличительным свойствам терминологической единицы относится конвенциональность и вытекающая из нее специфика лексического значения термина. Конвенциональность – это соглашение, по меньшей мере, нескольких специалистов принять предложенную одним из них форму выражения нового термина и употреблять ее применительно к определенному создателем термина содержанию. В широком смысле конвенциональность подразумевает и созна-

тельное терминотворчество, т.е. есть отбор из общеупотребительного языка языковой субстанции терминов и их создание в соответствии с принятыми требованиями. Возможность сознательного терминологического терминологирования и принятия на основе договоренности исследователей того или иного термина – очень важные методологические свойства профессиональной лексики, поскольку они позволяют вести целенаправленную работу по улучшению, упорядочению терминов, формулированию требований, созданию терминологических систем. Из признака конвенциональности вытекают следующие свойства термина – однозначность, содержательная точность, четкость значения. Однако сейчас это не всегда соблюдается, исследователи признают, что изменение границ семантики термина и возникновение новых значений – закономерное явление в развивающейся терминосистеме [19]. При этом одни специалисты считают, что многозначность является препятствием в научной коммуникации и создает трудности в понимании информации. Так, Б. Н. Головин связывает многозначность с нечеткостью термина, сложностью его семантико-грамматической структуры, что приводит к неблагоприятной терминологической ситуации [8]. Другие ученые утверждают, что многозначность термина снимается в контексте, в результате наличия жизненного и профессионального опыта, поэтому она не может препятствовать точному пониманию. Исследуя семантическую структуру термина, Н. Н. Лаврова, Л. Д. Джапаридзе, Г. В. Козлова выявляют «внешнюю полисемию» (у терминов, восходящих к общеупотребительным словам) и «внутреннюю полисемию» (у терминов, не имеющих соответствия в общелитературном языке) [13].

В. П. Даниленко справедливо отмечает, что терминологии, являющейся частью общелитературного языка, свойственна асимметрия, проявляющаяся в наличии вариантов (синонимов), в обычной и своеобразной многозначности [11]. К обязательным признакам термина Г. О. Винокур и В. В. Виноградов относят дефинитивность: «имеющий определение – термин, не имеющий определения – не термин» [8]. Если слово является «средством логического определения, тогда оно – научный термин» [7].

Существует, впрочем, противоположная точка зрения, согласно которой относительность и условность характера понятий, лежащие в основе терминов, выступают как посредники «между реальной действительностью и процессом познания реальной действительности», следовательно, «дефиниция не однозначна, не единственна, не строго определена» и допускает «множественность интерпретаций» [1].

Внеэмоциональность и безразличие к контексту являются абсолютными признаками терминов. Некоторые исследователи считают термин непригодным для построения высказываний, выражающих так называемое «образное значение», так как компоненты эмоционально-волевой сферы сознания в общем значении термина стерты или полностью отсутствуют [8]. Однако в целом ряде современных работ отмечается наличие эмоциональности, образности и экспрессивности в значениях термина. На наш взгляд, важно то, насколько правильным был мотив, положенный в основу номинации термина, вызывает ли он одинаковые ассоциации у тех, кто пользуется термином. Образность терминов, образованных от слов общеупотребительной лексики, появляется лишь на начальном этапе их формирования и способствует наилучшему (в психологическом плане) восприятию новых научных понятий. Впоследствии образность утрачивается, и термин стремится к нейтральности. Представляется, что профессиональные слова, покидая «специальную» область, обогащают свое значение новыми оттенками (это могут быть метафорические, сравнительные, фразеологические и другие оттенки). Дело в том, что видимо, эмоциональность и метафоричность научного связана с расширением сферы функционирования термина.

Н.Б. Мечковская выделяет также управляемость как свойство термина, указывая на то, что общество сознательно оказывает влияние на терминологию.

Следует отметить, что термины – это информативные единицы языка, а важнейшей особенностью терминологической информации является ее кумулятивность, связанная с преемственностью знания и интернациональным характером развития науки и техники. Закрепленная в терминах информация о накопленном коллективном опыте представляет собой ту базовую основу, на которой строится современное научное знание. Выделяется и такое свойство терминологической информации, как рассеяние, которое связано с использованием одного термина в разных терминологических системах. Терминологическая информация является собой динамическую информацию интеллекта, которая призвана способствовать дальнейшему развитию творческой мысли и преобразующей деятельности человека.

Термины обладают свойством структурно, семантически информировать о том, какие стороны объективной действительности в

них фиксируются. При этом немаловажную роль играет внутренняя форма термина, она нередко содержит его техническую расшифровку. Являясь нередко единицами общезыкового и в то же время профессионально-научного знания, такие термины аккумулируют языковую и специальную информацию, при этом первая способствует реализации второй. Морфологические особенности термина касаются в основном изменения частеречной принадлежности терминологической единицы после ее перехода в общеупотребительный язык, что сопровождается изменением валентности профессиональной единицы в новом ситуативном окружении.

Изменение статуса специальных лексем в области частей речи при деспециализации приводит к расширению терминологической основы, функционирующей в общелитературном языке. Основной денотат остается при этом неизменным.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Деривационный аспект исследования терминов и процессов терминообразования. – Пермь, 1990.
2. Ахманова О. С. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М., 1966.
3. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка. – Л., 1985
4. Большой энциклопедический словарь. – М., 2004.
5. Васильева Н. В. Термин. – ЛЭС / под. ред. Ярцева В.Н. – М., 1990. – С. 508-509.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1997.
7. Виноградов В. В. Терминология и норма. - М., Высш. шк., 1972.
8. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. – М., 1939. – Т.5. – С. 3-54.
9. Герд А. С. Значение термина и научное знание // Научно-техническая информация. Сер. 2. – М., 1991. – № 10. – С. 1-4.
10. Голованова Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. – 2004. – №33. – С. 18-25.
11. Головин Б. Н. Терминология // Общее языкознание. – М., 1998.
12. Горбунова Н. Н. У истоков терминосистемы менеджмента. – Пятигорск, 2003.
13. Гринев С. В. Введение в терминоведение. – М., 1993.
14. Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 64-69.

15. Капанадзе Л. К. Взаимодействие терминологической лексики и общеупотребительной. – М., 1986.
16. Кияк В. Н. О термине. – М., 1989.
17. Комарова З. И. Семантическая структура специальных слов и ее лексикографическое описание. – Свердловск, 1991.
18. Коновалова Е. Д. Сопоставительный и контекстуальный анализ термина и обиходного слова в английском языке. – Л., 1964
19. Лаврова Н.Н. О термине «Морфологическая категория» // Термины и их функционирование: межвуз. сб. / Горьков. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Горький, 1987.
20. Лейчик В. М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. – 2000. – № 2. – С.20-29.
21. Лейчик В. М. Термин и научная теория // Научный и общественно-политический текст: Лингвистические и лингводидактические аспекты изучения. – М., 1991.
22. Лесина С. А. Полисемия в когнитивном аспекте. – СПб., 2005.
23. Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. – М., 1960.
24. Суперанская А. В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. – М., 1993.
25. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

Е. С. Абрамова

Номинативное поле концепта «Россия»

В статье анализируется номинативное поле и особенности языковой объективации концепта «Россия» - одного из наиболее значимых в современном медийном дискурсе.

In this article is analysed the nominative field and the peculiarities of linguistic objectivity of the concept «Russia» on the materials of magazine "Rodina" (1999-2009). This concept is the most important one in the modern mediadiscourse.

Ключевые слова: Россия, медийный дискурс, концепт, признак, номинативное поле, номинативная плотность, концептуальный анализ, дискурсивно-когнитивный подход.

Key words: Russia, mediadiscourse, concept, sign, nominative field, nominative density, the conceptual analysis, discussing-cognitive method.

Отличительной чертой современной лингвистической науки является ее сосредоточенность на человеческом факторе в языке, направленность на осмысление языковой концептуализации мира. Результаты постижения человеком окружающей действительности хранятся в сознании в виде концептов как фрагментов культурной памяти человека, отражающих его опыт взаимодействия с окружающим миром. Концепт как «оперативная содержательная единица памяти» служит «объяснению психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [3, с. 90].

Объектом данного исследования является современный медийный дискурс, формируемый текстами российских средств массовой информации. Под медийным дискурсом понимается процесс воспроизводства и объективации в масс-медиа социально доминантных принципов восприятия и интерпретации формулируемых смыслов, а также социально-регулятивный механизм, формирующий общественное сознание посредством тиражирования в масс-медиа социально значимых смыслов и оценок [5, с. 20].

В качестве предмета исследования выступает концепт «Россия» – один из наиболее значимых в современной публицистической картине мира, что обусловлено настойчивым стремлением российского общества осознать свою этнокультурную идентичность.

Цель исследования – проанализировать на материале российского исторического журнала «Родина» номинативное поле концепта «Россия» и выявить особенности его языковой объективации. Мы исследовали материалы журнала «Родина» за 1999–2009 годы.

В основе данного исследования лежит дискурсивно-когнитивный подход, позволивший осознать особенности языковой и речевой семантики на «перекрестке когниции и коммуникации» [4, с. 16]. Метод контент-анализа, объектом которого чаще всего выступают тексты средств массовой информации, позволил выявить смысловое содержание текстов, а также ценностное суждение об объективированной в тексте действительности.

В истории общества выделяются периоды, когда те или иные концепты приобретают особую значимость, получая дополнительную смысловую и языковую разработку, благодаря чему в них проявляются или появляются новые признаки, ведущие, соответственно, к увеличению номинативного поля концепта как «совокупности языковых средств, объективирующих концепт в определенный период развития общества» [6, с. 66]. Важной характеристикой концепта является «номинативная плотность», под которой понимается «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [2, с. 112].

Как показывает анализ контекстов журнала «Родина» за 1999–2009 годы, номинативное поле концепта «Россия» выстраивается вокруг своего понятийного ядра – Россия (Российская Федерация) – «государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские» [1, с. 1129]. В текстах журнала «Родина» выявлена высокая частотность обращения и к другим наименованиям России – Русь, Русская земля, Русское государство. Используемый топонимический «параллелизм» свидетельствует о культурно-исторической и духовной преемственности всех исторических форм Российского государства.

Наиболее значимыми в концепте «Россия» являются такие смысловые признаки, как 1) империя, 2) современная страна, 3) сильное государство, 4) ведущая держава мира.

1. «Империя» интерпретируется как государство, рождающееся из великой воли и духовного порыва лучших его представителей. Ср.: *«В 1993-м люди из той же “прослойки” также активно выражали свой протест, свою обиду за ущемленное национальное чувство, защищая империю и ее прошлое»* (2006. № 8); *«...без Украины Россия перестает быть империей, а с Украиной...Россия автоматически становится империей»* (2006. № 4).

2. «Современная страна» моделируется как правовое государство, развивающееся по инновационной модели и обеспечивающее благосостояние своих граждан, как наследница этнокультурных ценностей предшествующих поколений. Ср.: *«Твердая внешнеполитическая линия современной России возможна только при условии, если на новые рельсы переведем всю экономику и социальную сферу»* (2008. № 9); *«...мы не можем не вдохновляться тем, что стоим на прочном фундаменте нашей тысячелетней истории. Мы являемся прямыми наследниками великого народа и великой страны»* (2008. № 9).

3. «Сильное государство» интерпретируется как обороноспособное государство, гарантирующее безопасность граждан, как государство, укрепляющее гражданское общество и выстраивающее «вертикаль власти» – рычаг, способный обеспечить выполнение решений центра. Ср.: *«Пропаганда политической реформы сегодня опирается прежде всего на тезисы о борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности»* (2005. № 1); *«Сегодня вновь...стоит задача реформирования общества, мобилизации ресурсов, борьбы с внешней угрозой, обострились проблемы интеграции, адекватного выполнения решений центра, коррупции. Вполне закономерно, что выстраивание “вертикали власти” вновь рассматривается как рычаг, способный обеспечить выполнение поставленных задач»* (2005. № 1); *«Россия уже сейчас богатая и достаточно сильная страна»* (2006. № 7).

4. «Ведущая держава мира» понимается как государство: а) входящее в число высокоразвитых стран; являющееся энергетическим лидером, богатой страной с гигантскими природными ресурсами; б) имеющее статус мирового спортивного лидера. Ср.: *«...сегодняшняя Россия – член восьмерки, ведущая энергетическая держава мира, богатая страна, которая не знает, куда девать свои огромные доходы и золотые запасы»* (2006. № 7); *«Россия сохранила свой статус одной из ведущих спортивных держав мира»* (2008. № 9).

Подтверждением того факта, что Россия приобретает статус лидера в мировом сообществе, являются и характеристики, даваемые рассматриваемым когнитивным признакам: современная, новая, постсоветская, демократическая, богатая, сильная, ведущая, уважаемая, уважающая себя, страна догоняющего типа развития, многонациональная. Ср.: *«Сегодня Россия провозгласила инновационный путь развития, да и нет другого пути для уважающей себя державы»* (2008. № 10); *«Проведение Олимпийских игр в Сочи стало ярким доказательством высокого авторитета новой России и ее властных структур в быстро меняющемся мире, очередным свидетельством лидерства спортивных позиций страны»* (2008. № 1); *«То, что Россия сегодня на подъеме, то, что она стала уважаемой страной, возрождает свой оборонный щит, то, что Россия стала гордиться собой, - это наш огромный капитал»* (2008. № 9).

Вследствие необходимости осознания российским обществом путей своего развития в концепте «Россия» актуализируются следующие когнитивные признаки: демократия, модернизация, ближнее зарубежье, мусульмане, интеграция, русское зарубежье, сближение с Западом, инновационное развитие, общественная активность, инвестиции, многопартийность. Ср.: *«В ситуации вероятной недостаточности ресурсов демократия потенциально может стать инструментом интеграции и мобилизации общества для достижения “прорыва” при условии модификации существующего режима в сторону большей сопричастности и соучастия населения в решении задачи возрождения России»* (2005. № 1); *«Особое место, наряду с вопросами инноваций, обороноспособности, сейчас уделяется вопросам “внутренней стабильности” – укреплению гражданского общества»* (2008. № 9).

В рассматриваемый период активизируются новые когнитивные признаки в связи с тем, что Россия ассоциируется с новыми или переосмысленными культурными ценностями: славянство, патриотизм, духовность, российская идентичность, православие, русская культура и русский язык, спорт. Ср.: *«На первый план должны выходить интересы страны и народа в целом, а в основе лежать естественные и понятные каждому ценности, такие, как дом, семья, отечество, безопасность, свобода, благосостояние»* (2008. № 9); *«Девять лет назад Россия остановилась у последней черты, за которой – гибель нации. Повинуясь инстинкту самосохранения, страна потянулась, пожалуй, к единственному оставшемуся жителю источнику национального*

возрождения – к родникам духовности и культуры, нравственности и патриотизма» (2008. № 9); «И в этой новой реальности самоорганизация общества путем спортивных побед и спортивного развития...это надежный...путь к гуманизации общества» (2008. № 9); «В условиях реальной демократизации общества...появление новых ценностей актуально вдвойне. И блестящие удачи на спортивных аренах к роли этих ценностей – и традиционных, и новых – подходят как нельзя лучше» (2008. № 9).

На рубеже XX – XXI веков Россия столкнулась с комплексом проблем, характерных для подавляющего большинства переходных (модернизирующихся) обществ: стагнация, распад социальных норм, нарастание конфликтности и насилия, маргинализация общества, коррупция госаппарата. Следствием этого явилась актуализация таких когнитивных признаков, как социальная напряженность, культ насилия и социальной распущенности, распад социальных норм, рост преступности и наркомании, социальное расслоение общества, снижение жизненного уровня населения, падение качества медицины и здравоохранения, снижение средней продолжительности жизни. Ср.: *«Социально-историческая ситуация в России в конце XX-XXI века характеризуется процессами, представляющими реальную угрозу существования нации: стремительное социальное расслоение общества...рост преступности, наркомании» (2006. № 4); «Сейчас мы видим, как разрушают нашу духовность и культуру. Идет открытая пропаганда культа насилия, социальной распущенности, вседозволенности и безответственности. Еще более прискорбно, что она имеет место на фоне экономического роста, укрепления базовых политических институтов» (2008. № 9); «Богатая держава с бедным народом» (2008. № 9).*

Как показывает проведенный нами анализ 1376 контекстов, в начале XXI столетия появились и стали наиболее частотными по своей языковой репрезентации следующие концептуальные признаки, окружающие понятийное ядро концепта «Россия»: славянство – 168, патриотизм – 142, демократия – 128, модернизация – 111, духовность – 80, российская идентичность – 63, православие – 62, русская культура и русский язык – 62, социальная напряженность – 47, мусульмане – 45, ближнее зарубежье – 45, вертикаль власти – 41.

На ближней периферии поля располагаются менее употребительные, но весьма значимые составляющие концепта "Россия": интеграция – 25, русское зарубежье – 25, сближение с

Западом – 22, инновационное развитие – 22, общественная активность – 22, русофобия – 21, возрождение – 18, спорт – 18, многопартийность – 18, инвестиции – 18, олигархи – 18, государственность – 17, глобализация – 17, интеллигенция – 17, гражданское общество – 12, коррупция – 12, «новые русские» – 12, экономический рост – 12.

Реже встречаются следующие смысловые признаки: борьба с терроризмом – 5,5, гуманизация – 5,5, нефтегазовая отрасль – 5,5, природные ресурсы – 5,5, передел собственности – 5,5, российская армия – 5,5, заказные убийства – 5,5, мания самобичевания – 5,5, находящиеся, соответственно, на дальней периферии номинативного поля концепта «Россия».

Когнитивные признаки концепта «Россия» выявляются и при рассмотрении коллокаций, в которых выступают имена прилагательные русский и российский, словообразовательно связанные с ключевым словом-репрезентантом концепта:

русский язык, русский патриот, русский мир, русская культура, русская честь, русская душа, новая русская революция, «новорусская» революция, новая русская буржуазия, русская почва, «русская идея», русская история, русская нация, русское зарубежье, русское самосознание, русские территории, обвинение в великорусском шовинизме, прорусский;

российский исторический опыт, российский либерализм, российский парламент, российский рынок, российский политический класс, Российская империя, Российская Федерация, современная российская культура, современная российская реклама, российская власть, российская интеллигенция, российская армия, российская диаспора, российская история, новая российская нация, российская идентичность, современное российское общество, российское «настоящее», российские реформы, российские выборы, российские либералы, российские реформаторы, российские обществоведы, российские демократы, российские соотечественники, советские российские люди, российские специалисты, антироссийская пропаганда, общероссийская цивилизация.

Метафорические номинации концепта «Россия» наполняют номинативное поле концепта образностью и оценочностью: *могучее дерево, пустившее корни на всех континентах и раскинувшее свои ветви; птица Феникс; одна седьмая суши; оборонный щит России; русофобия <...> является раковой опухолью на теле славянства.*

Свободные сочетания с ключевым словом, номинирующие те или иные признаки концепта, также входят в номинативное поле исследуемого концепта: Россия современная, новая, демократическая, постсоветская, богатая, многонациональная, сильная, ведущая, энергетическая, спортивная, уважаемая, уважающая себя, самостоятельная, суверенная, единая, неделимая, полиэтничная, поликонфессиональная, молодая, евразийская, европейская, историческая, всегда невинная, обижаемая, урбанистическая, индустриальная, светская, образованная.

В заключение отметим, что исследование концепта «Россия» в современном медийном дискурсе, репрезентированном журналом «Родина», позволяет обнаружить векторы духовного осмысления современным россиянином своего социального пространства и выявить способы его языковой объективации. Концепт «Россия» – один из наиболее значимых и динамичных концептов, о чем свидетельствуют его многочисленные когнитивные признаки и высокая номинативная плотность.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.
3. Концепт / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. К. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-97.
4. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.
5. Полонский А. В. Сущность и язык публицистики / А.В. Полонский. – Белгород: Политерра, 2009.
6. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.

**О социолингвистическом подходе при изучении
функционирования гендерных стереотипов
в языковом сознании носителей языка***

В статье обосновывается необходимость применения социолингвистического подхода к изучению функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании индивидов, динамики функционирования гендерных речевых стереотипов в гендерном менталитете общества.

The article substantiates the need for a sociolinguistic method to studying the functioning of gender stereotypes in the linguistic awareness of individuals.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерные языковые стереотипы, гендерные речевые стереотипы, социальная группа, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, социолингвистический метод.

Key words: gender stereotypes, gender language stereotypes, gender speech stereotypes, social group, linguistic awareness, associative experiment, sociolinguistic method.

Сегодня начинают появляться гендерные исследования, выполненные в русле когнитивной лингвистики [9; 12]. Особое внимание в этих работах, по мнению М. В. Усмановой, уделяется тому, в какой степени и как проявляется зависимость формы представлений знаний и их организации от биосоциального параметра [14]. Дело в том, что действительно гендерная специфика когнитивной сферы представляет собой особый интерес для лингвистов, в том числе и для представителей гендерной лингвистики. Это связано прежде всего с тем, что исследователи стремятся понять, каким образом репрезентируются представления об окружающем мире в зависимости от гендерного фактора и устанавливают «гендерные стереотипы в восприятии действительности через языковые единицы и формы» [14, с. 28]. Однако известно, что гендер является особой социальной стратой, на которую влияет целая система факторов: от социальной принадлежности человека [7], речевой ситуации [3; 5] до индивидуальных установок человека на определение своей гендер-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 08.04.00040а «Русский язык в изменяющемся пространстве города начала XXI века».

ной идентичности [10, с. 53]. Вследствие многогранности категории «гендер» необходимо вести лингвистические исследования в рамках социоконструктивистского подхода [2; 6; 17; 18; 19], в рамках которого «гендер» понимается не как биологическая номинация пола человека, а как социально и индивидуально конструируемая реальность. В рамках этого подхода можно утверждать, что гендер в социолингвистическом понимании – это система стереотипов, ценностей, установок, формирующих поведение и жизнедеятельность человека в обществе. Причем эта система строится как за счет социальных (общих для всех индивидов) представлений о том, какие есть и должны быть атрибуты мужественности и женственности, так и за счет индивидуальных представлений, которые отражают установки отдельных индивидов. Реальный индивид представляет собой, таким образом, совокупность представлений общества о половых различиях и индивидуальных представлений человека о самом себе и о других как представителях определенного пола.

Как известно, такие характеристики человека, как возраст, пол, национальность, социальное положение и т. д., оцениваются в каждой культуре и языке по-своему. Ведутся различные исследования на материале словарных дефиниций, фразеологизмов и на материале, полученном в ходе ассоциативных экспериментов с носителями языка. Однако несмотря на то, что задается в качестве предмета исследования – представления о социальных характеристиках, либо речевых характеристиках человека – используется термин гендерный стереотип. Мы же предлагаем разграничить два понятия: гендерный языковой стереотип (ГЯС) и гендерный речевой стереотип (ГРС).

Так, ГЯС – это определенные представления носителей языка о мужских и женских качествах, находящих свое отражение в языке. По сути это лексемы, которыми обозначаются социальные характеристики человека, и не только несут определенную смысловую нагрузку, но и обладают собственными коннотациями, предопределяющими употребление данных слов в переносном значении и формирующими их языковые стереотипы. Выдвигая термин ГЯС, мы принимаем определение П.А. Клубкова, согласно которому стереотип – это «стандартное представление о чём-либо, стандартное понимание языкового выражения, включающее в себя весь набор актуальных для говорящих коннотаций» [8, с. 224]. Подобная трактовка, с одной стороны, включает изучение гендерных стереотипов в круг проблем лексикологии и лексической семантики; с дру-

гой стороны, позволяет использовать чисто лингвистические методы исследования: анализ материалов словарей различных типов, рассмотрение функционирования лексем в текстах, данные ассоциативных экспериментов. Имея же дело с ассоциативным материалом, полученном в ходе экспериментов на выявление представлений о речевом поведении индивидов, неправомерно пользоваться термином гендерный стереотип или ГЯС. В данном случае мы уже имеем дело с функционированием гендерных речевых стереотипов (ГРС) в сознании носителей языка.

ГРС – это определенный образ речевого поведения мужчин/женщин, функционирующий в сознании индивидов. Такая трактовка уже включает изучение гендерных стереотипов в круг проблем социолингвистики и позволяет учесть влияние социальных страт на особенности функционирования ГРС в сознании носителей языка.

ГЯС и ГРС имеют ядерную структуру. ГЯС и ГРС, являясь частным случаем ГС, делают процесс усвоения социально-культурной информации экономичным. Ядро ГЯС и ГРС представляет собой готовую когнитивную схему, которой удобно оперировать носителю языка в ситуации общения с другими носителями языка обоих полов. Однако когнитивная деятельность человека намного шире рамок ядра ГЯС и ГРС и может приводить к реформации оценочного компонента, а также к определенному расширению семантического содержания ГЯС и ГРС: «Любая гендерная репрезентация активизирует и сопровождает процесс отбора, структурирования и формирования значений стереотипа, наделения их новым смыслом. Взаимодействие процессов конструирования и интерпретации гендера при активном участии реципиента приводит к производству новых значений, и таким образом осуществляется непрерывное конструирование гендерной идентичности как на индивидуальном или групповом уровне, так и в масштабах всего социума» [13, с. 252]. Таким образом, ядро ГЯС и ГРС выступает эталоном, на который ориентируются все члены лингвокультурного сообщества. В нем отражена и воплощена в полной мере обобщенная модель наивных знаний носителей языка, характеризующаяся довольно высокой степенью абстрагированности. Периферия же ГЯС и ГРС не является эталоном. Периферия ГЯС и ГРС формируется в индивидуальных сознаниях индивидов. На периферии ГЯС и ГРС находятся все индивидуальные представления носителей языка. Однако жестких границ между ядром и периферией нет. Структура ГЯС и ГРС отражает тот факт, что индивид усваивает созданные до него ГС, преломляя их через призму своего индивидуального опыта.

Таким образом, гендерные представления человека о различных качествах (от психологических до социальных ролей) и о речевом поведении друг друга включают в себя не только стереотипные (т.е. социально-разделяемые), но и личные представления о «мужественности» и «женственности», также и о «мужском» и «женском» речевом поведении, сформированные в ходе субъективного опыта. Исходя из этого положения человек может не только воспроизводить существующие в обществе ГС, но и трансформировать их, и даже разрушать их. Таким образом существующая терминология развивающейся гендерной лингвистики требует уточнения и расширения, и поэтому подобная структура ГС представляется необходимой для дальнейшего изучения проявления гендерного фактора в языковом сознании индивидов. Ядерная структура ГЯС и ГРС отражает динамическую характеристику ГС в целом, отражает их включенность в процесс познания человеком лингвокультурной реальности. Структура ГЯС и ГРС позволяет наблюдать и описывать результаты гендерной стереотипизации. На основе вербализованных реакций, являющихся одним из возможных способов репрезентации языкового сознания индивидов, возможно моделировать единицы языкового сознания – ГЯС и ГРС, которые фиксируют результаты действия основных познавательных процессов человека. Материалы ассоциативных экспериментов можно рассматривать как специфический для данной лингвокультуры «ассоциативный профиль» образов сознания [11; 15; 16]. Наличие у ГЯС и ГРС ядерной структуры свидетельствует о сохранении коллективных, общих структурообразующих элементов языкового сознания носителей языка. Ядерная структура ГЯС и ГРС говорит об определенной устойчивости и стабильности языкового сознания всех носителей языка. В ходе ассоциативных экспериментов мы можем смоделировать «культурное ядро»: «...векторы ассоциирования, выделяемые на основе степени стереотипности реакций на слова-стимулы, входящие в ядро языкового сознания русских, позволяют устанавливать типичное для среднего носителя языка «культурное ядро», необходимое ему для осуществления успешной социализации и коммуникации» [1, с. 6].

Так, в ходе нашего ассоциативного эксперимента по выявлению гендерных речевых стереотипов (ГРС) (определенных представлений общества о речевом поведении индивидов – мужчин и женщин) в сознании носителей языка мы пришли к выводу, что правомерно говорить о гендерной ментальности, в которой выделяется как уровень общих представлений, так и индивидуальных. В ассоциатив-

ном эксперименте приняли участие 48 человек, проживающих на территории г. Перми: 24 девушки и 24 юноши (возраст 17–18 лет) гуманитарных специальностей, обучающихся в Пермском государственном университете. Выборка была неслучайно сформирована подобным образом. Гомогенная группа информантов позволяет выявить влияние интересующих для исследования социальных страт [4], в нашем случае – страты «гендер». В анкете информанты должны были ответить на вопрос: «Какие, по Вашему мнению, существуют признаки и характеристики мужской и женской речи?» – написать первые слова, которые возникают у них в ответ на этот вопрос. Количество ответов не ограничивалось. В результате эксперимента было получено 118 ответов-реакций, характеризующих особенности мужской речи, и 152 ответа-реакции, которые характеризуют женскую речь. В ходе анализа данных эксперимента оказалось, что в языковом сознании индивидов находят свое отражение общие ассоциаты речевого поведения мужчин. По мнению как мужчин, так и женщин, речь мужчин характеризуется грубостью, использованием ненормативной лексики, логичностью повествования, уверенностью, спокойствием и краткостью/ лаконичностью. Самыми главными признаками речи женщин оказываются эмоциональность, жестикуляция и разнообразие лексики. Выделенные только мужчинами или только женщинами признаки и характеристики речи индивидов представляют наибольший интерес для исследования. Полученные результаты свидетельствуют о двух противоположных тенденциях функционирования гендерных речевых стереотипов в языковом сознании мужчин и женщин. Так, в языковом сознании самих женщин речь женщин характеризуется вежливостью, корректностью, тактичностью и уступчивостью. В женском языковом сознании наблюдается тенденция к «феминизации» собственного речевого поведения. Некоторые ответы респондентов-женщин указывали на тот факт, что женщины слишком неуверенны в своем речевом поведении и что им необходимо проявлять «активность» в речи. В то же время в языковом сознании мужчин женское речевое поведение нельзя назвать вежливым и корректным. По мнению мужчин, женщины вспыльчивы, используют ненормативную лексику. Сами мужчины считают свою речь рассудительной. Однако в женском языковом сознании функционирует иной гендерный речевой стереотип. Женщины главным образом отмечают тот факт, что речь мужчин неэмоциональна и характеризуется необдуманностью, бестактностью и невежливостью. Итак, очевидно, что действительно гендерная ментальность имеет уровень общих и индивидуальных

представлений. В нашем случае и мужчины и женщины выделяют одни и те же признаки и характеристики речи мужчин и женщин. Однако оказалось, что индивиды имеют также свою «интерпретацию» гендерных речевых стереотипов. Анализируя таким образом ментальные представления мужчин и женщин о самих себе (в нашем случае стереотипы о речевом поведении друг друга) и выделяя в структуре стереотипа ядро (общие представления) и периферию (индивидуальные представления), мы можем получить представление об особенностях гендерной ментальности и о том, какие гендерные речевые стереотипы сложились в лингвокультурном сообществе и как они функционируют в гендерном языковом сознании индивидов. Многие современные стереотипные представления о речевом поведении людей в зависимости от их пола говорят об изменении ментальных представлений о мужественности и женственности. Такое изменение свидетельствует о том, что традиционные характеристики, приписываемые мужчинам и женщинам, не являются перманентными, они складываются в менталитете общества, но вследствие общественных изменений (например, вследствие феминизации) могут значительным образом трансформироваться.

Таким образом, результаты анализа функционирования гендерных речевых стереотипов (ГРС) в сознании мужчин и женщин позволяют сделать вывод о том, что гендер – это социолингвистическая переменная. Отметим, что выделение методологических принципов изучения гендерных феноменов является первостепенно важным при анализе функционирования фактора «гендер» в когнитивной сфере человека. Справедливо будет заметить, что одним из таких методологических принципов является социолингвистический подход при изучении ГС, то есть признание того, что пол (гендер) необходимо понимать как социально и культурно конструируемый феномен, который подвержен динамике. Такой подход в этом случае органично вписывается в исследования современной гендерной лингвистики, которая признает сегодня необходимость комплексных статистических методик изучения проявления гендерного фактора в языке и речи. Однако стоит отметить, что данные методики приемлемы и эффективны в случае работы над сбалансированными выборками информантов по полу, возрасту, образованию, месту рождения, что в значительной мере делает изучение гендерного фактора правомерным и соответствующим современным методологическим принципам гендерных исследований в лингвистике.

Список литературы

1. Алимушкина О. А. Механизмы проявления стереотипизации в ассоциативном поле: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Барнаул, 2007.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: пер. с англ. – М.: Медиум, 1995.
3. Горошко Е. И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1996.
4. Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование: монография / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009.
5. Земская Е.А. и др. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Ин-т рус. яз. РАН; отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелев. - М.: Наука, 1993. – С. 90-157.
6. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям "ВАЛДАЙ-96" / МЦГИ. - М., 1997. – С. 84-89.
7. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 1999.
8. Клубков П. А. Что у голодного на языке? // Славянские чтения. I. - Даугавпилс-Резекне, 2000. – С. 224-229.
9. Колосова О. В. Когнитивные основания языковых категорий: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996.
10. Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. - 1981. - № 2. – С. 47-57.
11. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 1997.
12. Магнес Н. О. Структура устного бытового повествования и специфика ее гендерной реализации (на материале английского языка): Дис. ...канд. филол. наук. - СПб., 1999.
13. Максимова О. Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы // Вестник РУДН. Серия социология. – 2004. - № 6-7. – С. 246-254.
14. Усманова М. В. Гендерная специфика когнитивных моделей ситуаций (на материале устных спонтанных монологов): Учеб. пособие по спецкурсу; Перм. ун-т. – Пермь, 2006.
15. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. науч. тр. - М., 1996. – С. 139-163.
16. Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских // Языковое сознание: Теоретические и прикладные аспекты. – М., Барнаул, 2004. - С.188-202.
17. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера (doing gender) // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 193-120.
18. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall., 1967.
19. Goffman E. Gender Display // Studies in the Anthropology of Visual Communication. - Vol. 3. - 1976. - P. 69–77.

Антиномия единства и многообразия в сравнительных исследованиях разносистемных языков

Межъязыковые сходства и различия являются отражением проблемы соотношения единичного и общего в языке. Установление типологии межъязыковых соответствий как цели сравнения разносистемных языков выводит исследование на более высокий уровень осмысления всеобщего, общего и единичного в сравниваемых языках.

Interlanguage similarities and differences reflect the problem of the correlation of common and specific in language. Interlanguage correspondences generated in the process of comparing unrelated languages lead to bringing the investigation to a deeper perception of universal, common and specific features' correlation among languages.

Ключевые слова: метод сравнения, сходства, различия, цель сравнения, всеобщее, общее, единичное.

Key words: the method of comparison, similarities, differences, the purpose of comparison, universal, common, specific.

Метод сравнения широко используется в самых разнообразных научных дисциплинах в связи с тем, что он является эффективным приемом более глубокого познания природы сравниваемых объектов. Его применение ставит перед исследователем важные философские вопросы научной методологии: как соотносятся в сравниваемых объектах общее и единичное, целое и часть, тождественное и различное, абстрактное и конкретное, структура и система и т. д. Все эти вопросы являются аспектами противоречивого целого, за которым в научном знании закрепилось название «антиномии единства и многообразия».

В языке антиномия единства и многообразия проявляется как «противоречие между общечеловеческим содержанием отражения и идеоэтнической семантикой языковых единиц» [22, с. 330]. Сравнительные исследования в языкознании показательны и актуальны именно тем, что непосредственно направлены на разрешение этой антиномии в методологическом плане. Выявляемые сходства между языками свидетельствуют о наличии общечеловеческого единства языков, различия же фиксируют национально-культурную специфику каждого из них. Изучение цели сравнительных исследований мо-

жет оказать помощь в более глубоком понимании того, как в сравнительном языкознании ставится и решается главный вопрос гуманитарного знания о соотношении общего и единичного в сравниваемых языках.

Сам факт обращения лингвистов к поиску сходств и различий между сравниваемыми языками в процессе межъязыкового сравнения свидетельствует о противоречивости, двунаправленности поставленной ими цели. Не случайно цель сравнительных исследований неоднократно пересматривалась в процессе развития сравнительного языкознания. Термин «сравнительное языкознание», вслед за Г. А. Климовым [5, с. 6], мы предлагаем в качестве обобщающего для всех направлений, основанных на использовании метода сравнения языков.

Это становится очевидным при изучении документа, который носит законодательный характер, а именно, паспорта специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». В нем, в частности, отмечается, что сравнительно-историческое языкознание накапливает знания о предшествующих этапах исторического развития языковых состояний, осуществляемых посредством установления *соответствий* на всех уровнях языка; типологическое языкознание устанавливает *сходства и различия* языков (языкового строя) на основе наиболее общих и наиболее важных свойств языка, не зависящих от их генетического родства. Сопоставительное языкознание устанавливает *несоответствия* между сравниваемыми языками и отношения *контраста* [Курсив наш. – Л. М.] [13].

Из приведенной цитаты следует, что выделение того или иного направления сравнительного языкознания зависит, в первую очередь, от того, на поиск чего – преимущественно сходств или различий между языками, – оно направлено. Так, контрастивная лингвистика лишь упоминается в паспорте специальности 10.02.20, четко её место в системе направлений сравнительного языкознания не обозначено. Но, судя по данным выше определениям, следует, что сопоставительное языкознание, направленное на выявление расхождений (контрастов) между языками, и есть контрастивная лингвистика в другой терминологии.

Анализ направлений сравнительного языкознания по цели межъязыкового сравнения с учетом времени появления того или иного направления позволяет увидеть динамику в развитии представлений лингвистов о характере взаимоотношений между языками. Оттолкнувшись от изучения наиболее общих языковых законов,

ведущих к установлению родственных связей между языками, а также типов языков, сравнительные исследования все более погружаются в частные, с точки зрения типологии, языковые различия. Как бы ни назывались направления сравнительного языкознания, в исторической перспективе цель сравнения языков выглядит как движение исследования от общего к частному, от поиска максимальных сходств – к типологически (структурно) несущественным, но важным для понимания содержательной стороны языковых знаков различиям.

Движение от всеобщего к специфическому как цели межъязыкового сравнения вполне согласуется с общей динамикой социального познания, в котором на современном этапе явления и процессы исследуются, главным образом, со стороны качества и единичного (индивидуального), а не количества и всеобщего [20, с. 316]. Из этого следует, что современное гуманитарное знание, в том числе и языкознание, отдает предпочтение так называемому идеографическому методу в изучении языка и культуры, направленному на анализ особенного и индивидуального, в отличие от генерализирующего метода (терминология баденской школы неокантианства [6, с. 304–307]).

Благодаря увлечению идеографическим методом в отечественном языкознании растет число работ, целью которых является установление различий между языками, культурами и типами ментальностей. Закономерен, в связи с этим, вопрос: является ли поиск различий между языками конечным пунктом сопоставительного исследования? Тем пределом, дальше которого метод сравнения в языкознании развиваться не может? Стоит в связи с этим обратить внимание на мнение философов-компаративистов, которые предупреждают, что тенденция подчеркивать различия во взглядах, понятиях, значениях, свойственная современному гуманитарному знанию, является достаточно опасной. Конечный результат подобного сравнения парадоксален, ибо в конце концов остаются только различия, ведущие к бесконечному дроблению знаний, закрытости культур и вавилонскому столпотворению. Выходом из этого является создание иных условий отношения частного к всеобщему, чем условия разнонаправленности или взаимного исключения [17, с. 135].

Не только философами, но и многими лингвистами концентрация внимания на поиске исключительно различий между языками воспринимается как определенный перекосяк в методологии современных сравнительных исследований. К таковым относится, напри-

мер, В. Н. Ярцева – одна из наиболее известных отечественных авторов в области сравнительных исследований. Системность при рассмотрении отдельных участков сопоставляемых языков, отмечает она, плохо сочетается с теми теориями, адепты которых ищут в языках только несходное, разделяющее, считая именно этот подход спецификой контрастивных исследований. Подобные работы не создают основ для творческого развития контрастивных исследований, так как они не раскрывают диалектическую связь формы и содержания в языке, связь языковых явлений и мыслительных категорий, своеобразие отдельных, единичных языков, сочетающих в своем строе общее и особенное [23, с. 37].

Подтверждение высказанному мнению можно найти в исследованиях, связанных с изучением концептов, для большинства из которых характерен целенаправленный поиск различий. Так, в диссертации Н. П. Савойской изучаются лингвокультурологические особенности концепта «вежливость» в казахском, русском и английском языках. Результатом же исследования являются «как общие значения, так и специфические компоненты, наполненные лингвокультурологическим содержанием, которые необходимо знать и учитывать в процессе межкультурной коммуникации» [15, с. 21]. Таким образом, реальные результаты исследования с неизбежностью фиксируют как сходные, так и различные черты между сравниваемыми лингвокультурами. Они значительно шире поставленной автором цели – выявление несходного, индивидуального (особенного, в терминологии автора).

То, что в межкультурной коммуникации необходимо знать и учитывать только специфическое, является достаточно спорным, на взгляд ряда исследователей, утверждением. Какой механизм лежит в основе взаимопонимания представителей разных лингвокультур? – задают вопрос авторы коллективной монографии «Картина мира и способы её репрезентации». Их мнение: успешность взаимопонимания представителей разных лингвокультур требует наличия следующих условий: 1) общность языковых / речевых навыков; 2) общность (пересечение) образов мира (сознания) [2, с. 67]. Не углубляясь в философские и методологические вопросы соотношения общего и специфического в гуманитарном знании, подчеркнем лишь, что результаты исследований, в основу которых положен метод сравнения, не согласуются с теоретическими установками на поиск исключительно различий, так как сходства неизбежно будут выявляться и играть весомую роль в реальной картине выявленных закономерностей.

Многие исследователи отмечают ценность установления различий для прикладных задач контрастивной лингвистики, главным образом, в процессе изучения иностранных языков. Опасность опоры на навыки родного языка отмечалась, например, А. А. Реформатским. Для овладения чужим языком, подчеркивал он, надо, прежде всего, отказаться от своего языка. Поиски «соблазнительных тождеств» своего и чужого – самый опасный путь при овладении чужим языком [14, с. 6]. Время показывает, что данная теоретическая установка не бесспорна, особенно в условиях одновременного изучения нескольких иностранных языков.

Психолингвисты подчеркивают, что при встрече с различными языками в сознании учащегося просыпается «стихийный типолог», который все новое стремится классифицировать, сопоставить, противопоставить, объяснить [9, с. 211]. Чтобы поддержать и развить данную способность учащегося, изучение нового языка должно опираться на два взаимосвязанных, но разнонаправленных процесса: проведение аналогий с известными из других языков явлениями, в том числе и с родным языком, и предотвращение интерферирующего влияния на новый язык от прошлого языкового опыта [1, с. 5]. В нашей терминологии речь идет о необходимости выявления как сходств, так и различий между контактирующими в учебном процессе языками. Этой двунаправленной цели служит коммуникативно-когнитивный подход, предполагающий сознательную опору на родной язык (и первый иностранный) в процессе выполнения системы так называемых контрастивных упражнений. Роль родного языка в обучении иностранному продолжает осмысляться и систематизироваться (см., например, статью Я. М. Колкера и Е. С. Устиновой [3]).

Вернемся вновь к идеям В. Н. Ярцевой относительно важности изучения сходств и различий между сравниваемыми языками в единстве. Она обращает особое внимание на необходимость опоры на два базовых критерия сравнения языковых единиц – их форму и содержание (в самом широком смысле) и установление диалектической взаимосвязи между ними при проведении контрастивных исследований. Думается, именно в этом – суть отличия контрастивной лингвистики от предшествующих ей этапов (направлений) сравнения языков. Поиск сходств и различий между языками на основе системного учета взаимосвязи формы и содержания языковых единиц ведет к установлению качественно иных отношений общего к частному, нежели в типологии. Результаты контрастивных исследований позволяют выявлять тонкие содержательные отношения между языками и играют важную роль в дальнейшем осмыслении

антиномии единства и разнообразия, заложенной в системе любого языка (более подробно о характере сходств и различий в типологическом языкознании в отличие от сходств и различий, выявляемых в контрастивных исследованиях, см., например, [8]). Таким образом, основное отличие контрастивной лингвистики от предшествующих ей по времени появлений направлений сравнения языков заключается, на наш взгляд, не столько в усиленном внимании к различиям, сколько к установлению принципиально иных отношений между сравниваемыми языками, основанных на ином уровне осмысления роли формы и содержания языковых единиц в процедуре их сравнения. Выявление более тонких содержательных особенностей сравниваемых языков – следствие данного подхода.

Практика сравнительных исследований показывает, что разделение на два метода – генерализованный и идеографический, – недостаточно для изучения сложных, высокодифференцированных и, в то же время, гетерогенных по своему составу современных обществ и, соответственно, языков. Требуется синтез обоих методов, что становится очевидным при более тщательном изучении того, какую цель межъязыкового сравнения ставят современные авторы. Продемонстрируем сказанное на примере формулировки цели контрастивной лингвистики, данной И. А. Стерниным: целью контрастивного исследования, по его мнению, выступает сопоставительное изучение межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий [18, с. 25]. Хотя в данной формулировке акцент ставится на изучении различий, не трудно заметить, что цель в интерпретации И. А. Стернина является как бы двухуровневой: это и изучение межъязыковых соответствий, и выявление различий. Что же такое «межъязыковое соответствие»? Межъязыковые соответствия, отмечает И. А. Стернин, – центральное понятие контрастивной лингвистики. Это единицы разных языков, имеющие *сходство* в семном составе [Курсив наш. – Л. М.] [18, с. 34].

О необходимости создания типологии межъязыковых соответствий при изучении языковых явлений в контрастивной лингвистике на материале лексики говорят практически все исследователи последних лет (см. обзор точек зрения по этому вопросу [4, с. 31–32]). Сам факт обращения контрастивистов к такой категории, как «типология», очень показателен. Для чего сравнивают языки? Отвечая коротко на этот философский вопрос, можно лишь констатировать тот факт, что познание движется либо в сторону выявления общих закономерностей единого процесса через анализ частных, либо в сторону частных, все более и более детализируя изучаемую кар-

тину. При этом следует согласиться с уже оформившейся в лингвистике позицией, что рассмотрение каждого конкретного языка и его особенностей на фоне единства всех языков – это основной принцип любого сравнения и в то же время наиболее сложный путь лингвистического исследования [10, с. 65].

Таким образом, проникновение в различия и все более глубокое познание каждого из сравниваемых языков не отменяет, а предполагает помещение результатов сравнения в определенную систему координат, позволяющую синтезировать их в более общую картину языковой типологии. Поэтому поиск различий между языками (этап анализа) в контрастивной лингвистике является средством создания классификации (этап синтеза), которая получила название типологии межъязыковых (лексических) соответствий.

Интересно, на наш взгляд, отметить, что между сопоставлением, сравнением и соответствием можно установить отношения, соотносимые с этапами сравнительного исследования. Сопоставление рядом исследователей рассматривается как первый, предварительный этап сравнения языков. Если попытка сопоставления двух языковых форм оказывается удачной (т. е. они оказались сопоставимы по определенным признакам), она заменяется сравнением; процедура сравнения в свою очередь ведет к установлению системы соответствий [22, с. 487]. Таким образом, выстраивается логическая цепочка: сопоставление → сравнение → соответствие. Соответствие – результат процедуры сравнения, и поэтому, в отличие от «чистого» сходства, предполагает установление и различающихся черт между сравниваемыми языками. Это определенное соотношение сходств и различий между ними по набору критериев, основанных на корреляции формы и содержания сравниваемых языковых единиц. Продемонстрируем сказанное на ряде примеров.

В известной работе Р. Ладо, одним из первых предложившим систему соответствий между языками на примере английского и испанского языков, выделено семь типов лексических соответствий, которые он назвал «моделями трудности», на основе корреляции четырех критериев: формы, значения, коннотации и дистрибуции языковых единиц. Одной из наиболее трудных моделей в его классификации является четвертая, в которую попадают слова, «не известные в другой культуре ни по форме, ни по значению», т. е. безэквивалентная лексика в более современной терминологии. А в первую модель им отнесены слова, «схожие по форме и содержанию», т. е. родственная или интернациональная лексика [7].

Эти несложные примеры наглядно показывают, что межъязыковые соответствия – результат комбинации сходств и различий между языками по набору критериев. Философия науки выделяет два вида общего: абстрактно-общее как простая одинаковость, внешнее сходство, поверхностное подобие ряда единичных предметов (наличие у всех людей, в отличие от животных, ушной мочки), и конкретно-общее как закон существования и развития ряда единичных явлений в их взаимодействии в составе целого; как единство в многообразии [20, с. 227]. Следовательно, выстраивая систему соответствий между сравниваемыми языками, мы имеем дело не со специфичным (в триаде всеобщее – общее – специфичное), а с «конкретно-общим», – реальным результатом и целью современного (контрастивного) исследования.

Типология межъязыковых соответствий, как она разрабатывается в большинстве исследований, предполагает сравнение двух языков. Еще больший вклад в углубление наших представлений о корреляции всеобщего, общего и специфичного вносят исследования, выполненные на материале трех языков. С методологической точки зрения, сравнение трех объектов исследования (А, В и С) приводит к созданию классификации, в которой теоретически выделяются три уровня. К первому уровню относятся результаты сравнения, характерные для всех трех сравниваемых объектов (то, что соотносимо с категорией всеобщего в создаваемой классификации). Во второй уровень войдут те результаты сравнения, которые характерны для двух сравниваемых объектов (что соотносимо с категорией общего в подобной классификации). Третий уровень классификации образуют явления, характерные только для одного из сравниваемых объектов (что соответствует специфичному для каждого из них). Наглядно эти комбинации могут выглядеть следующим образом: $A = B = C$; $A = B$, $A = C$, $B = C$; A , B , C .

Вопрос о необходимости сравнения трех языков в современных контрастивных (сопоставительных) исследованиях рассматривается лингвистами на практическом материале лексической стороны речи. Следует упомянуть работу В. П. Конецкой, которая установила межъязыковые сходства и различия английских, немецких и шведских слов на основе изучения их звуковой, морфологической и семантической структур [4], исследование семантических единиц Т. С. Нифановой на материале английского, французского и русского языков [12], результаты сравнения фразеологии английского, не-

мецкого и шведского языков Т. Н. Федуленковой [19] и т. д. Все эти исследования объединяет попытка создания многомерной и многоуровневой классификации. Они показывают, что целью современного сравнительного исследования является не «простое и строгое описание языковых различий», как бы хотелось видеть некоторым исследователям [21, с. 85], а более реалистическое представление разнообразия языков в виде лингвистического континуума с учетом корреляции всеобщего, общего и специфичного в сравниваемых языках.

Список литературы

1. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкий язык после английского). – М.: Вентана-Граф, 1997.
2. Картина мира и способы её репрезентации / под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003.
3. Колкер Я. М., Устинова Е. С. Роль родного языка в обучении иностранному // Иностранные языки в школе. – № 2. – 2004. – С. 20–28.
4. Конецкая В. П. Введение в сопоставительную лексикологию германских языков. – М.: Высш. шк., 1993.
5. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. – М.: Наука, 1990.
6. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997.
7. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 25. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – С. 32–61.
8. Малых Л. М. К проблеме статуса контрастивной лингвистики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – Вып. 2 (2). – С. 44–48.
9. Маркосян А. С. Очерк теории овладения вторым языком. – М., 2004.
10. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. – Киев: Знання, 2004.
11. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. – 2-е изд. – Мн.: Амалфея, 2004.
12. Нифанова Т. С. Сопоставительное описание семантических единиц разных языков. – Архангельск: Поморский университет, 2004.
13. Паспорт специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.originweb.info.
14. Реформатский А. А. О сопоставительном методе // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С. 40–52.
15. Савойская Н. П. Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость»: На материале казахского, русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.

16. Современный философский словарь / под общей ред. д.ф.н. профессора В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.
17. Сравнительная философия. – М.: Восточная литература РАН, 2000.
18. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. – М.: ПАСТ: Восток – Запад, 2007.
19. Федуленкова Т. Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. – Северодвинск, 2006.
20. Философия науки в вопросах и ответах / В. П. Кохановский [и др.]. – Ростов н/Д: Феникс, 2006.
21. Широкова А. В. Сопоставительная типология разноструктурных языков. – М.: Добросвет, КДУ, 2006.
22. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
23. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981.

Глаголы с атрибутивной валентностью как средство выражения оценки

В статье глаголы с атрибутивной валентностью рассматриваются как средство выражения оценки. На основе анализа когнитивного сценария глаголов реконструируется когнитивная модель семантики глаголов, определяемая на ментальном уровне как ситуация оценки. Компоненты модели подробно описываются, изучается их реализация на языковом уровне.

The article deals with the consideration verbs with attributive valence as means of value's expression. On basis of cognitive script's analysis the author reconstructs a cognitive model of verb's semantics defined as value situation on a cognitive level. Special attention is given to the components of this model and their realization in language.

Ключевые слова: глагол, атрибутивная валентность, оценка.

Key words: verbs, attributive valence, expression.

На современном этапе развития лингвистики в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания одним из вопросов, привлекающих внимание исследователей, является рассмотрение оценки не только как языковой категории, но и как ментальной деятельности.

Познание человеком окружающего мира проявляется, по мнению Н. Н. Болдырева, не только в обработке и накоплении знаний логического, объективного характера, которые отражаются в сознании в концептах и категориях естественных объектов, что принято называть физической картиной мира. Параллельно этому процессу происходит формирование оценочной, идеализированной его картины – определенной системы мнений и оценок этих объектов, то есть оценочных концептов и категорий, которые являются результатом оценочной концептуализации и оценочной категоризации. Под оценочной концептуализацией автор соответственно понимает оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в сознании. Оценочная категоризация представляет собой группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории, то есть систему оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект) [2, с. 104]. Оценочные

концепты связаны с внутренним миром человека, поскольку ориентированы на систему мнений, оценок, предпочтений. Знание, содержащееся в оценочных концептах, специфично: оно не может быть верифицировано, поскольку не находит непосредственного отражения в реальном мире [3, с. 142].

Проследить формирование оценочных концептов можно не только на примере оценочных прилагательных и наречий, но и на примере высказываний, содержащих глаголы с атрибутивной валентностью.

Значение глагола, как известно, отражает некоторую ситуацию реальной действительности. Семантика большинства глаголов включает предметные значения, то есть охватывает предметные элементы ситуации, поэтому основными содержательно и структурно обязательными актантами глагола считаются субъект и объект. Непредметные характеристики (место, время, причина, цель, атрибуты) включаются в семантику значительно реже и встречаются только у определенных глаголов [6, с. 86]. Глаголы, валентностная структура которых имеет обязательный актант с непредметным/призначным значением, могут быть охарактеризованы как глаголы с атрибутивной валентностью.

Атрибут как призначное значение традиционно рассматривается по отношению к предметному значению. В философии он трактуется как характерный признак субстанции, необходимое и существенное свойство предмета, присущее ему во всех состояниях и при любых условиях [7, с. 65]. В лингвистике атрибут считается определением и его исследование осуществляется, как правило, в рамках субстантивной группы: его роль в предложении сводится к дескрипции (или конкретизации) и актуализации субстанционального понятия или к его оценке [4, с. 99]. Однако атрибут можно рассматривать не только как качественный или количественный признак субстанции, но и как «признак признака». С. Д. Кацнельсон подразделяет призначные значения на признаки событий, признаки предметов и признаки признаков. В случае, когда атрибут (признак) характеризует не субстанцию, а предикат (признак), он именуется атрибутом вторичного порядка или «признаком признака» [5, с. 143]. Таким образом, понятие атрибута применимо не только к субстантивным, но и глагольным значениям.

К глаголам с атрибутивной валентностью относятся, прежде всего, глаголы поведения, включающие глаголы истинного поведения (*sich aufführen, auftreten, sich benehmen, sich betragen, sich führen, sich verhalten*), глаголы симуляции (*sich geben, tun, sich stel-*

len), глаголы действия (handeln, vorgehen, verfahren); и глаголы восприятия, включающие глаголы состояния (aussehen, sich fühlen, sich anfühlen), глаголы сомнения (erscheinen, scheinen, vorkommen, wirken), глаголы утверждения (sich darstellen, sich erweisen, sich herausstellen, sich zeigen). Глаголы с атрибутивной валентностью имеют в своем лексикографическом толковании указание на некую качественную характеристику действия, процесса или состояния. Категория качества считается реально существующей, то есть независимой от сознания человека. Атрибут соответственно можно трактовать не только как обязательный актант с непредметным/призначным значением, но и как качественный признак действия, процесса или состояния, обязательный элемент ситуации реальной действительности. Открываемое атрибутом «пустое место» заполняется словом с достаточно специфичным призначным значением: описываемый качественный признак в дальнейшем подвергается оценке, что дает не качественную, а оценочную характеристику действия, процесса или состояния. Для объяснения формирования оценочной характеристики необходимо реконструировать когнитивную модель, разъясняющую семантику глаголов с атрибутивной валентностью. Построение когнитивной модели осуществляется при помощи анализа когнитивного сценария глаголов, учитывающего их пропозициональную структуру. Пропозиции в сознании человека представляют собой определенную последовательность действий и образуют когнитивный сценарий. Глаголы с атрибутивной валентностью полипропозитивны. Глагол sich benehmen, например, в когнитивном сценарии имеет первичную (основную) пропозицию: субъект ведет себя определенным образом (качественный признак действия – элемент ситуации реальной действительности), и вторичную пропозицию: наблюдатель оценивает поведение субъекта определенным образом (формирование оценки – мнения о качественном признаке действий субъекта).

Если первичная пропозиция отображает реальную действительность, то вторичная пропозиция свидетельствует о некотором мыслительном процессе – когнитивной процедуре оценивания, в котором формируется оценочное отношение. Когнитивная процедура оценивания включает в себя: 1) выбор объекта (предмета) оценки; 2) выбор признака (основания) оценки; 3) сопоставление предмета оценки с оценочным признаком; 4) выбор значения признака оценки; 5) приписывание значения признака оцениваемому объекту; 6) ориентация акта приписывания значения оценочного признака на возможность участия в процессе принятия решения (выявление

альтернатив разрешения проблемной ситуации, оценка альтернатив, выбор одной из них) [1, с. 75]. Среди компонентов когнитивной процедуры оценивания, иными словами, элементов вторичной позиции, следовательно, можно выделить субъект оценки, объект оценки, аспект оценки, результат оценочного действия, основание оценки и шкалу оценочного действия. Результат оценочного действия может быть обозначен как собственно оценка, или оценочный концепт – концепт особого вида, не находящийся непосредственного отражения в реальном мире, поскольку является результатом субъективной процедуры оценивания, но основанный на восприятии элементов ситуации реальной действительности.

Перечисленные выше элементы составляют когнитивную модель семантики глагола, которая реконструирует на ментальном уровне, как следует из анализа когнитивного сценария, ситуацию оценки, и может быть обозначена как когнитивная модель оценочной ситуации.

На языковом уровне когнитивная модель репрезентирована не в полном объеме: некоторые компоненты модели эксплицируются на языковом уровне (объект оценки, аспект оценки, результат оценки), другие остаются имплицитными (шкала оценки, основание оценки) или могут быть обозначены как имплицитно-эксплицитные (субъект оценки) (см. рис. 1).

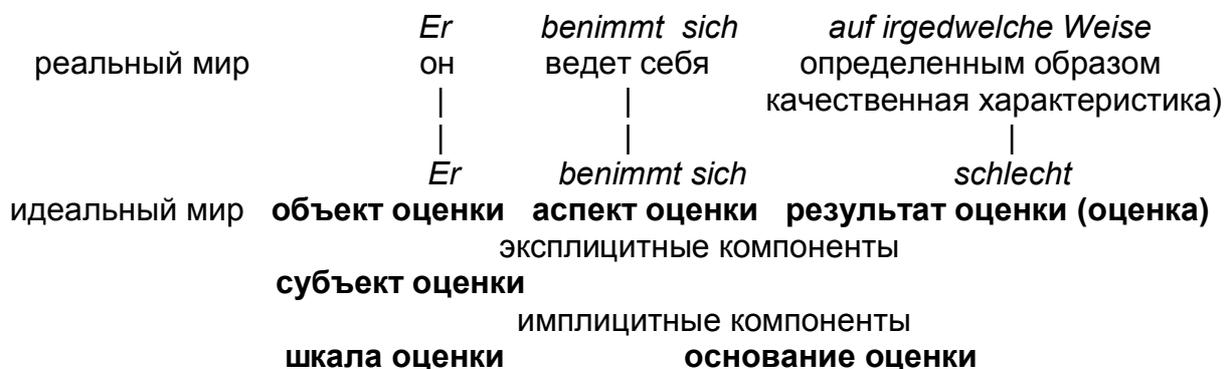

Рис. 1. Когнитивная модель оценочной ситуации, репрезентируемой глаголами с атрибутивной валентностью

Реализация эксплицитных компонентов происходит таким образом, что высказывания, содержащие глаголы с атрибутивной валентностью, представляют собой некоторую совокупность отражения реального и идеального мира и репрезентируют на языковом уровне благодаря полипропозитивности глагола не только естественные, но оценочные концепты (см. рис. 2).

Er benimmt sich	schlecht
реальный мир	идеальный мир
естественные категории	оценочные категории
концепты естественных объектов	оценочный концепт
называние естественных объектов)	(результат процедуры оценивания)
объективное знание	субъективное знание

Рис. 2. Отражение реального и идеального мира в высказываниях с глаголами с атрибутивной валентностью

Эксплицитные компоненты когнитивной модели получают конкретное содержательное наполнение на языковом уровне, которое может быть выявлено при анализе валентностной структуры глаголов.

Анализ когнитивной модели оценочной ситуации позволит объяснить формирование оценочной характеристики и рассмотреть функционирование глаголов с атрибутивной валентностью на когнитивном уровне. В оценочных ситуациях с глаголами с атрибутивной валентностью субъект оценки, приписывающий ценность некоторому объекту, эксплицируется лишь в том случае, если речь идет от первого лица, в остальных случаях он, как правило, не эксплицируется и в его роли выступает автор текста. Объектом оценки, обязательно эксплицируемым компонентом, в ситуациях, репрезентируемых глаголами истинного поведения, симуляции, действия и состояния является, как правило, лицо. В оценочных ситуациях с глаголами сомнения и утверждения встречаются объекты предметной и абстрактной семантики. Отношения, складывающиеся между субъектом и объектом оценки, носят различный характер. При употреблении глаголов поведения и состояния субъект не подвергает никакому сомнению истинность той оценки, которую он дает объекту. При глаголах сомнения субъект не уверен в соответствии оценочной характеристики действительному положению дел. Сравните: *Er musste sich verstellen, beharrlich den Schein wahren, doch im Grunde seines Herzens **fühlte er sich unsicher, einsam** (Z, 589); Von einem Rondell aus, auf das sie trafen, führten Treppen nach oben und nach unten. Hier **schien Ima unsicher zu sein und zögerte** (Par, 167).*

В ситуации с глаголами утверждения субъект полностью уверен в своей оценке, поскольку она основывается на конкретных фактах: *Doch die Frau im schwarzen Gewand **erwies sich als hartnäckig**. Sie ließ sich auch von dem Geräusch nicht abhalten, das darauf hindeutete, dass innen der Riegel vorgeschoben wurde. Sie klopfte weiter. Als sich daraufhin nichts rührte, hob sie einen Stein vom Boden auf und hämmerte damit gegen das Holz (Kar, 324).*

В ситуации с глаголами истинного поведения **аспектом оценки** является поведение объекта при определенных обстоятельствах, с

глаголами симуляции – впечатление, которое пытается произвести объект. С глаголами действия оценке подлежат конкретные действия объекта, а с глаголами состояния характеризуются как эмоциональное и/или физическое состояние, так и внешние параметры объекта. В ситуациях, репрезентируемых глаголами сомнения, субъект через призму своего восприятия при объекте-лице оценивает его физическое и/или эмоциональное состояние, внешний вид, поведение, действия. При объекте предметной семантики характеризуются, как правило, его внешние параметры, при абстрактном объекте – отношение к нему.

Результат оценочного действия с глаголами истинного поведения выражен как общеоценочными, так и частнооценочными значениями в виде нормативных, этических и в некоторых случаях эмоциональных оценок, с глаголами симуляции – только частнооценочными значениями, как правило, эмоциональными оценками, а с глаголами действия – нормативными и этическими оценками. Холистическая оценка дается в ситуации с глаголами состояния при общей характеристике объекта, эстетическими оценками – при описании его внешнего вида, эмоциональными и нормативными оценками – при определении эмоционального и/или физического состояния. Результат оценки с глаголами сомнения и утверждения выражен как общеоценочными, так и всеми видами частнооценочных значений, поскольку семантическое значение объекта достаточно разнообразно и его оценка осуществляется с различных сторон.

Четко градуированную шкалу оценки, имплицитный компонент, имеют только те оценочные ситуации, результат которых может быть выражен общеоценочным значением. Например, шкалы оценочных ситуаций, репрезентируемых глаголами *aussehen*, *sich benehmen* и *sich fühlen*, имеют положительную и отрицательную зоны в виде холистических оценок «хорошо/плохо» (*wohl/schlimm*). Частнооценочные значения не организованы как явно противопоставленные, но могут быть сведены к общеоценочным и отнесены к той или иной зоне. Для оценочных ситуаций, репрезентируемых другими глаголами, нельзя построить одну шкалу, которая бы охватывала все случаи, поскольку результаты оценочного действия представлены только частнооценочными значениями, характеризующими объект по различным аспектам. Основание оценки, имплицитный компонент, трудно поддается определению. В общем виде его можно обозначить как «общее мнение», «социальные нормы», «фоновое знание», которым обладают все члены общества. Основание оценки прослеживается, как правило, в тех ситуациях, в которых результат выражен в виде общеоценочного значения – холистической оценки, поскольку она, являясь аксиологическим ито-

гом, подразумевает больший объем знания, чем частнооценочные значения, характеризующие конкретный аспект объекта с определенной точки зрения. В ситуации с глаголом *sich fühlen*, например, общеоценочное значение *wohl/ schlimm* включает общепризнанное мнение о хорошем/плохом физическом и/или эмоциональном состоянии, подразумевающим конкретные аспекты (*ausgenutzt, missbraucht, verbraucht, überflüssig, glücklich, gehoben, froh, frei, behütet, geborgen, wie ein verliebter junger Mann, zufrieden, erleichtert*), которые являются экстралингвистическим фактором, входящим в структуру дискурса, и не эксплицируются в тексте: *Das kühle Regenerwetter hält an. Die meisten klagen darüber, doch ich stelle fest, daß ich mich jetzt vergleichsweise wohl fühle* (PG, 48). Некоторые примеры содержат указание на стандарты, эталоны, но не описывают его в том объеме, который соответствует всему «фоновому знанию».

В процессе коммуникации из когнитивной структуры глагола извлекается, или активизируется, такой объем информации, который необходим для правильной интерпретации высказывания [8, с. 244]. Эксплицитные компоненты когнитивной модели (объект оценки, аспект оценки, результат оценки) реализуются на языковом уровне в валентностной структуре глаголов (субъект, действие /процесс /состояние, атрибут). Исследование эксплицитных компонентов на языковом уровне осуществляется с опорой на валентностный анализ, предусматривающий выявление особенностей семантики глаголов, наличия актантов и распространителей, исследование их семантики и формы выражения, а также закономерности их реализации.

Идентификатором для глаголов поведения является *sich verhalten*, который обозначает поведение в определенной ситуации. Семантика глагола *sich benehmen* предполагает поведение в рамках социальных стандартов, общепринятых требований и правил. Глагол *sich betragen* имеет более узкое значение и предполагает осознанное соблюдение этических норм и правил. Семантика глаголов *sich führen* и *sich aufführen* подчеркивает субъективность восприятия поведения. Глагол *aufreten* подразумевает, как правило, поведение на публике, которое привлекает к себе внимание и подлежит суждению стороннего наблюдателя. Субъект данных глаголов в большинстве случаев обозначает человека и выражен, прежде всего, личными местоимениями, именами собственными и нарицательными. Иногда в качестве субъекта выступают наименования животных, насекомых и других объектов живой природы. Атрибуты глаголов отражают оценочную характеристику поведения с определенной точки зрения (например, соответствие/несоответствие принятым нормам) и выражены прилагательными соответствующей семанти-

ки, сравнительными конструкциями *wie + Adj.*, *wie + Sub.*, а также придаточными предложениями реального/нереального сравнения. Встречаются случаи незамещения позиции атрибута в повелительных предложениях.

Значение глаголов симуляции подчеркивает неискренность в поведении, симуляцию эмоционального и/или физического состояния и употребляются только с субъектом-лицом. Семантика глагола *sich stellen* включает негативную оценку стороннего наблюдателя, в то время как глагол *sich geben* в некоторых случаях не подразумевает неискренность субъекта, а просто характеризует его поведение тем или иным образом. Сравните: *Ich wusste, sie brauchte immer lange, bis sie wirklich Ruhe fand. Vorsichtig näherte ich mich und küsste ihren Hals und ihre Schultern. Sie gab sich weiter schlafend* (M, 39); *Je näher sie Straßburg kamen, umso kühler gab sich Marie Grüninger ihm gegenüber. Wann immer er versuchte, sich ihr zu nähern, flackerte in ihren Augen eine unmissverständliche Warnung auf* (Kar, 77).

Значение глагола *tun* охватывает конкретные действия, из которых складывается определенное поведение субъекта. Атрибут, представляющий собой оценочную характеристику неискренного поведения или состояния, выражен прилагательными, причастиями II и словосочетаниями *als+Sub.*, *wie+Sub.*, а также придаточными предложениями реального/нереального сравнения.

Глаголы действия описывают конкретные действия того или иного субъекта, обозначающего, как правило, человека. Глагол *handeln* обозначает действие/бездействие субъекта, в то время как глагол *verfahren* характеризует конкретные этапы действий в бюрократической сфере, а глагол *vorgehen* – в обыденной сфере. Атрибуты, содержащие оценку действий субъекта, выражены прилагательными (*richtig, unüberlegt und vorschnell, friedlich und gewissenhaft, kühl und überlegt, unvernünftig, unverantwortlich, unrecht, schnell, falsch, schwer, streng, vorsichtig*), наречиями (*so, genauso, sofort, anders*), словосочетанием *wie+Sub.* (*wie König Salomo, wie Priesterinnen und Priester eines geheimnisvollen Kultes*), или сочетанием предлога с существительным (*aus eigenem Antrieb, nach Ihren Anweisungen, auf eigene Faust, nach den Gesetzen der Logik, gemäß ihrer Pflicht und ihrer Ehre*). Достаточно частотны случаи употребления данных глаголов с наречием *wie*.

Семантика глаголов состояния включает описание внешних параметров субъекта, его эмоционального и/или физического состояния. Глагол *aussehen* употребляется с субъектом различной семантики (лицо, предметные и абстрактные понятия), глагол *sich fühlen* – только с субъектом-лицом, в редких случаях встречаются наименования животных, а глагол *sich anfühlen* – с субъектом, име-

нующим части тела. Семантика глагола накладывает определенные ограничения на семантику актанта-атрибута. При описании эмоционального состояния, например, атрибут глагола *sich fühlen* характеризует эмоциональную сферу человека, обозначает как положительные, так и отрицательные эмоции. Если речь идет о физическом состоянии, то атрибут относится к физиологии, здоровью и телу человека. В большинстве случаев атрибуты выражены прилагательными, причастиями II в сочетании с наречиями, усиливающими их значение, конструкциями *als+Sub.*, *wie+Sub.*, *wie+Part.II*, придаточными предложениями.

Глаголы сомнения имеют значение «казаться, производить впечатление». Глагол *scheinen* употребляется в большинстве случаев с субъектом-лицом (личные местоимения, имена нарицательные); глагол *erscheinen* – с субъектом абстрактной семантики (имена нарицательные); глагол *vorkommen* – с безличным и обобщенным субъектом (безличное местоимение *es*, неопределенно-личное *man*), характеризующим некое положение дел; глагол *wirken* – с субъектом лицом и субъектом абстрактной семантики (личные местоимения, имена нарицательные и собственные). Атрибуты, обозначающие оценочные характеристики, выражены прилагательными с наречием (*derart merkwürdig, sehr unwarscheinlich, fast langweilig, sehr fremdartig, außergewöhnlich groß*), сравнительными конструкциями *wie + Sub.* (*wie eine Ewigkeit, wie ein Traum, wie eine himmlische Gestalt*), а так же причастием II (*nicht ausgeschlossen, geeignet, gedrungen*).

Значение глаголов утверждения репрезентирует лицо, предмет, явление, событие в каком-либо качестве, в каких-либо проявлениях, как правило, не ожидаемых и не прогнозируемых. Семантика глаголов имеет некоторые особенности: с глаголами *sich darstellen, sich zeigen* субъект представляется в ином свете, создается новое впечатление о нем, подкрепленное какой-либо информацией. Семантическое значение глагола *sich erweisen* содержит указание на то, что поведение/состояние субъекта определяется тем или иным образом на более доказательной основе, с опорой на конкретные факты. Глагол *sich herausstellen* в отличие от других глаголов предполагает некое развитие события, то есть требует обязательного наличия некоторой дополнительной ситуации, в которой субъект на основе новых данных анализируется и переоценивается. В качестве субъекта глаголов *sich darstellen, sich zeigen* выступает, как правило, лицо (личные местоимения, имена нарицательные), в то время как глагол *sich erweisen* употребляется в большинстве случаев с субъектом абстрактной семантики (имена нарицательные), а субъект глагола *sich herausstellen* обозначает чаще факты, некоторое положение дел (безличное местоимение *es*). Атрибут, содержащий оценочную ха-

рактику, выражен, как правило, прилагательными в различных степенях сравнения, причастием II, словосочетаниями als+Adj., als+Part.II.

В высказываниях, содержащих глаголы с атрибутивной валентностью, встречаются также распространители различной семантики. В большинстве случаев они имеют значение времени, места и причины.

Реконструкция когнитивной модели, описание ее компонентов, а также изучение ее реализации на языковом уровне дает возможность рассмотрения глаголов с атрибутивной валентностью как средства выражения такого многопланового явления как оценка.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – 1989. – № 3. – С. 74-78.
2. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. научн. тр. - М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. - С. 103-114.
3. Гаврилова Е. Д. Роль и место оценочных категорий в картине мира // Филология и культура: Материалы IV Междунар. научн. конф. 16 – 18 апреля 2003 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – С. 50-51.
4. Голикова Н. А. Атрибут и предикат в современных лингвистических исследованиях: проблема взаимодействия // Функционально-текстовые аспекты языковых единиц: Сб. ст. – СПб, 1995. – С. 98-109.
5. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
6. Кибардина С. М. Валентность немецкого глагола: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Вологда, 1988.
7. Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. проф. В. Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004.
8. Фурашов Н. В. Репрезентация знаний в глаголах физического действия // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: Сб. научн. тр. – М. – Калуга: Эйдос, 2007. – С. 233-247.

Список сокращений

- Kar – Petra Gabriel. Der Kartograph: Roman / Petra Gabriel.- Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2006.
- M – Sascha Berst. Mord im Garten des Sokrates / Sascha Berst. – Frankfurt am Main: Verlag Josef Knecht, 2008.
- Par – Christian von Kamp. Paradision: Roman / Christian von Kamp. – Düsseldorf, 2004.
- PG – Christian von Kamp. Parkgespräche: Roman / Christian von Kamp. – Düsseldorf, 2002.
- Z – Heitz, Markus. Die Zwerge: Roman / Markus Heitz. – München: Wilhelm Heyne Verlag, 2003.

О рациональной и эмоциональной оценке

В статье рассматривается соотношение двух видов оценки - рациональной и эмоциональной и уточняется различие между ними. В языке помимо рациональной оценки, которая ориентирована на отношение субъекта к объективной действительности, существует еще один вид оценки – оценка эмоциональная, выражающая чувство-отношение субъекта, вызванная переживанием некоторого стимула, в качестве которого могут выступать как тропеические средства, так и различного рода языковые игры, создающие звуко-символизм, каламбур.

The paper discusses the interrelation of rational and affective evaluation focusing on the difference between them. Besides the primary rational evaluation being oriented to the person's attitude towards objective reality, there is another secondary type of evaluation in the language – affective one which expresses the person's feelings, being generated itself by emotional experience, or the so called - stimulus marked by different language means in the form of pun or sound symbolism.

Ключевые слова: дескрипция, оценка, стимул, суждение (мнение), чувство, эмоция.

Key words: description, emotion, evaluation, feeling, opinion, stimulus.

В своей концепции оценки Е. М. Вольф отмечала, что эмоциональное и рациональное в оценке подразумевают две разные стороны отношения субъекта к объекту, а именно, его чувства и мнение [3, с. 42]. Задачей данной статьи является определение соотношения, а также уточнить различие между этими двумя видами оценок, опираясь на отдельные лингвистические направления и мнения авторов, которые непосредственно занимались изучением данного вопроса (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Дж. Мур, J.J. Katz, Ch.L. Stevenson, R. M. Hare, W. D. Hudson и др.).

Согласно Е.М. Вольф, в естественном языке не может быть чисто эмоциональной оценки, так как язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект. Однако способы выражения двух видов оценки в языке различаются, показывая, тем самым, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта – эмоциональное или рациональное [3, с. 40]. Подтверждением этого мнения служат наблюдения психологов, которые утверждают, что в языке не может быть «прямого» отражения эмоций, возможна только такая эмоциональная оценка, которая выражена в языковых формах в ви-

де пережитой эмоции или чувства. Так, Г. Шингаров отмечает, что в психологии понятие эмоции употребляется для сферы чувств-переживаний, а понятие эмотивности для обозначения психических процессов, связанных с эмоциями, но не сводимых к ним [6, с. 91]. Таким образом, эмоции описываются в языке его формами, т.е. они выражены не непосредственно (в виде сигнала), а опосредованно – в виде описания чувств-отношений или чувств-состояний.

В исследуемой области лингвистического знания существует несколько мнений по поводу соотношения рациональной (интеллектуальной) и эмоциональной (эмотивной), т.е. связанной с чувствами, оценки.

Первое мнение, представленное эмотивизмом, включает все психологические состояния субъекта, возможные при выражении в высказывании или тексте, которое основывается на положении о том, что эмоциональная сторона в речи первична, а рациональная – вторична [7, с. 87; 8, с. 43; 10, с. 12].

Второе мнение, высказанное Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф, А.Н. Барановым и др., сводится к приоритетности рациональной оценки над эмоциональной, которая рассматривается либо как вид психологической оценки [1, с. 23; 3, с. 56], либо как один из признаков рациональной оценки, способный к актуализации в речи [2, с. 87].

Согласно третьему мнению, эти два вида оценок взаимосвязаны только в онтологии, в языковом отображении они четко соотносятся с одним из двух семантических полюсов: рациональная тяготеет к дескриптивному аспекту значения и является суждением о ценности того, что обозначено как объективная данность, а эмоциональная (эмотивная) ориентирована на некий стимул в той или иной «внутренней» или «внешней» форме, включенной в языковую сущность (слово, фраза, текст) [5, с. 32].

С первым мнением можно согласиться только в плане онтологии (психологических состояний субъекта), если иметь в виду, что категория ценности – это категория, исходящая из интереса субъекта, а интерес не может не быть переживанием предмета интереса в своей основе. Интересно, сохраняется ли в языковом выражении это переживание или уступает место суждению о том, что хорошо, а что плохо (где добро, польза, а где вред и зло).

Так, выражения *Это нашумевшая история* или *Это пренебрежительнейшая история* содержат суждение об интересе к объекту, где описано психологическое отношение субъекта к объекту оценки, но нет стимула для переживания данной ситуации, а выражение: *Это*

пикантная история помимо суждения о ценности, выражает еще и переживание субъекта с помощью обращения к номинации *пикантный*, которая и служит стимулом для переживания некоторой скандальной истории, в данном случае – порицания.

В примере типа *Что он мог покупать в дрянном (=плохом) магазине?* и *Что он мог покупать в дрянном магазинишке?* эмоциональная оценка с помощью стимулирующего чувство-отношение пренебрежения суффикса *-ишк* «наслаивается» на рациональную.

Данный факт свидетельствует о том, что в языке помимо рациональной (или интеллектуальной) оценки, ориентированной на отношение субъекта к объективной действительности, выражается еще один вид оценки – оценка эмоциональная, выражающая чувство-отношение субъекта и вызванная переживанием некоторого стимула, в качестве которого могут выступать как тропеические средства, так и различного рода языковые игры, создающие звуко-символизм, каламбур, абсурдные обозначаемые (типа *драндулет*, *абракадабра*, *бить баклуши*, *ни бельмеса не понимает* и др.).

Вторая точка зрения, указанная выше, исходит из утверждения о том, что эмоциональная оценка вытекает из рациональной [4, с. 13; 9, с. 47; 11, с. 87]. Согласно этой концепции, рациональная оценка тяготеет к дескрипции (описанию свойств самого оцениваемого объекта), не исключает возможности эмоциональной оценки, но связывает ее с переживанием ценности обозначаемого, а не со стимулом, выступающим в роли «второго денотата». В этом направлении выделяются психологические оценки, как интеллектуальные (интересный, увлекательный, банальный), так и эмоциональные (радостный, приятный, желанный) [1, с. 29]. К эмоциональным оценкам в данной концепции отнесены те, которые описывают эмоциональное состояние субъекта, испытываемое им по отношению к объекту обозначения.

По мнению В.Н. Телия, эмоциональная оценка по своему содержанию является иллокутивной силой, т.е. побуждает испытывать чувство-отношение и является, в конечном счете, реализацией определенного иллокутивного намерения, вызывая в случае коммуникативной удачи соответствующий перлокутивный эффект. Именно это свойство и позволило В.Н. Телия выделить два типа психологической оценки, связанной с эмоциональной сферой человека.

Одна из них описывает чувства, другая побуждает испытать чувство-отношение по поводу обозначаемого посредством стимулирующего воздействия на реципиента образного или равноценного ему представления обозначаемого. Сравним: *Он – предатель, а я презираю предателей* и *Он – ууда, а я презираю ууд*; в первом слу-

чае сообщается, что некто – изменник, и это плохо, а во втором, что некто – изменник, и это плохо, но то, что некто подобен Иуде, вызывает чувство-отношение презрения. В выражении *Он – иуда* появляется дополнительная эмоциональная окраска по сравнению с выражением *Он – предатель*: эта окраска имплицитно подключена к номинации *иуда*, что и делает избыточным ее экспликацию, но главное это то, что такого рода «живое» стимулирование образом апеллирует не к разуму, а к чувству, что исключает погружение эмоциональной оценки в контекст мнения [5, с. 37]. Сравним: *Я считаю, что он – предатель* и *Я считаю, что он – иуда / медведь / тащит-ся / верста коломенская* и т.д. То, что метафора не погружается в контекст мнения отмечает и Н.Д. Арутюнова [1, с. 43], а это означает, что в контекст мнения не вписывается и имплицитная метафорой эмотивная оценка.

Таким образом, если эмоциональная оценка психологического типа согласуется с рациональной, то эмотивная оценка добавляется к рациональной, как бы наслаивается на нее, соотносясь не с собственным обозначаемым, а за счет создания дополнительного эмоционального стимула [5, с. 39], например: *радостный день* – это психологически «хороший» день, а *дутый авторитет* – это ложный и то, что он такой «плохой» вызывает у субъекта речи презрение.

Весомым аргументом в пользу того, что между оценкой, описывающей чувство, и оценкой, вводящей языковое выражение в класс экспрессивно окрашенных наименований, выражающих презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, а также одобрение и т.д., является тот факт, что все слова и выражения, которым можно приписать маркеры иллюзии, являются вторичными наименованиями, прошедшими стадию ассоциативно-образного восприятия (через их внутреннюю или внешнюю формы). Такого рода мотивация выступает в роли стимула для эмотивной оценки. Например, *Он – тряпка* сам ассоциативно-образный гештальт *тряпка* имплицитно подразумевает *пренебрежение*; в высказывании *Он целый день гоняет ворон* ассоциативно-образное представление имплицитно подразумевает *осуждение*.

Важно то, что в таких случаях сама номинация определяет ту иллюзивную силу, которую выражает высказывание, содержащее данную номинацию, в то время как оценочные наименования психологической ориентации могут включаться, по наблюдению Е.М. Вольф, в любой речевой акт, например, возмущение, негодование и т.д., лишь подтверждая знак “+” или “–” [3, с. 43]. Сравним: *Этот глупец* опять все напортил! и *Этот осел* опять все напортил! В первом случае имеет место оценочно-психологический речевой акт, во втором – оценочно-эмотивный, который и придает всему высказыванию экспрессивность.

Так как сам язык содержит «размытые множества», то четкой грани между областью тропеических средств, принадлежащих скорее «внешним формам», провести нельзя. Слова *негодяй, скупердяй, старушенция, домишко* и т.д. свидетельствуют об эмотивности за счет суффиксов. Та же картина наблюдается и в средствах, выраженных собственно звуковой формой слов: *драндулет, бить баклуши, абракадабра* и т.д., видимо сама их «отстраненность» и дает повод для эмотивности.

Итак, следует отметить вслед за В.Н. Телия, что именно наличие «внутренних» или «внешних» форм как стимулов, переключающих оценку из рационального или психологического разряда в разряд, создающий иллокутивную силу одобрения, неодобрения, презрения и т.д. в содержательном плане самого наименования, позволяет считать, что именно выражение подобного рода чувств-отношений и характерно для эмоциональной оценки [5, с. 37]. Этим иллокутивным силам всегда предшествует рациональная (интеллектуальная) или психологическая оценка дескриптивного аспекта значения, т.е. оценка самой реальности.

Таким образом, можно сделать вывод, что помимо рациональной оценки, которая может выступать в двух видах: оценка интеллектуальная и психологическая, существует и собственно эмоциональная оценка, выраженная в языке в форме чувств-отношений, которая обладает некой иллокутивной силой, т.е. способностью воздействовать на собеседника, вызывая определенный (в случае коммуникативной удачи) перлокутивный эффект.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
2. Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка // Вопросы языкознания. – № 3. – М., 1990.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996.
4. Мур Дж. Принципы этики. – М., 1984.
5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
6. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М., 1971.
7. Hare R. M. Imperative sentences // Mind. - Vol. 58. - № 229. – N.Y., 1949.
8. Hudson W. D. A century of moral philosophy. – N.Y., 1980.
9. Katz J.J. Semantic theory and meaning of “good” // J. Philos. - Vol.61 - № 23. – N.Y., 1964.
10. Stevenson Ch. L. Ethics and language. – New Haven, 1858.
11. Vendler Z. The grammar of goodness // Z. Vendler. Linguistics in philosophy. – Ithaca (N.Y.), 1967.

Модальный компонент высказываний сомнения

В статье анализируются высказывания с модусом сомнения. Категория модуса сомнения эксплицирует субъективность в значении предложения, выражает намерение говорящего представить положение дел как соответствие или несоответствие истинности, как результат ментальной операции, произведенной над пропозициональным содержанием.

The article is devoted to the review of utterances with modus of doubt. The category of modus of doubt explicates the subjectivity in meaning of sentence, expresses the speakers intention to present a situation in accordance with the category of truth as a result of mental operation made of a propositional contain.

Ключевые слова: сомнение, модус, модальность, высказывание, эксплицитный, имплицитный.

Key words: doubt, modus, modality, utterance, explicit, implicit.

В настоящее время психологи и когнитологи, лингвисты и философы, занимающиеся изучением интеллектуальной деятельности, исследуют переживания, которые возникают у человека в ходе познания объективной действительности. К высшему уровню эмоциональных проявлений человека относятся интеллектуальные чувства, придающие особую окраску мыслительной деятельности, которые выступают ее регуляторами. В этот класс входит такое когнитивно-эмоциональное состояние, как сомнение.

Одной из задач нашего исследования является анализ модального компонента высказываний сомнения.

Выводы исследования модального компонента высказываний сомнения были сделаны на основе анализа выборки примеров разными методами: гипотетико-дедуктивным, концептуальным анализом, анализом дискурса, описательным и сравнительным, описания по лексико-семантическим группам и др.

Проблемой интерпретации модальности в лингвистике занимались многие ученые: В. Г. Адмони, Т. Б. Алисова, Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, А. В. Бондарко, Е. И. Беяева, С. А. Ваулина, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Г. А. Золотова, В. Б. Касевич, Р. Монтегю, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов и др. Существуют десятки определений модуса и модальности. Критически проанализировав литературу, посвященную этой теме, мы пришли к выводу, что к модусу можно

относить эмотивность, темпоральность, референциальность, оценочность, модальность и т.п., т.е. разные аспекты семантики высказывания. Как и Ш. Балли [2], мы отождествляем понятия модуса и модальности. Мы принимаем определение модальности М. Эпштейна и понимаем под ней эмоционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения содержания высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [8].

Нужно согласиться с мнением А. В. Зеленщикова, что отношения между модусом и пропозицией устанавливаются при «актуализации» предложения, которая может рассматриваться как процесс и результат «соединения модуса и пропозиции в едином высказывании» [4, с. 102].

В ходе исследования был сделан вывод о том, что сомнение относится к субъективной эпистемической модальности, а модус сомнения может быть эксплицитно и имплицитно выражен.

Рассмотри два примера:

(1) «*Стало быть, все еще сомневается и спрашивает себя: знает он или не знает, видел он или не видел?*» [11].

(2) *Я сомневаюсь, придет ли он.* В первом примере предикат «сомневаться» используется для обозначения ментального состояния 'испытывать сомнение, не быть уверенным в ком-л., чем-л.' В (2) предикат «сомневаться» использован в позиции эксплицитного модуса. Говорящий высказывает отношение к факту (он придет). В ходе исследования был сделан вывод, что мы сомневаемся не в фактах действительности, а в связи между субъектом и предикатом [придет он или нет]. Можно сказать, что сомнение возникает в отношении к акту предикации. Частично сохраняя значение 'не быть уверенным' предикат «сомневаться» выражает отношение говорящего к «положению дел». В этом случае и можно говорить о том, что сомнение относится к субъективной модальности, т.к., сомневаясь, говорящий лично оценивает «положение дел», выражает намерение представить положение дел как соответствие или несоответствие истинности, хотя истинностное значение суждения остается неопределенным.

Так как в семантике предиката *сомневаться* заложено значение мыслительной деятельности, сомнение связано с познавательной деятельностью, то эксплицитный модус сомнения можно квалифицировать ментальным модусом. Вслед за Н. Д. Арутюновой мы относим сомнение к ментальному (когнитивному, эпистемическому модусу) [1, с. 109].

Рефлексия над своими текущими ментальными состояниями составляет сущность ментального модуса. По классификации Н.К. Рябцевой [5, с. 52] ментальный модус распадается на интенциональный, интенциональный, операциональный и коммуникативный. Эти типы ментальных модусов эпистемичны, потому что квалифицируют элементы интеллектуальной деятельности – в первую очередь, научного познания.

(3) *Для Декарта само сомнение связано с определенными предпосылками. Именно сам индивид, отдельный мыслящий субъект, а не, например, группа исследователей, задает вопросы, то есть сомневается. Поэтому не удивительно, что положение, в определенности которого Декарт не сомневается, заключается в уверенности индивида в том, что он является мыслящим созданием [13].*

(4) *Эталонным знанием (то есть таким, которое не вызывает сомнения) здесь является знание эмпирическое, полученное на основе чувственных восприятий, а потому в качестве критерия истины утверждается практика как чувственно-предметное взаимодействие [14].*

(5) *Сомнение – лишь средство убрать по дороге к истине то, что не может выдержать его иронию и скепсис, и отобрать (оставить, открыть) то, в чем «чистое», и «объективное» мышление сомневаться уже не может, если оно вполне ясно и очевидно для него (аксиомы математики, логики, «хорошей» философии и др.) [12].*

Эксплицитный интенциональный модус связан с сомнением, так как квалифицирует интенциональное состояние субъекта: придает ему эпистемическую определенность, «выбранность», разграничивает знание и мнение, незнание и предположение. Ментальный модус может быть выражен не только эксплицитно, но и имплицитно. Импликация модуса исключает ментального субъекта, который теперь подразумевается. Ментальный модус переходит в диктум и преобразует его: логический субъект высказывания изменяется, ментальная лексика переходит в грамматику. Импликацию ментального модуса, вслед за Н.К. Рябцевой, можно назвать десубъективацией [5, с. 56]: *Я сомневаюсь, что завтра будет хорошая погода → Завтра может быть будет хорошая погода.*

В ходе исследования мы выяснили, что редуцированный ментальный модус приобретает дополнительные смыслы – оценочные, квалификативные, эмоциональные и др.

По результатам исследования были сделаны выводы о том, что смысл сомнения репрезентируется разными языковыми средствами. В толковании значения лексем, выражающих сомнения, мы опираемся на данные современного толкового словаря русского языка [7, с. 773]: *сомневаться* – испытывать сомнения, не быть уверенным в ком-л., чем-л.; *сомнение* – 1) неуверенность в истинности, возможности чего-л., отсутствие твердой веры в кого-, что-л. || опасение, подозрение, колебание; 2) затруднение, неясность, возникающие при разрешении какого-л. вопроса; *сомнительный* – 1) вызывающий сомнения, подозрение, опасение, не внушающий доверия; 2) вызывающий сомнения в своем истолковании, такой, который может быть понят в противоположном смысле, истолкован двояко; 3) разг. вызывающий сомнения в наличии качества (выраженного определяемым существительным) || имеющий низкое качество, недоброкачественный.

Толкования значений рассматриваемых лексем в немецком и английском языках сходны с толкованиями этих лексем в русском языке (см.: [9; 10]).

На основе анализа примеров мы сделали вывод, что модальность (модус) сомнения как семантическая категория также может быть выражена разными языковыми средствами. Об этом писал также В.В. Виноградов: он определяет модальность как семантическую категорию, которая имеет в языках разных систем «смешанный лексико-грамматический характер», и приводит многообразные средства выражения модальности в русском языке, в частности вводно-модальные слова, частицы, союзы, интонационные средства и др. [3].

Средствами импликации ментального модуса являются, в частности, предлоги, союзы, частицы и прочие слова, которые принято называть служебными, формальными, но которые обладают богатством синтаксических, семантических и прагматических свойств [6, с. 20]. Происходит переход ментальной лексики в ментальную грамматику [5, с. 55]:

(6) – *Он ничего не делал и навряд ли думал, а если и думал, так берег свои думы про себя* [15].

(7) – *Сочиним мы фокус или нет?* [15].

В (6) и (7) отсутствует предикат «сомневаться», но в высказывании есть компонент смысла сомнения, который выражается при помощи частицы *навряд ли*, союза *или*. Предикат «сомневаться» манифестируется частицами [=Я сомневаюсь, думал он или нет], [Может, сочиним, а может и нет].

В ходе анализа примеров был сделан вывод, что сомнение предполагает оценку. Субъект, который оценивает (субъект 1), подразумевает наличие связи между субъектом и предикатом, это результат его мыслительной деятельности. В (6) говорящий (субъект 1) предполагает, думал ли его собеседник (субъект) в момент разговора или нет (признак субъекта). Данное предположение – субъективное мнение говорящего, которое может не быть истинным, может не соответствовать действительности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что эксплицитный модус сомнения относится к субъективной модальности. Модус сомнения выражает отношение к некоторому утверждению или мнению с точки зрения его истинности, хотя и оставляет истинностное значение суждения неопределенным.

(8) «Эх, логика!» - подумал Шубин и обратился к Стахову:

– Я готов извиниться перед вами, Николай Артемьевич, – проговорил он с учтивым полупоклоном, - если я вас точно чем-нибудь обидел.

– Я вовсе... не с тем, – возразил Николай Артемьевич, по-прежнему избегая взоров Шубина. – Впрочем я охотно вас прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человек.

– О, это не подвержено никакому сомнению! – промолвил Шубин. – Но позвольте полюбопытствовать: известно ли Анне Васильевне, в чем именно состоит моя вина?

– Нет, я ничего не знаю, - заметила Анна Васильевна и вытянула шею [15].

(9) – Не рехнулся я, сударыня, в рассудке своем, – отвечал Мартын Петрович, – не таковский я человек. Но мне нужно с вами посоветоваться.

– О чем?

– Только сомневаюсь я, будет ли вам сие приятно...

– Говори, говори, отец, да попроще. Не волнуй ты меня! К чему тут сие? Говори проще <...> [15].

В (8) Шубин не сомневается, то есть уверен в истинности слов Николая Артемьевича, но это лишь его личное мнение, которое не подтверждено никакими фактами. В ответной реплике, тема которой согласуется с репликой-стимулом, в позицию предиката выдвигается модус, выражающий пропозициональное отношение, в данном случае не-сомнение, т.е. уверенность в истинности слов Николая Артемьевича.

В (9) Мартын Петрович выражает свое отношение к собственной просьбе, он сомневается в своем намерении посоветоваться. В

данной пропозиции мы наблюдаем невыбранность истинностного значения, «невыбранное» мнение, наличие дизъюнкции внутри пропозиции. Мартын Петрович не высказывает «четкую» позицию по отношению к собственным словам, либо его слова будут приятны героине, либо не будут, т.е. он сомневается. Но героиня просит его продолжать разговор, таким образом «выбрав» истинностное значение, разрешив сомнения Мартына Петровича.

Наличие дизъюнкции внутри предикации – это еще один отличительный признак эксплицитного модуса сомнения. Если имеет место «выбранность» мнения, то мы в этом случае используем предикаты полагания: *Я думаю, он придет* [= Я уверен, что он придет]. В примере *Я сомневаюсь, придет ли он* предикат «сомневаться» предполагает «невыбранность» мнения [=Может придет, а может и нет].

Сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и выражает мысль о возможном несоответствии факта действительному положению вещей.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. – М. – Л.: АН СССР, Труды института русского языка АН СССР, 1950. – Т. 2. – С. 38-80.
4. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.
5. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 51-57.
6. Рябцева Н. К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект: Научный доклад д-ра филол. наук. – М.: Высш. шк., 1996.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004.
8. Эпштейн М. Н. Философия возможного. – СПб.: Алетейя, 2001.
9. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2002.
10. Longman Language Activator. – Harlow: Longman, 2000.

Список источников примеров

11. Достоевский Ф.М. Белые ночи. Кроткая. – М.: Мартин, 2005.
12. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории): Научное издание. – М.: Академический Проект, 2008.
13. Скирбекк Г. История философии: Учеб. пособие для студентов вузов; [пер. с англ. В.И. Кузнецова; под ред. С.Б. Крымского]. – М.: ВЛАДОС, 2008.
14. Суwegeина Н.А. Человек – общество – история – культура: Учеб. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006.
15. Тургенев И.С. Накануне. Степной король Лир. – Л.: Худож. лит., 1985.

С. Л. Мишланова, Н. П. Ивинских, Т. В. Пенькова

Концептуальная метафора в методическом дискурсе

В статье рассматриваются особенности концептуализации в методическом дискурсе русского и английского языков. На основании анализа контекстов употребления метафор строится концептуальная модель метафоры, определяются метафорические модели с низкой, умеренной, высокой и максимальной активностью.

The article deals with peculiarities of conceptualization in the Russian and English foreign language teaching discourse. On the basis of metaphor context analysis conceptual metaphor models are constructed. The metaphor models with lower, moderate, higher and maximal activity are revealed and characterized.

Ключевые слова: методический дискурс, концептуальная метафора, метафорическая модель, сопоставительное исследование.

Key words: foreign language teaching discourse, conceptual metaphor, metaphor model, comparative study.

Смена научной парадигмы в лингвистике и переход к когнитивно-дискурсивному направлению открывают новые возможности решения вечных проблем лингвистики – связи языка, мышления, познания. Необходимость комплексного анализа речемыслительной деятельности человека определяет актуальность данной работы. С когнитивной точки зрения метафора представляет собой наиболее яркий дискурсивный феномен, отображающий базовый когнитивный процесс, рассматривая языковые явления в их связи с познавательной деятельностью человека. По мнению Н. Д. Арутюновой, метафора дает ключ к пониманию основ мышления и созданию образа мира, являясь эффективным эвристическим приемом в научном познании, механизмом научного творчества [3]. При этом отличительным свойством человеческого мышления является способность осмысливать явления одного рода в терминах явлений другого рода, то есть его метафоричность. Метафора как фундаментальное свойство человеческого мышления предстает своего рода посредником между репрезентацией мира в понятиях и нашим сенсомоторным опытом, позволяя выразить трудновыразимое и обозначить то, для чего нет еще прямого обозначения, причем выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения и их синтаксическую сложность [11].

Метафора привлекает внимание ученых более двух тысяч лет, разработаны методологии исследования метафоры в разных видах дискурса: политическом, юридическом, медицинском и других. Однако методический дискурс не попадал в фокус внимания исследователей метафоры, что, по-видимому, связано с тем, что статус методики как науки долгое время не был окончательно определен. Но в связи с глубокими изменениями в стране, формированием конкурентного международного рынка труда и образовательных услуг, а также распространением Интернета и интеграцией информационно-компьютерных технологий в учебный процесс, внимание к обучению иностранных языков возросло. Повысился и статус методики преподавания иностранных языков как смежной прикладной науки, утвердился ее категориальный аппарат, появились первые словари методических терминов [8; 21], что дает возможность говорить о методике как науке и изучать ее категориальный аппарат.

При этом различные подходы к анализу метафоры не просто последовательно углубляют наши представления о метафоре либо в лингвистическом, либо в концептуальном аспекте, а являются комплементарной системой научных представлений о дискурсе, в котором происходит развитие языкового знака. Целостное описание дискурса как вербально опосредованной деятельности в специальной сфере позволяет рассматривать метафоризацию в качестве единого универсального процесса развития знака, охватывающего весь континуум знаковой деятельности. Само понятие «метафора» при таком подходе распространяется и на механизм, и на процесс, и на отдельную фазу, и на ее результат, а также на отдельный уровень дискурса, обеспечивая унификацию явлений, имеющих разное теоретическое обоснование [9].

В современной лингвистической литературе принято делить теории метафоры на докогнитивные и вышедшие из них когнитивно-ориентированные [10]. Первую группу представляют семантические и семантико-синтаксические теории метафоры, а именно: теория замещения (Аристотель), теория сравнения (Квинтиллиан, Цицерон), образно-эмотивная теория (Г. Штерн, В. Вундт), интеракционистская теория (М. Блэк, А. Ричардс), которые ищут ключ к разгадке тайны метафоры, прежде всего, в сфере семантики языка. Среди второй группы особо выделяют прагматическую (Дж. Остин, Дж. Р. Серль, З. Вендлер, Г. П. Грайс, Л. Линский), герменевтическую (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, В. Дильтей, П. Рикер, Г. Гадамер, В. С. Соловьев) и когнитивные теории метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. Маккормак, Д. Гентнер, М. Тернер, Ж. Фоконье,

А. Паивлио, М.В. Никитин, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов, Е. С. Кубрякова) [1; 2; 3; 4; 5; 7; 9; 10; 16].

Несмотря на активное развитие идей когнитивного подхода в изучении метафоры, до сих пор не предпринималось попыток изучения когнитивных особенностей метафоризации в русско- и англоязычном методическом дискурсе, не были охарактеризованы метафорические модели с различной степенью активности.

Целью настоящей работы является сопоставительный анализ метафорических моделей в русско- и англоязычном методическом дискурсе на основе выявления метафорических моделей с максимальной, высокой, умеренной и низкой активностью.

Материалом исследования послужили контексты употребления метафор, полученных методом сплошной выборки из русскоязычных и англоязычных методических текстов (180 и 400, соответственно). В качестве источника материала привлекались также тексты базовых учебников по методике на русском и английском языках [6; 14; 17; 18; 19; 22; 23], пособия для студентов педагогических вузов и учителей, базовые курсы лекций, справочные пособия для преподавателей иностранного языка, Интернет-публикации по методике на английском языке.

Спецификой методического дискурса является то, что он соотносится с педагогическим дискурсом. По мнению Э.В. Будаева и А.П. Чудинова в педагогическом дискурсе можно выделить два аспекта метафорической семиотики: когнитивную семантику метафоры и прагматику метафоры, что, по-видимому, будет проявляться и в методическом дискурсе. В первом случае метафора рассматривается как отражение концептуальной картины мира субъектов образовательного процесса, а внимание исследователей сосредоточено на выявлении базовых метафор и их референций. В прагматически ориентированных исследованиях метафора рассматривается как средство эффективного воздействия на субъектов образовательной деятельности, усиления эффективности образовательного процесса. При этом исследователи подчеркивают, что строгое разграничение не всегда возможно, так как когнитивно-семантические исследования в перспективе ориентированы на использование результатов на практике, а прагматические исследования невозможны без предварительного анализа когнитивных структур [7].

В современной теории метафоры принято выделять сферу-мишень и сферу-источник, метафора понимается как двухплановый феномен, где сферы-мишени соответствуют сигнификативному дескриптору, а сферы-источники денотативному. Вслед за А. Н. Бара-

новым, Ю. Н. Карауловым [4; 5], Дж. Лакоффом [16], А.П. Чудиновым и Э. В. Будаевым (политический дискурс, педагогический дискурс) [7], С. Л. Мишлановой и Т. И. Уткиной (медицинский дискурс) [9; 15], А.П. Чудиновым (политический дискурс), Л. М. Алексеевой и М. Л. Мотько (терминология и метаязык лингвистики) [1; 10], мы выделяем в методическом дискурсе следующие сферы-мишени и сферы-источники методической метафоры. Сферы-мишени метафоры в методическом дискурсе включают следующие методические категории: учитель, деятельность учителя; ученик, деятельность ученика; изучение языка; урок; образовательный процесс; воспитательный процесс; основные категории методики обучения иностранным языкам (цели, содержание, принципы, средства); основные аспекты обучения иностранным языкам (формирование фонетических, лексических, грамматических навыков речи); обучение видам речевой деятельности (аудированию, говорению, чтению, письму).

К сферам-источникам методической метафоры относятся: живая природа; неживая природа; естественные науки; человек как биологическое существо; человек как социальный субъект; политика и война; искусство (театр, кино, музыка, литература); культура; медицина; психология; механика; строительство; бизнес; спорт.

При выявлении наиболее активных сфер образного отождествления методического знания мы опирались на тезаурус метафорических моделей, построенный на основе анализа научного медицинского дискурса [9]. Следует отметить, что поскольку метафорическая модель является результатом естественной, а не научной категоризации действительности, то организация языкового материала внутри метафорической модели производится на основании определений, представленных в толковом словаре [12]. В целях унификации параметров сравнения тезауруса метафор в методическом дискурсе по степени экспликации метафорических моделей, в данной работе предпринимается попытка построения таксономического фрейма на основе выделения доменов, базовых таксонов, видовых, подвидовых, терминальных таксонов. Концептуальная модель методического дискурса состоит из двух базовых доменов: ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА. Первый из них включает метафорические модели: *человек как биологическое существо* и *человек как социальный субъект*. Ко второму домену относятся метафорические модели *неживая природа* и *живая природа*.

Обратимся к детальному рассмотрению метафорических моделей методического дискурса. Самой репрезентативной в методическом дискурсе является метафорическая модель *человек как*

социальный субъект, представленная следующими видовыми таксонами: профессиональная деятельность (социальные роли, профессии, строительство, юриспруденция, медицина, мореходство); политика и война (оружие, военные действия, армия, политическая деятельность); механизм (части, функционирование), быт (материалы и вещества, предметы быта, продукты питания, посуда, одежда, помещение и интерьер); культура (искусство, архитектура, язык, религия, игра, спорт). Так, в качестве примеров метафор видового таксона *профессиональная деятельность* можно представить следующие контексты: «*Обладая этими знаниями и профессиональными умениями, вы... сможете правильно поставить «диагноз» и выписать нужное «лечение»*» [14]; «*Для учащихся с низким уровнем обученности дозировка может быть уменьшена по усмотрению учителя*» [6]. Метафоры подвидового таксона *продукты питания* (видовой таксон *быт*) репрезентируют содержательный аспект обучения иностранным языкам как продукт питания, состоящий из определенных ингредиентов. Кроме того, метафора сладостей соотносится с методическим понятием мотивации ('пилюлю необходимости' нужно подслащать). Например: «*The study of language in use, therefore, should look not just at syntax, but also at the other **ingredients** of communication, such as: non-verbal communication (gesture, posture, eye contact etc.)...*» [18]; *The medicine of relevance may still need to be sweetened with **the sugar of enjoyment, fun, creativity and a sense of achievement*** [18]. В примерах, относящихся к видовому таксону *механизм*, обучающиеся отождествляются с машиной, которую можно запрограммировать: «*This attitude affects the way we see learners – more like **machines to be programmed** (I've taught them the past tense. They must know it')*» [18]. Подвидовой таксон *архитектура* представлен в контекстах, репрезентирующих язык как некое архитектурное сооружение (город, поселение и т.д.), при этом изучение чего-либо нового представляется в образах моста или туннеля (подразумевается, что язык соединяет известное и неизвестное). Например: «*Once upon a time there was **a city** called ELT. Now it happened that **the city** was surrounded by high mountains and legend had it that the land beyond the mountains was inhabited by illiterate and savage tribes called Scientists, Businessmen and Engineers*» [18]; «*Was EAP an independent city or a suburb of ESP?*» [18]; «*Like a bridge across a river or a tunnel through a mountain learning a generative rule may take time, but once it is there, it greatly increases the potential for further learning*» [18]; «*...humour is possibly the best source of authentic cultural information about other peoples. It*

also helps **build bridges** between cultures and individuals: *humour is an ideal form of promoting understanding and friendship* [22]. Таким образом, методические категории, явления и объекты чаще всего рассматриваются сквозь призму социальных и экономических отношений, в которые оказывается вовлеченным человек как существо социальное. Этим, по-видимому, и обусловлена максимальная активность метафорической модели *человек как социальный субъект* в методическом дискурсе.

Второй по репрезентативности является метафорическая модель *неживая природа*, включающий следующие видовые таксоны: ландшафт (водоем, состояния водоемов, поле, равнина, дорога, возвышенности, часть суши); природные явления (время суток, физические явления); пространство. Примерами метафор, репрезентирующих видовые таксоны *ландшафт* и *природное явление*, являются следующие контексты: «*English had become accountable to the scrutiny of **the wider world** and the traditional leisurely and purpose-free stroll through **the landscape** of the English language seemed no longer appropriate in the harsher realities of the market place*» [18]; «*ESP is not a **monolithic universal** phenomenon*» [18]. Как следует из анализа фактического материала, сферы-мишени методического дискурса часто репрезентируются в образах окружающей человека природы. При этом многие абстрактные понятия, такие как иностранный язык, урок, методические категории и др. описываются в пространственных терминах, что, в свою очередь, подтверждает актуальность метафорической проекции от конкретного, чувственно-воспринимаемого к абстрактному, ненаблюдаемому.

Умеренно репрезентативной в методическом дискурсе является метафорическая модель *человек как биологическое существо*, которая включает следующие видовые таксоны: части тела, органы и их функции, движения, положения, потребности, речевая деятельность, родственные отношения, поведение, способности, субъективная оценка. В качестве примера метафор данной метафорической модели можно представить следующие контексты: «*При обучении рассказу и сообщению можно использовать опоры в виде плана и структурного скелета сообщения*» [6]; «*... активный словарь – это та лексика, которой человек постоянно пользуется в устном речевом общении, т.е. те слова, которые находятся **«на кончике языка»**...*» [14]; «*This is why so often learning appears to progress **in leaps and bounds**. For a long time it might appear that little progress is being made; then suddenly the learner **makes an enormous leap** to a higher level of competence*» [18]; «*The old city could not sup-*

*port its growing population and eventually some **brave souls** set off to seek their fortune in the land beyond the mountains» [18].*

В данном случае сферы-мишени методического дискурса моделируются посредством анатомических признаков, характерных для человека, а также посредством содержания его внутреннего мира (души), путем описания его движений и положения в пространстве, поведения и способностей. Примечательно, что данная модель содержит много «стершихся», языковых метафор, а также варианты метонимических переносов.

Самым малочисленной метафорической моделью в методическом дискурсе является *живая природа*, объединяющая видовые таксоны *растение* и *животное*. В ходе анализа было выявлено, что видовой таксон *растение* включает следующие подвидовые таксоны: растительный мир в общих чертах, общие внешние признаки, лесные растения, ягоды, фрукты, а видовой таксон *животное* представлен подвидовым таксоном пресмыкающиеся. Сферы-мишени данной метафорической модели предстают в методическом дискурсе как живой организм (биоморфная метафора), наделяемый либо признаками одушевленного объекта (посредством зооморфной метафоры), либо признаками неодушевленного живого организма – растения (фитоморфная метафора). Например: «... *произведение, которое «создает» студент, - плод его творчества, самостоятельный «продукт», неповторимый как по сути, так и по форме» [14]; «Если слова в индивидуальных словариках лежат без движения.., то они, образно говоря, покрываются пылью, а то и просто зарастают мхом. Их надо периодически «проветривать»... [14].* Примечательно, что в рамках данной метафорической модели встречаются случаи сюжетизации, или развертывания метафоры. Так, например, английский язык может быть представлен в виде дерева, ветви которого образуют разные направления изучения языка, разные сферы его употребления, корни дерева это то, без чего не может быть осуществлено обучение языку – общение и изучение: «**The tree** represents some of the common divisions that are made in ELT. **The topmost branches of the tree** show the level at which individual ESP courses occur. **The branches just below this level** indicate that these may conveniently be divided into two main types of ESP differentiated according to whether the learner requires English for academic study (EAP: English for Academic Purposes)...» [18]; «**The roots which nourish the tree of ELT** are communication and learning» [18]; «When we look at a tree, we see **the leaves and branches**, but there is much more to **the tree** than just these - much of it hidden from view in-

side and beneath the tree. The leaves do not just hang in the air: they are supported by a complex underlying structure [18]; «More generally useful, however, is to invite students to anticipate vocabulary themselves. This may be done by using word-ladders, or **word-roses**. For this a word which is central to the content of the text is written at the top of the ladder, or in the centre of the rose... Students then fill in the other “steps” of the ladder, or “**petals**” of the rose» [19]. Данные, полученные в ходе анализа этой метафорической модели, свидетельствуют о том, что образы живой природы не являются высокорелевантными для репрезентации методического знания. В то же время отдельные метафоры получают глубокую детализацию. В частности, разработанность метафоры *дерево* связана с глубинным образом развития и сложноструктурности познавательного процесса и организацией знания. По-видимому, метафора *дерево* является прототипичной для репрезентации процесса познания.

В исследования предпринята попытка сопоставления концептуальных моделей метафоры в русскоязычном и англоязычном методическом дискурсе (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение концептуальных моделей метафоры в методическом дискурсе русского и английского языков (%)

	ПРИРОДА		ЧЕЛОВЕК	
	Неживая природа	Живая природа	Человек как биологическое существо	Человек как социальный субъект
Русский	10	1	9	80
Английский	26	5	10	59

Как свидетельствуют данные таблицы, самой репрезентативной сферой образного отождествления в методическом дискурсе как и в русском, так и в английском является *человек как социальный субъект* (80 и 59%, соответственно); вторым по репрезентативности является таксон *неживая природа* (10% в русском и 26% в английском методическом дискурсе). Умеренно репрезентативной в методическом дискурсе обоих языков является метафорическая модель *человек как биологическое существо* (9% в русском и 10% в английском методическом дискурсе). Самой малочисленной является метафорическая модель *живая природа* как в русском (1%), так и в английском методическом дискурсе (5%). Таким образом, сопоста-

вительный анализ концептуальных моделей метафоры в русском и английском методическом дискурсе обнаруживает общие тенденции концептуализации и вербализации методического знания, что свидетельствует о наличии универсальных стратегий метафоризации.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Термин и метафора. – Пермь, 1998.
2. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. - Пермь, 2002.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
4. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. - М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
5. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. - М.: Помовский и партнеры, 1994.
6. Бим И. Л., Голотина А. А. Книга для учителя к учебному пособию по немецкому языку для 6 класса средней школы. – М.: Просвещение, 1990.
7. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования // Политическая лингвистика. – Вып. (1) 21.- Екатеринбург, 2007. - С. 69-75.
8. Глухов Б. А., Щукин А. Н. Словарь терминов методики преподавания русского как иностранного. - М.: Русский язык, 1993.
9. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. - Пермь, 2002.
10. Мотько М. Л. Метафора в метаязыке лингвистики: Дисс. ...канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2007.
11. Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. - 1979.- №1.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1995.
13. Панов М.И. Эффективная коммуникация. – М., 2005.
14. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2002.
15. Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный и прагматический аспекты): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2006.
16. Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 1990.
17. Щукин А. Н. Обучение иностранному языку. Теория и практика. – М., 2005.
18. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes. - Cambridge University Press, 2005.
19. Lewis M., Hil J. Practical Techniques for Language Teaching. - Thomson, 2002.
20. Longman Dictionary of Contemporary English, Longman, 2006.
21. Kolesnikova I., Dolgina O., A Handbook of English-Russian Terminology for Language Teaching. - Cambridge University Press, 2001.
22. Medgyes P., Laughing Matters. Humour in the Language Classroom, Cambridge Handbooks for Language Teachers. - Cambridge University Press, 2002.
23. Revell J. Teaching Techniques for Communicative English. - Modern English Publications, 1995.

Н. Ю. Бородулина

Тропеическая репрезентация понятий мира экономики

*Пожалуй, все дело в метафорах,
которые нам нужны, чтобы
проще глядеть на жизнь.
Х. Мураками*

В статье рассматривается тропеическая репрезентация понятий, отражающих мир экономики. Метафоры, репрезентирующие экономические понятия в русском и французском языках, определяются как тропеические знаки языка экономики и исследуются по трем уровням знакообразования: синтактика, семантика, прагматика.

The article deals with the tropeic representation of phenomena world of economy. Metaphors that represent economic notions in Russian and English are defined as tropeic signs of the economic language and are studied according to the three levels of sign: syntactic, semantic, pragmatic.

Ключевые слова: картина мира экономики, метафора, знак, семиотика, понятие, репрезентация.

Key words: economic worldview, metaphor, sign, semiotics, notion, representation.

Экономическая реальность меняется, и ее изменения все более затрагивают каждого человека, не только профессионально связанного с экономикой. Окружающий мир становится все более развитым, экономические отношения в нем переплетаются глобально, а современный человек, образованный и интересующийся тем, что его окружает, невольно оказывается втянутым в экономические проблемы, они его волнуют, он хочет их понимать, разобраться в проблемной ситуации. Картина мира экономики регулярно пополняется (особенно в периоды знаковых событий, происходящих в экономической жизни социума) отражающими экономические изменения понятиями. В языке они чаще всего вербализуются новыми словами и словосочетаниями, а теми, которые уже зафиксированы языковой семиотической системой как соотносящиеся с

иной, не экономической областью референции. За счет развития коннотативных импликаций эти “старые” слова и словосочетания естественного языка, как бытового, так и научного (не экономического), не меняя своей знаковой формы, с основой на переносе значения по сходству или по смежности, приобретают новое содержание – понятия мира экономики. Это метафоры, которые образуют наряду с уже существующими лексическими единицами экономический лексикон.

На основании вышеизложенного представляется возможным рассматривать метафоры, репрезентирующие экономические понятия, как знаки языковой семиотической системы, которые функционируют подобно словообразовательным знакам и обладают некоторыми особыми характеристиками. Такие знаки могут быть определены как тропеические знаки языка экономики, комплексные знаки или знаковые конструкторы.

Исходя из понимания основателями семиотики репрезентации как знаковой операции, включающей знаки и отношения [7, 8], опираясь на трехуровневый анализ, предложенный Ч. Моррисом и цитируемый сегодня не только семиотиками, но и когнитологами, а также исследователями в области риторики и теоретического знания [2, с. 32; 4, с. 244-245; 10, с. 8; 11, с. 102-104], в данной статье на материале русского и французского языков исследуются тропеические знаки языка экономики и отношения, в которые они вступают в сложный процесс знакообразования. Анализируются формальные преобразования и отношения знаков в системе языка (синтактика); отношения элементов к внешнему миру, его означивание, категоризация и концептуализация (семантика); а также отношение человека к тому, что им означивается, включая словесное воздействие, убеждение, оценивание, национальную специфику (прагматика).

Тропеические знаки языка науки экономики фиксируются в специальных словарях (экономических, финансово-коммерческих), а также в толковых словарях [1, 12-15]. Их анализ позволяет проследить закономерности движения семантической информации: “от изобретения мысли к ее знаковому представлению и практическому использованию” [9, с. 91].

Выявляются следующие особенности тропеических знаков языка экономики.

1. Современный экономический лексикон характеризуется тенденциями к сплошной метафоризации и к унификации вербализации понятий мира экономики через формирование сходных по источнику метафор, что свидетельствует, с одной стороны, о проявлении об-

щевропейского осмысления экономических реалий, а с другой - способствует взаимопониманию специалистов, говорящих на разных языках, снимает некоторые трудности перевода метафорических терминов.

2. Через перенос значения по сходству (*ниша* - метафора) или по смежности (*невидимая рука* - метонимия) образуются термины, заимствованные из точных, естественных и гуманитарных наук; используются слова обиходного языка, обозначающие предметы и объекты из ближайшего окружения человека. Практически любое слово, простое или сложное, а также словосочетание могут употребляться в переносном значении.

3. Тропеические знаки языка экономики сопровождаются в словарях пометами *перенос*, *fig.* либо даются без них, что может свидетельствовать об общеизвестности образованных через перенос значения ЛЕ (*обвал*, *потребительская корзина*, *carte blanche*).

4. В современном русском языке тропеические знаки языка экономики могут сопровождаться пометами: “оцен”, “разг.”, “шутл.”, “негатив.”, “неодобр.”, “высок.”, “ирон.”, “жарг.”, “презр.” Вокруг слов с переносными значениями быстро образуются “гнезда” производных слов, формирование которых подчиняется словообразовательным тенденциям русского языка: активизация словообразовательных аффиксов, интенсивная демократизация языка (*челнок* - *челночить* - *челночный бизнес* - *челночество* - *челночица*).

5. Для современного французского языка характерно формирование тропеических знаков языка экономики через переход различных частей речи в категорию существительного без изменения формы слова за счет присоединения артикля (*les sans* - население без жилья, документов и т.д.)

6. В тропеических знаках языка экономики значение мотивировано естественным образом, что часто связано с традициями данной лингвокультурной общности, объясняется временным фактором, а в словарях показано подробным толкованием и этимологическими ссылками.

7. Главными отношениями, на основе которых формируется перенос значения, являются парадигматические, связывающие знаки в структуре, и синтагматические, возникающие как результат комбинирования знаков. Следствиями развития этих отношений является сужение и уточнение значения внутри парадигмы, конкретизация, создание параллельных (синонимичных) конструкций, расширение исходного значения слова.

8. В отношении между означаемым и означающим тропеического знака втягиваются отношения со знаками других семиотических систем. Прежде всего, это знаки такой мощной семиотической системы, как культура, а также знаки нумеративной семиотики, зоо- и цветосемиотики.

9. Отношения между признаками означаемого и означающего в структуре тропеического знака основаны на наличии общих интегральных признаков, основным из которых является доминантный, служащий основанием переноса значения. В совокупности эти признаки, позволяющие распознать и охарактеризовать означаемое, представляют собой в структуре тропеического знака элементы иконичности (метафора) или индексальности (метонимия).

Анализ на уровне синтактики позволяет следующим образом схематично представить отношения, в которые вступают тропеические знаки языка экономики в процессе формирования как знаков, элементов языковой семиотической системы: *человек* → *знак* → *знак* → *значение*.

Основной категорией семантического измерения является *смысл*, который в отличие от значения, определяемого языковой структурой, обнаруживается вне языка: “смысл порождается не значением, а жизнью” [5, с. 279]. Понятие смысла затрагивает ту сторону знака, которая соединяет его с внеязыковой реальностью, исследование смысловой основы тропеических знаков языка экономики выявляет те отношения, которые устанавливаются между ними и экономическими предметами, субъектами, событиями.

На уровне семантики обнаружены следующие особенности тропеических знаков языка экономики.

1. Понимание метафоры как результата столкновения смыслов позволяет выявить три уровня процесса словообразования. Первый уровень – это слияние двух гетерогенных смыслов на этапе формирования метафоры как знака. Второй уровень – это высказывание, где осмысление происходит в соответствии с заданной метафорой общей темой и в создании метафорической картинке принимают участие как тропеические знаки с источником из одной смысловой области, так и знаки с источниками из разных смысловых областей. Третий уровень – это участие тропеических знаков в осмыслении всего экономического текста, в обеспечении его связности и в конечном итоге – реализации замысла автора.

2. Анализ фактического материала дал возможность выявить категории, с помощью которых создается типовой образ, служащий основой для “опредмечивания” абстрактных понятий, отражающих

явления и события мира экономики, а также конкретных понятий, которые представляют в нашем сознании субъектов экономической деятельности. В качестве самой продуктивной категории выступает категория “человек”, в которой можно выделить следующие субкатегории: “родство”, “игроки” и “части тела”.

3. Тропеические знаки активно участвуют в процессе концептуализации реалий мира экономики через ассоциации с прямыми объектами (*поле, русло, tissu*). Проблемы, возникающие в экономике, сравниваются с искривлением и разрывом прямой линии (*финансовая дыра, impasse*). Представление о неблагоприятном положении в экономике формируется по аналогии с “букетом” медицинских диагнозов (*коллапс, кома*). Через ассоциации с устройствами, приводящими в действие механизмы, концептуализуются развитие и продвижение вперед (*внутренний двигатель, démarrage*). В современном русском языке активизируется концептуализация экономических реалий через метафоры, основанные на специальных знаниях из геологии (*лавина, обвал, подвижки, прорыв, просадка, сдвиг, складки*).

4. Экономические понятия, репрезентированные с помощью тропеических знаков, могут быть классифицированы следующим образом: I группа – понятия, которые составляют базу экономической науки, сформировались в период становления экономических отношений, устоялись в концептосферах исследуемых языков, имеют метафорические выражения, не воспринимаемые сегодня нашим сознанием как таковые. II группа – понятия, формирование которых связано с изменением во времени концептуальных характеристик, расширением или уточнением содержания существующих в экономике понятий. Это также понятия, которые отражают экономические отношения определенного этапа и на какой-то период входят в концептосферу исследуемого языка, а потом быстро исчезают. III группа – новые экономические понятия, находящиеся на стадии формирования. Метафоры, выбираемые для их вербального выражения, часто берутся в кавычки, которые по мере привыкания постепенно убираются. Незавершенность и открытость процесса формирования понятий данной группы проявляется в использовании параллельных конструкций: “*Европа*” и “*Европейский союз (ЕС)*”; “*европейское экономическое пространство*” и “*общее европейское экономическое пространство*”; “*общий европейский дом*”, “*Большая Европа*” и “*более широкая Европа*”.

5. Тропеические знаки языка экономики обладают моделирующими возможностями, демонстрирующими культурно-национальное

восприятие экономических реалий, выявляющими случаи стереотипного осмысления действительности и роль символов как источников переноса и как связующее звено в семиотическом континууме. В этом смысле особое значение приобретают тропеические знаки, основанные на: зоосимволике; символике цвета; религиозных символах; элементах, восходящих к античной мифологии и древней истории, отражающих реальные культурно-исторические события или явления нового времени и получившие символическое прочтение в результате семантической насыщенности плана содержания.

6. В настоящее время символическое прочтение получают метафоры, отличающиеся частотностью употребления в данном переносном значении в языке экономики, а также пересекающиеся с другими семиотическими системами. Примером этому служит символическое прочтение некоторых обозначений частей тела под влиянием внутренней семиотики. Базовые понятия, с помощью которых осмысливается научная картина мира физики и химии, перенесенные в область экономики, также воспринимаются как символы (*поуаи dur*, *ядро*, *финансовый пузырь*). Возникают современные символы, резюмирующие смысл эпохи: *Интернет*, *Давос*, *G8*, *G20*.

Исследование, проведенное на уровне семантического измерения, выдвинуло на первый план следующую цепочку отношений: *человек* → *знак* → *значение* → *смысл* → *реалия мира экономики*.

Прагматика есть сфера отношений между знаками и теми, кто ими пользуется, и поэтому ее центральной категорией является субъект. Как отмечает Ю.С. Степанов, с одной стороны, это отношение субъекта, формирующего знаки, к тому, что он формирует, с другой стороны, это интерпретация речи воспринимающим субъектом [10, с. 28-29].

На уровне прагматики выявлены следующие особенности тропеических знаков языка экономики:

1. Отношения тропеических знаков языка экономики с человеком сопровождаются созданием аксиологической оценки акцентированных с помощью метафор характеристик экономических понятий. Важным является обеспечение симметричности оценивания продуцентом и реципиентом метафоры, что достигается, во-первых, за счет окружающего контекста; во-вторых, через использование образов-эталонов оценочного характера; в-третьих, симметричность оценивания обеспечивается соответствием нормам и стереотипами, принятым в той или иной лингвокультурной общности. В период социальных изменений ценностная ориентация может меняться.

2. Репрезентация экономических понятий через тропеические знаки демонстрирует социальный знаковый характер. Понятия, вербализованные метафорами, соответствуют запросам и ожиданиям социальной среды, в которой они сформированы. Они также ориентируют на нужное продуценту восприятие действительности, что достигается за счет включения в контекст прецедентных текстов; указания на автора метафоры; заимствования образа литературного (фольклорного) произведения, четко ассоциируемого в памяти социума с теми или иными моральными принципами; указания на оценку используемого автором тропеического знака им самим, другими лицами (социумом).

3. Эффективными способами прямого воздействия на реципиента являются тропеические знаки, основанные на использовании стереотипов, обладающих наибольшей аргументативной силой, что способствует достижению эффекта убеждения; а также квантификации, подменяющей зачастую качественные характеристики количественными выражениями. По меткому выражению С.Г. Карамурзы, число “имеет свойство застревать в мозгу” [3, с. 120]. Так, понятие, отражающее экономическое расширение Европы, показано через количество вступивших в ЕС стран: *les Quinze, les Dix, l'Europe à vingt-cinq, l'Europe à vingt sept* (Европа пятнадцатью, десяти, двадцатью пяти, двадцатью семью). Уже говорят о *l'Europe à trente* (Европе тридцатью). Цифры становятся более внушительными и убеждают присоединиться. Это убеждение усиливается тем, что авторы текстов атакуют читателя новыми цифрами.

4. Рациональные оценки дополняются в структуре тропеического знака эмоциональными оценками субъекта к описываемой с помощью тропеических знаков экономической реалии, создавая смысл-переживание, а вместе они формируют отношение реципиента к объективной реальности.

5. По Ч. Моррису, с точки зрения прагматики, языковой знак употребляется в сочетании с другими знаками – членами некоторой социальной группы [7, с. 76]. Тропеические знаки языка экономики коррелируют со знаками внутренней семиотики, знание которой дает человеку возможность отождествлять с обозначаемыми экономическими реалиями одни части тела или органы чаще (*рука, голова, сердце, мозг, кровеносная система*), а другие реже (*желудок, горло*). Знаки языка тела, жесты, карточные знаки, знаки нумеративной семиотики, цвето- и зоосемиотики успешно соотносятся с анализируемыми тропеическими знаками. Традиции, ритуалы, мифы, произведения искусства, окружающие жизнь человека, также поставляют коды, которые обеспечивают порождение языковых знаков, осно-

ванных на переносе значения. Все вместе они представляют семиотику культуры, понимаемую Ю.М. Лотманом как “динамичная система”, “многоуровневая семиотическая организация”. Создание “перекрестно кодированных текстов” здесь приводит к “бурно протекающему процессу новообразования” [6, с. 71-74].

6. Тропеические знаки языка экономики занимают достойное место в семиотическом континууме. Они коррелируют со всеми семиотиками не только за счет того, что служат вербальным средством их описания, но и потому, что знаки этих семиотик могут быть использованы в качестве источника переноса значения. Они также служат стимулом порождения новых значений, могут поступать в качестве таких стимулов через все доступные человеку каналы восприятия информации об окружающем мире.

7. В экономических текстах влияние тропеических знаков на формирование общественного мировоззрения достигается за счет привлечения невербальных семиотических средств, играющих роль сопровождения, пояснения, в числе которых такие субзнаки, как шрифтовые выделения, рисунки, фотографии, графики. Их осмысление вне общего контекста изложения не может быть полным.

Анализ на уровне прагматики свидетельствует о том, что номинативный аспект тропеических знаков языка экономики неизбежно дополняется прагматическим в системе отношений *человек → знак → человек (социум)*.

Главным отношением, в которое вступает тропеический знак языка экономики на всех уровнях знакообразования, является *человек → знак*. Оно открывает цепочку отношений, рассматриваемых на каждом этапе семиотического анализа. Включение человека в каждую систему отношений (на уровне синтактики, семантики и прагматики) есть доказательство антропоцентрического характера исследуемых знаков.

В заключение можно сказать, что выделение метафор, репрезентирующих экономические понятия в языке экономики, в отдельную группу языковых знаков, позволяет говорить о тропеической репрезентации понятий, отражающих меняющийся на наших глазах мир экономики. Эти знаки необходимы человеку для того, чтобы выразить и сохранить информацию экономического характера, осмыслить ее самому и постараться доходчиво (а иногда, наоборот, завуалировано) передать эту информацию другому человеку, который сможет ее принять, усвоить и на основе полученной информации сформировать свое отношение к описываемой с помощью данных знаков реальности.

Список литературы

1. Вечканов Г. С. Современная экономическая энциклопедия. – СПб., 2002.
2. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – М., 1998.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием. – М., 2004.
4. Кубрякова Е. С. О семиотических особенностях производного слова // Семиотика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А.А. Реформатского. – М., 2004. – С. 243-249.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1977.
6. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб, 2002.
7. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.; Екатеринбург, 2001. – С. 45-110.
8. Пирс Ч. С. Из работы “Элементы логики. *Grammatica speculativa*” // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.; Екатеринбург, 2001. – С.453-471.
9. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. – М., 2003.
10. Степанов Ю. С. В мире семиотики: вводная ст. // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – М.; Екатеринбург, 2001. – С. 5-42.
11. Степин В. С. Теоретическое знание. – М., 2003.
12. Телон Ф. Французский финансово-экономический словарь. – М., 1996.
13. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской; РАН, Ин-т лингв. исслед. – СПб., 2002.
14. Франция: лингвострановед. словарь / под ред. Л. Г. Ведениной. – М., 1997.
15. Dictionnaire de Français. – Paris: Larousse, 1993.

Лингвосемиотические параметры компьютерной коммуникации

В статье исследуются лингвосемиотические характеристики компьютерной коммуникации. Устанавливаются функциональные характеристики электронного типа общения, разграничиваются типы актуальной и виртуальной коммуникации на семиотическом основании.

The article is devoted to the analysis of lingvosemiotic computer communication characteristics. Functional characteristics of electronic type of communication are worked out. Types of actual and Internet computer communication, based on semi-otic principles, are distinguished.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация, характеристики актуальной и сетевой коммуникации.

Key words: characteristics of actual and Internet communication, computer communication.

Общение при помощи компьютера играет все более возрастающую роль в современной жизни и радикальным образом меняет технику и стилистику общения. По своей знаковой сути компьютерная коммуникация является органическим продолжением и развитием письма как канала общения, ознаменовавшего возникновение цивилизации. Эволюция письма в компьютерный канал общения привела к усилению одних тенденций и ослаблению других. С одной стороны, происходит расширение масштаба общения от массового к глобальному, воплощается в жизнь идея пионеров экологической науки: «ноосфера стремится стать одной замкнутой системой» [9, с. 199]. Сегодня Интернет стремится объединить всех жителей Земли в одну глобальную систему общения. Наряду с глобальностью, увеличивается количество циркулирующей информации в обществе, расширяются хронотопные характеристики общения, поскольку коммуникация посредством компьютера не имеет четких временных ограничений, может происходить в любое время дня и ночи, единственное условие для ее осуществления – наличие компьютера. Развитие компьютерной технологии также привело к принципиально новому способу хранения информации – «не в зрительно воспринимаемых печатных знаках, а в электромагнитных сигналах» [4, с. 410].

Компьютерная коммуникация может рассматриваться как комплекс коммуникативных действий, шагов и поступков членов социума, связанных с обменом информацией и определением модуса поведения членов сообществ при их общении друг с другом посредством компьютера или в их общении по поводу компьютерных технологий. В последнем случае компьютерное общение, которое мы называем актуальной компьютерной коммуникацией, свой социальный характер актуализирует в непосредственном общении соответствующих специалистов отрасли электронных технологий между собой и в контакте с пользователями компьютерного оборудования. Его главной специфической характеристикой является именно профессиональная ориентация взаимодействия: интеракции участников такой коммуникации проистекают в специфической технологической области создания, развития, совершенствования аппаратной части компьютера и его программного обеспечения.

В коммуникативном смысле сетевая компьютерная коммуникация обладает гораздо большим воздействующим на массы потенциалом, более значимым социальным феноменом и максимально актуальным для современного состояния цивилизации способом социального взаимодействия. Таким образом, для нашего исследования наиболее релевантным является описание характеристик именно этого типа компьютерного общения – сетевого.

Проблемам, связанным с определением специфических признаков сетевой компьютерной коммуникации, посвятили свои работы многие исследователи: А. Б. Кутузов [6], Е. И. Горошко [2], Е. Н. Галичкина [1], П. Е. Кондрашов [5], Ф. О. Смирнов [8], С. Thurlow [11], S. Herring [10] и др.

Прежде всего, компьютерную коммуникацию в целом, на наш взгляд, характеризует такой параметр, как наличие электронного сигнала как канала общения. Одним из ключевых элементов любой модели коммуникации является канал передачи, поскольку он предоставляет адресанту и адресату средства для создания и восприятия сообщения [3]. Специфической характеристикой компьютерно-опосредованной коммуникации является использование особого рода сигналов – электронных. Кодировка информации происходит при помощи электрических сигналов. При использовании компьютера как канала передачи информации реализуются его следующие функции: решение каких-либо конкретных прикладных задач – расчетов; использование компьютера для набора любых текстов и их хранения в компьютерной памяти; кодирование нетекстовой информации. Соответственно, компьютер превратился в многоканальное

устройство, способное хранить информацию как в текстовом виде, так и в звуковом, зрительном (видеоизображения) [1].

Сетевая компьютерная коммуникация опосредована, так как осуществляется с помощью (посредством) технического средства – компьютера. Лексема *computer* появилась в XVII веке, о чем свидетельствуют ряд лексикографических источников [13, с. 503; 16, с. 292; 14, с. 199]. До этого времени существовал глагол *compute* (впервые зарегистрированный в 1631 г.) от латинского *computare* (где *com-*, *with, together*; *putare, to think, to reckon, to clear up*) [12; 13]. Глаголу *to compute* издревле свойственны семы счет, вычисление, суммирование. В XVII в. от глагола *compute* было образовано производное *computer*, с помощью суффикса *-er* (от лат. *-ier*). Развитие значения слова компьютер, несомненно, прошло долгий путь. Первоначально глагол *to compute* обозначал вычислять, считать и соответственно производное существительное обозначало вычислительное устройство, производящее эти действия. Однако по мере всеобщего совершенствования технологий функции компьютера значительно расширились, таким образом, он приобрел способность не только производить расчеты, но и сохранять, анализировать и воспроизводить информацию.

Важной особенностью сетевой компьютерной коммуникации является дистантность, понимаемая как удаленность участников компьютерно-опосредованной коммуникации друг от друга в пространстве и во времени, отсутствие между ними непосредственного визуального контакта.

Являясь неотъемлемым компонентом коммуникации массовой, сетевое компьютерное общение отвечает ряду условий, необходимых для функционирования последней:

- оно полиморфно, имеет массовый характер, поскольку объединяет огромную по численности аудиторию;
- поливекторно, является разнонаправленным и обладает обратной связью;
- информативно-кумулятивно, так как с помощью инновационных технологий сбора, накопления и распространения информации, обладает способностью реализовывать соответствующие задачи по ее сбору, накоплению и передаче в сетях общения;
- импактивно, характеризуется воздействующим потенциалом разной степени в зависимости от социального восприятия информации и социального заказа;
- социально, отражает интересы определенных социальных групп;

- стилистически разнообразно, так как отражает социальные регистры взаимодействия, покрывая коммуникацию сетью стилей;
- часто криминогенно, поскольку современное состояние правового регулирования такого общения весьма низко;
- интегрально / дезинтегрально, исполняя социальную функцию объединения масс (сплотить и призвать к общему совместному труду, или, призвать к борьбе);
- аксиологично, поскольку поддерживает старые и внедряет новые духовные ценности, отстаивает старые поведенческие правила, утверждает новые моральные (или аморальные) нормы;
- концептогенно, поскольку в процессе актуального и сетевого компьютерного общения происходит пересмотр или уточнение ранее сформированных в общецивилизационном менталитете когнитивных сущностей, а также формирование новых концептосфер, не имеющих ничего общего с ментальными сгустками прошлой жизни человечества/
- дискурсивно и дискурсогенно; в первом случае дискурсивность – неотъемлемая характеристика компьютерной коммуникации, так как в ее недрах происходит порождение, взаимопроникновение, трансформация разнообразных текстов самого широкого спектра тем и жанров; во втором – ситуация опосредованности общения порождает разного рода дискурсы, которые также соприкасаются, отражая многочисленные социальные потребности, мотивы, интенции и установки;
- преимущественно текстоцентрично, что связано с базовой технической особенностью компьютера передавать информацию в письменной форме;
- максимально сленгизировано, так как сетевая свобода привлекает к себе молодежную аудиторию, которая реализует возможность самовыражения в сетевой коммуникации, что не может не находить реализацию в продуцировании языковых инноваций, преимущественно лексических;
- эмоциогенно, создавая коммуникативную среду обмена оценками действительности, тем самым провоцируя социальные события с разным эмотивным потенциалом (позитивным, нейтральным, негативным);
- жанрогенно, так как в силу постоянно активной потребности к креативности общения именно в сетевом компьютерном общении порождаются тексты разных жанров;
- культуро- и лингвокультурогенно, так как, с одной стороны, отражает устоявшиеся, давно и прочно структурированные культур-

ные системы, а с другой – а) порождает новые культуры и субкультуры, б) наделяет новые культуры и субкультуры новым лингвистическим материалом, новым языком для общения;

- семиотично и лингвосемиотично, так как обростаёт новой и непривычной для ранних поколений человечества системой невербальных знаков, кодов и символов, с одной стороны; с другой – порождает новые лингвистические знаки, тем самым вызывая к жизни новые лексико-семантические системы в виде вербальных знаков как первичной, так и вторичной номинации;

- предельно визуализировано, всячески способствуя когнитивной доступности передаваемой информации, многоспекторными образами и формами подкрепляя текст, тем самым исполняя одну из базовых функций коммуникации – воздействующую;

- презентационно, расширяя возможности членов социума и социальных групп по обеспечению самовыражения и демонстрации собственных свойств, качеств, способностей и т.п. как в личных, так и в корпоративных (коммерческих и иных) целях;

- виртуализовано, давая возможность анонимного общения, при помощи виртуальной маски, скрывая основные личностные параметры;

- дидактично и лингводидактично, направлено на формирование как профессионально значимой компетенции;

- рекреативно, предлагая участникам компьютерной коммуникации возможности «ухода от реальности» в мир развлечений, в игровую зону сети, в мир увлечений, хобби, интересов и т.п.;

- гендерно маркировано, отражая предпочтения и потребности пользователей в зависимости от их половой принадлежности и гендерно обусловленных модусов коммуникативного поведения;

- гипертекстуально, то есть представляет собой самообновляющуюся информативную систему тезаурусного типа, тематически объединяющую в себе конгломераты сущностей материального мира и сущностей духовного мира человека. Принимая позицию Р.К. Потаповой, под гипертекстом понимается «...соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания и технической среды, технических средств, дающих человеку возможность осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [7, с. 149].

При определении статуса компьютерной коммуникации мы сталкиваемся со сложной комбинацией текстов и дискурсов, пред-

ставленных в палитре разнообразных социально обусловленных регистров употребления: передача личной почты от одного пользователя другому по электронной почте (бытовое общение), официальный обмен и запрос информации по электронной почте (деловой дискурс), обсуждение научных вопросов в группах новостей и конференциях (научный дискурс), обсуждение вопросов преподавания и образования в конференциях (педагогический дискурс), реклама, появляющаяся на электронных досках объявлений (рекламный дискурс), обсуждение политических вопросов (политический дискурс).

Самой очевидной характеристикой компьютерной коммуникации является ее временной параметр, на основе которого ее возможно типологизировать как: 1) коммуникацию в реальном времени (синхронная актуальная компьютерная коммуникация как общение о компьютерной среде и технологиях между заинтересованными участниками); 2) коммуникацию в реальном времени (синхронная сетевая компьютерная коммуникация как общение посредством компьютера между заинтересованными участниками); 3) сетевую компьютерную коммуникацию, предполагающую временную задержку между сообщениями (асинхронная сетевая коммуникация).

Важной характеристикой компьютерной коммуникации является ее интерактивность. Формы языковых средств компьютерной коммуникации также варьируются по степени интерактивности, понимаемой как способность немедленно ответить на полученные сообщения. Электронная почта и мгновенная передача сообщений являются в высшей степени интерактивной формой, поскольку сообщения по определению предназначены для того, чтобы спровоцировать ответы (электронная почта по спискам рассылки и спам являются исключением). Вебсайты обычно менее интерактивны и не предлагают читателям средств немедленной сетевой реакции на их содержание. Такая форма, как блог, может варьироваться по степени интерактивности: все зависит от того, предлагает ли его автор читателям оставлять комментарии на его суждения или ждет от них ответа на оставляемые комментарии. Интерактивность аналогична степени отклика, и исследуется как процесс коммуникации, в котором каждое сообщение связано с предыдущими сообщениями, и с отношением этих сообщений к сообщениям, предшествующим им.

Таким образом, компьютерная коммуникация носит опосредованный характер (осуществляется с помощью технического средств-

ва – компьютера); представляет собой информативно-кумулятивную среду, в которой осуществляется сбор, накопление и распространение информации; характеризуется воздействующим потенциалом разной степени в зависимости от социального восприятия информации; отражает интересы определенных социальных групп, что, в свою очередь, находит отражение в наличии стилистически разнородной коммуникативной системы, маркированной разными социальными регистрами взаимодействия, разнообразной сетью стилей.

Компьютерное сетевое общение 1) концептогенно (способствует детализации ранее сформированных когнитивных сущностей и формирует новые концептосферы; 2) дискурсивно (способствует порождению, взаимопроникновению, трансформации разнообразных текстов самого широкого спектра тем и жанров) и 3) дискурсогенно, т.е. порождает разного рода и вида дискурсы. Компьютерное сетевое общение характеризуется насыщенной лингвосомиотикой, порождает новые лингвознаки, образует новые лексико-семантические системы; оно визуализовано, так как исполняет одну из базовых функций коммуникации – воздействующую. Компьютерное сетевое общение гипертекстуально и тезаурусоподобно, рефлектируя в человеческом менталитете картины глобального мира.

Список литературы

1. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Дисс. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2001.
2. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Орел, 2007.
3. Каменская Т. Н. Конститутивные признаки компьютерного дискурса как новой сферы коммуникативного взаимодействия. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://saitmaster.by/lingvistika_4.html (дата обращения: 11. 02. 2010).
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
5. Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2004.
6. Кутузов А. Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2006.
7. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика. – М., 2005.

8. Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2004.

9. Шарден Т. Феномен человека. – М., 1987.

10. Herring S. Computer-Mediated Discourse // The Handbook of Discourse Analysis. – Oxford, 2001.

11. Thurlow C. Computer Mediated Communication // Social Interaction and Internet. SAGE Publications. Ltd, 2004.

Список словарей

12. Comprehensive Etymological Dictionary of English Language by, 1966.

13. Concise Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford, 1963.

14. Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford, 1958.

15. Oxford Dictionary of English Etymology. – Onions, 1982.

16. Webster's New World Dictionary of the American language. – N. Y., 1972.

**В. В. Зайцева,
В. С. Григорьева**

Интеррогатив как основной речевой акт в структуре допросов

В статье рассматривается реализация вопросительных предложений в интеррогативных высказываниях следователя. Классификация вопросов выступает объектом исследования на материале протоколов допроса в стадии предварительного расследования.

The realization of interrogative sentences in the investigator's interrogative expression is considered in the article. Classification of questions is the object of research on the material of interrogation reports in preliminary investigation.

Ключевые слова: интеррогатив, интеррогативные высказывания, вопросительные предложения, интеррогативная и директивная направленность, допрос.

Key words: interrogative, interrogative expression, interrogative sentences, interrogative and directive character, interrogation.

Вопросительное предложение, как и любое другое высказывание, являясь структурной единицей языка, способно представлять различные речевые акты. Стандартная реализация вопросительных предложений осуществляется в интеррогативных высказываниях, т. к. интеррогатив – речевой акт, в котором говорящий запрашивает информацию у слушателя [6]. В классификации Д. Вундерлиха им соответствуют эротетический тип [12, с. 417], Дж. Лич называет их рогативами [13, с. 250]. В системе Г.Г. Почепцова – это квеситив [8, с. 217-278]. Рассмотрим интеррогативные предложения на материалах допроса. Допрос – это следственное действие, которое производится в целях собирания доказательств. Он является одним из процессуальных видов информационного воздействия, межличностного общения и обмена информацией двух главных действующих лиц – допрашивающего (следователя) и допрашиваемого. В качестве партнера следователя по коммуникации в данном случае выступают следующие процессуальные фигуры: потерпевший, свидетель, подозреваемый и обвиняемый в совершении преступления. С помощью интеррогативных реплик следователь обращается к партнеру с целью восполнить пробел в знании и получить необходимую для него информацию.

Вопрос: Каков профиль Вашего образования и какое учебное учреждение Вы оканчивали?

Ответ: В 2002 году я закончила ТИХМ экономический факультет по специальности - бухгалтерский учет, обучалась я очно, дипломную работу защитила на оценку «отлично».

Вопрос: Работали ли Вы по специальности и в каких именно организациях?

Ответ: Примерно в 2004 году (до этого года я по специальности не работала) я устроилась на должность бухгалтера по начислению заработной платы в Военный госпиталь г. Тамбова, проработала чуть более года. В 2005 году я уволилась, после чего устроилась бухгалтером в ООО «Север», проработала там полгода. После этого с 01 ноября 2006 года я и была назначена на должность бухгалтера-кассира в МОУ СОШ № 24.

Условиями успешности для вопросительных ситуаций В.И. Иванова вслед за Дж. Серлем называет следующие: «1) говорящему неизвестен ответ на вопрос; 2) говорящий хочет знать ответ на вопрос; 3) говорящий хочет, чтобы слушающий сообщил ему ответ; 4) говорящий преследует цель побудить слушающего к тому, чтобы он сообщил ему ответ на вопрос. Если при употреблении вопросительного предложения условия успешности для вопросительной ситуации не выполнены полностью, то возникает неинтеррогативная интерпретация предложения» [3, с. 18–19].

По форме вопросительных предложений различают закрытые и открытые вопросы. При закрытом вопросе, манифестируемым предложением без вопросительного слова, партнер (в данном случае допрашиваемый) может ответить собеседнику (следователю) «да» или «нет».

Вопрос: Вы были на месте преступления?

Ответ: Да, был.

Открытый вопрос, или вопросительное предложение с вопросительным словом, требует более полного ответа, например:

Вопрос: При каких обстоятельствах 15.11.09 вы оказались в квартире №7 дома 12 по ул. Гоголя г. Тамбова?

Ответ: В воскресенье 15 ноября 2009 года примерно в 15:00 я встретил своего знакомого Иванова Петра Андреевича у кинотеатра «Родина», с которым ранее отбывал наказание в ИК №7 г. Рассказово. Мы не виделись более года, поэтому Иванов П.А. предложил мне выпить за эту неожиданную встречу. После употребления спиртных напитков, я предложил Иванову совершить квартирную кражу в квартире №7 дома 12 по ул. Гоголя. Ранее в данной кварти-

ре я был при установке пластиковых окон и видел там много дорогостоящих вещей.

Самый кратчайший ответ при таком вопросе будет состоять из одного полного предложения. Поэтому при проведении допросов рекомендуется задавать открытые вопросы. Отвечая на них, допрашиваемый может таким образом дать наиболее детальную справку.

По структуре вопросы подразделяются на простые и сложные. Простой вопрос предполагает только одно суждение, а сложный образуется из простых, например: «Кто-нибудь вас видел в момент совершения кражи и, как он и вы повели себя в данной ситуации?». В данной ситуации предпочтительно разбивать сложные вопросы на простые. Такие формулировки могут поставить допрашиваемого в затруднительное положение, т. к. отвечающий обычно схватывает суть последнего вопроса и, фиксируя на нем внимание, упускает из виду предшествующие фрагменты речи.

Богатый выбор вопросительных предложений по целевой направленности позволяет использовать их в различных ситуациях для успешного ведения допросов. Интеррогативное высказывание, актуализированное говорящим, предполагает возникновение ответной реакции со стороны слушающего. Задача следователя состоит не только в том, чтобы выступить с инициативой о необходимости передачи ему информации ее носителем, но и в том, чтобы держать под постоянным контролем ход и результаты допроса, анализировать информацию, выявлять упущения, неточности, пробелы, противоречия в показаниях, сопоставлять их с данными других источников.

Вопросы должны быть четкими, конкретными, понятными и относиться к предмету допроса. Важна их логическая последовательность и обоснованность. Следственной практике известны следующие разновидности вопросов, которые могут быть заданы допрашиваемому: дополняющие, уточняющие, напоминающие, наводящие, контрольные, избобличающие (уличающие) [10, с. 407; 11, с. 5]. Некоторые авторы помимо перечисленных выше видов вопросов, выделяют также и промежуточные, первоначальные, основные, заключительные, конкретизирующие, детализирующие [9: 43]. Анализ практического материала позволил нам выделить следующие виды вопросов, используемых в материалах допросов.

Первоначальные вопросы направлены на то, чтобы у следователя сложилось впечатление о допрашиваемом как личности. Такие вопросы задаются в начале допроса. Обычно они касаются местожительства, образования, трудовой занятости и семейного уклада

(фамилия, имя, отчество; дата рождения; место рождения; образование; место жительства; место работы; состав семьи; отношение к воинской службе; наличие судимостей).

Дополняющие – это такие вопросы, которые задаются с целью восполнить полученные показания, ликвидировать имеющиеся в них пробелы. Они могут быть направлены на детализацию показаний.

Вопрос: Каким способом вы проникли в квартиру №7 дома 12 по ул. Гоголя г. Тамбова?

Ответ: Мой знакомый Иванов П.А. имел при себе приспособления, позволяющие открыть дверь.

Уточняющие вопросы позволяют получить более четкие, конкретные показания об отдельных фактах, деталях, устранить противоречия, неточные выражения, употребление неудачных, грубых терминов.

Вопрос: С помощью каких приспособлений была открыта дверь? Ответ: Иванов П.А. отмычками переломил личинку встроенного дверного замка, и мы без всяких препятствий вошли в квартиру.

Вопрос: Где вы находились в момент открытия Ивановым П.А. двери?

Ответ: Я находился на лестничном пролете между 2 и 3 этажом и следил за тем, чтобы нас никто не увидел.

Напоминающие вопросы преследуют цель оживить память допрашиваемого, вызвать те или иные ассоциации. Они помогают более точно вспомнить факты, детали, обстановку. Напоминающих вопросов обычно задается несколько, чтобы способствовать процессу последовательного припоминания.

Вопрос: Были ли у Иванова П.А. металлические отмычки из твердых видов стали?

Ответ: Да, такие отмычки у Иванова были, ими он и переломил отмычку замка.

Вопрос: Как они выглядели?

Ответ: Это был предмет в виде Т-образного устройства, одна часть которого вставляется в замочную скважину, а две другие позволяют сделать оборот и переломить личинку.

Напоминающие вопросы следует отличать от наводящих, то есть таких, формулировка которых содержит в себе ответ, желаемый для спрашивающего. С помощью наводящих вопросов можно манипулировать собеседником и направить беседу в определенное русло.

Вопрос: Намеревались ли вы продать похищенные вещи из квартиры № 7?

Ответ: Мы решили продолжить употребление спиртных напитков и так как у нас не было денег, то мы решили продать похищенные вещи на центральном рынке г. Тамбова.

В силу того, что наводящие вопросы оказывают внушающее воздействие на допрашиваемого, ориентируют его в том, какой ответ хотел бы услышать следователь, и поэтому могут помешать установлению истины, они запрещены законом [4, с. 456].

Контрольные вопросы могут быть поставлены для того, чтобы выяснить, из каких источников допрашиваемому стали известны обстоятельства, сведения, о которых он дает показания, а также, с целью проверить и оценить, насколько они объективны, не допускает ли он ложь.

Вопрос: На основании чего вы утверждаете, что все события происходили в воскресный день 15 ноября 2009?

Ответ: Я знал о том, что владелец квартиры №7 в воскресные дни уезжает на целый день к своей престарелой родственнице в Сампурский район и возвращается поздно вечером.

Изобличающие – это вопросы, с помощью которых разоблачается ложь, преодолеваются запертость, провокации, круговая порука лиц, заинтересованных в сокрытии истины. Такой вопрос, как правило, состоит из двух частей. В первой фиксируется предъявление допрашиваемому того или иного доказательства, вторая содержит предложение объяснить это доказательство или связанное с ним обстоятельство.

Вопрос: Вам предъявляется заключение дактилоскопической экспертизы о том, что на металлических отмычках и двери квартиры №7 найдены ваши отпечатки пальцев рук, каким образом они там оказались, если вы утверждаете, что перелом личинки замка осуществлял ваш знакомый Иванов П.А.?

Ответ: Да, действительно, личинку замка двери переломил я с помощью отмычек, а Иванов П.А. находился в это время на площадке между 2 и 3 этажом. Сообщая о том, что дверь взломал Иванов П.А., я пытался переложить на него вину.

Заключительные вопросы задаются в конце допроса и подводят итог всех показаний, например: «Вы можете еще что-то дополнить по существу данного преступления?»

Интересным представляется рассмотрение употребления просительного предложения не в соответствии с его основным значением. Из всех случаев нестандартных употреблений

вопросительных высказываний в первую очередь следует назвать использование их в директивной функции. Дело в том, что побуждение к действию в данном случае к речевому акту, «заложено уже в самой природе вопроса как логической категории» [5, с. 154], т.е. говорящий побуждает слушающего совершить вербальный акт, сообщить что-то, восполнить его информационную лауну. «... мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос, – речь вопросительная, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, – речь повелительная» [7, с. 348]. «Побудительность в некотором роде заложена в любом истинном вопросе, хотя бы потому, что он побуждает к ответу» [2, с. 135]. Из приведенных высказываний следует, что вопросительное предложение в речевой реализации характеризуется, как правило, интеррогативной и директивной направленностью [подробнее см.: 1, с. 178]. Сочетание интеррогативной и директивной функций вопросительных предложений в данном случае позволяет нам говорить о синкретичности коммуникативных интенций говорящего.

Вопрос: Вы не хотели бы воспользоваться услугами платного адвоката, так как я намерен провести между вами и потерпевшим, у которого уже имеется адвокат, очную ставку?

В данном вопросе следователь дает совет допрашиваемому воспользоваться услугами адвоката для того, чтобы у него были равные возможности на следственных действиях.

Вопросительные высказывания нашли свое отражение и в репрезентативной функции.

Вопрос – сообщение.

Допрашиваемый: Вы будете проводить очную ставку между мной и Касаткиным В.Ф.?

Следователь: Разве Касаткин имеет отношение к рассматриваемому делу?

Допрашиваемый сообщает новую информацию о которой следователь ранее не знал.

Вопрос – утверждение.

Следователь: Кто звонил подозреваемому после 13 часов и на какое время была назначена встреча подозреваемого и потерпевшего?

В данном вопросе содержится определенное знание. Следователь не только спрашивает, но и утверждает, что существует человек, звонивший подозреваемому после 13 часов, и что между ними точно была назначена встреча.

Или: Следователь: Магазин ограбил Леденев В.П. или Ефремов С.А.?

В этом примере следователь точно знает, что кража могла быть совершена только этими лицами.

Вопрос – убеждение.

Следователь: Вы намерены сознаться в содеянном и помочь следствию для того, чтобы впоследствии вам это было зачтено в качестве смягчающего вину обстоятельства?

Задавая такой вопрос подозреваемому, следователь убеждает его признать вину для того, чтобы смягчить наказание.

Вопрос – осуждение.

Следователь: Вы знали, что совершали кражу денежных средств из квартиры, в которой проживала многодетная семья, ведь она и без того находилась в затруднительном финансовом положении?

Следователь в своем вопросе осуждает подозреваемого, который совершил кражу из квартиры, где жила малообеспеченная многодетная семья.

Или: Следователь: Гражданин Свиридов, почему вы, видя, что потерпевший потерял большое количество крови и находился в беспомощном состоянии, не вызвали скорую помощь, которая, возможно, спасла бы ему жизнь?

В этом случае следователь осуждает свидетеля, который не предпринял никаких попыток по спасению жизни человека.

Вопрос – прогнозирование.

Допрашиваемый: Даже если я сообщу вам о лице, которое мне помогало, вы же в любом случае меня посадите?

Подозреваемый предполагает о том, что независимо от его показаний и содействия следствию, ему будет избрана следователем мера пресечения в виде содержания под стражей.

Вопрос – описание.

Следователь: В 22.30 по улице Мичуринской вы видели автомобиль синего цвета марки «Калина» с государственным регистрационным номером «К 148 ТС 68»?

В вопросе содержится точное описание транспортного средства, находившегося на месте совершения преступления.

Вопрос – признание.

Следователь: Почему вы ударили подозреваемого?

Потерпевший: А разве у меня был другой выход?

Следователь: Так вы признаете свою вину?

Данное высказывание потерпевшего является одновременно и риторическим вопросом и признанием в содеянном.

Итак, целью допроса является получение от допрашиваемого лица путем дачи им достоверных показаний какой-либо информации. В концептуальной структуре знаний следователя существует информационная лакуна, которую он должен заполнить с помощью высказываний допрашиваемых. Стандартная реализация вопросительных предложений осуществляется в интеррогативных высказываниях. Чтобы получить максимально полный ответ, следователю рекомендуется задавать простые открытые вопросы. Богатый выбор вопросительных предложений по целевой направленности позволяет использовать их в различных ситуациях для успешного ведения допросов. Целенаправленное использование техники вопросов помогает в определенной мере успешно провести допрос, анализировать информацию, выявлять упущения, неточности, пробелы, противоречия в показаниях, повернуть разговор в нужное русло, которое вряд ли может быть изменено собеседником.

Список литературы

1. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: Монография. - Тамбов: ТГТУ, 2007.
2. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. – М.: Междунар. отношения, 1965.
3. Иванова В. И. Коммуникативная семантика предложения-высказывания // Язык и дискурс. Когнитивные и коммуникативные аспекты: сб. научн. работ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1997. – С. 22.
4. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. - М.: Юрист-Издат, 2004.
5. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.
6. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word> (дата обращения: 07.12.2009).
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956.
8. Почепцов Г. Г. Прагматика предложения // Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981.
9. Следственные действия. Криминалистические рекомендации / под. ред. В.А. Образцова. - М.: Юристъ, 1999.
10. Тактика производства допроса в стадии расследования и в судебном разбирательстве. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://revolution.allbest.ru/law> (дата обращения: 04.12.2009).
11. Тактика допроса. Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.pravo.vuzlib.net/book> (дата обращения: 08.12.2009).
12. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. - Frankfurt a.-M., 1976.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London, N.Y.: Longman, 1983.

Метафора в дискурсе рядовой личности – носителя немецкой разговорной речи Сибири

В статье рассматриваются особенности использования метафор в дискурсе рядовой личности. Определяются языковая картина и основные направления метафоризации, присущие немецкой народно-разговорной речи индивида. Дается обобщение признаков метафор в текстовом корпусе русской и немецкой языковых личностей.

Ключевые слова: метафора, рядовая языковая личность, немецкая народно-разговорная речь.

In the article the use of metaphors in the discourse of the ordinary person is considered. The language picture and the main directions of metaphor formation in the German folk-spoken discourse of individuality are defined. The generalization of signs of metaphors in the text body of Russian and German language personalities is given.

Key words: metaphor, ordinary language personality, German folk-spoken discourse.

Использование языковой личностью выразительных средств обуславливается её целевой установкой, направленной на подчёркивание экспрессивной составляющей высказывания, мотивации и коммуникативной ценности, придающей образность предмету или явлению с помощью стилистических средств, а также для получения коннотации, выражающейся в использовании добавочной информации к лексическому и грамматическому значению.

Среди выразительных средств, использующихся языковой личностью, особо выделяется метафора. Большой энциклопедический словарь «Языкознание» (1998) дает следующее толкование термина метафора: «...Троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования другого класса объектов, аналогичных данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин “метафора” применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении» [3, с. 296].

В последние годы в лингвистических исследованиях метафоры наметилась тенденция исследовать метафору через взаимодейст-

вие субъекта, который является объектом концептуализации, и признаков, ассоциируемых с чувственным образом реалии, использующихся при разрешении проблемной понятийно-номинативной ситуации, а именно ситуации формирования нового понятия и его вербализации. К числу таких работ относятся исследования Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, А. П. Чудинова и др. Слабо изученным компонентом современной лингвоперсонологии является недостаточное внимание учёных к изучению языка личности, в том числе описания различных выразительных средств в составе индивидуального дискурса. Исследование функционирования метафор в дискурсе рядовых языковых личностей были предприняты В.Д. Лютиковой [2, с. 156–172], а также Е.В. Иванцовой [1, с. 222–238]. Объектом исследования второго ученого является русская речь жителя с. Вершинино Томской области – Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 года рождения (далее В.П.).

В центре внимания данной работы – немецкая народно-разговорная речь Якова Кондратьевича Дамма (далее Я.К.), родившегося в 1920 году в п. Шиллинг Саратовской области, ныне проживающего в Томской области.

Предмет изучения – метафоры в разговорно-бытовом дискурсе названной личности, представителя российских немцев.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать и выделить общие и различные особенности использования метафор в дискурсе Я.К. и В.П.

Основанием для сопоставления служит тот факт, что Я.К. и В.П. являются представителями старшего поколения Сибири, долгое время прожившими в сельской местности и сохранившими характерные народно-разговорные черты соответственно немецкого и русского языка.

Исследование выполнено на основе магнитофонных и “ручных” записей устно-разговорной речи Я.К., сделанных автором статьи в 2005–2010 гг.

Основным субъектом метафоризации в дискурсе Я.К. выступает человек. В лексиконе информанта используются глагольные метафоры, описывающие действия человека. К ним относятся такие глаголы, как *zermauern* (разбивать в пух и прах), *luffen* (начать новое дело, забыть старое), *entstäuben* (выбить дурь из кого-нибудь), *picken* (есть медленно, маленькими порциями), *sträuben* (гневно воспринимать критику самого себя). В составе метафор, использующихся Я.К., выступают слова с семантическим ядром человек.

Говорящий употребляет как метафоры-глаголы, так и метафоры, представляющие собой глагольные словосочетания, отражающие действие человека и его состояние: *schleppen* (трудно жить), *trichten* (стать бедным), *Luft bringen* (заработать деньги), *die Decke tragen* (проводить в последний путь).

По данным Е.В. Иванцовой [1], в речи носителя русского сибирского говора также преобладает глагольная метафора. Автор отмечает, что главным субъектом метафоризации в речи В.П. является человек. Дискурс В.П. богат метафорами, с помощью которых обозначаются части тела человека: “*норка* “ноздря”, *корень* “часть зуба”, *лапа* “большая нога”, *места* “много, быстро есть”, *разламывать* “о сильной головной боли”, *княгиня* “капризная женщина”, *прожарить* “подвергнуть медицинскому облучению” [1, с. 223]. В речи В.П. находят отражения метафоры, выделяющие физические характеристики человека, его состояния и действия: “*пуп* “выпуклость на поверхности чего-либо”, *посидеть* “находиться где-либо некоторое время (о предметах)”, *запечатать* “лишить подвижности при отложении солей (о суставах)” [1, с. 223].

Процесс метафоризации происходит в дискурсе В.П. в четырех направлениях: мир – мир, человек – мир, мир – человек, человек – человек. Первое направление представлено «немногочисленными моделями переноса: “растение–артефакт (*лист* “часть растения” – “противень”), животное – растение (*бычок* “животное” – “гриб”), животное – артефакт (*крыло* “летательный орган птицы” – “часть автомобиля”) <...> Человеческое сознание способно установить ассоциативные связи между предметами органического и неорганического мира, различными абстрактными и конкретными сущностями, однако они не находятся в центре его внимания» [1, с. 225].

Намного шире в дискурсе В.П. представлено поле метафоризации человек – артефакт (*задница* “часть тела” – нижняя расширенная часть предмета, *лгнуть* “нежно прижиматься” – “прилипнуть после краски”). Использование подобных метафор в контексте дискурса В.П. свидетельствует об антропоцентричности мышления личности, проецирующей особенности окружающего мира на себя.

Еще многочисленнее в речи русской личности представлено третье направление: артефакт – человек (*трепаться* “колебаться от движения воздуха” – “изменять жене”, *саранча* “насекомые” – “дети”). Исследователь отмечает: «Эта группа метафор свидетельствует о том, что человек не отделяет себя от окружающего мира, ощущая себя его органической частью» [1, с. 225].

Самым распространённым в дискурсе В.П. является направление метафоризации человек – человек. В русской речи представлены переносы “действие человека – другое действие человека (*заехать* “въехать куда-либо” – “ударить”)”. Особенно ярко реализуется перенос действия, характерного для любого живого существа “(*обдирать* “оголять, сдирать верхний слой” – “грабить”)” [1, с. 226].

Основными направлениями метафоризации немецко-разговорной речи Я.К. служат переносы: животное – человек (*ver-spannen* “обрастать друзьями”, *verhunden* “зло разговаривать с другими”), в которых особую роль играет внутренняя форма слова, указывающая на перенос значения с одного предмета на другой; человек – артефакт (*sterben* “умирать” – “испортиться”, *gleiten* “поскользнуться” – “не удаваться”); человек – человек (*schleifen* “точить” – “язвить против кого-нибудь”, *schreien* “кричать” – “уничтожить”).

Говоря о соотношении метафор, относящихся к той или иной форме существования языка, следует сказать, что в дискурсе Я.К. присутствуют в основном метафоры общенемецкого характера, описывающие негативное отношение говорящего: ... *Ich hab dir schon gesagt, das war vor der Verteilung im Wagon, ein Kerl hat diese Worte wiederholt ... Bis die Tiefe der Seele haben mich gegriffen, wir kehrte in die Heimat nicht mehr, das war traurig.*

Е.В. Иванцова отмечает, что «общерусская языковая метафора, известная всем носителям русского языка, наиболее частотна в речи В.П.: *лететь* “быстро иди”, *лисички* “грибы оранжевого цвета”. Автор указывает, что “для диалектной метафоры характерны те же типы переноса, что и для общерусской» [1, с. 227].

Метафоры являются неотъемлемой частью языковой картины мира. По антропоцентрическому признаку в сознании человека создаётся картина мира, которая находит выражение возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия. При изучении закреплённого в том или ином языке описания мира необходимо выявить не только общие, универсальные принципы организации действительности, но и закономерности, использующиеся человеком через проекцию его национально-культурного сознания. Обращение к языковой картине мира в контексте использования метафор Я.К. даёт возможность сопоставления и выявления ярких контрастов и оттенков в сознании человека, что позволяет уловить характерные для данного языкового отображения тенденции, связанные с обычными для определенного языкового коллектива ассоциациями.

Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций модель мира в национально-культурные цвета.

Метафоры, выражающие языковую картину мира в дискурсе Я.К. и В.П., направлены на описание действий и состояний человека, что говорит об антропоцентрической направленности стиля мышления информантов, стремлении понять и осмыслить индивидуальные характеристики человека. Внешняя привлекательность человека в дискурсе Я.К. определяется посредством немецкой метафоры, реализующуюся при помощи слова *Puppe*: *Ja, unsere Mädels waren Puppen in Schilling waren sehr schön, sehr hübsch, wir uхаживали за ними, versuchten wir ihnen Blumen zu kaufen, nein, срывали там в лесу, дарили разные, wir gingen zusammen in Wald, hatten dort Haufen Blumen, die Nachbarn gaben uns auch viel Blumen, viel Blumen, sie waren für uns.*

Для дискурса В.П. также характерно обращение к внешней привлекательности человека, которая реализуется при помощи метафоры кукла / куколка. Эта метафора многомерна: она может отражать и красоту человека (*Ну куколка! Куколка, правда*), и доброе, любовное отношение говорящего к нему (*Хороша моя. Кукла [о девочке]; Вот у меня тоже куколка эта ничё не ес. Всё, гыт, “объелась уж”*) [1, с. 231]. Метафоры, демонстрирующие внешнюю привлекательность посредством указанных слов в дискурсах Я.К. и В.П., обозначают сложившееся в народном сознании представление об игрушке как о красивой вещи, достойной внимания.

Внешность человека в речи В.П. описывается с помощью метафор, отражающих представление об идеальной фигуре через наименование отклонений от нее. «Нормой для В.П. является средняя полнота человека (полный ассоциируется с хомяком, чем-то надутым, разбухшим, худой – с сухим, засохшим, высохшим), высокий рост (маленький мужчина именуется шпингалетом, женщина монголкой): *А Гена-то разбух; Она так на лицо-то вроде как помоложе стала. А то надутая така была!; Матери девяносто четыре года ... Прядёт ешо, гыт, суха-суха! Вся высохла; А Таня полна така, красива, хороша. А он такой ... (смеётся) шпингалет такой; Валя сёдня улетит у нас. Монголка. [Почему “монголка”?] Маленька-то. Гена-то здоровый мужик*» [1, с. 231].

Особое место в речи Я.К. занимает тема физического состояния человека, отягощенного различными болезнями. Для Я.К. характерно использование метафорических конструкций, применяемых для демонстрации негативного отношения к болезням.

а) *Oх, kommen zu mir diese **Kranheiten**, na, jetzt, nehme das*

Buch, und alles konnte nicht sehen, всё сливается, ничего понять не могу, konnte das Buch fünf Minuten lesen, dann weg mit Buch, weiter nehme auch, lese, dann konnte gar nichts lesen;

*б) Grippe auch viel bei mir jetzt, sehr viel, na, begann zu kranken, friier war ich auch viel mit Grippe, Grippe war schwer fiir mich, gaben viel варенье, всякие там настои, das hatte meine Mutter gab mir viel, gehe ohne шарф, konnte sehr schnell erkranken, schlägt mir **die Grippe**, liege zwei oder drei Wochen im Bett liegen, kann nicht stehen, der Sohn half mir und bin dankbar dem Sohn;*

*в) der Schnupfen hatte ich auch viel, konnte kämpfen mit **Schnupfen**, in Magnitogorsk oder in Woronesch, viele erkranken dort, konnte jetzt nicht mehr zahlen, мной прямо-таки завладевал, и я ничего не мог поделатъ, der nahm mir zu Nase und ich konnte nicht atmen, wirklich, konnte nicht atmen, сколько я с ним мучался, drei oder vier Jahren, konnte jetzt nicht wirklich erinnern, dachte, fiir immer war der schnupfen fiir mich, dann ging weg, ich hatte viel Leiden mit Schnupfen.*

Е.В. Иванцова также отмечает: «“Метафорическое представление о болезнях занимает одно из самых важных мест в языковой картине мира В.П., что связано с её индивидуальными особенностями (старость, интерес к собственному здоровью, самочувствие близких ей людей), и с важностью темы здоровья как основы жизнедеятельности, значимой для любой личности» [1, с. 232].

Общим связующим звеном метафор, использующихся информантами и относящихся к теме болезни, является пожилой возраст говорящих, негативные воспоминания, связанные с болезнями, мучавшими их в прошлом, а также забота о тех людях, которые в настоящий момент находятся с ними.

Для описания состояния памяти и выражения эмоций Я.К. использует метафоры с глаголами **schlafen** и **ausspringen**.

*а) Ja, das Gedächtnis war schwach, na, wollte ich etwas kaufen, konnte selbst gehen in Geschäft, plötzlich, war konnte alles im Kopf behalten, jetzt **schläft** sie bei mir, иной раз, ну прямо-таки ничего не помню, begann zu schreiben, fiir nicht zu vergessen, nicht aus dem Kopf zu werfen, чтобы там молоко или хлеб купить, das half mir, das machte ich, das war gut vier mich;*

*б) Was im Fernsehen hatten wir die Nachrichten iiber den Tod, Tod der bekannten Menschen, такие вот знаменитые люди умирают, das Herz **springt** aus dem Menschen aus, sehr schade, dass Menschen sterben, кто снимается в фильмах, других передачах, sehr traurig fiir mich.*

Психические характеристики, передающие особенности эмоциональных состояний, памяти и мышления, отражаются в метафорах В.П. не часто: «меня так прямо обидя берет; Это, как вроде

мысли-то мелькнули, что кто-то кого-то увидал; Я говорю: “Чё налить тебе сто грамм?” – как-то мне кажется, совесь меня мотат. Вишь, память-то худа стала. Ускакывает всё. А я как вроде бы знала. Забыла» [1, с. 232].

В лексиконе Я.К. относительно человеческого поведения представлены метафоры-характеристики на немецком и русском языках, обозначающие:

а) рьяное отношение к работе: *Er hat gearbeitet, die Maschine, menschliche Maschine, arbeitet in Kolchoz, in Alexandrowo, gearbeitet, viel Geld, Haufen Geld verdient, wollte kaufen Auto, das Haus bauen, das reicht fiir Auto und Haus, ich war dort, das Haus hat er gakaufft, Geld reichte nur fiir Geld, Haus war sehr grouss, grouss, die anderen waren zufrieden, konnten beneiden;*

б) чрезмерное употребление пищи: *Fresser, war im Dorf, bei uns in Schilling, dieser dicke Mann, er liebte essen, sehr liebte essen, konnte vielleicht Haufen Essen kaufen und essen, in Festen, Feiertagen, wenn zugegriffen war, und ass sehr viel, er war dort, ass, wir wussten das, aber er war guter Mann, Ausbildung hatte, half anderen, er war zuverlässig, hilfsbereit.*

Метафорические характеристики поведения человека в дискурсе В.П. также очень многочисленны и разнообразны, но они акцентируют другие стороны поведения. «Они обозначают человека с тем или иным типом поведения, отрицательно оценивая слабоволие (А у их зять, Галин муж ... а зять-то, так он ... тряпичонка тоже. Упивал шибко он, и не знаю, чё), безынициативность, неспособность сохранять достоинство (С. А они его матерят /в/ он как в глаза. В.П. Ну, кого там не материть! Такой ... шляпа), неразборчивость в еде (Вот таки банки ... [о гуманитарной помощи], несерьезность и безответственность (У наших не было газеты, а она, Анька пошла сверяться – она [девочка, носившая почту] её Лёне кладет. Она, гыт, ветер, нехороша девочка-то. Така, несамостоятельна. А с матерью ругатся!))» [1, с. 232–233]. Оба информанта негативно относятся к типу людей, демонстрирующих свои качества напоказ, желающих обогатиться за счет других людей, слабовольных и т.д.

Обширно представлены в дискурсе Я.К. метафоры, относящиеся к растительному миру. Переносное значение метафоры относительно растительного мира в речи Я.К. получают обозначения:

1) отрицательных характеристик человека: *Ja, dass verstehe ich, verschiedene Menschen, nach Charakter, nach Geld. Einer von diesen kannte ich sehr gut, er war aus Kommunisten, Igelvorsitzender, wollte nach sovietischen Prinzipien leben, Stalin ehrte;*

2) идеальных особенностей предметов: *Wir wollten Grundstüick verkaufen, viele Papiere muss man ausffilen, viele Sorgen gemacht haben, aber dieser **Grasshaut** im Grundstüick gefall mir, hatten solch in Schilling nicht.*

В речи В.П. переносное значение часто получают обозначения частей растений. «*И колбасы принесла – копчёной такой кусочек ... и такой [вареной] кусочек принесла, как вроде бы отдельно, полненький ... [Рассматривает синяк на руке]. Любуюсь всё, светочек откудова, не помню, кажется, я не убивала*» [1, с. 229]. Оценочные метафорические словоупотребления дают представление об идеальных требованиях человека к своим растениям: они должны хорошо расти, быть жизнестойкими, приносить здоровые плоды, пригодные в пищу.

Метафоризации подвергается также животный мир. Метафоры, в которых используется наименование характеристик животных для обозначения действий человека, отражают национальные представления Я.К. о типичных стереотипах поведения, выражающие негативное отношение говорящего к другому человеку: *Zu uns kam in Haus, aus Administration, **Nadelgespräch** war mit uns, sagte, warum sind sie nicht aktiv, Igel war fiir uns, wie verstehen die Menschen diesen an der Arbeit, Gespräche haben mit ihm. Ich weiss nicht, ich liebe diesen nicht, с такими людьми очень трудно разговаривать.*

Тип метафоры человек – животное в структуре лексикона В.П. обладает «четкими и постоянными оценочными коннотациями. Я говорю: “Скажи, что Вера просила карточку Мишину. Она: “Осподи, да пусь он будет, пусь он будет” – мне не отдала, змея; Хитра кака! Правда её назвали стара лиса» [1, с. 230].

В дискурсе информантов метафора выполняет ряд функций. Как пишет Е.В. Иванцова, многие метафорические единицы выступают в номинативной функции, служа для нейтрального обозначения явлений действительности. К ним относятся лексические единицы со стёршейся или стирающейся образностью, являющиеся узуальным средством наименования какого-либо предмета, действия, состояния (*вилка “штепсель”, перо “шелуха лука”, бросить “покинуть супруга”, подняться “начаться о буре*) [1, с. 236].

Далее, анализируя использования различных функций при описании метафор В.П., автор отмечает: «Распространённым является также использование метафор в экспрессивной функции. Метафорические единицы в этом случае используются для выражения эмоционального отношения говорящего и/или передачи интенсивности / экстенсивности признака: *подмести – съесть быстро, с аппетитом, козырять – неодобр. выставлать напоказ свои достоинства, змея – бранно о женщине, модный – неодобр. изнеженный*» [1, с. 236].

В дискурсе Я.К. метафоры также выполняют номинативную и экспрессивную функции. Я.К. эмоционально вспоминает события послевоенной жизни, акцентируя внимание на желании получить образование и жизнерадостном состоянии человека после окончания войны: 1) *nach dem Krieg verstanden alle, Krieg ist vorbei, Krieg ist zu Ende, man muss anfangen neues Leben, neu leben, das war ohne Ausbildung schwer, wir **Bildungshunger**, man muss an Universitat studieren, Bildung haben, gutes Geld verdienen*; 2) *Wir lebten dort gut, die Produkte hatten wir auch, wir leiden nichts daran, waren zufrieden mit Leben, aber es gab Probleme, aber nicht solche wie im Krieg, **Sonnenlächeln** hatte ich nachdem, als ich nach vielen Jahren von Kommandatur befreit wurde, das war wichtig fiir uns.*

Сопоставление особенностей использования метафор в немецкой народно-разговорной речи и в русской народно-разговорной речи отдельных индивидов позволяет обнаружить сходные и различные черты. Общими показателями использования метафор в русской и немецкой народно-разговорной речи являются:

1) использование метафор, обладающих антропоцентрической направленностью;

2) наличие в лексиконе метафор, относящихся к животному и растительному миру;

3) выполнение метафорами номинативной и экспрессивной функции.

Отличительной чертой употребления метафор представителем немецкой народно-разговорной речи является актуализация метафор, относящихся к растительному миру, с чёткой антропоцентрической направленностью – указанием на положительные и отрицательные стороны человека.

Таким образом, метафоры дают возможность представить установки и ценностные ориентиры того или иного национального типа языковой личности. Они нацелены на реализацию и отражение мышления человека, норм взаимоотношений между людьми, освещают вопросы поведения человека в различных ситуациях.

Список литературы

1. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002.

2. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект: Дис. ... д-ра филол. наук. – Тюмень, 1999.

3. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998.

Внутренняя речь в художественном дискурсе поэтической прозы*

В статье рассматриваются проблемы внутренней речи в художественном дискурсе поэтической прозы. Выразительность внутренней речи в поэтической прозе заключается в открытости чувств и мыслей автора, основной же формой выражения здесь является сложный конгломерат ментально-философских авторских интенций.

Ключевые слова: внутренняя речь, художественный дискурс, поэтическая проза, эготоп повествования.

The article is aimed at the problems of endophasy in the literary discourse of poetic prose. The expressiveness of endophasy in poetic prose is in the author's feelings and thoughts openness, and the main form of expression here is complicated conglomeration of mental philosophical intentions of the author.

Key words: endophasy, literary discourse, poetic prose, narrative egotop.

Проблема внутренней речи в современной лингвистической поэтике требует осмысления, прежде всего, как психолингвистический феномен. Впрочем, истоки такого рода подхода к пониманию внутренней речи следует искать ещё в XIX веке, когда М. Мюллер пытался обосновать тождественность понятий «речь» и «мышление». Кстати, его предшественником в этом был сам Платон, для которого мышление и внутренняя речь также являлись понятиями одного порядка, поскольку мышление он рассматривал как словесно выраженную «молчаливую» речь. Согласно Платону, мышление – это молчаливая беседа души с самой собой об испытанных когда-то или о прошлых встречах с Богом. К сожалению, в работах бихевиористов достаточно гибкое суждение Платона было доведено до ошибочного утверждения. Его последователи настаивали на том, что мышление есть речь, но беззвучная: речь минус звук. Повод к такому пониманию дают и работы некоторых известных современных психологов. Так, по мнению В.М. Бехтерева, внутренняя речь является не выявленным в двигательной части речевым рефлексом, а В. М. Сеченов напрямую рассматривал внутреннюю речь как реф-

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта ГК 1306.

лекс. Важные смысловые акценты в столь дискуссионном вопросе сделал Л.С. Выготский, который, отмечая важность и исключительность процессов внутренней речи, или эндофазии, для развития мышления, предостерегал от необоснованного отождествления этих явлений. «Значение внутренней речи для всего нашего мышления так велико, что многие психологи даже отождествляют внутреннюю речь и мышление. С их точки зрения, мышление есть не что иное, как заторможенная, задержанная, беззвучная речь. Однако в психологии не выяснено ни то, каким образом происходит превращение внешней речи во внутреннюю, ни то, в каком примерно возрасте совершается это важнейшее изменение, как оно протекает, чем вызывается и какова вообще его генетическая характеристика» [3, с. 97]. Размышляя о природе внутренней речи, учёный подчёркивал, что речевая память представляет один из моментов, определяющих природу внутренней речи. А затем приходит к выводу: «правильное понимание внутренней речи должно исходить из того положения, что внутренняя речь есть особое по своей психологической природе образование, особый вид речевой деятельности, имеющий свои совершенно специфические особенности и состоящий в сложном отношении к другим видам речевой деятельности. Для того чтобы изучить эти отношения внутренней речи, с одной стороны, к мысли и, с другой – к слову, необходимо прежде всего найти ее специфические отличия от того и другого и выяснить ее совершенно особую функцию. Небезразлично, думается нам, говорю ли я себе или другим. Внутренняя речь есть речь для себя» [3, с. 294–295].

В поэтической прозе внутренняя речь возникает в заметно специфических условиях. Здесь она (а) проходит этап внутреннего мысленного припоминания, (б) выполняет функцию внутреннего программирования, (в) стимулирует зарождение речевой коммуникации. Рассматривая проблемы диалогичности внутренней речи, И.В. Артюшков приходит к выводу: «внутренняя речь, несмотря на внешние признаки диалогичности, представляет собой монологическое по своей сути образование с элементами условной (художественной) диалогизации» [1, с. 101], так как воображаемая коммуникация происходит в рамках единого сознания.

В ином теоретическом ракурсе рассматривает коммуникативные составляющие Ю.М. Сергеева, отмечая, что «интраперсональное общение проявляется в трёх основных формах – внутренний монолог, внутренний диалог и простое внутреннее реплицирование. Внутренний монолог является формой однонаправленного речевого воздействия индивидуума на самого себя. Внутренний диалог пред-

ставляет собой последовательность встречных, диалогически взаимосвязанных высказываний, порождаемых говорящим и непосредственно воспринимаемых им в процессе интраперсонального общения. Простое внутреннее реплицирование – это невзаимосвязанные, относительно краткие высказывания, возникающие обычно в неречевых ситуациях или представляющие собой внутренний комментарий к воспринимаемой внешней речи» [7, с. 6]. Выразительность внутренней речи в поэтической прозе заключается в открытости чувств и мыслей автора, основной же формой выражения здесь является сложный конгломерат ментально-философских авторских интенций: внутренний монолог + внутренний диалог + внутреннее реплицирование. Стилистика внутренней речи лирического повествования преломляется через Я-интеллектуальное, Я-культурное, Я-духовное, Я-психическое и Я-эмоциональное. Это своего рода философско-чувственная презентация эготопа (субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотносённость действительности с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок) повествования.

К данному конгломерату авторских интенций некоторые учёные добавляют потребность в речемыслительной экспрессии. Так, по мнению Н.И. Жинкина, механизм человеческого общения реализуется в противостоящих динамических звеньях, в которых он выделяет предметно-изобразительный код (внутренняя речь) и речедвигательный код (экспрессивная речь) [4, с. 29].

Рассмотрим следующий фрагмент: *Я глядел на белеющую драбочными крышами деревню, слышал жаворонка, и детство приближалось ко мне, воскресало в памяти. Вот он, тот самый бугор... Он пахнет согретой землёй, и та же река омывает его... Шум реки над вешней землёй – словно шум времени. Он напоминает мне о моих предках, он волнует и что-то ворошит в обновлённом сердце...* (В. Белов, «Поющие камни»). В художественном дискурсе поэтической прозы к авторским интенциям следует, на наш взгляд, отнести и процесс рекуперации¹, согласно которому в процессе порождения поэтического текста проходит наполнение речи новой энергией *воспоминаний о прошедшей жизни*, объективированных главным образом глагольными предикатами. Глаголы прошедшего времени свидетельствуют о том, что это воспоминание прошлого: *Я глядел на белеющую драбочными крышами деревню,*

¹ *Рекуперация* (техн.) – процесс возврата затраченной энергии для повторного использования.

слышал жаворонка, и детство приближалось ко мне, воскресало в памяти. Однако для понимания дискурса поэтической прозы важно то, что в процессе рекуперации внутренней речи восприятие прошлой действительности возвращается, обновляется в памяти. Поскольку для автора воспоминание становится реальностью, в повествование вплетаются и глаголы настоящего времени: *Вот он, тот самый бугор... Он пахнет согретой землёй, и та же река омывает его... Шум реки над вешней землёй – словно шум времени. Он напоминает мне о моих предках, он волнует и что-то ворошит в обновлённом сердце...* Рассуждая о прошлом, Н.А. Бердяев справедливо отмечает, что есть два прошлых: (а) прошлое, которое было и которое исчезло, и (б) прошлое, которое и сейчас для нас есть как составная часть нашего настоящего. Второе прошлое, существующее в памяти настоящего, есть уже совсем другое прошлое, прошлое преображённое и просветлённое, относительно его мы совершаем творческий акт и оно входит в состав нашего настоящего [2, с. 285].

По мнению Ю. М. Сергеевой, можно говорить о пяти основных типах адресата интраперсонального общения: 1) «второе Я» индивидуума (либо рациональное, либо эмоциональное начало его личности); 2) «отсутствующий собеседник»; 3) «потенциальный собеседник»; 4) «воображаемый собеседник»; 5) «нададресат» [7, с. 7]. В поэтической речи все типы интраперсонального общения адресата внутренней речи совмещаются с адресантом, так как «при трудном сложном словесном материале внутренняя речь выполняет работу, содействующую лучшему запечатлению и объединению понимаемого» [3, с. 10]. Ср.: *Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека!*

Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге.

Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною.

Я поднял голову... Передо мною, между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила в даль дорога.

И через нее, через эту самую дорогу, в десяти шагах от меня, вся раззолоченная ярким летним солнцем, прыгала гуськом целая семейка воробьев, прыгала бойко, забавно, самонадеянно!

Особенно один из них так и надсаживал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикавая, словно и черт ему не брат! Завоеватель – и полно!

А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся – и грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удасть, охоту к жизни почувствовал я.

И пускай надо мной кружит мой ястреб...

– *Мы еще повоюем, чёрт возьми!* (И.С. Тургенев, «Мы ещё повоюем!»).

Интраперсональное общение (разговор с самим собой) в поэтической прозе является тем центром, в котором раскрывается внутренний мир автора, его мысли и чувства. Философско-поэтические раздумья о жизни и смерти через проникновение в законы природы приводят автора к жизнеутверждающему выводу: *Мы ещё повоюем!* Поэтому в предложении, которое является переломным в смене эго-настроения (от состояния «тяжких предчувствий», «унылости» до позитивного «грустные думы тотчас отлетели прочь»), достаточно экспрессивным является употребление однородных членов предложения. Стилистический эффект усиливается также за счёт градации, передающей динамизм повествования: *поглядел, рассмеялся, встряхнулся; отвагу, удасть, охоту.*

Во внутренней речи поэтической прозы действительность отражается посредством вербализации субъективной коннотации, вызванной переживанием явлений жизни. Система языковых средств позволяет дополнять узуальные коннотативные значения авторскими образами, которые играют конструктивную роль в создании целостности художественного дискурса поэтической прозы. Добавочным кодом является образ смерти – *кружит ястреб*, аллегория о неизбежности смерти составляет основу эмоционального состояния И.С. Тургенева и является связующим ядром не только художественного, но и философского пространства стихотворения в прозе «Мы ещё повоюем!». «Таким образом, текст несет тройные значения: первичные – общеязыковые, вторичные, возникающие за счет синтагматической переорганизации текста и сопоставления первичных единиц, и третьей степени – за счет втягивания в сообщение внетекстовых ассоциаций разных уровней – от наиболее общих до предельно личных» [5, с. 171].

Благодаря коннотативному эффекту, являющемуся следствием комбинаторики цепочки смыслов, мы и наблюдаем процесс рекуперации поэтической прозы: *ястреб кружит = птица летает (высоко на небе кружил ястреб); ястреб кружит = смерть приближается (и пускай надо мной кружит мой ястреб...)*. В данном примере новой энергией наполняется семантика сочетания *ястреб кружит*. Ср.: использование образа ястреба А. А. Блоком в поэме «Возмездие»:

*Встань, выйди по'утру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг – птичий щебет и движенье...
Он слушает... еще мгновенье –
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по' ветру летит –
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел – чертить за кругом круг,
Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, – кружит, кружит...*

*Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.*

В поэтической прозе Владимира Солоухина образ ястреба представлен в другом коннотативном пространстве.

Много раз я видел, как несколько мелких птичек, например ласточек, преследуют ястреба, отгоняя его. Вчера обыкновенная галка долго гнала ястреба по небу, набрасывалась на него, а он увертывался от ее ударов и убегал.

Но ведь он хищник. У него когти, клюв, маневренность, сила. Что стоило ему обернуться и дать отпор?

В таком случае, что же такое его терпимость: трусость, сознание вины, нежелание связываться, то есть снисходительность? Или он не запрограммирован на схватку с галкой ради престижа, а не ради пищи? И неужели это только автоматическая программа (инстинкт), а не характер и не линия поведения? (В. Солоухин, «Камешки на ладонях»).

В этом контексте поэтической прозы образ ястреба имеет противоположное значение: *ястреб = терпимость, снисходительность.*

Многие философы (Вольтер, Д. Дидро, Р. Кук, Г. Лессинг) размышляли о природе и значении терпимости. В философско-этической концепции Н. К. Рериха именно терпимость является центральной категорией, которая раскрывает духовный уровень человека.

В поэтической прозе М. Пришвина образ ястреба навеивает философские раздумья: Что есть истинное зло? Можно ли дать верное

определение зла? Основная трудность в борьбе со злом состоит в верности определения зла, и вероятно ошибка в распознании зла и создает войну. Напр. куропатка – добро, ястреб – зло. Но если объявить войну ястребам и их уничтожить, то куропатка вырождается и делается никуда не годной (М. М. Пришвин, «Дневники», 1927).

Итак, развитие рекуперации поэтической прозы во внутренней речи стимулируется не только факторами когнитивного характера (наполнение новой энергией воспоминаний о прошедшей жизни), но и коннотативными интенциями: новой энергией наполняется именно дискурсивная семантика сочетания *ястреб кружит*. Кстати, дискурсивно-экспрессивный образ ястреба достаточно рекуррентно закреплён в пословицах и поговорках разных народов: *Горный ястреб летит к горе, сын мудрого отца говорит поговорками* (калмыцкая); *лучше родной ворон, чем чужой ястреб* (казахская); *трое имеют самый острый взгляд: ястреб на дереве, лиса в долине и молодая девушка* (вьетнамская); *если ястреб будет долго охотиться, он поймает фазана* (корейская); *ястреб ястребу глаз не выключет; пустая рука ястреба не влечёт* (английские); *где ворона ни летала, а к ястребу в когти попала; дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки ястреба забьют; кукушка не ястреб, а неуч не мастер; не растёт лопух выше ясеня, не летит петух выше ястреба; сменял кукушку на ястреба: умный ястреб прячет свои когти; целовал ястреб курочку до последнего пёрышка; ищущий глаз – как глаз ястреба; глядит, как змея из-за пазухи ястребом смотрит* (русские). Образ змеи и ястреба находим в поэтической прозе М. М. Пришвина: *И всё это было: и месяц, и берёза, и ястреб, и змея, и я сам, не раз умерший и не раз возрождённый* (М. М. Пришвин, «Дневники», 1924). Ср.: *Мы ещё повоюем!*

И, пожалуй, самое главное: внутренняя речь в поэтической прозе способствует погружению во внутренний мир героя художественного произведения. «Путь от мысли к речи... 1) начинается с мотива и общего замысла (который с самого начала известен субъекту в самых общих чертах), 2) проходит через стадию внутренней речи, которая, по-видимому, опирается на схемы семантической записи с её потенциальными связями, 3) приводит к формированию глубинно-синтаксической структуры, а затем 4) развёртывается во внешнее речевое высказывание, опирающееся на поверхностно-синтаксическую структуру» [6, с. 38].

Семантика номинативных единиц внутренней речи в стихотворениях в прозе И.С. Тургенева глубоко индивидуализирована. Ана-

лизируемые художественные тексты, как признавался сам писатель, написаны им для самого себя, однако с другой стороны, поэтическое сознание автора и читателя, представляя собой систему смыслов и значений, как бы накладывается на создаваемую в произведении действительность и в этом плане является частью художественного восприятия. *Что я буду думать тогда, когда мне придётся умирать, если я только буду в состоянии тогда думать?*

Буду ли я думать о том, что плохо воспользовался жизнью, проспал её, продремал, не сумел вкушать от её даров?

«Как? это уже смерть? Так скоро! Невозможно! Ведь я ещё ничего не успел сделать... Я только собирался делать!» (И.С. Тургенев, «Что я буду думать?..»).

Механизм передачи информации в канале «Я – Я», с точки зрения Ю. Лотмана, остаётся тем же, но текст сообщения, подвергаясь определённому формулированию, наполняется новым смыслом вследствие того, что вводится добавочный код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры [5, с. 165].

Всё сказанное подводит к выводу о том, что интерпретация внутренней речи поэтической прозы относится к рефлексивной деятельности субъекта: это не только восприятие внутренних смыслов, но и сопереживание тем мыслям, которые появляются и воссоздаются в процессе порождения художественного текста. С этой точки зрения стихотворения в прозе И.С. Тургенева – это поэтические рефлексемы – раздумья автора о своём внутреннем состоянии, интроспективный анализ собственных переживаний. Поэтическая рефлексема – своего рода дискурсивно обусловленное сканирование действительности, пропущенное через призму экспрессивно-образного восприятия.

Ты всегда говорил правду, великий наш певец; ты сказал ее и на этот раз.

«Суд глупца и смех толпы»... Кто не изведал и того и другого?

Все это можно – и должно переносить; а кто в силах – пусть презирает!

Но есть удары, которые больнее бьют по самому сердцу... Человек сделал все, что мог; работал усиленно, любовно, честно... И честные души гадливо отворачиваются от него; честные лица загораются негодованием при его имени.

– Удались! Ступай вон! – кричат ему честные, молодые голоса. – Ни ты нам не нужен, ни твой труд; ты оскверняешь наше жилище – ты нас не знаешь и не понимаешь... Ты наш враг!

Что тогда делать этому человеку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться – и даже не ждать более справедливой оценки.

Некогда землепашцы проклинали путешественника, принесшего им картофель, замену хлеба, ежедневную пищу бедняка. Они выбивали из протянутых к ним рук драгоценный дар, бросали его в грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются им – и даже не ведают имени своего благодетеля.

Пускай! На что им его имя? Он, и безымянный, спасает их от голода.

Будем стараться только о том, чтобы приносимое нами было точно полезной пищей.

Горька неправая укоризна в устах людей, которых любишь... Но перенести можно и это...

«Бей меня! но выслушай!» – говорил афинский вождь спартанскому.

«Бей меня – но будь здоров и сыт!» – должны говорить мы (И.С. Тургенев, «Услышишь суд глупца...»).

Используя синтаксические средства выразительности, многочисленные риторические вопросы и восклицания, автор, тем самым, усиливает напряжённость речи, создаёт эмфатическую интонацию – эмоциональное, взволнованное построение речи. Жертвенность и смирение – вот на что способен поэт во имя добра и правды, любви к ближнему: *Бей меня – но будь здоров и сыт!* Ср.: *А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5: 44); *А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую* (Мф. 5: 39); *Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь* (Притчи 29: 23).

Во внутренней речи поэтической прозы происходит «процесс испарения речи в мысль» [3, с. 295], которая наполняется новой энергией, прирастает коннотативными кодами, создаётся осмысленное представление земного бытия, эксплицируемого, как правило, презентациями действительности.

Таким образом, внутренняя речь в художественном дискурсе поэтической прозы формируется в несколько этапов: проходит этап внутреннего мысленного припоминания, выполняя функцию внутреннего программирования, этап рекуперации – наполнение речи новой энергией воспоминаний о прошедшей жизни, объективированных языковыми средствами, и эксплицирование сложного конгломерата ментально-философских авторских интенций.

Список литературы

1. Артющков И. В. О диалогичности внутренней речи // Вестник Башкирского государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. - №1. - 2000. – С. 98–102.
2. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. – М. 1994. – С. 285.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. - изд. 5-е, испр. – М.: Лабиринт, 1999.
4. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. - 1964. – №6. – С. 26–38.
5. Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (о двух моделях коммуникации в системе культуры) // Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб., 2000.
6. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: МГУ, 1975.
7. Сергеева Ю. М. Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): Автореф. дис ... д-ра филол. наук. – М., 2009.

Мотивы и сферы отождествления при репрезентации операций памяти в немецком языке

В статье исследуются глагольные коллокации памяти в немецком языке. Ономаσιологический подход позволяет в качестве организующих центров этого парадигматического класса рассматривать мотивы и тематические коды, опосредованно указывающие на явление, порождающее образы и метафоры, а также описать способы интерпретации операций памяти и ее участников.

The article deals with verb collocations for describing memory in the German language. The onomasiological method makes it possible to regard the motives and subject codes indirectly denoting an event, generating images and metaphors as their organizing centers and to investigate the interpretations of the memory operations and their participants.

Ключевые слова: коллокации, глагол, тематические коды, мотивы номинации, операции памяти, сферы отождествления, интерпретация, компонент.

Key words: collocations, verb, subject codes, motives of nomination, memory operations, dimensions of identification, interpretation, component.

В статье исследуются предметно-тематические коды, мотивы и метафоры, лежащие в основе семантической и мотивационной структуры единиц вторичной номинации, используемых носителями немецкого языка для описания операций памяти. Данная методика представлена в работе Т. В. Леонтьевой [1]. Ономаσιологический подход позволяет интерпретировать совокупность конститuentов как поле, где организующими центрами выступают мотивы и предметно-тематические коды (определенные сферы отождествления, указывающие опосредованно на какое-либо явление, порождающие конкретные образы и метафоры), обнаруживаемые во внутренней форме единиц, и обуславливающие выбор знака для номинации. Мотивы первичны и представляют собой предельно абстрактные идеи, объединяющие конститuentы [1, с. 21].

Анализ отобранных устойчивых глагольных сочетаний показал, что самым продуктивным тематическим кодом является пространственный код, лежащий в основе номинации 35% единиц. Далее следуют анатомический (15%), персонифицирующий (13,4%) и предметный (13%) коды. Менее продуктивны религиозный (5,7%),

текстовый (5,3%), технический (5,3%), социальный (5%) и зоологический коды (1,5%).

Рассмотрим первую группу глагольных коллокаций, в семантической и мотивационной структуре которых реализуется пространственный код, позволяющий интерпретировать память как некое пространство, вместилище, а операции памяти – как перемещение или движение субъекта или объектов операции памяти. Тот факт, что пространственный тематический код оказался наиболее частотным, свидетельствует о наибольшей релевантности для сознания носителей немецкого языка представления памяти как продвижения объектов внутри пространства памяти, извне внутрь его или как перемещения субъекта.

В качестве объектов перемещения выступают фрагменты прошлого опыта (компоненты *jemanden, etwas* коллокаций в качестве структурных элементов предложений), а также само прошлое, напоминание. Субъект операции памяти может перемещать объекты внутрь пространства памяти (*jmdn. in die Vergessenheit versenken, etw. in die Vergangenheit werfen / verlegen, etw. ins Gedächtnis drängen / sich eingraben / graben, etw. ins Bewusstsein / Erinnerung rücken / bringen*); возвращая, приближать их к себе как центру, точке отсчета в означенном пространстве (*jmdn., etw. in die Vergangenheit zurückbringen, jmdm. die Vergangenheit zurückbringen*); перемещая, устраняя, удалять объекты из пространства (*etw. aus dem Gedächtnis wischen, etw. aus dem Gedächtnis verlieren / holen / herbeiholen, etw. aus der Vergessenheit hervorholen*); перемещая, манипулировать объектами в пространстве (*etw. in Gedanken überschlagen, etw. im Gedächtnis anstoßen, seine Vergangenheit einholen*).

В качестве субъекта перемещения функционирует, с одной стороны, сам субъект операции памяти, продвигаясь внутрь пространства или из него (*in die Erinnerung einziehen, in die Vergangenheit flüchten*), возвращаясь в него (*in die Vergangenheit zurückkehren, in die Zeit zurückreisen*), погружаясь в него (*in die Vergangenheit eintauchen, in Vergessenheit sinken, in die Erinnerung abgleiten / sich vertiefen / versinken / hinab tauchen*) или двигаясь в пределах данного пространства (*im Gedächtnis / in Erinnerung schwelgen / sich ergehen*). С другой стороны, сами активные объекты операции памяти могут передвигаться извне внутрь пространства (*sich ins Gedächtnis graben, in den Sinn kommen, in Vergessenheit geraten / anheimfallen / kommen, in die Unsterblichkeit eingehen*); через него (*jmdm. durch den Sinn fahren / ziehen / gehen / (plötzlich) schießen*); в его пределах (*im Gedächtnis erstehen*); за пределы означенного пространства (*jmdm.*

aus dem Sinn kommen, dem Gedächtnis verlorengelassen, aus dem Gedächtnis schwinden, aus der Vergessenheit aufsteigen).

Само пространство перемещения репрезентируется компонентами *Bewusstsein, Gedächtnis, Erinnerung(en), Vergessenheit, Unsterblichkeit, Vergessen, Vergangenheit, Sinn, Ermahnung, Andenken*, а пространство, в котором передвигается субъект – именами *Gedächtnis, Erinnerung(en), Erinnern, Vergangenheit, Zeit*. Только субъект может перемещаться в пространстве, именуемом *Erinnern, Zeit*, объекты лишены такой способности в силу своей недостаточной самостоятельности.

В рамках пространственного кода реализуется также идея покоя или удерживания в состоянии покоя, поскольку память в данном случае также интерпретируется как пространство – пространство покоя. Покоиться, т.е., иметься в наличии, стоять, лежать, оставаться, могут некие фрагменты прошлого опыта (*bei jmdm. in (guter) / (schlechter) Erinnerung stehen / zurückbleiben / (unauslöschlich) bleiben / sein, im Gedächtnis verbleiben / haften / bleiben / sein, bei jmdm. in gutem Andenken stehen, jmdm. im Sinn liegen*). Пространство покоя – *Erinnerung, Gedächtnis, Sinn, Andenken, Ehren*. В нем объекты (фрагменты прошлого опыта, напоминание, память) могут удерживаться (*etw. im Gedächtnis verwahren / aufbewahren / behalten / haben, jmdm. ein gutes Gedächtnis bewahren, in Erinnerung aufbewahren / verwahren / jmdn., etw. in (bester) / (guter) / (freundlicher) Erinnerung halten / behalten / (gut) haben, etw. in der Vergangenheit ruhen lassen, jmds. Andenken in Ehren halten*).

В рамках пространственного кода идея пространства коррелирует с идеей вместилища, неорганизованного, неупорядоченного, хаотичного хранилища, где объекты перемещают, перебирают в поисках чего-либо (*im Gedächtnis / in der Vergangenheit / in Erinnerungen kramen / wühlen, in Erinnerungen / im Gedächtnis stöbern, in der Vergangenheit herumgraben, Gedächtnis durchstöbern*). Анализ глагольных компонентов дает представление об активности субъектов и объектов памяти и их поведении. Объекты в пространстве памяти могут присутствовать, возникать, ожить, воскреснуть как нечто одушевленное, пребывать в нем, например, стоять, лежать, оставаться, проникать внутрь, углубляться, въедаясь или отпечатываясь, падать, попадать, приходить, проносится быстро как пуля или транспортное средство, покидать пространство или неожиданно исчезать. Субъект может привносить объекты внутрь пространства, возвращать, переложить, перетянуть, оттащить, подтолкнуть, запрятать внутрь, запихнуть, достать, удалить, догнать, поймать, схватить

объект как одушевленное лицо или потерять где-то как вещь, сметать как нечто ненужное, мешающее, например, бумаги или пыль со стола (когда их много), удерживать, или заставить погрузиться вглубь, перерывать, инспектировать память как хранилище. Субъект «изображается» как парящий, опускающийся, погружающийся, ныряющий в память-пространство как в воду, спускающийся, скатывающийся, соскальзывающий, а также входящий как в комнату или в квартиру, неспешно прогуливающийся, убегающий, или возвращающийся.

Память в сознании носителей немецкого языка ассоциируется, т.о., с неким пространством,местилищем, водной или воздушной средой, конкретным местом. В рамках пространственного кода реализуются следующие мотивы: «перемещать в пространство» – «перемещать из пространства» – «перемещать в пределах пространства»; «перемещаться в пространство» – «перемещаться из пространства» – «перемещаться через пространство» – «перемещаться в пространстве»; «удерживаться в пространстве» – «удерживать в пространстве»; «искать в пространстве». Активность глаголов в исследуемой группе объясняется спецификой отражения соответствующих ситуаций в сознании носителей немецкого языка, где операции памяти репрезентируются через действие или состояние.

Следующий по продуктивности – анатомический код. В рамках данного кода память интерпретируется как некий орган, который, например, можно тренировать (*das Gedächtnis üben / schulen / anstrengen / stärken*). С другой стороны, память описывается как способность, локализуемая в определенной части тела, служащей для носителей языка своего рода квазисимволом памяти, ее олицетворением, мыслимой, в свою очередь, также как хранилище, в котором осуществляется воздействие на объекты (*vor Augen entstehen / aufstehen / auftauchen, in den Kopf / aus dem Kopf kommen, jmdm. (plötzlich) durch den Kopf schießen / fahren / ziehen, nicht aus dem Kopf gehen/wollen, jmdm. etw. in den Kopf setzen*).

Материал нашего исследования показывает, что в устойчивых глагольных сочетаниях общим является метафорическое указание на орган, имеющий непосредственное отношение к процессам памяти, осмысливаемый носителями языка как детерминирующий деятельность памяти. В качестве семантически стержневых компонентов анализируемых коллокаций выступают соматизмы, символизирующие данные процессы. Большое количество единиц с соматизмами указывает на то, что данные ситуации в языковом соз-

нании носителей немецкого языка сопрягаются с физическим и интеллектуальным воздействием и осмысляются через конкретно-чувственные параметры. Называемые этими соматизмами интеллектуальные части становятся благодаря повторяемости в соответствующих ситуациях их знаками. Квазисоматический орган может быть представлен в немецком языке лексемами *Kopf, Hinterkopf, Gehirn, Auge, Ohr, Lippen*.

Большая или меньшая частотность соматизмов обуславливается степенью значимости называемого органа или части-способности, важностью их функции в репрезентируемых ситуациях. В качестве стержневого семантического компонента в большей части конституентов функционируют соматизмы *Kopf / Hinterkopf* (45%), *Auge* (20%), гораздо реже *Ohr* (12,5%), *Gehirn* (5%), *Lippen* (2,5%). Данный факт свидетельствует о том, соответствующие виды памяти (образная, слуховая, тактильная и осязательная) находят меньшую репрезентацию в немецком языке, и о том, что носители языка расценивают части тела человека второй группы как менее важные для осуществления операций памяти. Глаголы, сочетающиеся с данными соматизмами, одушевляют, «очеловечивают» называемые ими объекты. Названные части могут интерпретироваться как объекты воздействия со стороны владельца или другого субъекта, внешнего раздражителя (*in den / aus dem Kopf schlagen, das Gedächtnis üben / schulen / anstrengen, jmdm. etw. in den Kopf hineinbohren*). Субъект операции памяти перемещает в хранилище, означиваемом как релевантная для данного психического процесса часть тела, фрагменты прошлого опыта (*etw. in Gedanken vor seinen Augen vorbeiziehen lassen, jmdm. etw. in den Kopf hineinbohren / setzen / hämmern, sich (Dat.) etw. hinter die Ohren schreiben, etw. im Gehirn wegfegen*); мотив: «перемещать в хранилище». Следующий мотив «перемещать из хранилища» – *etw. aus dem Gehirn verdrängen, jmdm. etw. aus dem Kopf schlagen*. С данной группой коррелирует группа конституентов, описывающих не только перемещение объекта из хранилища, но имеющих более сложную семантику, содержащих указание на форму презентации следа памяти – *etw. aus dem Kopf spielen / sagen*. Такие операции памяти предполагают специфические объекты – роль, партию, текст, музыкальный отрывок, то, что можно прочитать или исполнить, т.е. глагольный компонент накладывает существенные ограничения на синтагматические характеристики и детерминирует объект. Субъектами перемещения могут быть и сами активные объекты, наделяясь качествами живого лица, независимостью и самостоятельностью. В данном случае речь идет о произвольных,

неконтролируемых, не обусловленных волей индивидуума психических процессах. Мотив: «перемещаться в хранилище» – *in jmds. Kopf / jmdm. im Kopf herumspuken / herumgehen / herumgeistern, jmdm. vor (innerem) / (geistigem) Auge aufstehen / entstehen / auftauchen, in den Kopf kommen, jmdm. durch den Kopf fahren / ziehen / gehen / (plötzlich) schießen, jmdm. vor innerem Auge aufstehen / entstehen*. Фрагменты прошлого опыта могут покидать или стремиться покинуть хранилище, или же не иметь такой возможности. Мотив: «перемещаться из хранилища» – *jmdm. (nicht) aus dem Kopf gehen (wollen)*. Следующий мотив: «удерживать в хранилище» – *etw. sich (D) vor Augen halten, etw. [noch] frisch im Kopf haben / behalten, etw. (klar) vor den Augen / (noch genau) im Ohr haben haben*. Последний мотив в рамках данного кода – «удерживаться в хранилище» – *vor Augen stehen/ sein, im Auge / auf den Lippen bleiben, noch im Ohr liegen / bleiben / (nach)klingen, im Kopf sein / hämmern, im Hirn eingeätzt sein*. Данные конституенты описывают операции памяти, предполагающие широкий спектр объектов, обладающих определенными характеристиками, в зависимости от места, пригодного для их хранения. Это то, что можно хранить в голове (события, их оценка, чувства, мысли и т.д.), может звучать в ушах (звуковой ряд), оставаться еще долго перед глазами (зрительные образы) или на губах (слова, высказывания). Память как способность может быть нацелена на неодинаковые объекты, задействовать разные рецепторы и анализаторы и нуждается в соответствующих подходящих хранилищах.

Проведенный анализ показал, что в рамках анатомического кода устойчивые глагольные сочетания памяти в качестве семантического стержневого компонента включают соматизмы, называющие интеллектуальные части и способности, являющиеся либо, субъектом, либо объектом, либо пространством осуществления описываемых операций, интерпретируют память как орган, локализованную в определенной части тела способность, а соответствующую часть тела – как хранилище. Операции памяти описываются как перемещение субъектом или самостоятельное передвижение объектов в / из хранилища, называемого соматизмом, удержание субъектом объектов или их самостоятельное пребывание в нем, а также как деятельность субъекта, направленная на тренировку соответствующей способности. Анатомические представления о памяти, ее операциях и частях-способностях находят образное, метафоричное отражение в языке, что обуславливается невозможностью непосредственного наблюдения внутреннего мира человека. Носители немецкого языка описывают эту память по аналогии с внешним

миром, создавая ее антропоцентрическую и антропометрическую модель.

Рассмотрим далее персонифицирующий код. Единицы, объединяемые данным кодом, можно разделить на две большие группы: 1) персонификация объекта операции памяти; 2) персонификация пространства памяти. В основе устойчивых глагольных сочетаний в рамках персонификации объекта операции памяти лежит:

1) мотив «активировать объект» (*die Erinnerung in jmdm. an etw. wecken / wachhalten / erwecken / wachrufen / wach rütteln / hervorrufen / rühren / erheben / zurückrufen, jmds. Gedächtnis nachhelfen / helfen, die Vergangenheit wachrufen / lebendig werden lassen / beleben*), разбудив его, пробудив, заставляя бодрствовать, позвав, вызвав как артиста на сцену, воскресив, тронув или растрогав, ободрив, как живого человека, или помогая объекту (объекты одушевляются и испытывают трудности, нуждаются в помощи, дремлют, спят, ждут своего выхода или становятся безжизненными); 2) мотив «деактивировать объект» (*sich von einer Vergangenheit befreien / sich lösen, die Erinnerungen verdrängen / zurückdrängen / vertreiben / verbannen / ersticken / verscheuchen, etw. aus dem Gedächtnis / der Gegenwart bannen / verbannen, jmdn. aus der Erinnerung herausklopfen*), освободившись или расставшись с ним, борясь с ним, вытесняя, оттесняя, прогоняя, отсылая или высылая, выдворяя как неблагонадежное лицо из страны, спугнув как боязливых птиц, или вызвав вспоминающего субъекта из его воспоминаний стуком, как будто позвав на выход, и даже задушив (одушевляемые объекты досаждают, утомляют, стесняют, причиняют дискомфорт, ведут себя агрессивно, настраивают против себя).

Вторая большая группа в рамках анализируемого кода – конституенты, в основе номинации которых персонификация пространства. Конституенты *der Vergessenheit angehören, etw. der Vergessenheit überantworten / preisgeben, (D) Unsterblichkeit verleihen, sich dem Vergessen anheimgeben, an Vergangenheit hängen* можно объединить в рамках мотива «вверить / вверяться кому-либо». Они описывают ситуации, когда фрагменты прошлого как некие предметы принадлежат, передаются под ответственность, бросаются на произвол судьбы, отчуждаются в пользу, становятся привязанными к соответствующему полю сознания как определенному пространству, наделяемому чертами живого лица. Устойчивые сочетания *dem Gedächtnis / der Erinnerung entfallen, etw. der Vergessenheit entreißen* объединяются мотивами «терять» / «отнимать объект», который можно как бы выпустить, или вырвать из рук.

Следующий тематический код – предметный. Объекты операции памяти интерпретируются как некие вещи: фрагменты прошлого опыта (компоненты *etw.*, *jmd.* как структурные элементы предложений), *Rückschau*, *Gedanken*, *Erinnerungen*, *Gedächtnis*, *Andenken*, *Rückblick*, *Vergangenheit*, *Vergessen*. Их можно хранить, прятать, держать, иметь в наличии, выковать, откопать. Мотив: «получать / иметь предмет» – *Erinnerungen verwahren / haben / ausgraben*, *jmdm. ein liebevolles Andenken / ein ehrendes / freuliches Gedenken bewahren*, *Rückschau halten*, *etw. in bester Erinnerung halten*, *sich (Dat.) etw. gegenwärtig halten / haben*. Плохую память можно сравнить с решетом, в котором невозможно что-то сохранить без потерь – *ein Gedächtnis wie ein Sieb haben*.

Мотив «утрачивать предмет» реализуют единицы *keine Erinnerung an etw. haben*, *Erinnerungen abschütteln / beiseiteschieben / abreißen / loswerden*, *Gedächtnis verlieren*, *den Gedanken verwerfen*, а «каузировать утратить предмет» – *sich <Dativ>*, *jmdm. etw. aus dem Sinn schlagen*, *jmdn. aus der Erinnerung herausklopfen*. Объект, мыслимый как вещь, можно не иметь в наличие, стряхивать как грязь или мусор, отодвинуть в сторону как нечто ненужное, бросать, забросить, или закинуть как мяч, растратить, израсходовать, оставить после себя, избавиться от них, выбивать как какую-то вещь из рук у кого-либо, или пыль из ковра.

Следующая группа единиц описывает стимулирующее воздействие на объект на основе мотива «активировать объект»: *sich (D) die Erinnerungen erneuern / (alte) auffrischen / austauschen / auszeichnen*, *das Gedächtnis auffrischen*, *die Vergangenheit aufrollen* (обновить объект, заменить новым, освежить, поменяться, раскатать, расправить, раскрутить как ковер и т.д.).

В рамках данного предметного кода реализуются также мотивы «стремиться не утратить предмет» (*sich an die Vergangenheit / Erinnerungen klammern*, *sich mit dem Gedanken tragen*) – субъект операции памяти носит всегда с собой предмет (с которым ассоциируются объекты операции памяти), крепко держится за него, не выпуская из рук; «стремиться утратить предмет» (*über etw. Vergessen streuen*, *einen Schleier des Vergessens über etw. breiten*) – субъект пытается засыпать предмет как будто пеплом или запрягать, закрыв или накрыв предмет как покрывалом. Речь идет об утрате визуального образа, т.е., чтоб помнить, нужно иметь перед глазами, что отражается и в немецкой пословице «*aus den Augen, aus dem Sinn*» – «*wen man nicht mehr sieht, den vergisst man leicht, zu dem reißt der Kontakt ab*» [2].

В рамках следующего тематического кода обыгрывается религиозная метафора. Мотив «воскресить объект» объединяет единицы *die Vergangenheit lebendig werden lassen / beleben, etw. in Erinnerung / ins Gedächtnis zurückrufen / rufen, etw. in den Erinnerungen aufleben*. В качестве объектов выступают фрагменты прошлого опыта и само прошлое, которые воскрешаются в памяти-пространстве – *Erinnerung, Gedächtnis*. С данным мотивом коррелирует мотив «заклинать объект как духов» – *Geschichte / Vergangenheit / Erinnerungen heraufbeschwören / beschwören*. Заклинать можно воспоминания, прошлое, какую-нибудь историю, которые в данном случае мыслятся как потусторонние сущности. Как духи или приведения объекты описываются также конституентами *in jmds. Kopf / jmdm. im Kopf herumspuken / herumgeistern*. Память – место обитания привидений и духов, в котором они бродят, витают. Следующий мотив «похоронить объект» – *die Vergangenheit / die Erinnerungen / das Gestern begraben, etw. im Dunkel des Vergessens begraben*. Прошлое, воспоминания, фрагменты прошлого опыта одушевляются. В последней единице присутствует указание на место, где должен быть похоронен объект – *im Dunkel des Vergessens* (во мраке забвения).

В рамках текстового кода память интерпретируется как текст, а фрагменты прошлого опыта как некие записи. Первую группу составляют конституенты, объединяемые мотивом «воспроизвести объект в какой-либо форме» – *etw. aus dem Gedächtnis aufsagen / (auswendig) hersagen / zitieren / vortragen / schreiben / niederschreiben / aufzeichnen / malen / ausrufen, die Erinnerungen ausreden, etw. aus der Erinnerung aufschreiben / malen*. Объекты можно процитировать, прочесть наизусть, продекламировать, прочесть как лекцию, высказывать, договаривать до конца, выкрикнуть как некий лозунг или что-то подобное, записать, изложить, изобразить, обрисовать. Антонимичный мотив «вычеркнуть объект» – *Vergangenheit / Erinnerungsbilder / Erinnerung verwischen, / auswischen, etw. aus dem Gedächtnis / aus der Erinnerung streichen / verwischen*. Действия направлены на прошлое, фрагменты опыта, картины воспоминаний, воспоминания.

Технический код объединяет единицы, описывающие память как некое техническое приспособление. Первый мотив «интегрировать объект в устройство / интегрироваться в устройство» – *sich (unauslöschlich) ins Gedächtnis / in die Erinnerung einbrennen / brennen / (sich) einprägen / sich einätzen / sich (D) fotografieren, im Hirn eingeätzt sein, (sein) Gedächtnis nicht mit etw. belasten*. Объекты можно выжечь, отчеканить, отпечатать на поверхности, выесть как кисло-

той, сфотографировать как фотоаппаратом и сохранить в карте-памяти, память можно нагрузить как транспортное средство или подвергнуть определенной нагрузке как некий станок. Следующий мотив – «запустить объект»: *Erinnerungen bei jmdm. auslösen* (запустить), *das Gedächtnis anzapfen* (ср. *eine Telefonleitung anzapfen*). Воспоминания можно запустить как двигатель или какое-то устройство или подсоединить как телефонную линию. Мотив «ликвидировать объект» реализуется в *etw. aus dem Gedächtnis löschen / auslöschen, Erinnerung auslöschen / löschen*. Фрагменты прошлого опыта интерпретируются как записи на магнитных лентах, которые можно стереть, размагнитить, а память – как записывающее устройство.

В рамках социального тематического кода объединяются единицы, описывающие операции памяти как некие социально-значимые действия. Мотив «положительно относиться к объекту» объединяет конститuenty *in der Erinnerung / in der Vergangenheit leben, den Erinnerungen nachhängen, von (schönen) Erinnerungen zehren / leben, jmds. Andenken ehren / würdigen, der Vergangenheit nachtrauern*. В качестве объектов выступают фрагменты прошлого опыта, воспоминания, память, прошлое, которые можно оплакивать, тосковать, горевать по ним, быть привязанными к ним, жить ими и видеть в них смысл своей жизни, питаться ими как источником сил и энергии, чтить, уважать, почитать, жить в них как единственном подходящем месте, заперев себя, спрятавшись от окружающего. Антонимичным является мотив «негативно относиться к объекту» – *etw. aus seiner Erinnerung tilgen, das Gedächtnis peitschen, die Vergangenheit enthüllen*. Память – нечто, досаждающее субъекту, ее мучают, истязают. Объект отрицательно оценивается субъектом. Память изображается как смысл жизни, нечто важное, достойное уважения, а с другой стороны, как место добровольного заточения, убежище от настоящего, приговор.

Зоологический тематический код является наименее продуктивным и интерпретирует память как способность, которой опосредованно приписываются определенные характеристики через соотнесение с животными, олицетворяющими для носителей языка соответствующие качества. Он реализует два антонимичных мотива. Мотив «ярко выраженная способность» – *ein Gedächtnis wie ein (indischer) Elefant / Elefantengedächtnis haben* – «ein sehr gutes Gedächtnis haben, sich lange erinnern» (Der Vergleich geht davon aus, dass sich Elefanten angeblich noch nach Jahren daran erinnern, wer ihnen etwas Böses angetan hat) [2] – в сознании немцев слоны являют-

ся животными с отменной памятью, которые надолго запоминают причиненное им зло и способны отомстить спустя многие годы. Мотив «слабо выраженная способность» реализуется в *die Erinnerungen verscheuchen, ein Katzengedächtnis haben*. Первый конститuent описывает воспоминания как пугливых птиц, т.е. памяти приписывается слабость и нестабильность функционирования. Вторая коллокация описывает «короткую» память, как у кошки. Кошке в немецкой лингвокультуре приписываются такие качества как притворная, лживая – «ein Haustier, ... anschmiegsam, falsch, wie eine Katze» [3]. Слово «Katze» сопровождается негативными коннотациями, зафиксированными в системе языка (устойчивое сравнение *falsch wie eine Katze*; значения производных слов *katzenfreundlich* – притворно ласковый, льстивый, *Katzenmusik* – кошачий концерт, плохая музыка, *Katzenjammer* – похмелье; фразеологизмы *Das ist für die Katze* – напрасно, впустую; jmdm. *die Katze im Sack verkaufen* – всучить кому-либо что-либо). Данные коннотации делают возможным употребление «Katze» для отрицательной характеристики способности.

Мы описали тематические коды и мотивы номинации, реализуемые в устойчивых глагольных сочетаниях памяти, что позволило нам сделать важные наблюдения о способах интерпретации и отождествления операций памяти и их участников носителями немецкого языка.

Список литературы

1. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
2. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Mannheim-Leipzig-Wien-Zürich: Dudenverlag, 2008.
3. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin-München: Langenscheidt KG, 2008.

К вопросу об изучении современного PR-дискурса

В статье рассматривается современный PR-дискурс. Автор предлагает свой подход к разграничению PR-дискурса, анализирует типы, функции и системообразующие признаки PR-дискурса. Также в статье автор разграничивает понятия PR-дискурс, язык PR и PR-язык, критически анализируя их.

The article is dedicated to studying modern PR-discourse. The Author offers his approach to the PR-discourse delimitation, he analyses the types, functions and signs of PR-discourse. The also author delimits the notions PR-discourse, language PR and PR-language in the paper, analyzing these notions critically.

Ключевые слова: PR-дискурс, язык PR, PR-язык, содержательная сторона PR-дискурса, подходы к разграничению PR-дискурса, функции PR-дискурса, признаки PR-дискурса.

Key words: PR-discourse, language PR, PR-language, PR-discourse profound side, approaches to PR-discourse delimitation, PR-discourse functions, PR-discourse signs.

Коммуникация непосредственно связана с речевой деятельностью, которая, в свою очередь, являясь центральным объектом лингвистических исследований, допускает изучение с различных сторон. Дискурсивный аспект представляет собой изучение общения с учетом всех характеристик культурно-исторического, социально-ситуативного и коммуникативного планов [6, с.11].

Дискурс (от фр. *discourse* – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Дискурс выступает вербальной формой объективации содержания сознания, регулируемой доминирующим в наличной социокультурной традиции типом рациональности. Анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания; теория дискурса развивается в социологии, лингвистике текста, психолингвистике, семиотике, риторике и т.д. [10, с. 158].

Настоящая статья будет полностью посвящена PR-дискурсу и его особенностям. Выделение PR-дискурса как отдельного вида, уточнение данного понятия, а также описание категориальных его признаков является, на наш взгляд, одной из первостепенных задач дискурсивного направления лингвистики при исследовании PR пространства.

PR-дискурс, как и любой другой дискурс, создается в определенной ситуации общения, где участники обладают социальными ролями и установками, имеют свои цели, сообразно которым организуется дискурс. Выделяют два типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). Последний представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений и выделяется на основании двух признаков: цели и участники общения. Другими словами, дискурс определяется как институциональный, если осуществляется в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации. К институциональным видам дискурса относятся политический, дипломатический, экономический, научный и др. PR-дискурс, с одной стороны, является, несомненно, институциональным, поскольку он осуществляется преимущественно в общественных институтах. На наш взгляд, PR-дискурс может быть практически идентичен политическому дискурсу (в ситуациях с электоральным PR, с лоббированием во власти, с деятельностью PR-службы в муниципальных и государственных структурах); экономическому дискурсу (PR в бизнесе, PR в финансовой сфере, PR в коммерческих структурах); дипломатическому дискурсу (PR в кризисных ситуациях, управления коммуникациями). Надо заметить, что есть случаи, когда PR-дискурс может классифицироваться как профессиональный. Мы считаем, что это случаи, когда коммуникация PR-специалистов носит неофициальный характер (специалисты могут общаться как реально, так и виртуально во всемирной сети Интернет) – это и есть профессиональный дискурс. Следует заметить, что в большинстве случаев PR-дискурс является институциональным.

Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). При этом соотношение между статусным и личностным компонентами для каждого вида институционального дискурса различны. Для определения типа дискурса релевантным признается специфика агента социального действия, его социальная роль, включающая имплицитно или эксплицитно фактор сферы общения

и тип социального института [5]. Однако, по мнению Е. М. Шейгал, не менее значимым является фактор интенции, так как «человек вступает в то или иное дискурсное пространство не только в определенной социальной роли, но и с определенными целями» [8].

Таким образом, каждый отдельно взятый вид институционального дискурса характеризуется своей собственной интенциональной базой. В предлагаемой Е. М. Шейгал концепции институциональный дискурс является предельно широким понятием, включающим как языковую систему, так и речевую деятельность, а его модель может быть представлена следующим образом: дискурс = подъязык + текст + контекст [8, с.15].

Рассматривая PR-дискурс как разновидность институционального дискурса, необходимо определить объем и содержание самого понятия «PR-дискурс», границы его пространства, а также критерии отнесения к нему того или иного текста (речевого произведения).

PR-дискурс – это явление, с которым любой человек сталкивался в своей жизни, им интересуются как профессионалы в сфере PR, так и обычные граждане. Зарубежные лингвисты занимались исследованиями смежных дискурсов: в США (Д. Болинджер, В. Ф. Дэвисон), в Германии (Ф. Клемперер), в Великобритании, во Франции (П. Серио, П. Анри) и других странах, данные исследования мы используем в своей работе.

В отечественной лингвистике анализ PR-дискурса стал возможен только в постперестроечное время, поскольку сам PR как коммуникативный феномен появился в России только после установление демократии. Исследований, посвященных PR-дискурсу, в отечественной литературе нами не обнаружено. Зато некоторыми российскими лингвистами были проведены исследования «нового языка» постперестроечного периода, которые могут быть нам полезны [1].

На наш взгляд, исследование PR-дискурса должно включать в себя изучение ряда проблем: определение механизмов порождения и восприятия текстов PR; анализ PR-метафор как «зеркала» современного мира; изучение вербальных и риторических стратегий.

Определение границ PR-дискурса зависит во многом от того, что понимается под PR и PR-коммуникацией. В узком понимании PR-дискурс ограничен только институциональными формами общения и «образует совокупность всех речевых актов, используемых в PR-коммуникациях» [1, с. 6].

PR-деятельность невозможна без участия языка, что определяет их взаимосвязь. С помощью языка PR-представители и все, кто

так или иначе соприкасается с этой сферой, общаются, информируют, указывают, убеждают, иногда даже манипулируют. Необходимо признать, что в настоящее время PR-дискурс признается основным способом осуществления PR-действий. В политологии наблюдается тенденция рассматривать язык не как средство отражения политической реальности, а как компонент политики. Поскольку PR «вышел» из политологии, осуществляется в политике и имеет с нею, несомненно, очень много общего, то можно также говорить, что язык – это компонент PR.

Решающим критерием определения дискурса является не только связь участников коммуникации с PR-сферой или ее содержательная сторона, но его задачи и цели [8, с. 15]. PR-дискурс мы понимаем как любую передачу сообщений, предназначенных информировать как общественность, так и членов организации о чем-либо, устанавливать преимущественно двусторонние коммуникации в обществе для организации и поддержания социальной гармонии, иногда оказывать влияние, например, на избирателей во время предвыборной кампании.

Таким образом, в пространство PR-дискурса включаются не только формы общения, связанные непосредственно с протеканием PR-отношений, но и любые виды коммуникации, так или иначе связанные с этой областью.

Мы в рамках нашей работы предлагаем два подхода к разграничению PR-дискурса на дескриптивный и критический. За основу мы взяли лингвистические исследования Е. А. Шейгал. Дескриптивные исследования основаны на классической методике риторического анализа публичных выступлений, представленных в трудах Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. В современной лингвистике один из аспектов дескриптивного подхода связан с изучением языкового поведения спонсоров или профессиональных PR-коммуникаторов: языковых средств, риторических приемов и манипулятивных стратегий, используемых ими в целях убеждения [8, с. 6], вербальных конструкций, онимов и т.д.

Другое направление анализа PR-дискурса связано с изучением содержательной стороны PR-текстов и позволяет выявить когнитивные диспозиции отдельных PR-специалистов – ценностные доминанты, выбор стратегии поведения в конфликте (сотрудничество, соперничество, компромисс, уход), характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах картины мира. Критический подход к лингвистическим исследованиям PR-дискурса должен быть нацелен на изучение социального неравенства, выра-

женного в языке или дискурсе. Язык рассматривается как средство власти и социального контроля [12; 8, с. 6–7].

Деятельность PR-специалиста, имиджмейкера, политконсультанта имеет одну важную задачу – завоевать и удержать симпатии населения, его доверие, распространяя в широких массах именно те убеждения и мнения, которые соответствуют собственным интересам, однако делая это так, чтобы массы воспринимали эти мнениями и убеждения как соответствующие интересам народа. Поскольку не всегда эта задача может быть решена с помощью «корректного» рационального убеждения, основанного на логическом доказательстве, естественно, что PR-специалисты прибегают к иным способам – к стратегиям и средствам речевого воздействия на чувства, эмоции, подсознание адресата.

В качестве главной цели речевого воздействия современная наука рассматривает коррекцию модели мира адресата его психики (знаний, оценок, желаний) [4 с. 11]. Данная корректировка посредством использования различных речевых приемов (шире - коммуникативных ходов) должна привести адресата к необходимым решениям и действиям. Если говорить о предвыборном агитационном PR-дискурсе, то итогом должно стать решение адресата-избирателя осуществить выбор в пользу определенного политика.

Анализ указанного в заглавии языкового материала позволяет выделить несколько ведущих речевых приемов коррекции определенных аспектов модели мира адресата-избирателя.

1. Прием метафорического моделирования социально-политической действительности города в негативном ключе. Метафора является мощным средством воздействия на адресата, в ее основе лежит эмоционально-ценностное отношение к метафоризации, формируемое прагматической составляющей сферы-источника. Так называемая медицинская метафора характерна для текстов большинства кандидатов. Город с его застаревшими проблемами осмысливается как больной организм, требующий немедленного и серьезного лечения: *рецепт для ивановского ЖКХ; инвалиды саратовского ЖКХ; город задыхается; новороссийский порт - кровеносная система города; строительство перинатального центра в Нижнем Новгороде - это запущенное заболевание; коммунальная головная боль и др.* Подобная метафорика является своего рода модулятором, усиливающим негативное отношение жителей города к действующей власти и имплицитно транслирующим призыв к переменам, а, следовательно, к активному участию в выборах.

2. Использование индивидуальных, «имиджевых» метафор, разворачивающихся как в отдельных агитационных текстах, так и в агитационном дискурсе политика в целом: развернутые медицинские метафоры кандидата - бывшего главврача детской больницы; военные метафоры и в целом стилизация агиток под боевой листок у бывшего работника внутренних органов; банковская и строительная метафоры у кандидата - председателя правления единственного в городе самостоятельного банка, а по совместительству - руководителя городского строительного треста; педагогическая метафора у бывшей руководительницы известного в городе учебного учреждения. Подобными «имиджевыми» метафорами кандидаты в большинстве случаев стремятся доказать избирателям, что их прошлая или нынешняя профессиональная деятельность - это залог успеха на определенном государственном посту.

3. Различные положительные оценочные номинации личностных качеств кандидата, наиболее лестные из которых даются с использованием ссылки на авторитет известных в городе или стране людей. Однако подобный прием не всегда способствует формированию положительного имиджа кандидата, привлечению голосов избирателей, т. к. не для всех потенциальных избирателей данный кандидат является авторитетом. Так, например, один из кандидатов, разместив в своих листовках положительные отзывы о нем бывшего мэра, еще раз подчеркнул, что находится в довольно «теплых» с ним отношениях, в то время как уход мэра города с занимаемой должности был весьма скандальным. Данный прием имплицитно моделирует привычную для русского человека ситуацию, обозначенную известной народной мудростью: *Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты*. Только вот ответ избирателя не всегда оказывается на пользу кандидату.

4. Обращение к прецедентным феноменам (каноническим и трансформированным) как весьма действенному приему скрытой политической агитации. Прецедентные феномены демонстрируют знание кандидатом культурно-исторических реалий страны, указывают на его культурные предпочтения и обладают некоторой эстетической ценностью. Отметим, что данные единицы могут быть гендерно и профессионально (как и метафоры) маркированными. Зачастую однако они не столько «украшают» кандидата, сколько, как и в предыдущем случае, выдают его и становятся антиагитационными. Удивление и недоумение вызвали, например, у жителей города напечатанные на агитационных плакатах в поддержку одного из кандидатов высказывания героев известных фильмов С. Бодрова

«Брат» и «Брат-2» (например, одним из таких высказываний была фраза «Сила в правде»), связывающихся в сознании россиян с криминальным миром. Прецедентные феномены - это своего рода лакмусовые бумажки, с помощью которых проницательный читатель-избиратель открывает для себя истинное лицо (или, увы, физиономию) кандидата.

5. Использование личного местоимения *мы* с прагматическим смыслом (*я и вы - жители города*), формирующим у избирателя представление о собственной значимости в процессе социально-политического устройства города, о возможности совместной с будущей властью деятельности.

Указанные приемы направлены на формирование выгодных адресанту-политику представлений и установок у избирателя, однако недальновидность политика и его команды способна превратить некоторые из них в антиприемы [2, с. 23-25].

Одной из относительно новых парадигм изучения любого дискурса является когнитивный подход, позволяющий перейти от описания единиц и структур дискурса к моделированию структур сознания участников PR-коммуникации. В рамках когнитивного анализа языка также исследуется взаимосвязь языка и идеологии [12]. PR-общение иногда может носить идеологизированный характер, поскольку коммуниканты могут выступать в нем не только как личности и представлять самих себя, а как представители институтов и политконсультантов.

Иногда в различных печатных изданиях можно увидеть не только термин «PR-дискурс», но и близкие термины – «язык PR» и «PR-язык». Если критически проанализировать данные термины, то можно заметить, что они используются как взаимозаменяемые понятия, однако мы хотим отметить их различие. Чаще всего под PR-языком подразумевают особую знаковую систему, предназначенную именно для PR-коммуникации: принятия и обоснования социальных решений, обеспечивающих гармонию для общества в целом и выгоды для руководства определенной организации, или влияния заинтересованных лиц на принятие решений властными структурами, или создания версии для СМИ в условиях кризисной ситуации. Особенностью языка PR является его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества. Специфика данного языка заключается в использовании средств общенационального языка в соответствии с выполняемыми PR-дискурсом функциями. PR-дискурс, в отличие от языка PR, образуется «совокупностью всех речевых актов, используемых в PR-дискуссиях» [6].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что PR-язык – это язык, используемый для убеждения коммуникантов, с целью изменить их взгляды, представления, образ действия, иногда с использованием манипулятивных средств языка и современных технологий, например, нейролингвистического программирования. Это язык, применяемый в манипулятивных целях и выходящий за рамки PR-коммуникации.

Язык PR представляет собой один из профессиональных подязыков, то есть «систему профессионально ориентированных знаков», характеризующихся специальной лексикой, паремиологией, наличием большого количества профессионализмов и сленгизмов.

Итак, PR-дискурс допустимо определить как реализацию языка PR, реальное воплощение в речи всех средств национального языка, которые можно использовать в контексте PR-деятельности.

Функциональная специфика PR-дискурса может быть рассмотрена в двух планах: с позиции его преимущественной ориентации на выполнение той или иной общеязыковой функции или с позиции его системообразующей интенции.

Базовой основой подходов к определению функций языка в современной лингвистике являются работы К. Бюлера и Р. Якобсона. К. Бюлер выделяет три ведущие функции языка, соответствующие трем ведущим компонентам коммуникации (отправителю, получателю, предметам и ситуациям): экспрессивную, апеллятивную и репрезентативную [3, с. 34]. В зависимости от ориентации на один из компонентов коммуникации (адресант, адресат, референт, сообщение, контакт, код) Р. Якобсон выделил шесть функций языка [11, с. 20]. Функция, ориентированная на адресата, называется коннотативной (апеллятивной). Многочисленные синонимы, встречающиеся в литературе (волюнтативная, вокативная, призывно-побудительная), выражают идею реализации интенции отправителя сообщения, донесения информации до адресата. Е.И. Шейгал предлагает использовать термин «регулятивная функция», так как он «подчеркивает роль языка в регуляции поведения адресата» [8].

Отмеченные выше функции являются конститутивными, присутствующими языку во всех его употреблениях. Функции, связанные с употреблением языка в определенных ситуациях общения, имеют более частный характер.

Своеобразие того или иного дискурса определяется его ориентацией преимущественно на одну из названных функций. Поскольку

особенностью PR-дискурса признается его слабая специализация, отсутствие четких социальных и дискурсивных границ, то в PR-коммуникации возможна реализация любой из общеязыковых функций. Принимая во внимание многофункциональность PR-дискурса, необходимо определить его коммуникативную доминанту. На наш взгляд, ведущими являются фатическая и информативная функции.

Фатическая функция связана с установлением контакта. По определению М. А. Шишкиной, «PR – это управленческая коммуникативная рыночная деятельность (совокупность социальных практик), направленная на формирование эффективной системы публичных дискурсов социального субъекта, обеспечивающей социальную организацию ее взаимодействия со значимыми субъектами социальной среды (с ее общественностью)» [9, с. 91]. Действительно, PR-деятельность – это в первую очередь организация коммуникативного пространства, налаживание контактов между субъектами современного рынка как бизнес-рынка, так и политического; установление позитивных доброжелательных отношений между организацией и общественностью, организация плодотворного сотрудничества и т.д.

Основной функцией PR-дискурса признается информативная функция, отвечающая за беспристрастное и полное донесение правдивой информации о деятельности фирмы, о товарах и услугах, ею производимых, о политических лидерах, баллотирующихся на выборах, о ситуациях в стране, в том числе и кризисных и т.д. Важность этой функции заключается в том, что PR-дискурс является средством формирования, функционирования и передачи PR-информации. Таким образом, все прочие функции сопровождаются донесением какой-либо информации до собеседника или до зрительской аудитории.

Для PR-текста речевое воздействие является одной из целей коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств [5]. Речевое воздействие можно представить как процесс, в структуре которого субъект воздействия развертывает активность по организации общения и по мотивации деятельности, к которой побуждается объект воздействия [6].

PR-язык, таким образом, является средством формирования гармоничных социальных отношений между широкими слоями общественности и организацией. В данном процессе могут использо-

ваться приемы убеждения и, иногда некоторыми недобросовестными субъектами современного PR-пространства, манипуляции, как, например, в кризисных условиях «лихих девяностых» некоторые депрофессиональные явления («джинса», «черный PR»). Считаем, что немаловажной функцией современного PR-дискурса является его использование как инструмента убеждения, то есть способности и возможности оказывать определенное воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств.

Регулятивная функция подчеркивает роль языка в регуляции поведения адресата. Она связана со «специфическим использованием общенародного языка как средства убеждения и достижения социального равновесия в обществе», «это язык, применяемый в целях убеждения» [8, с. 21].

Если мы признаем тот факт, что в качестве черт PR-дискурса может выступать убеждение, то получается, что суггестивная и персуазивная функции (функции воздействия, убеждения) являются тоже функциями PR-дискурса. Персуазивность предполагает использование определенного набора языковых средств, обладающих сильным воздействующим потенциалом; суггестивность заключается в скрытом словесном воздействии, принимаемом на веру, то есть внушении, наведении на мысли [7, с. 25-29]. Как отмечает Е.И. Шейгал, помимо явной, эксплицитной информации, сообщения о состоянии, призванные информировать народные массы, могут включать имплицитно-коннотативный слой информации [8, с. 41].

Все это создает предпосылки для выделения еще одной функции PR-дискурса – экспрессивной. Языковая экспрессия – проявление индивидуальности говорящего (пишущего), находящее отражение в его речи и имеющее конечной целью оказание эмоционального и интеллектуального воздействия на читателя или слушателя.

С другой стороны, функцию выражения экспрессии допустимо рассматривать в качестве вспомогательной, т.е. сопровождающей другие функции. Это объясняется тем, что PR-дискурс должен быть по определению эмоционально нейтрален, в нем не должно присутствовать отношение автора к тому, о чем он говорит.

Существует еще одна функция PR-дискурса – метаязыковая, направленная на толкование и раскрытие свойств кода. Надо заметить, что данная функция интересует исключительно лингвистов. Под ней мы подразумеваем пояснение терминов, особенно заимст-

вованных, специфики их употребления, использования их в зависимости от контекста и ситуации общения, прежде всего людям, которые не сталкиваются в бытовом общении с профессиональной PR-коммуникацией. Специфичность каждого вида дискурса выявляется не только через специфичность сферы и агентов общения, но и через его интенциональность. Необходимо также отметить, что прева-лирование той или иной функции зависит от жанровой диверсификации пространства PR-дискурса.

Выделяются системообразующие признаки PR-дискурса: институциональность, специфическая информативность, смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, особую роль фактора масс-медиа, дистанцированность, театральность, динамичность. Е. И. Шейгал отмечает, что все системообразующие признаки любого дискурса имеют градуальный характер.

В заключение следует отметить, что PR-дискурс – это особый вид институционального дискурса, обладающий своими характерными системообразующими признаками и функциями, что отличает его от других видов дискурса. Специфичная информативность PR-дискурса определяется приматом фактов над ценностями, преобладание информирования над воздействием и оценочностью, рационального над эмоциональным. Язык PR-дискурса нацелен на беспристрастное и объективное информирование, установления контакта с коммуникантом, поддержание доброжелательных отношений между организацией и ее общественностью. Общению на PR-темы никогда не должно быть свойственна оценочная акцентированность и эффективность; оно должно быть нейтральным. Это так, если мы говорим о PR, основанном на правде и полной информированности, как его охарактеризовал Сэм Блэк, и если мы не имеем в виду такое депрофессиональное явление, как «черный PR» – использование грязных технологий в политической борьбе.

Список литературы

1. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов н/Д, 1993.
2. Боярских О. С. Речевые приемы коррекции модели мира адресата в политическом дискурсе // Современная политическая коммуникация: Материалы Международной научной конференции. - Екатеринбург: УГПУ, 2009. - С. 23 - 25.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. - М., 1993.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - 5-е изд. - М.: ЛКИ, 2008.
5. Паршин П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики. - [Электронный ресурс]. - 1999. - Режим доступа: <http://www.elections.ru/biblio/parshin/htm>.
6. Прищепчук С. А. Особенности воспроизведения оценочной лексики в переводе: Автореф. дис...канд. филол. наук. - Ставрополь, 2008.
7. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. - М.: Флинта: Наука, 2006.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. - Волгоград: Перемена, 2000.
9. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. - СПб.: СПбГУ, 1999.
10. Энциклопедия социологии / под ред. Грицанова А. А. - М.: Книжный Дом, 2003.
11. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. - М., 1978. - С. 16-24.
12. Dijk T. A. van. Ideological Discourse Analysis. - [Электронный ресурс]. – 2004. - Режим доступа: <http://www.discourses.org/Teun.html>.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 83'373.612

А. П. Василенко

Симболарий фразеологического корпуса русского и французского языков

В статье рассматриваются приемы культурного описания фразеологизмов. В семантической структуре фразеологической единицы наличествует национально-культурный компонент. Его изучение происходит посредством особой интерпретации и специального инвентаря, которые носят название симболарий. Симболарий фразеологического фонда языка, концентрируясь на истоках возникновения устойчивого оборота, раскрывает этническое восприятие окружающего мира, сложившиеся модели поведения отдельно взятого языкового сообщества.

In the article the author tells of the cultural description of phraseological units. Semantic structure of phraseological unit has a national-cultural component. Its studying occurs by means of special interpretation and special stock which carry the name culture metalanguage. Culture metalanguage of phraseological case, concentrating on sources of occurrence of a steady turn, opens ethnic perception of the world around, developed models of behaviour of separately taken language community.

Ключевые слова: симболарий, лингвокультурологический анализ, культурный комментарий, культурная коннотация, пресуппозиция, внутренняя форма фразеологизма, механизмы идиообразования.

Key words: culture metalanguage; lingvoculturological analysis, cultural comment, cultural connotation, background knowledge, internal form of phraseological unit, idiom formation's ways.

Симболарий – это специальный метаязык описания культуры, совокупность знаков, облачаемых культурной семантикой. Инвентарь симболария представлен такими понятиями, как архетип, тотем, фетиш, символ, ритуал, оберег, эталон, стереотип, мифологема. Данный инвентарь, как представляется, в большей степени реализуется во фразеологизмах благодаря основе образов их внутренней формы.

С этих позиций культурный комментарий (симболарий) призван прояснить мотивацию значимых смыслов, заключенных в устойчи-

вых единицах языка. Поэтому в нашем случае символарий предполагает описание культурных смыслов, которые закрепились во фразеологизмах и которые осуществляют связь фразеологизмов со сферой культуры как особой знаковой системой.

В символарии фразеологического корпуса языка намечаются следующие положения.

1. Культурные смыслы содержатся во внутренней форме фразеологических единиц, которая хранит следы глубинных слоёв культуры, уходящей еще в мифы, служит источником образных ассоциаций [4, с. 29].

2. Культура, воплощенная во фразеологизмах, имеет определённую глубину своего «залегания». Поэтому при описании культурного содержания фразеологизмов необходимо указать те области культуры, которые являлись источниками зарождения фразеологизма. Рассмотрим их.

Многие фразеологизмы русского и французского языков восходят к известным архетипическим противопоставлениям: «верх – низ»: *падать/упасть с неба на землю; как небо от земли; небо и земля; с головы до ног; гора с плеч свалилась*; «близкое – далекое»: *под носом; рукой подать; за тридевять земель; на краю света*; «левое – правое»: *встать с левой ноги; правая рука кого-либо*; «своё – чужое»: *выносить / вынести сор из избы*; «этот свет – тот свет»: *жить на этом свете; на белом свете; на том свете; отправиться на тот свет; приказать долго жить*.

Многие фразеологизмы восходят к библейской культуре: *Vieux comme Hérode* (букв. стар как Ирод); *tenter Dieu* (букв.: испытывать Бога); *la nacelle de Saint-Pierre* (букв.: челнок святого Петра) – ‘Римская католическая церковь’, *tirer l'épée comme saint Georges* (букв.: владеть мечом как святой Георгий) – ‘быть отличным фехтовальщиком’, *été de la Saint-Martin* (букв.: лето святого Мартина) – ‘бабье лето’.

Часть фразеологизмов восходит к художественной литературе: *А счастье было так возможно* – ‘выражение сожаления или иронии по поводу упущенной возможности добиться успеха’ – слова Татьяны Лариной из диалога с Онегиным в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». *Montrer patte blanche* (букв.: показать белую лапу) – ‘подать условный знак, чтобы быть допущенным куда-либо; доказать свою благонадежность’. Выражение взято из басни Ж. Лафонтена «Волк, коза и козлёнок». Коза, уходя из дома, закрыла дверь на засов и наказала своему козлёнку открыть её лишь тому, кто произнесет слова: «Провались ты, волк». Волк, подслушав этот разговор, запомнил пароль и тотчас же после ухода козы постучал в дверь и,

изменив голос, произнес его. Однако, услышав пароль, недоверчивый козлёнок не удовлетворился им и потребовал от волка также «показать белую лапу».

Фольклорное творчество народа: *Коготок увяз – всей птичке пропасть*; *Соловья баснями не кормят*; *Волков бояться – в лес не ходить*; *Волка ноги кормят*; *Чужую беду руками разведу, а к своей ума не приложу*; *Не родись красивой, а родись счастливой*.

Il ne faut pas parler de corde dans la maison d'un pendu (букв.: не надо говорить о верёвке в доме повешенного); *Chien qui adoie ne mord pas* (букв.: собака, которая лает, не кусает), *Où la chèvre est attachée il faut qu'elle broute* (букв.: где коза привязана, (там) надо, чтобы она щипала траву); *Un coup de langue est pire qu'un coup de lance* (букв.: удар языка хуже удара копья).

Исторический опыт народа: *Филькина грамота* – прост. 'фальшивый или не имеющий силы документ'. Время возникновения относятся к царствованию Ивана Грозного, который преследовал Московского митрополита Филиппа, выступавшего против бесчинств царя. Царь же презрительно называл разоблачительные послания митрополита Филькиными грамотами.

Sortir par la belle (или grande) porte (букв.: выйти через красивая дверь) – 'уйти с честью с занимаемой должности или в отставку'. Возникновение фразеологизма связано с событием, соблюдавшемся когда-то в Парижском парламенте. По этому обычаю заключённых, признанных невиновными и подлежащих освобождению, с почётом провожали через парадную дверь, которая выходила на широкие лестницы двора и называлась *belle porte* (красивая дверь).

Материальная культура народа: *Мели, Емеля, твоя неделя* – 'о пустомеле, болтливом лгуне'. В русских семьях чередовали по неделям выполнение различных работ членами семьи. Среди этих работ был и помол муки на домашнем жернове. На происхождение фразеологизма, возможно, повлияла сказка о том, как Емеля-дурачок надумал смолоть полову (мякину) и напечь из муки лепёшек.

Reprendre le collier (букв.: снова взять хомут) – 'снова взяться за работу'. В этом фразеологизме *collier* (хомут) вызывает ассоциации с тяжелой работой. Ассоциации с тяжелой работой вызывают также фразеологизмы, имеющие в своей структуре слово *harnais* (конская сбруя, упряжь): *blanchir sous le harnais* (букв.: побелеть, поседеть под конской сбруей, упряжью) – 'поседеть, состариться на (военной) службе', *endosser le harnais* (букв.: надеть, натянуть конскую сбрую) – 'поступить на военную службу, оправиться на войну', *jetter* (или

laisser, quitter) le harnais (букв.: бросить (или покинуть, оставить) конскую сбрую) – ‘выйти в отставку, уволиться с военной службы’.

Обиходно-эмпирический опыт народа: *Несолоно хлебавши* (уйти) – прост., шутл. ‘не достигнув цели, не получив удовлетворения’. Выражение, вероятно, связано с бережным отношением к соли на Руси. Угощая, солили пищу тем гостям, которых уважали или хотели задобрить. Тем людям, которыми пренебрегали, подавали пресную пищу.

Mettre la clé sous la porte (букв.: положить ключ под дверь) – ‘уйти потихоньку, исчезнуть незаметно.’ Значение оборота мотивируется этимологически: во Франции жильцы, нанимающие квартиру, платят хозяину дома раз в три месяца. Эта квартплата часто составляла довольно значительную сумму, и некоторые квартиранты, не имеющие возможности (а иногда и желание) внести её, потихоньку покидают своё жильё, оставляя ключ под дверью.

3. Внутренняя форма и компонентный состав фразеологизма указывают, к какой области культуры относится фразеологизм. Чтобы говорить об отнесенности фразеологизма к той или иной области культуры, надо указать те компоненты, которые явились предметом окультуренного их осмысления и оценивания в контексте культуры. «Культурные» приращения к компоненту фразеологизма делают их достоянием «языка» культуры или её символика. Они придают фразеологизму тропеический смысл, понимаемый в контексте культуры. Слова-компоненты, получающие «культурные» приращения, могут обозначать различные объекты реального/ирреального мира.

Антропные наименования. Этой области культуры соответствуют те фразеологизмы, которые содержат номинации человека, его физические, интеллектуальные, функциональные особенности, качественные и количественные характеристики, состояния и действия, виды деятельности, пространственные и временные их измерения: *раб Божий, маменькин сынок, базарная баба, кисейная барышня, мужичок с ноготок, косая сажень в плечах, грубый пол, игрушка <кукла> в чужих руках, мышиный жеребчик, широкая душа, стрелять глазами, кровь с молоком, как в воду опущенный, не от мира сего, (материно) молоко на губах не обсохло; homme fort* (букв. сильный человек) – ‘умный, рассудительный человек’, *homme moyen* (или *homme de la rue*) – средний человек; первый встречный; *homme d'autrefois* (или *du passé, du vieux temps*) (букв.: человек прежний, человек прошлого, человек старых времен); *homme du bleu* (букв.: человек голубого цвета) – ‘моряк’; *homme d'exécution* (букв.: человек исполнения) – ‘человек действия’.

Зооморфизмы: *заблудшая овца, как корова языком слизнула, как рыба в воде, как баран на новые ворота (смотреть), козел отпущения, как курица лапой (писать), первая ласточка, подложить свинью, темная лошадка, (черная) кошка пробежала, ползти (тащиться, плестись) как черепаха, волк в овечьей шкуре, делать из мухи слона, драная кошка, дойная корова, cela lui va comme un tablier à une vache* (букв.: это ему идет как корове фартук) – это ему идет как корове седло; *cheval de bataille* (букв.: боевой конь) – любимая тема, конёк; *caracolier sur son cheval de bataille* (или *sur son dada*) (букв.: забраться на своего боевого коня) – оседлать конька; *chevaux à toute selle* (букв.: лошади под любое (всякое) седло) – арго. мастер на все руки; *c'est un vrai cheval* (букв.: это настоящая лошадь) – он здоровый как лошадь; *à grand cheval grand gué* (букв.: большому коню большой брод) – большому кораблю большое (и) плавание.

Наименования растений: *ни маковой росинки; тише воды, ниже травы; в расцвете сил; в соку; белены объелся; фиговый листок; mauvaise herbe* (букв.: плохая трава) – перен. ‘молодой вертопрах, бездельник, шалопай’; *avoir* (или *employer, mettre dessus*) *toutes les herbes* (букв.: иметь (или употреблять) все травы) – пустить в ход все средства (по старинному поверью травы, собранные в ночь под Ивана Купала, обладают чудодейственной силой); *il n'y a pas de roses sans épines* – нет розы без шипов; *être (couché) sur* (или *sur un lit de*) *roses* (букв.: быть (лёжа) на розах (или на постели из роз) – наслаждаться всеми благами жизни; *voir tout couleur de rose* (букв. видеть весь цвет роз) – видеть всё в розовом свете.

Наименования ландшафтных объектов: *мутить воду, не за горами, пуп земли, темный лес; mont d'or* (букв.: гора золота) – ‘огромное богатство’; *par monts et par vaux* (букв.: по горам и по долам) – ‘повсюду’; *aller à la montagne* (букв.: идти к горе) – сделать первый шаг кому-либо навстречу; уступить; *la rivière a plus soif que le ruisseau* (букв.: река имеет больше жажды, чем ручей) – ‘чем больше имеешь, тем больше хочется’.

Наименования предметов природы: *камень на душе, дремучий лес; pierre angulaire* – краеугольный камень – книжн. 1. ‘основание, фундамент чего-либо’, 2. ‘основа, главная идея чего-либо’ *pierre d'achoppement* – камень преткновения – книжн. ‘серьёзная помеха, препятствие, затруднение’, *être ravi au septième ciel* (букв.: быть счастливым на седьмом небе) – ‘быть в состоянии полного счастья, блаженства’, *porter aux nues, élever jusqu'aux nues* (букв.: поднимать до облаков); *entre ciel et terre* – (букв: между небом и землей).

Наименования артефактов: *от ворот поворот, сжигать мосты, преградить дорогу, через час по чайной ложке, толочь воду в ступе, носить воду решетом; autour d'une table ronde* (букв.: вокруг круглого стола); *круглый стол* – книжн. ‘совещание, обсуждение чего-л. с равными правами участников’, *mener une vie de bâton de chaise* (букв.: вести жизнь палочки от стула) – ‘вести беспорядочный, рассеянный образ жизни’; *condamner à chaîne* (букв.: приговорить к цепи) – приговорить к каторжным работам; *condamner sa porte* (букв.: приговорить свою дверь) – ‘не принимать никого’; *mettre à qn le couteau sous (или sur) la gorge* (букв.: положить кому-нибудь нож на горло); *troisième couteau* (букв.: третий нож) – театр., жарг. ‘второстепенная роль, актер на второстепенных ролях’.

Наименования предметов одежды: *держаться за (бабью) юбку, родиться в рубашке, тришкин кафтан, шапками закидать, заткнуть за пояс, дать/давать по шапке, по Сеньке и шапка, на воре шапка горит, Ох, тяжела ты, шапка Мономаха; retourner sa veste* (букв.: переворачивать (выворачивать) куртку) – ‘изменить мнение, взгляды’; *ramasser une veste* (букв.: поднимать куртку) – сесть в лужу, в калошу; ‘потерпеть неудачу’; *s'attacher à la robe* (букв.: цепляться за платье) – ‘волочиться за кем-либо’; *être né dans la robe* (букв.: родиться в платье) – ‘происходить из королевского, царского рода’; *tailler la robe selon le corps* (букв.: кроить платье по фигуре) – ‘соизмерять желанья с возможностями’.

Религиозно-антропоморфные наименования: *Бог его знает, Бог дал (привел), Бог миловал, Бог прибрал, Бог с тобой, ради Бога, черт ногу сломит, к черту, к чертовой матери, к чертовой бабушке, к черту на кулички, ни богу свечка ни черту кочерга, черт носит, черт несет, bon Dieu lui-même a besoin de cloches* (букв.: сам господь бог нуждается в колоколах) – ‘и сильному человеку нужно помочь’; *être béni des Dieux* (букв.: быть благословленным богом) – быть баловнем судьбы; *se faire un Dieu de son ventre* (букв.: стать богом своего живота) – ‘предаваться чревоугодию’.

Наименования предметов религиозного обихода: *хоть святых выноси, дышать на ладан, раздувать кадило, креста на тебе нет; se mettre en veilleuse* (букв.: поместиться в лампаде) – ‘уменьшить, сократить свою деятельность; приутихнуть, присмиреть’; *souffler sa veilleuse* (букв.: задуть свою лампаду) – ‘умереть’; *croix de ma mère* (букв.: крест моей матери) – развязка в пьесе, основанная на узнавании персонажей; *ni croix ni pile* – (букв.: ни креста, ни монеты) – без гроша (в кармане).

Наименования единиц времени: *на веки вечные, час пробил (настал), кануть в вечность, час от часу не легче, не ровен час, час добрый, не к ночи будь сказано, на ночь глядя, на секунду, секунда в секунду, днем с огнем, смертный (последний) час; les derniers temps* (букв.: последние времена) – конец света; *au temps où les bêtes parlaient* (букв.: во времена, когда животные разговаривали) – ‘очень давно, в допотопные времена’; *être de son temps* (букв.: быть от своего времени) – быть человеком своего времени; *prendre des temps* (букв.: брать времена) – театр. жарг. ‘жестами привлекать внимание слушателей’.

Наименования единиц пространства: *на край света (на краю света), к черту на кулички (у черта на куличках), на кудыкину гору, за морями за долами, медвежий угол, за тридевять земель; être en pleine mer* (букв.: быть в открытом море) – конца-края работе не видно; *prendre la mer* (букв.: взять море) – уйти в плавание’; *vouloir sécher la mer avec une éponge* (букв.: хотеть осушить море губкой) – решетом воду носить; *être ravi au septième ciel* (букв.: быть очарованным на седьмом небе).

4. Для описания культурных смыслов, заключенных во фразеологизмах, необходимо вскрыть тропеические механизмы идиомообразования, куда входят метафора, символы и квазисимволы, метонимия, синекдоха, олицетворение, гипербола, литота, само взаимодействие этих механизмов.

Основываясь на указанных положениях, приведём некоторые примеры культурного комментария фразеологизмов русского и французского языков.

Язык отнялся у кого – неодобр., ирон. ‘внезапно замолчать, перестать отвечать’. Имеется в виду, что кто-либо вдруг лишился на короткое время способности говорить из-за сильного волнения, удивления, страха и т.п.

Культурный комментарий. В образе фразеологизма компонент *язык*, обозначающий ‘подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения, у человека участвующий также в артикуляции’ (С.И. Ожегов), метафорически переосмысливается применительно к человеку, характеризую его состояние. Во фразеологизме язык играет роль символа «орудия» речевого действия. В библейских текстах дар речи – один из даров Божьих, и немота, – утрата этого дара.

Водить за нос кого – ‘бессовестно обманывать с помощью ложных обещаний вводить в заблуждение кого-либо’ (говорится с неодобрением).

Культурный комментарий. Образ фразеологизма окультурируется применительно к животному миру. Здесь появляются обусловленные культурой стереотипные представления о характеристиках и поведении животных. Во фразеологизме находит отражение метафорическое уподобление поведения животных и человека: фразеологизм связан со способом управлять животными (например, медведем), водить их на веревке за кольцо, продетое через нос (ср. *водить на поводке, идти на поводу у кого-либо*). В современном языковом сознании *нос* связан с представлениями о ложных посулах и обмане (ср. *натянуть нос*). Образ этого фразеологизма имеет универсальный характер в мировидении европейцев, о чем свидетельствуют аналоги в других языках: ср. нем. *an der Nase herumfuehren*, англ. *to lead one by the nose*, франц. *mener par le nez*.

На ночь глядя уходить, пойти, собраться; делать что-либо – ‘поздно вечером, в очень позднее время’. Имеется в виду, что кто-либо совершает действие в неподходящее для этого, с точки зрения говорящего, время.

Культурный комментарий. Образное основание этого фразеологизма восходит к одной из древнейших архетипических форм осознания мира – к противопоставлению «день – ночь», которое, в свою очередь, связано с древнейшими оппозициями «свет – тьма», «свой – чужой».

В образе фразеологизма представлена непосредственная связь пространства и времени: ночное время принадлежит миру духов, находится в пределах мира «чужих» – неосвоенного, неизвестного, хаотичного и потому враждебного для человека. Именно в ночное время наиболее активно проявляет себя нечистая сила, поэтому, покидая в это время суток «своё» пространство (освоенный, известный мир) и тем самым нарушая условную границу между миром «своих» и «чужих», человек обрекает себя на опасность и испытания. *Ночь* соотносится с временным кодом культуры, т.е. с совокупностью имён, обозначающих членение мира на отрезки и отношение человека ко времени, символически замещает таинственную тьму, неизведанное, потенциально опасное пространство. Фразеологизм также восходит к древнейшим народным представлениям, связанным с запретами на какую-либо работу или деятельность в позднее время суток (например, нельзя выполнять хозяйственные работы – подметать, мыть пол, выносить мусор и т.п.).

Caracoler sur son cheval de bataille (или *sur son dada*) (букв.: гарцевать на своем боевом коне (или на своей лошадке (в детском языке) – сесть на своего конька) – *неодобр., шутл.* ‘излишне долго

говорить, рассуждать на какую-либо излюбленную тему’ – оседлать своего любимого конька.

Культурный комментарий: Выражение известно со времени Средневековья. В те времена во Франции различали два вида верховых лошадей – *palefrois* и *destriers*. *Palefrois* назывались маленькие, но подвижные кони. Они служили исключительно для прогулок, охоты, выводились на парады и т.п. Боевые кони назывались *destriers*. Это были крупные и выносливые лошади, способные вести на себе большие тяжести. Такие лошади использовались только во время сражений и на турнирах. Всадник на такой лошади как бы любовался собой. Потом на значение фразеологизма оказало воздействие выражение *caracoler sur son dada* (букв.: гарцевать на своей лошадке) – из детского языка. *Dada* (конёк) – метафорически понималось как ‘увлечение, слабость, хобби’.

Во французском языке фразеологизм появился как калька с английского *it is his hobby horse* (букв.: это его любимая лошадка). Этот оборот был употреблён в романе «Сентиментальное путешествие» Л.Стерна, переведённом на французский язык. Аналогичное выражение известно в немецком *ein Steckpferd reiten* (букв.: скакать на игрушечном коньке) – ‘предаваться своему увлечению’.

Caracoler sur son dada, возможно, связан с оборотом *оседлать Пегаса* – ‘стать поэтом, начать писать стихи’. В последнем выражении Пегас – крылатый конь из древнегреческой мифологии. От удара копыта Пегаса на горе Геликон возникли источники, вода которых вдохновляла поэтов.

В этом образе метафорически переплетаются антропная и зооморфная области культуры: процесс говорения, метонимически отождествляемый по смежности с физическими действиями человека (*caracoler* – гарцевать), одновременно включен и в зооморфную метафору (*cheval, dada* – лошадь, конёк), уподобляющую речевую способность человека *лошади* (коньку), который может скакать или лететь (как Пегас). Фразеологизм выступает как стереотипное представление о разговоре на излюбленную тему.

Se mordre la langue (тж. *mettre sa langue dans sa poche*) (букв.: прикусить язык (тж. положить свой язык в свой карман) – *неодобр.* ‘промолчать’.

Культурный комментарий. Образ фразеологизма восходит к анимистическому мировосприятию, для которого характерно одушевление объектов предметного мира и опредмечивание отвлеченных объектов. Образ фразеологизма соотносится с телесной областью культуры: *langue* (язык) человека, метонимически отожде-

ствляемый по смежности с речевой его способностью, в сочетании с глаголом *se mordre* (прикусить) одновременно включен в антропную, или собственно человеческую, область культуры, характеризующую физическое действие человека.

В составе фразеологизма компонент *langue* (язык) выполняет роль символа речевой способности, *se mordre* (прикусить) метафорически переосмысливается как 'прекратить' – 'внезапно замолчать, потерять способность говорить'. Имеется в виду, что кто-либо перестал говорить, отвечать на вопросы собеседника и т.п. по причине смущения, страха или нежелания проговориться.

Avoir la langue bien pendue (букв.: иметь язык хорошо подвешенный) – 'развита способность хорошо, красноречиво, гладко говорить'. Имеется в виду, что лицо выражает свои мысли легко и свободно в любой ситуации.

Культурный комментарий. Фразеологизм представляет собой метафору, которая уподобляет язык человека языку колокола: о того, как подвешен колокол, удачно и ли неудачно, зависит качество звона. В современном языковом сознании метафора, лежащая в основе фразеологизма, воспринимается на фоне мифологического восприятия мира, в котором язык метонимически (по смежности) осмысливается как речепроизводящая способность человека. Фразеологизм выступает как стереотипное представление о хорошо, легко и красноречиво говорящем человеке.

Вышеизложенное позволяет делать следующие выводы.

Культурная коннотация фразеологизма – это интерпретация денотативного или образного мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. Источником симболической формы фразеологизма является их образное основание – внутренняя форма.

Культурный комментарий фразеологизма – способ указания на его культурную коннотацию. При этом культурному комментированию подвергается внутренняя форма фразеологизма, комментарий даётся в знаковом культурно-национальном пространстве данного языкового сообщества.

В лингвокультурологическом анализе фразеологизмов главное – это выяснить, какие культурные сущности воплощены в языке и какими языковыми средствами и способами они закреплены. При этом фразеологизмы, как единицы языка, интерпретируются в контексте культуры, но не наоборот.

Язык и культура прямо и непосредственно не соотносятся между собой. Между ними можно поставить пресуппозицию (ранее приоб-

ретенное знание) как ключ к интерпретации. Знание пресуппозиции открывает путь к культурному комментарию фразеологизмов.

Во фразеологии выделяются основные области, являющиеся источниками культурно-значимой интерпретации фразеологизмов (мифологемы, архетипы, легенды, символы, эталоны, стереотипы, поверья, обычаи и т.п.), являясь настоящими кодами культуры. Раскрытие этих кодов культуры является главным содержанием симболярия.

Симболярный фразеологический корпус языка имеет целью изучать:

1) области культуры, которые явились источниками зарождения фразеологизмов (фразеологизмы, имеющие мифологические истоки, происходят из библейской культуры, художественной литературы, фольклора, отражают материальную культуру, исторический и обиходно-эмпирический опыт народа);

2) компоненты фразеологизмов, которые явились предметом культурного их осмысления (соматизмы, антропные наименования, зооморфизмы, наименования растений, ландшафтных объектов, артефактов, предметов одежды, предметов религиозно-церковного обихода, единиц времени, пространства);

3) тропические механизмы идиомообразования: метафора, символы и квазисимволы, метонимия, синекдоха, олицетворение, гипербола, литота.

Такой порядок описания культурных смыслов способствует достаточно полному симболярному фразеологическому корпусу рассматриваемых языков.

Список литературы

1. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. – СПб., 2001.
3. Назарян А. Г. Почему так говорят по-французски. – М., 1968.
4. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Коммуникативные стратегии реализации максим одобрения и симпатии в немецкой культуре

В статье анализируются основные способы и средства функционирования принципа вежливости на примере максим одобрения и симпатии в немецкой культуре. Настоящее исследование предполагает выявление коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости, направленных на соблюдение требований рассматриваемых максим.

The main ways and means of functioning of politeness principle by the way of illustration of maxims of approval and sympathy in German culture are analyzed in the article. The given research presupposes singling out communicative strategies of positive and negative politeness, aimed at complying with the demands of the maxims under consideration.

Ключевые слова: стратегия вежливости, максима одобрения, максима симпатии, позитивное лицо, негативное лицо.

Key words: Politeness strategy, maxim of approval, maxim of sympathy, positive face, negative face.

Среди многочисленных теорий вежливости в зарубежной лингвистике следует выделить теорию максим речевого общения, разработанную американским ученым Дж. Личем [17], который вслед за П. Грайсом [2] и Р. Лакофф [16] продолжил изучение категории вежливости с позиций максим и правил речевого общения. С появлением данной теории вежливость стала рассматриваться на уровне межличностных отношений общающихся, т.е. с учетом социально-психологических факторов реализации вежливости.

Выделенный Дж. Личем в рамках текстуальной и межличностной риторики принцип вежливости образует совокупность шести разговорных максим: максимы такта, благородства, одобрения, скромности, согласия и симпатии. В свою очередь, каждая максима включает две субмаксимы, первая из которых считается негативной, удовлетворяющей потребности негативного лица партнера по коммуникации, вторая субмаксима является позитивной, направленной на сохранение позитивного лица. Таким образом, при исследовании способов функционирования максим вежливости необходимо исходить, во-первых, от понятия лица, являющегося базовым в теории сохранения лица П. Браун и С. Левинсона [12], во-вторых, от систе-

мы коммуникативных стратегий, к которым прибегают коммуниканты в целях сохранения как позитивного, так и негативного лица.

На основании классификации базового понятия авторы теории сохранения лица подразделяют вежливость на позитивную (positive politeness, positive Höflichkeit) и негативную (negative politeness, negative Höflichkeit). Р. Ратмайр предлагает использовать в целях прозрачности и ясности терминов следующие переводы понятий «позитивная /негативная вежливость»: солидарная (Solidaritätshöflichkeit) – для позитивной вежливости и дистанционная (Distanzhöflichkeit) – для негативной вежливости [19]. Т.В. Ларина считает целесообразным оперировать терминами вежливость сближения, или вежливость контакта вместо позитивной вежливости и вежливость отдаления, или вежливость дистанции вместо негативной вежливости [5, с. 46]. Несмотря на то, что «термины негативный/позитивный в применении к понятию вежливость не являются удачными» [4, с. 272], следует признать, что значимость введенного П. Браун и С. Левинсоном разграничения понятия «вежливость» на два типа бесспорна.

Каждый из этих типов вежливости представляет собой определенную систему коммуникативных стратегий, при помощи которых коммуниканты стремятся достичь основных целей вежливого общения друг с другом. Так, стратегии позитивной вежливости связаны с демонстрацией единства и солидарности говорящего со слушающим. Они выражаются в таких тактиках поведения, как проявление внимания и интереса к собеседнику, стремление к взаимопониманию и согласию с ним, учет его желаний и склонностей, создание атмосферы внутригрупповой идентичности. Позитивная вежливость предполагает тем самым желание возвысить положительный имидж адресата. В свою очередь, стратегии негативной вежливости связаны с предоставлением свободы действий адресату, с удовлетворением его потребности в неприкосновенности своей территории. Стратегии негативной вежливости – это стратегии избегания, то есть негативная вежливость заключается в избегании, а также в смягчении тех речевых актов, которые могли бы угрожать негативному лицу человека, напр., приказы, критические замечания, прямые просьбы в адрес собеседника и т.д.

Таким образом, «стратегии позитивной и негативной вежливости, выделенные П. Браун и С. Левинсоном, охватывают основные приемы, используемые коммуникантами в повседневном общении, прежде всего в фатической коммуникации, и наглядно показывают, как действует механизм человеческих взаимоотношений» [5, с. 46–47].

При помощи вышеописанных стратегий вежливости реализуются максимы речевого общения. Поэтому целью настоящей статьи является описание коммуникативных стратегий позитивной и негативной вежливости, при помощи которых соблюдаются требования максим одобрения и симпатии в речевом общении немецкой лингвокультурной общности.

Анализируемые разговорные максимы реализуются в экспрессивных речевых актах. Рассмотрим сначала сферы и способы функционирования максимы одобрения.

Данная максима представлена субмаксимой минимизации неодобрения действий адресата и субмаксимой выражения одобрения и похвалы в его адрес. Первая субмаксима функционирует в критических высказываниях, вторая субмаксима – в речевых актах комплимента и похвалы.

Как известно, выражение негативной оценки в виде неодобрения, критики, упрека угрожает позитивному лицу адресата, поэтому в целях соблюдения требований первой субмаксимы максимы одобрения (возможное неодобрение действий (реплик) собеседника должно быть минимальным) адресант прибегает к некоторым негативным стратегиям вежливости, смягчающим иллокутивную силу критических высказываний, например, к стратегии использования модификаторов оценочной модальности, ср. *ein wenig* – *немного* (a) и *ziemlich* – *довольно* (b): (a) *Seine eigenen ... Hände anhauchend und reibend, hörte ich ihn manchmal zu Matzerath... sagen: "... Sie ist ein wenig nachlässig, die gute Lina"* [3, с. 350]; (b) *"Sie waren ziemlich grob gegen den Grafen Orlow", sagte ich zu dem Rechnungsrat. "Wollen Sie ihm nicht ein paar Worte der Entschuldigung sagen?"* [20, с. 324].

Такая негативная стратегия вежливости, как указание на субъективность своего мнения (*ich meine* – *я думаю*), также способна смягчить иллокуцию критического замечания: *"Ich meine", sagte ich, "es gibt doch einen Punkt, wo die Menschen, wenn auch aus ideologischen Gründen – menschlich werden."* *"Soll das heißen, daß ich mich bisher unmenschlich verhalten habe?" "Ja", sagte ich* [10, с. 81].

В вышеприведенном примере критическое отношение к собеседнику выражено при помощи косвенной формы неодобрения, а именно речевого акта намека, посредством которого реализуется стратегия косвенности, имплицитная, в свою очередь, негативное отношение адресанта к адресату. Как правило, данная импликация легко распознается адресатом.

Вторая субмаксима максимы одобрения (одобрение и похвала собеседника должны быть максимальными) предписывает употреб-

ление адресантом речевых актов комплимента и похвалы. Как известно, комплимент является формой выражения похвалы. Однако в некоторых случаях данные речевые акты можно считать синонимичными, так как они предусматривают выражение симпатии собеседнику, одобрение его действий и поступков.

Основной стратегией реализации максимы одобрения, так же как и максимы симпатии, служит такая позитивная стратегия вежливости, как стратегия выражения одобрения и симпатии, которая вербализуется чаще всего в прямых речевых актах комплимента и похвалы. Так, в речевом общении немецкой лингвокультурной общности можно обнаружить комплименты по поводу внешности (а), одежды, одобрения положительных личностных качеств человека (b), его профессиональных способностей (с), а также комплименты, выражающие результат дела (d) или положительную оценку манеры поведения собеседника (е):

(a) *“Sie sehen prachtvoll aus”, sagte ich. “Ganz gesund”* [20, с. 112].

(b) *“Was für ein guter Mensch Sie sind, Herr Wald!”* ([7, с. 81].

(c) *“Sie haben mich einfach in diese Rolle gedrängt”, sagte er.*

“Sie steht dir gut”, sagte ich, “und was du daran spielst, ist gut gespielt.” [10, с. 142].

(d) *Gertrud: Schön! Sehr schön, Caroline!*

Therese: Das hast du schön gemalt, Caroline [9, с. 86].

(e) *“Mit Ihnen kann man sich angenehm unterhalten!”* [7, с. 83].

Максима одобрения реализуется также посредством похвалы материальных благ адресата, к которым могут относиться объекты движимого и недвижимого имущества (а) или, к примеру, домашние животные (b): (a) *“Eine hübsche Wohnung”, sage ich, “was du da hast –“* [14, с. 134]; (b) *Er ... sagte: “Sie halten sich einen tüchtigen Hund, mein Herr!”* [3, с. 675].

Необходимо отметить, что в немецкой культуре чаще встречаются комплименты, выражающие положительную оценку манеры поведения человека, а также комплименты, одобряющие положительные личностные качества человека и его профессиональные способности. Слова одобрения по поводу внешности и одежды собеседника можно услышать реже, поскольку манера хорошо одеваться и выглядеть не так важна для немцев. Известно, что немецкие женщины, в отличие, например, от русских, очень редко пользуются косметикой и только по мере необходимости.

Распространенной стратегией выражения второй субмаксимы максимы одобрения является стратегия преувеличения посредст-

вом использования восклицательных предложений, а также «лексических единиц с сильным позитивным оценочным компонентом значения» [1, с. 108], ср. употребление прилагательного *gut* (*хороший*) в превосходной степени: *“Ich werde Drohmert anrufen und ihn bitten, dich zu empfangen. Er ist der beste Herzspezialist, den wir haben”* [10, с. 141].

Интересной стратегией реализации максимы одобрения может считаться, на наш взгляд, стратегия противопоставления, когда адресат сравнивается с адресантом и при этом используются определения с противоположными значениями:

“Sogar Fernet-Branca”, bekannte ich und faßte erst jetzt alles richtig.

“Gottverdammte, du bist ein großartiges Mädchen, Pat, und ich bin ein scheußlicher Idiot!” [20, с. 192].

Распространена также косвенная форма одобрения в виде намека, который легко распознается адресатом и воспринимается именно как комплимент или похвала:

Kennerisch probierte ich einen Bissen und markierte gewaltiges Erstaunen. “Donnerwetter, der ist aber bestimmt nicht im Laden gekauft. “

“Selbstgebacken”, - sagte Rosa glücklich [20, с. 61].

Таким образом, требования максимы одобрения в немецкой культуре соблюдаются при помощи таких коммуникативных стратегий вежливости, как косвенное выражение критических замечаний, использование соответствующих модификаторов, указание на субъективность мнения, стратегии преувеличения, противопоставления, выражения одобрения и симпатии.

Наименее изученной в концепции Дж. Лича предстает максима симпатии, которая состоит из следующих субмаксим: минимизации возможной антипатии к личности собеседника и выражения симпатии к нему. Данная максима выражается в таких экспрессивах, как в речевых актах извинения, благодарности, поздравления, соболезнования (сочувствия), утешения, заботы.

Извинения и благодарности относятся к негативным стратегиям вежливости, остальные же связаны с укреплением позитивного лица адресата. Речевые акты извинения и благодарности употребляются в коммуникативном поведении немцев очень часто. Это связано с тем, что данные акты клишированы в немецком языке в большей степени, чем, к примеру, в русском. Высокая частотность использования формул извинения и благодарности в речевом общении немцев послужила причиной образования различных способов вербализации рассматриваемых речевых актов. Так, высокая степень десемантизации и клишированности в немецком языке приве-

ла к образованию таких форм извинения, как *Entschuldigung!* (a) с вариантом *Tschuldigung!* (b) и *Verzeihung!* (c):

(a) *Ramsch sieht die junge Försterfrau am Fenster sitzen und geht über den Grabacker.*

“Excuse me, Entschuldigung, bitte” [8, с. 75].

(b) *Beerdigungsunternehmer: Rums! Tschuldigung! Das ist allerdings schlecht. Aber deswegen braucht man doch nicht gleich loszulegen wie eine verlassene Braut. Rums! Tschuldigung!* [11, с. 9-10].

(c) *“Verzeihung”, sagte ich, “öffnen Sie jetzt?”* [10, с. 40].

Формулы *Entschuldigung!* и *Verzeihung!* не различают оппозицию местоименного дейксиса «ты/вы». При этом распространяться может, как правило, единица *Verzeihung* в отличие от *Entschuldigung*, например, при помощи прилагательного *groß* (a) или числительного *tausend* (b):

(a) *“Große Verzeihung!” Romie ist am Ende* [8, с. 236].

(b) *“– tausend Verzeihung jedenfalls – meine Kusine wollte mich Hauptmann Wunderlich vorstellen, der eine Kampfstaffel führt – “* [15, с. 42].

Самые распространенные речевые акты извинения *Entschuldige/n Sie!* (a) и *Verzeih/en Sie!* (b) являются синонимичными и могут использоваться в равной степени: (a) *“Entschuldigen Sie”, sagte Köster* [20, с. 235]; (b) *“Verzeihen Sie, wenn ich störe” entschuldigte er sich...* [13, с. 162].

Вышеописанные формулы извинения представляют собой прямые речевые акты и являются стилистически нейтральными формами, используемыми как в официальном, так и в неофициальном общении. Данные речевые акты очень часто распространяются актуализатором вежливости *bitte* (*пожалуйста*): *“Entschuldigen Sie bitte!” sagte ich schließlich* [20, с. 30].

В официальной обстановке общения используются, как правило, косвенные речевые акты извинения, которые образуются при помощи модальных глаголов *dürfen* (*иметь разрешение*) (a), *mögen* (*хотеть*) (b), *müssen* (*быть должным*) (c):

(a) *“Darf (Dürfte) ich Sie um Entschuldigung (Verzeihung) bitten?”* [7, с. 54].

(b) *“Ich bin zu spät gekommen. Ich möchte mich bei Ihnen entschuldigen”* [7, с. 53].

(c) *“Ich störe, ich trete in einen Familienkreis”, sprach er mit weicher Stimme und feiner Zurückhaltung. “... Ich muß um Verzeihung bitten!”* [18, с. 88].

Модальные глаголы, реализуя стратегию косвенности, чаще употребляются в немецком языке, чем, например, в русском. При этом глаголы *dürfen* и *müssen* могут использоваться как в изъявительном, так и в сослагательном наклонении, а глагол *mögen* – исключительно в сослагательном, поскольку в изъявительном наклонении он имеет значение «нравиться, любить».

В формулах извинения также может употребляться перформативный глагол просьбы *bitten*, который наряду с императивной функцией (функцией воздействия) служит для выражения конативной функции (функции вежливости): *Anscheinend beruhigt nahm Herr Herbst den Zylinder in die Hand. "Ich bitte zu entschuldigen, Euer Exzeellenz – die Störung"* [15, с. 178].

В вышеприведенном примере с употреблением вежливого обращения *Euer Exzeellenz* (*ваше превосходительство*) реализуется негативная стратегия выражения уважения, отвечающая требованиям максимы симпатии.

Перформативный глагол *bitten* (*просить*) в немецком языке может использоваться для имплицитного выражения просьбы простить: *"Ich bitte tausendmal – flüsterte diese tiefverschleierte Dame* [15, с. 327].

Выражение благодарности как одна из частотных стратегий негативной вежливости в немецком коммуникативном поведении сильно ритуализировано и очень употребительно. Немцы используют формулы благодарности подобно формулам извинения при малейшем случае.

Самой распространенной формой выражения благодарности в немецкой культуре является прямой речевой акт. Универсальное выражение благодарности *Danke!* может распространяться большим набором «степенных определителей», например: *Danke sehr!*, *Danke schön!* (*Dankeschön!*) (a), *Danke vielmals!*, *Danke bestens!*, *Vielen Dank!* (a), *Schönen Dank!*, *Herzlichen Dank!* (b), *Besten Dank!* (c), *Heißen Dank!* (d):

(a) *"Danke schön, Frau Zalewski", sagte Pat. "vielen Dank für alles"* [20, с. 332].

(b) *Petra: Wenn das so einfach wäre! Aber – herzlichen Dank!* [9, с. 214].

(c) *"Besten Dank", sagte er ... "Besten Dank für die freundliche Einladung, meine Hochverehrten"* [18, с. 10-11].

(d) *"Na also", verabschiedete sich schließlich Proell, "heißen Dank, Parteigenosse. Zu Gegendiensten gern bereit"* [13, с. 226].

Распространение формул благодарности при помощи прилагательных и наречий является способом вербализации стратегии преувеличения, крайне необходимой при выражении симпатии, доброжелательного отношения к своему собеседнику.

При выражении благодарности очень часто используется перформативный глагол *danke* (благодарить) (a), а также его синоним *sich bedanken* (b): (a) *Zu meiner Überraschung schüttelte sie dennoch den Kopf und sagte leichthin...: "Ich danke Ihnen Markus, aber es geht nicht, wirklich nicht – wegen Bronski"* [3, с. 118]; (b) *"Ich wollte mich nur bedanken," sagte ich, "Sie waren so lieb"* [10, с. 189].

Во многих речевых актах благодарности адресант обращается к адресату по имени, тем самым реализуется стратегия выражения уважения: *"Es war herrlich!" sagte sie. "Ich danke Ihnen auch vielmals, Alfons"* [20, с. 256].

Фамильярные обращения служат маркерами общегрупповой принадлежности. В следующем примере употреблена лексема *Alter* (*старик*), к которой часто прибегают партнеры по коммуникации в неформальном общении: *"Na, Alter, danke schön", sagte ich* [20, с. 210].

Негативная стратегия косвенного выражения речевых актов благодарности реализует максимум симпатии при помощи модальных глаголов *wollen* (*хотеть*) (a), *sollen* (*быть должным*) (b): (a) *"Ich wollte mich nur bedanken," sagte ich, "Sie waren so lieb"* [10, с. 189]; (b) *"Eigentlich sollte ich Ihnen dankbar sein"* [20, с. 239].

Вторая субмаксима максимы симпатии (симпатия к собеседнику должна быть максимально возможной) наиболее полно выражается в речевых актах поздравления, пожелания, соболезнования, утешения, заботы. Данные экспрессивы направлены на удовлетворение потребности позитивного лица, т.е. потребности в любви, заботе, одобрении, симпатии. Свою симпатию человек может проявить, если он выражает радость адресату по тому или иному приятному поводу. Для этого адресант прибегает к речевым актам поздравления и пожелания, которые вербализуются посредством перформативных глаголов *gratulieren* (*поздравлять*) и *wünschen* (*желать*): *"Wir gratulieren Ihnen zum 70. Geburtstag und wünschen Ihnen noch viele gesunde Lebensjahre!"* [7, с. 43].

В немецком языке при выражении пожеланий глагол часто употребляется в повелительном наклонении, ср. использование глагола *sich fühlen* (*чувствовать себя*): *Er erdrückte die jungen Leute mit seiner Liebenswürdigkeit. "Welcome in this place! Herzlich willkommen! Unseren Eingang segne Gott! Fühlen Sie sich wohl und so weiter!"* [8, с. 66].

Перформативный глагол может распространяться некоторыми прилагательными, например, *herzlichst* (сердечный) (a), *aufrichtig* (искренний) (b): (a) “*Gratuliere herzlichst*”, *sagte ich* [20, с. 207]; (b) “*Wahrhaftigen Gott?*” *fragte Herr Schwarzkopf lebhaft...* “*Davon hab’ ich noch gar nichts gewußt! Gratuliere, Herr ... Grünlich! Gratuliere Ihnen aufrichtig!*” [18, с. 144].

Если вежливые обращения реализуют стратегию выражения уважения (см. вышеприведенный пример (b), то фамильярные обращения указывают на принадлежность к группе, т.е. в таком случае актуализируется стратегия маркирования групповой принадлежности, ср. использование лексемы *altes Haus* (старина): *Hannsjörg ist da. Strahlend...geht er auf Oskar zu. “Prosit Neujahr, altes Haus”, sagt er. “Ich muss dir doch persönlich meinen Glückwunsch bringen...”* [13, с. 73].

При поздравлении (a) уместным будет упоминание повода, при пожелании (b) желательно выразить его результат: (a) *Elke Hansen: Hannes! Hannes! Hier! Hier sind wir! Hannes: Herzlichen Glückwunsch zum Geburtstag!* [9, с. 126]; (b) *Ich machte die Portweinflasche auf. “Auf Ihr Wohl! Dass das Haus bald voller Gäste ist”. “Danke vielmals!”* [20, с. 223].

Выражение соболезнования или сочувствия связано с проявлением внимания со стороны адресанта по поводу трагического события, происшедшего с адресатом.

Наиболее частотными средствами вербализации речевых актов соболезнования и сочувствия являются лексема *Beileid* (соболезнование) (a), перформативные глаголы *fühlen* (со)чувствовать) (b), *bedauern* (созалеть) (c), устойчивая конструкция *Tut mit leid* (Сожалею) (d): (a) “*Mein Beileid*”, *sagte ich* [20, с. 94]; (b) *Ich sagte: “Schnier – Hans – Sie erinnern sich?”. “Mich erinnern”, sagte sie herzlich, “und wie – und wie ich mit Ihnen fühle”* [10, с. 169]; (c) “*Bedaure*”, *sagte die Schwester* [20, с. 228]; (d) “*Dann auf Wiedersehen!*” *erwiderte ich und wandte mich an die Schwarze. “Tut mir leid, gnädige Frau”, ...* [20, с. 208].

Как известно, выразить симпатию к человеку можно с использованием стратегии проявления интереса и заботы по отношению к адресату. Данная стратегия вербализуется, к примеру, путем постановки вопросов об осведомлении о здоровье адресата или его окружения (a), а также посредством предупреждения о возможных неприятных последствиях для адресата (b): (a) “*Was macht der Köter, Robert?*” *fragt er. “Dem geht’s großartig”, sagte ich* [20, с. 283]; (b)

Roswitha: Aber dass du dich nicht erkältest, Schatz! Der Beton hat seine Tücken, und du bist es nicht gewohnt [3, с. 403].

Таким образом, в соответствии с максимой симпатии адресант должен извиниться или поблагодарить собеседника, выразить ему свою радость или сочувствие, а также проявить заботу и интерес. Проведенный анализ показал, что для немецкой культуры более характерно использование коммуникативных стратегий, направленных на соблюдение требований негативных субмаксим рассматриваемых максим. Это связано с тем, что немецкая культура относится к индивидуалистическому типу, предполагающему, по мнению Т. В. Лариной, «дистантные отношения между членами общества, что предопределяет такие культурные ценности, как автономия личности (privacy), независимость, невмешательство, недопустимость коммуникативного давления» [6, с. 50]. Именно в западных странах, в том числе в Германии, распространена идея индивидуализма, сущность которой заключается в желании человека сохранить неприкосновенность личной территории, быть свободным и неограниченным в выборе своего решения.

Тем не менее, соблюдение требований позитивных субмаксим также находит свое определенное отражение в речевом общении немецкой лингвокультурной общности, поскольку каждый индивид вне зависимости от типа культуры, к которому он принадлежит, нуждается в удовлетворении потребностей не только негативного, но и своего позитивного лица.

Список литературы

1. Васильева О.А. Реализация максим вежливости в английском и русском диалогах: Дис. ...канд. филол. наук. - Уфа, 2000.
2. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. Перевод с английского В.В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике: Сборник: Пер. с разн. яз. / сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой, общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217-237.
3. Грасс Г. Собрание сочинений: В 4 т. / пер. с нем. С. Л. Фридлянд; сост. Е.А. Кацева; предисл. И.В. Млечиной; худож.-оформители М.Е. Квитка, О.Л. Квитка. – Харьков: Фолио, 1997. - Т. 1. Жестяной барабан: Роман.
4. Земская Е.А. Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für slawische Philologie 56. – 1997. № 2. - С. 271-301.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2003.
6. Ларина Т. В. Межкультурная коммуникация и межкультурная коммуникативная компетенция // Иностранные языки в высшей школе. - №1. - 2005. – С. 47-51.

7. Формановская Н.И., Соколова Х.Р. Речевой этикет. Русско-немецкие со-ответствия: Справочник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1992.
8. Штритматтер Э. Оле Бинкоп: Роман. – М.: Прогресс, 1980.
9. Alles Gute. Телевизионный курс немецкого языка. - М.: Акция, 1991.
10. Böll H. Ansichten eines Clowns. Roman. 21. Auflage. - Köln: Verlag Kiepenheuer& Witsch, 1997.
11. Borchert W. Draußen von der Tür und ausgewählte Erzählungen / mit einem Nachwort von H. Böll. - Hamburg: Rohwolt Taschenbuch Verlag, 1999. – S. 5-55.
12. Brown P.; Levinson S.C.: Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge, Cambridge University Press, 1988.
13. Feuchtwanger L. Die Brüder Lautensack: Roman. – Greifenverlag zu Rudolstadt, 1956.
14. Frisch M. Homo Faber. Ein Bericht. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.
15. Kellermann B. Der 9. November: Roman. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1955.
16. Lakoff R. The logic of politeness, or, minding your p's and q's. // Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. – Chicago. - 1973. - Pp. 292-305.
17. Leech G.N. Principles of Pragmatics. - London, N.Y., 1983.
18. Mann T. Buddenbrooks. Verfall einer Familie. - 2. Auflage. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1959.
19. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart. - Innsbruck, 1996. – S. 174-185.
20. Remarque E.M. Drei Kameraden. Roman. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960.

Фоновые знания в культурном переносе кинотекста: проблема стратегии перевода

В статье исследуется культурный перенос, важной частью которого является взаимодействие фоновых знаний в условиях киноперевода. В переводах кино происходит нивелирование либо замещение фонового знания оригинала: в результате взаимодействие культур для реципиента оказывается фиктивным. В статье предпринимается попытка объяснить этот парадоксальный феномен и задуматься об альтернативных путях решения проблемы.

This article covers research of cultural transfer (and interaction of background knowledge being the important part thereof) under conditions of screen translation. In screen translation, the background knowledge of the original is often being either leveled, or substituted: as a result, interaction of cultures for the recipient becomes fictitious. This article tries to explain this paradoxical phenomenon and to search some alternative methods for solving this problem.

Ключевые слова: фоновые знания, пресуппозиция, культурный перенос, культурно-значимая информация, реципиент, взаимодействие культур, кинотекст, киноперевод, кино, восприятие, культурная среда, переводимость, когнитивный механизм.

Key words: background knowledge, presupposition, cultural transfer, culturally significant information, recipient, interaction of cultures, movie script, screen translation, cinema, perception, cultural environment, translatability, cognitive mechanism.

Кино представляет собой увлекательный, но противоречивый объект исследований. Несмотря на то, что большинство произведений кино представляют собой продукты глобализации, как российские, так и зарубежные исследователи все чаще говорят о «культурно детерминированном представлении о кинотексте, существующем в сознании носителя языка и реализующемся в коммуникации» [6, с. 9]. Мексиканский исследователь А. А. Кастаньеда Диас характеризует кино как «объект культуры, воспринимаемый через органы чувств (objet culturel sensible), как систему смыслов, в которой отображены специфические способы восприятия и обозначения действительности. По этой причине оно не перестает определять, укреплять и преобразовывать мировоззрение зрителя» [15, с. 118]. В свете вышесказанного логично заключить, что важной составляющей киноперевода является культурный перенос, под которым понимается «исторический факт, который конкретизируется в текстах, до-

кументах, затем – в коллективном идеологическом дискурсе, участвуя в построении референции...»¹ [см. 16, с. 101]. Как следует из приведённого определения, «культурный перенос охватывает все области, предполагающие передачу знания» [16, с. 100]. Актуальным направлением исследований в рамках концепции культурного переноса является изучение восприятия произведения искусства в принимающей среде, что особенно актуально для кино, которое «легко перешагивает границы породившей его культуры как во времени (от поколения к поколению), так и в пространстве (от нации к нации)» [6, с. 9]. По мнению М. Шрайбер, в рамках данного направления представляет интерес исследовать «совокупность культурных факторов, способных создать проблему при переводе» [18, с. 186].

Как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, особое внимание уделяется изучению значимых единиц культуры, находящих отражение в произведении, составляющем объект культурного переноса. Для обозначения данных единиц исследователи используют различные термины, в частности, реалия [18], лингвокультурема [1; 2], культурологическая лакуна [8; 9], культурно-специфическая единица [5], уникально-культурная и специфично-культурная семантика [12] и др. Многообразие терминологии указывает на многоаспектность изучаемого объекта, для максимального охвата которого мы предлагаем использовать термин «культурно значимая информация». На наш взгляд, данное явление требует рассмотрения с позиций трёх основных актантов культурного переноса: культуры-отправителя, культуры-рецептора и переводчика.

С точки зрения культуры-отправителя, культурно-значимая информация предстаёт как фрагмент ценностного опыта [8, с. 5], который «вбирает в себя как собственно языковое представление (форму мысли), так и неразрывно связанную с ним внеязыковую культурную среду (ситуацию, реалию)» [10, с. 249–250]. В. В. Воробьев понимает под этим явлением «единицу лингвокультуры, специфическая характеристика которой заключается в многократной рефлексии (в данной лингвокультурной области) по поводу её нозматического содержания» [см.: 10, с. 250]. С когнитивной точки зрения это единица культурного фонда, понимаемого как «ком-

¹ Определение дано французскими исследователями М. Эспань и М. Вернер (см. Espagne M. La construction d'une référence culturelle allamande en France / M. Espagne, M. Werner // Annales ESC. - № 4. - 1987, а также Espagne M. Les transferts culturels franco-allemands. – Paris, 1999).

плекс знаний, некоторый кругозор в области национальной и мировой культуры, которыми обладает типичный представитель той или иной культуры» [10, с. 248]. Известно, что культурно-значимая информация имеет отношение одновременно и к индивидуальному опыту познания мира, и к познавательному опыту лингвокультурной общности – так называемым «фоновым знаниям», которые А. Д. Швейцер определяет как «сходные знания, имплицитно присутствующие в высказывании» [13, с. 155]. Фоновые знания можно также определить как «обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, что является основой общения» [4, с. 498]. Последнее определение тесно соприкасается с дефиницией пресуппозиции, одной из важнейших категорий прагматики. И.И. Халеева замечает, что принцип фреймовой пресуппозиции, под которой понимается «сумма условий, предпосылаемых собственно речевому высказыванию и являющихся национально специфическим индикатором интракультурного общения» [11, с. 312], является основным принципом организации фоновых знаний носителей языка. Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева понимают под пресуппозицией ситуацию, когда «говорящий, высказывающий суждение, считает определённое знание само собой разумеющимся – в частности, известным слушателю» [см.: 13, с. 155]. Примечателен в этом плане термин «*connaissances présumées*»¹, используемый французскими исследователями, развивающими современную концепцию культурного переноса [18, с. 191]. Применительно к кинотексту исследователи отмечают, что «как словесная составляющая, так и изображение, и звуковое оформление содержат имплицитную, или подразумеваемую, информацию» [7, с. 10]. В этой связи учёные отмечают, что «проблема переводимости связана с напряженностью, создаваемой или возникающей в процессе столкновения фоновых знаний. В процессе примеривания фоновых знаний происходит или их слияние (частичное, с определенными концессиями и допущениями, либо полное), или их столкновение [10, с. 178–179]. Межкультурное взаимодействие приобретает конфликтный характер, когда культурный перенос разворачивается по следующим довольно распространённым моделям.

¹ Дословно: «ожидаемые знания» или «предполагаемые знания».

1. Нивелирование фонового знания, заключённого в тексте. Довольно часто при культурном переносе фоновые знания в переводе не передаются, как это происходит в следующем примере¹:

Текст оригинала: - J'ai quarante ans, ma madame, j'ai mon **bac**², j'ai ma **maîtrise**³ d'archi!

Текст перевода: - Извини, но мне уже сорок лет, между прочим, мадам! У меня **диплом** архитектора.

2. Замещение фонового знания исходного текста на фоновое знание принимающей культуры, либо, как вариант, на фоновое знание третьей культуры, не участвующей в процессе культурного переноса. Рассмотрим примеры.

¹ Здесь и далее анализируются фрагменты кинодиалогов из фильма LOL (Laughing Out Loud), режиссёр Лиза Асуэлос, Франция, 2008. Перевод фильма на русский язык выполнен на студии «Сенотек» по заказу компании «Кино без границ» в 2009 г.

² Вас – сокращённое разговорное слово от baccalauréat, что во Франции означает диплом, необходимый для поступления в высшие учебные заведения. Его соискатели, как правило, выпускники лицеев. Бакалавр считается не только дипломом об окончании среднего образования, но и первой университетской степенью. Каждый год экзамен на степень бакалавра широко освещается в СМИ. Во французской культуре получение диплома бакалавра, равно как и получение водительского удостоверения, означает вступление во взрослую жизнь. Французский бакалавриат не следует путать с «bachelor's degree» в англо-саксонской системе образования, так как эта учёная степень присуждается учащимся университетов (http://fr.wikipedia.org/wiki/Baccalauréat_en_France). В тексте перевода фоновое знание, заключённое в единице bac, не получает отражения.

³ Во Франции до реформы системы высшего образования понятие maîtrise означало первый год второго цикла обучения в университете, ведущий к получению степени магистра (master). После реформы 2004 г. Университетское образование включает в себя 3 основных ступени: licence (лицензиат = bac +3), master (магистратура = bac +5) и doctorat (докторантура = bac+8) ([http://fr.wikipedia.org/wiki/Maîtrise_\(France\)](http://fr.wikipedia.org/wiki/Maîtrise_(France))). Maîtrise как самостоятельный диплом не существует, но считается 1 ступенью магистратуры – master 1 (Комментарии носителей языка). Переводческое решение «диплом архитектора» для передачи смысловой нагрузки данной единицы отображает не совсем равноценную ситуацию, так как документ соответствует более низкой ступени образования (bac+2).

Текст оригинала: - Ecoute, Lola, je suis à la **préfecture**¹, on m'a enlevé ma **carte grise**². ... Je suis pas **Dolto**³, j'ai pas à tout t'expliquer.

Текст перевода: – Послушай, Лола! Я в **полицейском участке**, у меня только что отобрали **права**... Я же не **доктор Спок**, я не должна всегда всем все объяснять.

Как следует из примеров, в текст перевода привносятся дополнительные смыслы, отсутствующие в исходном тексте.

Актуальным вопросом, не перестающим волновать переводчиков, является вопрос о том, насколько необходим перенос фоновых знаний исходной культуры? Значимость элементов культурного опыта для реципиента, принадлежащего к другой культурной среде, может показаться спорной в силу ряда причин. Начнём с того, что «в кинотексте имплицитная информация ... может быть не выявлена как зрителем переведенного фильма (и переводчиком), так и зрителем оригинальной версии» [7, с. 11]. Известно, что у разных переводчиков может быть разный уровень межкультурной компетенции: по

¹ Префектура полиции – учреждение, в функции которого входит обеспечение безопасности населения и его имущества на территории Парижа и 3 прилегающих департаментов. Существует с 1800 года, находится в самом сердце острова Ситэ и работает под эгидой Министерства внутренних дел. Отвечает также за безопасность движения, организацию транспорта и торговли, охрану окружающей среды и распределение должностей в административном аппарате. Помимо этого, префект полиции отвечает за оборону Парижа. Его полномочия совпадают с полномочиями мэра в других административных единицах страны. Префектуру полиции не следует отождествлять с Префектурой как администрацией департамента, которые существуют на всей территории Франции (<http://www.prefecturedepolice.interieur.gouv.fr/>, http://fr.wikipedia.org/wiki/Préfecture_de_police_de_Paris).

² «Серая карточка» – неофициальное разговорное наименование свидетельства о регистрации транспортного средства (<http://www.carte-grise.org/>, <http://vosdroits.service-public.fr/N367.xhtml>).

³ Франсуаза Дольто (1908–1988) – известный французский педиатр и психоаналитик. Одной из первых применила методы психоанализа в воспитании детей. Прославилась как учёный-теоретик, активно способствующий популяризации научного знания через радиопередачи, что сделало её известной широкой публике. Супруга Бориса Ивановича Дольто, известного врача и мануального терапевта, эмигранта из России. Их младшая дочь Катрин Дольто также известна как педиатр и автор книг по воспитанию детей (http://fr.wikipedia.org/wiki/Françoise_Dolto). В тексте перевода фамилия Дольто замещается на фамилию Бенджамин Спика (1903–1998) – известного американского педиатра, чья культовая книга «Ребенок и уход за ним», изданная в 1946, является одним из крупнейших бестселлеров в истории США (см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Спок,_Бенджамин).

мнению А. Д. Швейцера, «переводчик, не только полностью «вошедший в образ» автора, но и воспринимающий текст с позиций носителя исходного языка и исходной культуры возможен лишь в идеальной схеме [13, с. 147]. В любом случае перед переводчиком, осуществляющим культурный перенос кинотекста, и шире – произведения искусства – ставится сложная задача. Как справедливо замечает М. С. Снеткова, «эквивалентность текста перевода во многом обуславливается двумя факторами: его адресатом и типом переводимого текста [7, с. 12]. Рассматривая специфику переводимого текста, заметим, что культурно-значимая информация довольно часто составляет частные моменты фильма и к сюжету относится лишь косвенно. При переводе произведения искусства важно передать не столько частности, сколько единое художественное целое, тем более что в условиях киноперевода применение приёмов, направленных на передачу прагматических аспектов текста, таких, как уточняющее дополнение, поясняющий (интерпретирующий) перевод, раскрывающий неясные для конечного получателя пресуппозиции, переводческое примечание (в терминологии А.Д. Швейцера) – оказывается крайне затруднительным, а в большинстве случаев невозможным. Таким образом, с одной стороны, кинотекст структурно сложнее, чем моносемiotический текст, а с другой стороны, условия перевода значительно сужают диапазон стратегий переводчика. «Предназначенность кинодиалога для мгновенного восприятия и невозможность введения комментария определяют во многом адаптационный путь передачи оригинального сообщения» [7, с. 20], направленный на «замещение элемента культуры-источника на сравнимый элемент культуры-рецептора» [18, с. 192].

Точно также «прагматическая установка на иноязычного и инокультурного получателя нередко требует трансформаций, модифицирующих смысловое содержание текста [13, с.154]. А.Д. Швейцер обращает внимание на «учёт расхождений в восприятии одного и того же текста со стороны носителей разных культур, участников различных коммуникативных ситуаций. Здесь сказываются различия в исходных знаниях, представлениях, интерпретационных и поведенческих нормах [13, с. 152]. Справедливо и замечание о том, что «сама специфика реалий такова, что они часто находятся вне фонда знаний носителей другой культуры и другого языка» [13, с. 153]. Поэтому с позиций принимающей культуры культурно-специфическая информация выступает как «нестереотипная, не относящаяся с содержанием этнического языкового сознания реципиента информация [5, с. 10]; сигнал специфических реалий,

процессов и состояний, противоречащих узувальному опыту носителя того или иного языка (культуры) [8, с. 5]: ведь если отправитель исходного текста считает определённое знание само собой разумеющимся, то из этого ещё не следует, что данная прагматическая презумпция остается в силе и для читателя перевода – носителя другого языка и другой культуры [13, с. 155]. Когнитивный механизм восприятия кинотекста раскрывает А.А. Кастаньеда Диас: «Кинотекст вовлекается в когнитивный акт, в процессе которого происходит постоянное соотнесение поступающей извне информации с собственным опытом реципиента. Понимание фильма предполагает мыслительную деятельность, которой предшествует наличие культурного багажа [15, с. 124]. Данное заключение приводит к выводу о том, что восприятие кинотекста в инокультурной среде возможно только через призму фоновых знаний представителя принимающей культуры. Эту особенность следует учитывать при переводе, на что обращает внимание канадский исследователь Ж. Л. Бастен: «адаптивный переводчик является представителем своей «среды», под влиянием которой он налагает на свою деятельность условия, находящие отражение в его сознательном выборе...» [14, с. 218]. Поэтому «даже тогда, когда эквивалент реалии действительно существует и зафиксирован в словарях, переводчик далеко не всегда может быть уверен в том, что он входит в рецептивный словарь конечного получателя» [13, с. 153]. В этом плане, «перевод, несомненно, вносит существенные коррективы в прагматические презумпции исходного текста» [13, с. 155]. В силу этого, как замечает Ю. А. Сорокин, «талантливые художественные переводы обладают минимальной «экзотичностью» ... и оцениваются в силу этого как принадлежащие прежде всего той культуре и тому языку, на котором существует перевод. Как следствие, такой перевод не опознаётся в качестве инокультурного. При этом утверждение о переводе как взаимодействии двух культур для реципиента оказывается фиктивным [см. 10, с. 173].

Несмотря на обоснованность вышеизложенных объяснений, на сложившуюся ситуацию можно взглянуть и с другой стороны. Как показывает практика, передача в переводе фоновых знаний необходима в силу сразу нескольких причин. Во-первых, невозможно воспринимать текст без его включённости в сложное семиотическое целое: ни один текст не существует как вещь в себе, вне условий его порождения, вне культуры, вне эпохи, в которой был создан. Во-вторых, кинотекст воспринимается «виртуальным удаленным рецептором в устной форме в формате отсроченного контакта при от-

сутствии непосредственного обмена между коммуникантами. Соответственно, виртуальный рецептор сообщения (зритель) отличается множественностью, значительной социо-культурной неоднородностью, неопределенной национальной принадлежностью в силу массовости кино и широты его распространения в мире в эпоху глобализации» [3, с. 22]. Из этого следует, что уровень фоновых знаний у реципиентов также может быть различным. Не стоит забывать, что в эпоху глобализации контакты между различными культурами осуществляются гораздо легче, соответственно, получение культурного опыта и осознание культурных различий проходит быстрее. В этом плане нельзя не обратить внимание на все чаще возникающие ситуации, в которых передача фоновых знаний, содержащихся в оригинале, становится неременным условием успеха культурного переноса. Это особенно важно для случаев, когда культурно-значимая единица составляет смысловую опору переводимого произведения:

Текст оригинала:

а) устная вербальная составляющая:

– *Moi c'est Lola. Mais tout le monde m'appelle Lol*¹.

б) письменная вербальная составляющая (заглавие фильма на экране):

Lol (Laughing out Loud)

Текст перевода:

а) устная вербальная составляющая:

– *А я Лола. Но все зовут меня просто Лол.*

б) письменная вербальная составляющая:

ЛОЛ (Ржунимагу)

в) дополнительная письменная вербальная составляющая – раскрытие фонового знания в письменной форме на обложке издания:

Lol на языке Интернета означает Laughing out Loud («ржунимагу»).

¹ LOL (lol) – акроним выражения на английском языке Laughing Out Loud, который дословно означает «Хохотать во всё горло». Единица арго пользователей Интернет. Используется преимущественно в письменной форме коммуникации (в чатах, в электронной переписке, в языке SMS). Аббревиатура lol достаточно распространена во французском языке, но не используется в других, например, в испанском. Поэтому носители языка рекомендуют пользоваться данным междометием с учётом культурной принадлежности собеседников (см. <http://fr.wiktionary.org/wiki/lol>, <http://fr.wikipedia.org/wiki/Lol>).

В тексте перевода происходит усложнение семиотической структуры текста за счёт того, что для раскрытия культурно-значимого содержания задействуются дополнительные системы означивания. В этой связи Ж. Жюрт говорит об «эстетической ценности произведений, которая образуется благодаря отклонению произведения от горизонта ожиданий рецепиента» [16, с. 96–97]. Другой западноевропейский исследователь Ф. Лайнен, рассуждая о рецепции произведений французской художественной литературы в Германии, отмечает, что читатели всё чаще просят переводчиков сделать «прозрачный перевод», который был бы неотшлифованным, ясным» [17, с. 149]. Таким образом, требование перевода, «который бы не создавал иллюзию ложной идентичности культуре-рецептору» [там же], исходит от конечного реципиента, что говорит о востребованности модели перевода, основанной на полном переносе культурно-значимого содержания. Можно сказать, что такой перевод все больше становится требованием современности. На практике данный аргумент подтверждается тем, что в целом ряде случаев перевод культурно-значимой единицы варьируется. Это указывает на попытку осмысления фонового контекста и об активном поиске сразу нескольких точек пересечения между взаимодействующими культурами, как это наблюдается при передаче культурно-значимой единицы СРЕ.

Текст оригинала: 1 - Celui qui j'entends ouvrir la bouche, je l'envoie directement à la **CPE**¹. 2. – Personne ne sort sans un tract! Ordre de la CPE!

Текст перевода: 1. - Так. Первого, кто откроет рот, – отправлю к **директору!** К заместителю директора по воспитательной работе.

2. - Так, никто не уходит без флаера! Это приказ **Завуча!**

Отечественные исследователи также убеждены в том, что «когнитивный уровень языка не только допускает, но и прямо требует перекодирующей интерпретации, то есть перевода. Предполагать,

¹ СРЕ – Conseiller principal d'éducation – Главный советник по образованию. Государственный служащий, работающий в коллежах, общеобразовательных и профессиональных лицеях под началом главы образовательного учреждения. В полномочия СРЕ входит контроль за посещаемостью занятий учениками, поддержание дисциплины, работа с педагогическим персоналом учебного заведения, организация досуга и обеспечение безопасности учащихся. Набор на данную должность производится по результатам внешнего конкурса. Должность СРЕ составляет специфику французской системы образования, где появилась сравнительно недавно и уже вызывает дискуссию (http://fr.wikipedia.org/wiki/Conseiller_principal_d%27%C3%A9ducation).

что когнитивный материал невозможно выразить и невозможно перевести – значит впадать в противоречие» [10, с. 172]. Ю.А. Сорокин полагает, что «иногда важнее подстрочные переводы, позволяющие реально показать способ существования тех или иных культурно-языковых структур» [см.: 10, с. 173]. З. З. Чанышева обращает особое внимание на то, что «фондовый контекст необходим для создания у иноязычного реципиента адекватного представления о языковом и культурном содержании единицы и призван обеспечить ... максимальную степень адекватной передачи элементов «не своего» для представителей иной этносреды с целью облегчения его акцептируемости» [12, с. 38–39]. Данный подход к культурному переносу, на наш взгляд, тем более актуален для кино: сегодня вопрос о качестве киноперевода волнует не только специалистов, но и широкого реципиента кинопродукции, в особенности неанглоязычного кино, качеству перевода которого в нашей стране всё ещё уделяется недостаточное внимание. Примеры ниже могут послужить примером стратегии полного или частичного сохранения фонового знания оригинала при культурном переносе, даже в условиях перевода в виде субтитров, который налагает особенно жёсткие требования к протяжённости текста перевода:

Текст оригинала: 1. - Je suis donc Monsieur Gerber, votre prof des sciences naturelles. Maintenant vous savez comment on dit - **SVT**¹.

2. - Tu fonces aux **Orfèvres**², tu donnes ça à Mancuso.

Текст перевода: 1. - Итак, меня зовут Месье Жербер. Я ваш преподаватель естествознания, или, как вы знаете, теперь это называется **Наука о жизни и земле**.

2. - Гони в **Орфевр** и передай это Манкузо.

¹ SVT Sciences de la vie et de la terre (В тексте перевода передано дословно). Курс естественных наук, включающий биологию и геологию, преподающийся во французских коллежах и лицеях. До 1994 года дисциплина называлась «естествознание» – «sciences naturelles».

² Имеется в виду адрес: Набережная Орфевр, 36, где находится генеральный штаб и центральный офис Регионального управления судебной полиции при Префектуре полиции Парижа. Здание расположено на острове Ситэ. В нём располагаются отдел уголовной полиции, оперативный отдел и отдел по борьбе с наркотиками (http://fr.wikipedia.org/wiki/Direction_de_la_police_judiciaire). Единица Police judiciaire маркирована как лингвострановедческая в словаре «Мультитран» (<http://www.multitran.ru/c/m.exe?CL=1&l1=4&s=police+judiciaire>).

В заключение следует заметить, что успех культурного переноса во многом зависит от переводчика, уже хотя бы потому, что он имеет доступ к гораздо большему спектру знаний, чем отправитель исходного текста, реципиент оригинала и реципиент текста перевода. Располагая метаединицей перевода, содержащей информацию о культурных отличиях, переводчик имеет возможность сопоставлять системы фоновых знаний, а, следовательно, может сделать так, чтобы эти знания не оставались «за кадром» культурного переноса.

Список литературы

1. Веденина Л. Г. Лингвострановедческий словарь «Франция». – М., 1997.
2. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М., 1997.
3. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога (на материале современного французского кино): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. - [Электронный ресурс]. – Иркутск, 2006. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/announcements/filolog/GorshkovaVE.doc>
4. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М., 1996.
5. Пшенкина Т. Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – Барнаул, 2005.
6. Слышкин Г.Г. Ефремова М.А. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. - [Электронный ресурс]. – М., 2004.– Режим доступа: <http://www.vfrsteu.ru/elib/>
7. Снеткова М. С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов (на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - [Электронный ресурс]. – М., 2009. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~ref/snetkova>
8. Сорокин Ю. А. Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. – М., 1998.
9. Сорокин Ю. А. Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. – Калинин, 1983.
10. Тхорик В. И., Фанян Н. Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебн. пособие. – М.: ГИС, 2006.
11. Халеева И.И. Некоторые проблемы обучения межкультурной коммуникации на основе когнитивного подхода. Психолингвистика и межкультурные взаимоотношения. – М., 1991.
12. Чанышева З.З. Этнокультурные основания лексической семантики: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. - [Электронный ресурс]. – Уфа, 2006. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/announcements/filolog/Chanisheva%20Z.Z.doc>

13. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М. , 2009.
14. Bastin G-L. L'adaptation, conditions et concept // Etudes traductologiques en hommage à Danica Seleskovitch. – Paris: Lettres modernes, Minard 1990. – P. 215-230.
15. Castañeda Díaz A.A. Le temps comme dimension de l'univers cinématographique (A propos du temps et de l'espace créatifs dans le cinégramme) // Langage, Temps et Temporalité : Actes du 29-e Colloque d'Albi Langages et Signification. – Toulouse: Université Toulouse-Le Mirail, 2008. – P. 117-129.
16. Jurt J. Traduction et transfert culturel // De la traduction et des transferts culturels. – Paris, 2007. – P. 92-111
17. Leinen F. Limites et possibilités du transfert culturel. L'exemple de la traduction allemande de *L'Amour, la fantasia*, d'Assia Djebar // De la traduction et des transferts culturels. – Paris, 2007. – P. 137-156.
18. Schreiber M. Transfert culturel et procédés de traduction: l'exemple des réalités // De la traduction et des transferts culturels. – Paris, 2007. – P. 185-194.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 800.1

Т. Г. Галушко

Некоторые проблемы интерпретации художественного абсурда

Основные понятия Ж. Делеза, обоснованные в «Логике смысла»: денотация, манифестация, сигнификация предложения, выявляемые на фоне смысла как сущности, и понятие сингулярностей как номадических сущностей допредикативного и аконцептуального уровня рассматриваются в статье как универсальная методологическая основа для обоснования абсурда, метафоры, парадокса.

The main concepts of «Logic of Sense» by G. Deleuze – denotation, manifestation, signification, sense, singularities as nomadic substances of prepredicative and nonconceptual level – are presented in the article as a universal methodological basis for substantiation of the absurd, metaphor, paradox.

Ключевые слова: абсурд, денотация, манифестация, сингнификация, сингулярности, смысл, абсурд, метафора, парадокс.

Key words : absurd, denotation, manifestation, signification, singularities, sense, metaphor, paradox.

Понятие абсурда вводится экзистенциальной философией в XX веке для понимания реальности, которая предстает сознанию, свободному от «шор», от самоуспокоения в разумной действительности. Опыт абсурда соединяет в себе несоединимое: он близок переживанию смерти и творческому экстазу, стихии деструктивной и креативной, эсхатологическому мировосприятию и форсированному воплощению замысла. В какой-то степени абсурдный опыт это всегда опыт невозможного, это разрушение языковых и смысловых оболочек вещей. Парадоксальная универсальность абсурда прослеживается у А. Камю в «Мифе о Сизифе», который пишет о ситуации, в которой оказался человек: «Он испытывает желание быть счастливым и постигнуть разумность жизни. Абсурд рождается из столкновения этого человеческого запроса с безмолвным неразумием мира <...>. Иррациональность, человеческая ностальгия и абсурд, вытекающий из их встречи, – таковы три действующих лица

той драмы, которая неминуемо должна покончить со всякой логикой, на какую бытие способно» [2, с. 241]. Понятие абсурда соотносится с опытом подлинного существования без обыденности и затягивающей рутины повседневности, оно появляется в качестве «эффекта» нахождения смысла и раскрывает определенные характеристики этого поиска, этих «вылазок ума» (Борхес), оно очерчивает мысль в состоянии преодоления непреодолимого, выявляет ее возможности в ситуации безвыходной. Именно поэтому опыт абсурда всегда больше самого себя, всегда превышает наличную действительность, является творчеством из ничего, отвечая потребности человека в чудесном. Возможно, именно поэтому А. Камю чуть иронично заявляет о том, что открытие абсурда сопровождается неискоренимым желанием написать учебник счастья.

Логико-гносеологический и философский аспекты абсурда, используемые в науке прошлого века, являются далеко не единственными в проблематике абсурда. С одной стороны, сфера дискурса абсурда существенно расширилась и появились новые формы художественных практик, непосредственно обращающиеся к абсурду как к своему регулятиву. С другой стороны, обращение Ж. Делеза к сущности абсурда в работе «Логика смысла», характеризуя которую М. Фуко подчеркивает, что «возможно, когда-нибудь нынешний век будет известен как век Делеза» [4, с. 441]. Для Делеза абсурд является «как бы секретом смысла», а механизм абсурда – высшей целью смысла. Значение этой работы с «загадочным резонансом» было по достоинству оценено в современной науке, но ее методологический потенциал для лингвистических исследований представляется не менее важным и заслуживает внимательного рассмотрения. Из исследований лингвистов, отмечавших важность проблемы отсутствия смысла в тексте, особо выделяются труды Л. В. Щербы, который отмечал, что пользуясь элементарными грамматическими значениями, можно вычислить ряд категорий языка, но в XXI веке лингвистам еще предстоит при исследовании абсурда открытия на пути постижения смысла, порождения и восприятия речи и текста. Ведь автор художественного абсурда делегирует реципиенту свободу вкладывать в текст и дискурс то, что представляется ему более приемлемым, тем самым дает ему свободу интерпретировать, при этом амбивалентность интерпретации «провоцирует» развитие креативных способностей читателя как со-творца или творца-читателя, например, тексты английского классического абсурда (литературного нонсенса) Эдварда Лира, Льюиса Кэрролла, Уолтера Де ла Мэра и др. как подлинный переворот в английской детской лите-

ратуре востребованы не одним поколением читателей, в первую очередь, детей.

Обоснование абсурда Ж. Делезом открывает новые возможности понимания механизмов смысла. Именно через понимание предложения Ж. Делез анализирует и определяет важные для него понятия, такие, как смысл, событие, поверхность, серия, сингулярность, истина, парадокс, абсурд и др. Согласно Делезу, в предложении три главных типа отношений – денотация (указание, индикация), манифестация (связь между субъектом и предложением) и сигнификация (связь слова с универсальными и общими понятиями). При денотации речь идет об отношении предложения к внешнему положению вещей, которое индивидуализируется, и процедура обозначения заключается в соединении слов с конкретными образами, отдельные слова могут играть роль указателей. С логической точки зрения именно истинность или ложность денотации выступают ее основным критерием. «Я» и другие манифестаторы задают область личного при манифестации. При переходе от денотации к манифестации происходит смещение логического, теперь речь идет не об истине или лжи, а о достоверности или иллюзии. При сигнификации предложение рассматривается как элемент «доказательства» в самом общем смысле слова: либо как посылка, либо как заключение, и его значение обнаруживается через его связи с другими предложениями, из которых оно выводится или, наоборот, которые можно вывести из него. «Логической оценкой понятой таким образом сигнификации и доказательства является теперь не истина ..., а условие истины – совокупность условий, при которых предложение было бы истинным» [1, с. 31]. Сигнификация задает и возможность ошибки, поэтому условия истинности противостоят не лжи, а абсурду, то есть тому, что существует без значения, или тому, что может быть и не истиной и не ложью.

Не ограничиваясь тремя отношениями предложения, Делез вводит четвертое отношение, отношение смысла, которое помогает взглянуть на предложение несколько иначе, а через него и на мир в целом, но отмечает его исчезающе неуловимый характер, оно не может быть локализовано внутри денотации, которая задает истинность или ложность предложения. Что касается сигнификации, то когда определяются условия истинности, то происходит возвышение над истиной и ложью, поскольку ложное предложение имеет тоже смысл и значение. Делез следующим образом развивает свою мысль: «Здесь мы восходим к основанию. Но то, что обосновывается, остается тем же, чем и было, независимо от обосновывающей

его процедуры. Последняя не влияет на то, что обосновывается. Таким образом, денотация является внешней к тому порядку, который ее обуславливает, а истина и ложь – безразличны к принципу, определяющему возможность истинного или ложного, что позволяет им оставаться в прежнем отношении друг другу. Обусловленное всегда отсылает к условию, а условие – к обусловленному. Чтобы условию истины избежать такого же дефекта, оно должно обладать своим собственным элементом, который отличался бы от формы обусловленного. То есть в нем должно быть нечто безусловное, способное обеспечить реальный генезис денотации и других отношений предложения. Тогда условие истины можно было бы определить уже не как форму концептуальной возможности, а как некую идеальную материю или идеальный «слой», то есть не как сигнификацию, а, как смысл»[1, с. 37-38]. Таким образом, согласно Делезу, условием истины становится не ее возможность, а *смысл*, который выходит за пределы того, что содержится в истине, он *безусловен*.

Одним из важнейших понятий Ж. Делеза является понятие сингулярности, которое вводится как одно из условий структуры и имеет одно поле деятельности с виртуальным. Виртуальное обладает структурной определенностью и не есть нечто расплывчатое, неорганизованное, его неопределенность лишь только кажущаяся, так как она связана с динамикой становления и разрушения, благодаря которой могут существовать «безличные и индивидуальные номатические сингулярности». Если сингулярность – это актуализация виртуального, то трансцендентальное поле, которое образуют сингулярности, порождает индивидуальное. Когда сингулярности осуществляются в индивидуальном, как в части мира, они движутся по горизонтальной оси через серии обычных, определяющих индивидуальное (актуальное), точек. Примечательные точки – это узлы пересечения, где сходятся различные серии, там, где возможна чистая множественность или виртуальность. Именно доиндивидуальность, аконцептуальность сингулярностей, а также их множественность позволяет им существовать наряду с виртуальным. Индивидуальное – это завершенное, ставшее актуальным, это граница, предел актуализации, тогда как сингулярности – это потоки виртуального, процеживаемого сквозь сито актуализации. Исходным состоянием субъективности выступает у Делеза до-предикативное сознание, это аналог исходного субъективного хаоса, характеризующийся отсутствием выраженной структуры и потенциальной креативностью. Именно сингулярности, все еще не связанные по линии внешнего как такового, формируют «плодородную массу».

Проблема внешнего является центральным моментом модели формирования субъективности. Соотношение внутреннего и внешнего мыслится Делезом не как противостояние, не как принудительное воздействие внешней силы, но напротив, как органическая интериоризация внешнего: «Внутреннее есть операция внешнего», внешнее выступает у Делеза в качестве «неоформленное внешнее». «Внешнее неоформленное – это битва, это бурная штормовая зона, где определенные точки и отношения сил между этими точками носятся по волнам. Механизм оформления субъективности моделируется Делезом на уровне сингулярностей. Процесс становления субъективности интерпретируется посредством случайных флуктуаций, что фиксируется в понятиях «жребия» и «лотереи»: мышление вызывает трансмиссию сингулярностей: это бросок жребия», который фактически выражает отношение, установленное между сингулярностями, возникающими случайно [1, с. 85].

Это фиксирует векторное (содержательное) тяготение самоорганизующийся субъективности к будущему, что семантически изоморфно синергетической установке на тяготение системы к будущим своим состояниям, выраженное в понятии аттрактора. Согласно Делезу, «внутреннее конденсирует прошлое ... но взамен сталкивает его с будущим, которое приходит из внешнего, меняет его и заново создает» [1, с. 91].

Сингулярности – это «единичности, оригинальности, исключительности», которые определяют события смысла. Как отмечает Делез, сингулярности коммуницируют друг с другом, создавая номадическое распределение сингулярностей, сама структура оказывается неупорядоченной, лишенной центра, выстраивающейся вместе с выявлением смыслов, поэтому смысл не результат причинно-следственных отношений, а он – результат игры. Делеза не устраивает классическое понимание игры, он вводит понятие чистой игры и формулирует ее принципы, которые характерны для порождения мысли и произведений искусства. Согласно Делезу, выделить язык – это значит предотвратить смешение языковых звуков со звуковыми свойствами вещей и звуковым фоном тел. Здесь вырисовывается очередная дуальность языка: с одной стороны, язык это звуки, которые являются свойствами тел, но, с другой, они отделены от физической глубины и имеют совсем иной смысл. Язык возникает на поверхности, которая отделяет звуки от тел, организует их в слова и предложения. Если исчезает поверхность и размывается граница, язык погружается в глубь тела, ряд означающего соскальзывает с ряда означаемого, возникает особый шизофренический язык, который присущ искусству и который, по мнению Делеза, характерен для

творчества Льюиса Кэрролла, Эдварда Лира и др. Такой язык обладает революционным потенциалом, он способен создать не только языковые модели объектов, которых нет в действительности, но и новый образ мира, сделав тем самым шаг в сторону его изменения.

Такой подход Делеза к смыслу и сингулярностям позволяет методологически обосновать метафору, парадокс и абсурд, их сходство и различие применительно к лингвистическим исследованиям.

«Смысл – это и выражаемое, то есть выраженное предложением, и атрибут положения вещей. Он развернут одной стороной к вещам, а другой – к предложениям. Но он не сливается ни с предложением, ни с положением вещей или качеством, которое данное предложение обозначает. Он является именно границей между предложениями и вещами... Событие и есть смысл как таковой» [1, с. 42]. Соответственно метафора и абсурд явления смысла одного порядка. Делез пересматривает понимание соотношения структуры и смысла, сложившееся в структурализме, согласно которому структура производит смысл, где структура выступает причиной, а смысл – следствием. В трактовке Делеза сама структура оказывается неупорядоченной, лишенной центра, она выстраивается вместе с выявлением смысла, поэтому смысл – не результат действия причинно-следственных отношений, он – результат игры. Именно такая игра характерна для мысли и искусства.

При метафоризации флуктуации вызываются пустой формой, и в структуре означающего появляется «пустой элемент», он значим, но не имеет смысла. «Мы здесь имеем дело со значимостью, лишенной самой по себе смысла и, следовательно, способной принять на себя любой смысл, то есть со значимостью, чья уникальная функция заключается в заполнении зазора между означающим и означаемым. Это символическая значимость нуля, то есть, знака, которым помечена необходимость символического содержания, дополнительного к тому содержанию, что уже наполняет означаемое, но которое при этом может принять какое угодно значение, лишь бы последнее находилось в доступном резерве» [1, с. 77].

Этот семантический ноль способен вместить неограниченное количество «символического содержания», которое присоединяется к основному содержанию означаемого. Значимость состоит в том, что он – свободное пространство, в которое поступает информация из окружающей среды. Не будь этого пространства, никакого движения не происходило бы, следовательно, и самоорганизации тоже. Процесс создания метафоры также был бы невозможен, и «можно сделать вывод, что не существует структуры без пустого места, приводящего все в движение» [1, с. 79].

Значит, пустая форма обеспечивает сосуществование различных дополнительных смыслов в едином смысловом пространстве метафоры, а их активация полностью зависит от «резерва», которым обладает концептуальная система индивида. Определяя минимальные условия структуры, Делез утверждает, что в ней «должны быть, по крайней мере, две разнородные серии, одна из которых определяется как «означающая», а другая – как «означаемая» (одной серии не достаточно для создания структуры). Каждая из серий задается терминами, существующими только посредством отношений, поддерживаемых между ними. Таким отношениям – или, вернее, их значимости – соответствуют особые события, а именно, сингулярности, которые можно выделить внутри структуры... Более того, сингулярности, относящиеся к одной серии, по-видимому, сложным образом определяют термины другой серии» [1, с. 78]. Отсюда следует, что структура означаемого (сингулярности внутри ее) изначально влияет на означающее. Возможно, это и объясняет существование огромного, но все-таки ограниченного пространства развития и направленности процесса метафоризации. Существует множество альтернативных аттракторов, но их число не бесконечно.

В процессе создания метафоры происходит коммуникация двух различных серий. «Важно понять, что эти две серии маркированы – одна посредством недостатка, другая посредством избытка – и что эти характеристики могут меняться местами без того, однако, чтобы между сериями когда-либо устанавливалось равновесие. То, что в избытке в означающей серии, – это буквально пустая клетка, постоянно перемещающееся место без пассажира. То, чего недостает в означаемой серии, – это нечто сверхштатное, не имеющее собственного местоположения: неизвестное. Вечный пассажир без места, или нечто всегда смещенное. Это две стороны одного итога же – две неравные стороны, благодаря которым серии коммуницируют, не утрачивая своего различия» [1, с. 77]. Важно, что перемещение «пустой клетки» не приводит серии в состояние равновесия. Символическая информация перетекает из одной серии в другую, создавая «отсутствующее присутствие», смысл, который все время ускользает.

«Две разнородные серии сходятся к парадоксальному элементу, выступающему в качестве их «различителя». В этом состоит принцип эмиссии сингулярностей. Данный элемент принадлежит не какой-то одной серии, а, скорее, обеим сразу. Он непрестанно циркулирует по ним. Следовательно, он обладает свойством не совпадать с самим собой, «отсутствовать на собственном месте», не иметь самотождественности, самоподобия, саморавновесия. В од-

ной серии он появляется как избыток, но только при условии, что в то же самое время в другой серии он проявляется как недостаток» [1, с. 78–79].

Парадоксальный элемент является элементом абсурда, одновременно соединяя и разделяя серии. Элемент абсурда препятствует соединению двух разнородных серий сингулярностей и установлению равновесия, с одной стороны, но способствует созданию приемлемой аналогии, с другой стороны. Парадоксальный элемент «осуществляет распределение сингулярных точек; определяет в качестве означающей ту серию, где он появляется как избыток, а в качестве означаемой, соответственно ту, где он появляется как недостаток; и главное, обеспечивает при этом наделение смыслом как означающей, так и означаемой серии» [1, с. 79].

«Каждая сингулярность – источник расширения серий в направлении окрестности другой сингулярности. В этом смысле в структуре содержится не только несколько расходящихся серий, но каждая серия сама задается несколькими сходящимися под-сериями» [1, с. 80–81]. При этом каждая из двух серий, даже если она еще не контактирует с другой серией структуры, находится в состоянии самоорганизации, происходит постоянное движение от одного аттрактора к другому в пределах серии, что, в дальнейшем, определит характер взаимодействия обеих серий в момент коммуникации. Сингулярности ответственны за то, каким именно содержанием заполнится пустая клетка, вызывающая их коммуникацию, то есть, к какому аттрактору совершится переход.

Согласно Делезу, сингулярности двух серий различаются по своему распределению. «От серии к серии какие-то сингулярные точки либо исчезают, либо разделяются, либо меняют свою природу и функцию. В тот момент, когда две серии резонируют и коммуницируют, мы переходим от одного распределения к другому. То есть в тот момент, когда парадоксальный элемент пробегает по серии, сингулярности смещаются, перераспределяются, трансформируются одна в другую и меняют состав» [1, с. 81].

Пустая форма Делеза, по сути, является сигналом, попавшим в систему вблизи момента обострения и вызвавшим флуктуации. Они приводят к последующим перераспределениям и трансформациям сингулярностей. В зависимости от того, в каком режиме протекает коммуникация серий и перемещение сингулярностей, система движется к определенному аттрактору, наполняя пустой элемент соответствующей информацией.

Смысл метафоры всегда связан с этим пустым элементом, которого никогда нет на своем месте: «этот парадоксальный элемент обладает именно тем сингулярным бытием, той «объективностью»,

которая соответствует вопросу как таковому и при этом никогда не дает на него никакого ответа» [1, с. 86].

Делез обращает внимание на общеизвестный факт, который долгое время не принимался во внимание лингвистами. Дело в том, что формирование мысли происходит с невероятной скоростью, и сознание просто не может контролировать этот процесс, им управляет бессознательное. «Каждая мысль формирует серию во времени, которое меньше, чем минимум сознательного мыслимого непрерывного времени. Каждая мысль вводит распределение сингулярностей. И все эти мысли коммуницируют в одной Долгой мысли, заставляя все формы и фигуры номадического распределения соответствовать ее смещению, незаметно вводя повсюду случай и разветвляя каждую мысль...» [1, с. 89]. Следовательно, случайность приобретает статус закономерности, влияющей на перераспределение сингулярностей, коммуникацию серий, и, как результат, на формирование смысла, что в равной степени применимо и к метафоре. Движение сингулярностей в метафоре вызывается пустым (абсурдным) элементом. Однако, несмотря на похожий механизм образования, конечным продуктом может быть как метафора, так и абсурд. Дело в том, что регрессивный закон утверждает, что «всякое нормальное имя имеет смысл, который должен обозначаться другим именем и который должен задавать дизъюнкции, заполненные другими именами» [1, с. 100]. Метафора соответствует этому требованию, поэтому может быть причислена к разряду обычных имен, имеющих смысл. В метафоре одно имя определяется посредством другого. Хотя в основе такого определения и находится абсурд, метафора воспринимается как нормальное имя, имеющее смысл, так как подчиняется регрессивному закону, а абсурд противоречит регрессивному закону.

В абсурде, зачастую, одно и то же слово и называет вещь, и обозначает ее смысл. «Оно одновременно и говорит о чем-то, и высказывает смысл того, о чем говорит: оно высказывает свой собственный смысл. А это совершенно ненормально» [1, с. 98]. Вероятно, поэтому он воспринимается как ошибка, как неправильный смысл.

Движение сингулярностей никогда не прекращается, количество вероятных аттракторов, к которым они стремятся, практически неограниченно, существует множество сценариев распределения сингулярностей как в пределах одной серии, так и при взаимодействии двух серий, что объясняет неограниченный креативный синтез по «логике смысла» далеко заглянувшего в будущее Жюлья Делеза.

Если смысл – результат игры, которая характерна для мысли и искусства, то становление субъективности, согласно Делезу, может рассматриваться только как автохтонный процесс самоорганизации,

исходным состоянием субъективности выступает для Делеза выступает «дикое» (до-предикативное) сознание», определяемое им как «натурализм дикого опыта». Зафиксированное Делезом состояние «дикого опыта» может быть оценено как аналог исходного субъективного хаоса, как в смысле отсутствия выраженной структуры, так и в смысле потенциальной креативности, и именно сингулярности, не связанные по линии внешнего, для этого «формируют плодотворную массу». Мышление вызывает трансмиссию сингулярностей: это бросок жребия, отношение между сингулярностями устанавливается случайно, согласно терминам синергетики, влияние хаотического аттрактора, векторное тяготение самоорганизующейся субъективности к будущему, «внутреннее конденсирует прошлое, но взамен сталкивает его с будущим, которое приходит из внешнего, меняет его и заново создает».

Рассмотрение вопроса о сущности абсурда неотделимо от проблемы культурно-бессознательного, под которым мы вслед за А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, понимаем суммативное обозначение сферы объективных смыслов, скрытых от адекватного осознания. В коллективной монографии «Культура как система» в главе «Культурно-бессознательное» А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко приводят важную для понимания абсурда и процессов смыслопорождения следующую дифференциацию ментально-культурного целого: зона собственно бессознательного, зона неадекватного (замещенного сознания) и зона рутинизированных до бессознательности, профанизованных блоков [3, с. 157]. Область неадекватной рефлексии сопровождается процессами редукции к исходным формам, которые понимаются как «возвращение к истокам», т.е. стремление исправить измельчавший и изолгавшийся мир, возвратиться к его более ранним стадиям, несущим образ более целостного и глубокого переживания мира (направление от ритуально-магического опрощения к эвристическим моделирующим играм), что сводимо к динамическому аспекту перманентного становления знаковых форм. Культурное сознание живет в мире знаков, нетождественных означаемому, что вызывает острые проблемы семиозиса, так как язык попал в зону фронта рефлексии и утратил свою бессознательно-функциональную синкретичность.

Список литературы

1. Делез Ж. Логика смысла. - М., 1998
2. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. - Харьков, 1998. - Т. 2 .
3. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. – М., 1998.
4. Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Делез Ж. Логика смысла. - М., 1998.

Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей

*Язык - это объединенная духовная энергия народа...
В. фон Гумбольдт*

Определяется взаимозависимость лингвоидентичности и социокультурных условий жизнедеятельности этногруппы. Обосновываются причины размывания лингвоидентичности в массовом городском сообществе и ее стагнации в самоизолирующейся этнической общности. Наиболее благоприятной средой развития лингвокультурной идентичности признается институализированный поликультурализм.

An Interdependence of lingual identity and socio-cultural conditions of ethnic group are determined. The reasons of lingual identity washing out in mass city community and its stagnation in a self-isolated ethnic group are estimated. Institutionalized policulturalism is admitted as the optimum environment for lingual identity development.

Ключевые слова: монолингвизм, полилингвизм, социокультурные отношения, лингвоидентичность, культурная идентичность, мультикультурное сообщество, этническая общность, маргинальность.

Key words: monolingvism, polilingvism, socio-cultural relations, lingual identity, cultural identity, multicultural society, ethnic community, marginality.

В статье определяется значимость языка в структуре этнокультурной идентичности. Обычно, когда ученый ставит перед собой такую задачу, он задает испытуемому традиционный вопрос: «Что значит для Вас быть представителем своей национальности?». Количество ответов «Говорить на родном языке» указывает, какое место занимает лингвоидентичность в числе других параметров идентичности.

Золотым веком отечественной эмпирической этнолингвистики теперь можно с уверенностью считать пресловутые застойные годы. Именно в этот политически спокойный период был собран и обработан большой пласт эмпирических данных, прежде всего, о лингвокультурной идентичности этносов, населявших Советский Союз. Большинство исследований выявляли значимость языка как главного этнического идентификатора у населения союзных республик

СССР: свыше 70-80% эстонцев, грузин, узбеков, молдаван идентифицировали себя по признаку языка [14].

В восьмидесятые годы XX века на основе анализа художественных произведений, опубликованных в журнале «Дружба народов» за 1955-1970 гг., М. Н. Губогло обнаружил, что число упоминаний «родного языка» как этнического идентификатора с 1955 по 1966 г. увеличилось в шесть раз, а с 1969 по 1970 г. - в девять раз [3, с. 270-271]. Губогло установил, что интенсивность динамики иных идентификаторов культуры слабее во много раз.

На примере народов Удмуртии [15], Карелии [9] и Кабардино-Балкарии [10] были получены данные, что у народов с распространённым массовым двуязычием язык как этнический идентификатор имел меньшее значение, чем у народов других республик. Тем не менее, среди других параметров - происхождение, обычаи, черты характера и др. - он был все же на одном из первых мест [1]. Между тем, сегодня достаточно сложно оценить значимость этих и многих других научных данных, полученных более двадцати лет назад. Возможно, результаты проводимых исследований указывают на некие общие вневременные закономерности становления лингвоидентичности. Но не следует исключать, что подобные данные детерминируются особенностями социальной эпохи, в которую они были получены. Так или иначе, изменение социокультурных условий существования культурных групп, связанные с развалом больших государств и появлением новых, интенсификацией миграций, глобализацией и развитием межкультурных коммуникативных связей, требуют новых исследований по проблемам лингвоидентичности.

Кроме того, что начиная с девяностых годов прошедшего столетия исследования этноидентичности (или этничности) приобрели крайне политизированный характер, и лингвокультурные аспекты этнического самосознания отошли на второй план [7; 19; 21]. Поэтому не случайно в начале статьи мы вспомнили застойные годы, когда исследования этничности были более эмпирически емкими и менее ангажированными.

В данной статье представлен анализ небольшого фрагмента многоаспектного эмпирического исследования, поведенного автором [16; 17]. Этот фрагмент позволяет проследить состояние лингвоидентичностей в различных социокультурных условиях. Исследование проводилось в шести опросных аудиториях.

Первый опросный срез был проведен нами среди иностранных студентов. Собственно, мы априори были уверены, что результаты в данной категории респондентов будут самыми оригинальными и

неожиданными, и поэтому сравнение полученных данных с результатами исследования в других аудиториях будет достаточно красноречивым. Забегая вперед, отметим, что наши ожидания если и были оправданы, то лишь частично. В опросе иностранцев¹ приняли участие 247 студентов из разных вузов Нижнего Новгорода: Нижегородского государственного технического университета имени Р.Е. Алексеева (58 чел.), Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (98 чел.), Нижегородской государственной медицинской академии (47 чел.), Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (44 чел.). Опрашивались африканцы (43%), индусы (16%) и китайцы (41%). Возраст респондентов – 21-25 лет, в официальном браке никто из них не состоит. Среднее время пребывания в России у африканцев и индусов – 3 года, у китайцев – 5 лет. Большинство (91%) проживают в общежитии.

Социокультурная ситуация иностранных студентов в нижегородских вузах следующая. Студенты обучаются разным специальностям: медицинским, техническим, гуманитарным, экономическим. Но компактно, т.е. в группах с иностранными же студентами, они обучаются только на практических занятиях по русскому языку. На всех остальных занятиях, которые, конечно же, проводятся на русском языке, иностранцы обучаются вместе с русскими студентами. Вместе с тем, в общежитии студенты-иностранцы проживают компактно в специальных секциях, предназначенных именно для иностранцев. Поэтому ситуация диаспоры для данных студентов поддерживается извне. По нашим наблюдениям, «междиаспорные» контакты иностранцев достаточно ограничены: китайцы общаются с китайцами, индусы с индусами, африканцы с африканцами. Общий культурный барьер во многом определяется барьером лингвистическим.

Помимо этого, лингвокультурное положение студента-иностранца определяется его отношением к проживанию в России вообще. Согласно результатам нашего опроса китайцы и индусы (82 и 79% соответственно) не возражают против того, чтобы задержаться в России на неопределенное время, африканцы же, скорее предпочли бы уехать в какую-либо из европейских стран (69%). Действительно, примерно четверть иностранных студентов остается жить в России (то есть заводят семьи, детей, приобретают недви-

¹ Исследование проводилось проектной группой. Руководитель: И.А. Савченко. Члены рабочей группы: Морозова О., Борисова Н., Свирина М.

жимость), более половины не покидают нашу страну после окончания вуза, а остаются на относительно продолжительный срок [6]. Опрошенные иностранные студенты, в принципе, проявляют стремление интегрироваться в русскую культурную среду. Хотя в среднем не более 26% иностранных студентов считают возможной настоящую дружбу с русскими, большинство иностранцев считают возможным вступление в брак с русскими (в среднем 55%), не возражают против русского соседа (61%), могли бы работать вместе с русскими (66%).

Второй целевой опросной аудиторией явились студенты в основном из так называемого «ближнего» зарубежья, обучающиеся в Нижегородских вузах: Нижегородском государственном техническом университете имени Р.Е. Алексеева, Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, Нижегородского государственном архитектурно-строительном университете.

Были опрошены 253 респондента, из которых 60% – женщины, 40% – мужчины. Все респонденты достаточно молоды: 47% не достигли 20-летнего возраста, 36% – в возрасте 21-25 лет, 13% – в категории от 26 до 30 лет и только 4% – 31-35 лет. Большинство (93%) не состоят в браке. Национальность опрошенных: белорусы – 19%, абхазы – 3%, литовцы – 3%, эстонцы – 5%, украинцы – 17%, грузины – 10%, армяне – 17%, азербайджанцы – 10%, таджики – 3%, туркмены – 3%, молдаване – 8%.

Данные студенты-мигранты обучаются вместе с российскими студентами. Кроме того, многие из них проживают в России достаточно давно, закончили здесь школу и именно с Россией связывают дальнейшую учебу, жизнь и работу (около 65%). Имеют русских друзей. Многие (примерно половина) считают русский язык языком повседневного общения, около четверти родной язык утратили. Связи с национальными диаспорами многие студенты не поддерживают, выбор возможных супругов и друзей намереваются осуществлять как среди представителей своего этноса (75%), так и среди русских (73%). Половина респондентов не возражает против русского соседа, 70% - против дружбы с русскими. Только работать вместе с русскими почему-то хотят только 33% студентов-мигрантов. Такие тесные контакты с принимающим сообществом, естественно, влияют на лингвокультурную динамику в обозначенной категории студентов.

В процессе опроса мы попытаемся выяснить, являются ли опрошенные студенты из мигрантских семей аккультурированными в российскую лингвокультурную среду, либо их положение можно скорее назвать маргинальным.

Параллельно с исследованием среди студентов – выходцев из ближнего зарубежья опрашивались представители третьей опросной аудитории – русские студенты: всего 215 человек в возрасте от 19 до 21 года. Все они обучаются в Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева. Мужчины среди них составили 52%, женщины – 48%. Большинство русских студентов являются гражданами России (92%), остальные – граждане Украины, Беларуси, Казахстана и Молдовы. Около 30% русских студентов с радостью стали бы гражданами другого государства: 17% Англии, 7% Германии и 6% Соединенных Штатов. Указывая национальность друзей, 97% отметили исключительно русских. При этом 40% считают, что только патриотизм поможет представителям своей национальности сохранить родную культуру, 16% отметили традиции, и 28% – прекращение американизации. Исходя из личного опыта, 56% русских студентов считают наиболее близкой к русским национальностью украинцев, 17% отмечают белорусов. Указанные социокультурные установки русских молодых людей, безусловно, каким-то образом предопределили их лингвокультурные ориентации.

В четвертую группу вошли курсанты Кстовского¹ высшего военного инженерно-командного училища. В опросе приняли участие 111 человек. Все – мужчины в возрасте от 19 до 25 лет. Большинство (95%) холосты. Этническая принадлежность респондентов: русские из республик СНГ - 8% (из них треть – русские из Республики Беларусь, две трети – русские Казахстана), 11% белорусы, 13% казахи, 3% - уйгуры Казахстана, 20% - армяне, 11% - киргизы, 14% - таджики, 13% - туркмены, 11% - узбеки. Лингвокультурная ситуация данной категории респондентов, на наш взгляд, может оцениваться как промежуточная между первой (иностранцы студенты) и второй (студенты-мигранты из СНГ) категориями опрошенных. Дело в том, что курсанты из ближнего зарубежья обучаются компактно: есть взвод армян, взвод казахов, киргизов и т.д. И в казармах представители одной национальности проживают вместе, в одном солдатском кубрике. В этом плане наблюдаются параллели с иностранными студентами в нижегородских вузах. Структурная диаспоризация курсантского коллектива закрепляется также закрытыми условиями военного вуза. Курсанты не свободны в передвижениях. Даже на

¹ Ксто́во – город в России, административный центр Кстовского района Нижегородской области. Население 65,6 тыс. чел. (2005). Кстово расположен на правом берегу Волги в 29-ти км от Нижнего Новгорода.

выходные они не получают увольнений – причина проста: у них нет родственников или знакомых, у которых можно переночевать. Молодые люди ощущают себя «чужими среди чужих» (то есть среди таких же замкнутых в себе членов минидиаспор).

В Кстовском высшем военном инженерно-командном училище обращает на себя внимание также то, что курсанты из ближних зарубежных стран больше общаются с курсантами из дальних зарубежных стран (здесь есть взводы из Анголы, Мьянмы, Китая, Камбоджи и др.), нежели с курсантами из России. При этом причину здесь не нужно искать в неких культурных особенностях россиян и приезжих. Дело объясняется в первую очередь тем, что российские студенты более свободны, на старших курсах они при возможности могут проживать вне казармы, а праздничные и выходные дни проводят со своими семьями, проживающими преимущественно либо в Нижегородской области, либо в близких сопредельных областях Средней полосы России. Обследованные нами курсанты из прежних республик Советского Союза по большей части (около 65%) связывают жизнь со своей родиной. Даже русские Беларуси в основном намерены вернуться в эти республики и жить рядом с родными.

Рассматривая национальности возможных супругов, русские указывают русские из стран СНГ, белорусы, армяне и уйгуры. Выходцы из среднеазиатских республик и Казахстана стремятся найти супругу либо своей, либо какой-либо иной, но обязательно азиатской, национальности. Причину, судя по всему, следует искать в культурно-религиозных факторах и стереотипных установках. Зато в кандидатуры возможных друзей, коллег, соседей курсанты из республик бывшего СССР охотно включали как своих соотечественников, так и русских, и курсантов из ближнего и дальнего зарубежья.

Таким образом, курсанты Кстовского училища стремятся сохранить родной язык, а русский язык используют в качестве языка межкультурной коммуникации с большинством курсантов училища.

В пятую выборку вошли студенты Камской государственной инженерно-экономической академии (ИНЭКА), г. Набережные Челны¹. Мы опросили 398 студентов, из которых 30% - русские, 60% - татары, 1,5% - крещёные татары (именно так эти люди обозначили свою

¹ На́бережные Челны́ (тат. Яр Чаллы, с 1983 по 1987 назывался Бре́жнев) – город в России, в северо-восточной части Татарстана, на обоих берегах реки Кама. Население города — 507 900 жителей (2009) (31-е место в РФ), что составляет около 13,5 % населения Татарстана; в том числе: татар 45,7 %, русских 45,1 %, чувашей 1,9 %, украинцев 1,6 %, башкир 1,4 %, марийцев, мордвы и удмуртов 1,9 % [12].

национальность), 3% - чувашаи, 1,5% - азербайджанцы, по 1% - марийцев, казахов, немцев, киргизов.

Несмотря на то, что в г. Набережные Челны русских и татар примерно поровну, в нашей студенческой выборке татары явно преобладают. Возможно, это связано с тем, что многие русские получают образование в других городах России. В данном случае наблюдается этнокультурная картина, отличная от предыдущих. Татарстан, конечно же, субъект Российской Федерации, преподавание и вся официальная документация осуществляются здесь на русском языке. Между тем титульным здесь является татарский этнос. Кроме того, Татарстан характеризуется тем, что здесь очень силен пласт национальной интеллигенции, причем не только в столице, но и в менее крупных городах, таких, как Набережные Челны. И интеллигенция прилагает немалые усилия для сохранения национального, прежде всего, литературного татарского языка. При этом в вузе такого удаленного от республиканского центра города как Набережные Челны мы наблюдаем определенный процент внешних мигрантов – азербайджанцев, казахов, киргизов. Естественно, русский язык и здесь сохраняет функцию универсального языка межкультурной коммуникации. В таком же качестве используют представители местных этносов – немцы Поволжья, чувашаи, марийцы.

Шестая выборка отличается от всех предыдущих своей моноэтничностью. Мы сочли полезным использовать моноэтничную (и моноязычную) группу потому, что через нее можно частично понять специфику полиэтничного коллектива. Исследовательский срез был проведен в Чеченской Республике в конце октября – начале ноября 2009 г. благодаря помощи активиста Всероссийского движения Росмолодежь Новикова Станислава, принимавшего участие в акции «Поезд без брони» в г. Грозном. Были опрошены 57 человек. Все – чеченцы, мужчины в возрасте от 21 до 29 лет, студенты старших курсов или недавние выпускники Чеченского государственного университета.

Среди наиболее близких к своей национальности чеченцы называют ингушей, к числу «симпатичных» этнических групп относят, помимо ингушей, русских, армян, осетин, а также дагестанские этносы. Большинство чеченцев готовы вступить в брак с ингушами, русскими и дагестанцами. С ними же чеченцы не отказались бы дружить и совместно работать. С армянами, осетинами и кабардинцами чеченцы считают возможными настоящую дружбу, соседство, сотрудничество, но не брак. Не считая возможными супружество и дружбу с грузинами, чеченцы, между тем, не против совместной ра-

боты и соседства с ними. Другие этносы чеченцы рассматривают как крайне дистанцированные от себя.

В каждой опросной аудитории задавался вопрос: «Что значит для Вас быть представителем своей национальности?». Ответы предполагали множественный выбор, и их варианты (не более трех) были различные: 1) говорить на родном языке; 2) жить родной культурой; 3) исповедовать свою религию; 4) быть чужим в родной стране; 5) бороться за права своего народа; 6) другое. Процент выбравших ответ «Говорить на родном языке» интересовал нас более всего.

Как и ожидалось, в разных опросных аудиториях мы получили различные ответы о роли языка в функционировании этнокультурной идентичности. Итак, иностранные студенты. Отвечая на вопрос «Что для Вас означает быть представителем своей национальности в России», ответ «говорить на родном языке» дали подавляющее большинство индусов и африканцев (86% и 74% соответственно) и очень мало китайцев (12%). Печальный ответ «быть чужим в чужой стране» достаточно редко встречается во всех трех группах (около 10%).

В диаграмме 1 показано, насколько неодинаково у студентов разной этнической принадлежности место лингвоидентичности среди различных составляющих культурной идентичности. Более того, становится ясно, что для некоторых (в частности, для китайцев) культурная идентичность не является важной частью идентичности вообще.

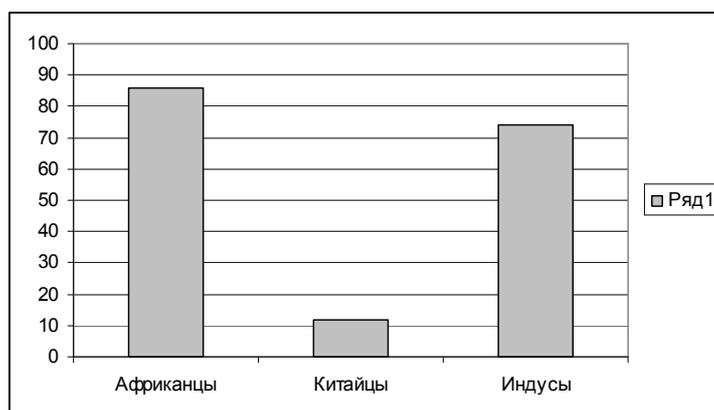

Диаграмма 1. Количество (в %) студентов-иностранцев, выбравших ответ «Говорить на родном языке» на вопрос «Что означает для меня быть представителем своей национальности»

Чем объясняется такое несоответствие ответов? Имеются данные о том, что крупные этносы, являющиеся титульными в своих го-

сударствах, наделяют язык меньшей этнокультурной значимостью. В Москве, например, на рубеже 80-90-х годов по языку идентифицировало себя не больше четверти русских [1]. Аналогичную закономерность мы наблюдаем сегодня в ответах китайцев. Они, судя по всему, уверены, что есть много маркеров помимо языка, позволяющих им считать себя китайцами (чего стоят 49% китайцев, идентифицирующих себя как «посланников своей страны в России»). Помимо этого налицо высокая адаптивная способность китайцев – 25% считают, что быть представителем своей национальности в России означает «осваивать новую культуру». Внутриэтническая устойчивость в сочетании с поразительной приспособляемостью, вплоть до прямого копирования и подражания (никто в мире не делает копии успешнее, чем китайцы) в лингвистическом плане проявляется в том, что жители многочисленных «чайнатаунов» в западных столицах по преимуществу не говорят по-китайски, а используют язык принимающего сообщества. Выходит, китайцам как самому многочисленному в мире этносу вроде бы нет нужды «цепляться» за свой язык.

Иная ситуация у студентов-африканцев. У африканского студента в России наблюдается эффект двойной идентификации: по отношению к африканцам – выходцам из различных стран Африки и по отношению к остальной социальной среде. В последнем случае дифференцирующим фактором является цвет кожи. В первом случае, т.е. среди других африканцев, такой студент определяет себя подобно тому, как это происходит у него на родине. В то время как в большинстве стран Африки государственными являются английский и/или французский языки, различные родоплеменные группы продолжают в бытовой сфере активно использовать африканские языки: киконго, банту, фулани, фанг и др. Например, житель Камеруна идентифицирует себя не как африканец, и даже не как камерунец, а, скажем, как представитель народа банту, говорящий на языке своего племени. В этом смысле для студентов-африканцев язык, судя по всему, действительно является важной этноидентификационной позицией уже потому, что является чуть ли не единственной этнодифференцирующей позицией.

У индусов – схожая лингвокультурная ситуация. Напомним, что в этническом составе Индии более 500 национальностей и племен. Согласно Конституции официальным языком является хинди, однако в этом качестве продолжает использоваться английский. В государственном делопроизводстве употребляются также 18 региональных языков, что закреплено в приложении к Конституции. Естественно, в

такой ситуации говорящий на хинди будет идентифицирован как хиндустанец, на бенгали – как бенгалец, на маратхи – как маратхи, на гурджарати – как гурджаратец и т.д.

Отметим, что на вопрос «Что для Вас означает быть представителем своей национальности в России» можно было давать до трех ответов, и здесь индусы и африканцы в большинстве выбрали второй ответ «Жить родной культурой» (81% и 74%), при этом лишь 6% китайцев дали аналогичный ответ. Здесь проявляется корреляция лингвистической и культурной идентичности. Становится ясным, что чем больше в понятии идентичности культурного содержания, тем больше в нем и лингвистического наполнения.

В следующей группе респондентов – студентов нижегородских вузов из семей мигрантов (преимущественно из СНГ) мы увидели крайне слабую лингвоидентификационную способность. Так, в среднем в данной выборке 23% опрошенных указали «говорить на родном языке». При этом 73% дали нейтральный ответ «быть представителем своей страны в России», а 63% указали «осваивать новую культуру». Были и другие ответы: «жить родной культурой» – 27%, «исповедовать свою религию» – 17%, «быть чужим в чужой стране» – 8%.

Диаграмма 2 позволяет сравнить ответы на обсуждаемый вопрос, полученные во второй и третьей выборках: у студентов-мигрантов и русских студентов. Видно, что у русских родной язык как культурно-идентификационный признак выражен гораздо отчетливее (40%), чем у приезжих (самый большой показатель – у армян: 34%, самый низкий – у абхазов: 13%), у большинства из которых явно прослеживаются маргинальный настрой и тенденция к утрате культурных корней. Однако 40% русских, идентифицирующих себя по лингвистическому признаку, – не такой уж большой показатель. Здесь мы снова видим подтверждение того, что крупные, титульные в своих государствах, этносы наделяют язык не очень высокой значимостью.

Большинство же мигрантов добровольно покинули общества, в которых их этносы являлись титульными, и покинули, в отличие, скажем, от студентов-индусов, навсегда. При этом, если эти мигранты или их семьи и подготовили себя к отрыву от родной культуры, внутренне они оказывались не готовы к освоению новой культуры, именно поэтому среди них так много маргиналов – людей без культурной идентичности, испытывающих большие затруднения в ответе на вопрос «Что значит для Вас быть представителями своей национальности?».

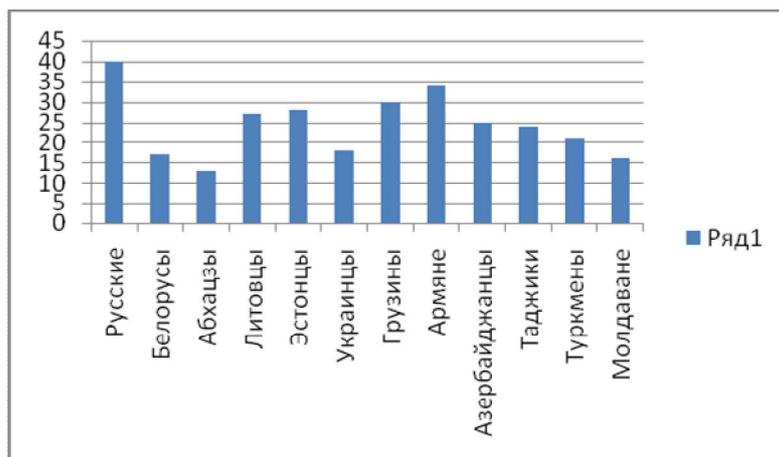

Диаграмма 2. Количество (в %) русских студентов и студентов-мигрантов из стран ближнего зарубежья, выбравших ответ «Говорить на родном языке» на вопрос «Что означает для меня быть представителем своей национальности»

Отношение курсантов Кстовского высшего военного инженерно-командного училища к родному языку как к маркеру социокультурной идентичности показывает диаграмма 3. Напомним, что эту группу вошли исключительно граждане республик СНГ, и даже русские здесь являются гражданами либо Беларуси, либо Казахстана.

На первый взгляд может показаться удивительным и неправдоподобным несоответствие результатов опроса с данными по предыдущей выборке. Впечатляет, насколько велики показатели лингвокультурной идентичности: 91% у армян, 75% у белорусов, 88% у узбеков и 80% у казахов. Несколько меньше показатели лингвоидентичности у представителей ряда мусульманских республик: у туркмен - 67%, у киргизов - 50%, у таджиков - 38%. Такие сравнительно невысокие (хотя и не низкие) показатели лингвоидентичности объясняются доминированием в культурной идентичности этих народов (а также узбеков) религиозного (исламского) маркера (ответ «Исповедовать свою религию»).

И все же, почему, за незначительными исключениями, для большинства курсантов, приехавших в город Кстово из бывших союзных республик, лингвоидентификационный фактор столь важен? В описании нашей выборки мы уже в какой-то мере ответили на данный вопрос. Курсантский взвод, сформированный по национальному признаку, представляет собою минидиаспору - сплоченный коллектив, члены которого общаются на языке, непонятном представителям внешней по отношению к диаспоре среды. Свой язык становится неким «сокровищем», благодаря которому даже командиры, начальники курсов, преподаватели, конечно же, не владею-

щие языком этических групп курсантов, не могут пересечь сокровенный внутренний барьер группы. Язык здесь приобретает признаки ритуального объекта, какими обладает тотем в примитивном обществе. Многим известен пример, описанный в книге Л.Г. Ионина «Социология культуры: путь в новое тысячелетие» [8]. Ионин заостряет внимание читателя на так называемых отрицательных ритуалах, которые представляют собой систему запретов, призванных резко разделить мир священного и мир вульгарного. В курсантской «диаспоре» ее внутренняя жизнь является священным миром. Внешняя среда – мир вульгарного, представители которого – несвященные существа – не имеют доступа в мир священного. Роль тотема-чуриги, который нужно бережно хранить, чтобы несвященные существа не проникли в мир священного, выполняет язык.

По причинам, которые мы можем только предположить, на лингвистический фактор в качестве культурно-идентификационного вообще не указали русские Беларуси и уйгуры Казахстана. Предполагаемые причины такого явления, на наш взгляд, в двух случаях полярно различны. Уйгуры Казахстана не указали родной язык как фактор этноидентификации по простой причине: родной (уйгурский) язык, хотя еще не утрачен полностью, но вытесняется из всех официальных сфер и практически не используется молодым поколением. В то же время официальный (казахский) язык еще не осознается как родной.

У русских Беларуси причина избегания указаний на лингвоидентичность иная. Как на родине, в Беларуси, так в условиях закрытого учебного заведения в России они живут среди белорусов и в качестве языка общения используют преимущественно русский, которым в Беларуси владеют практически все, и поэтому владение языком не является дифференцирующим признаком. Использование в речи русского языка (часто параллельно с белорусским) никак не осмысливается. Кроме того, судя по общим результатам опроса, русские ощущают себя в Беларуси вполне комфортно, никаким образом не ущемляются и после окончания училища хотят вернуться в Беларусь.

Почему же тогда так высоки показатели лингвоидентичности у русских Казахстана (84%)? Их лингвокультурное положение иное, нежели у русских Беларуси. Русские Казахстана в большинстве своем не владеют казахским языком (гораздо большее число казахов владеет русским), что создает значительные жизненные трудности для русскоязычного населения Казахстана, поэтому и имеет место

сильная лингводифференциация¹. Дело в том, что как только титульное значение этноса оказывается под вопросом, языковой фактор усиливается. Этот феномен давно известен ученым. Так, к примеру, было установлено, что в Татарстане, Туве, в Северной Осетии в период обострения этнических противоречий (1994-1995 гг.) для русских язык стал выступать основным этническим идентификатором, и значение его отмечали от 50 до 70% в некоторых группах русских [1].

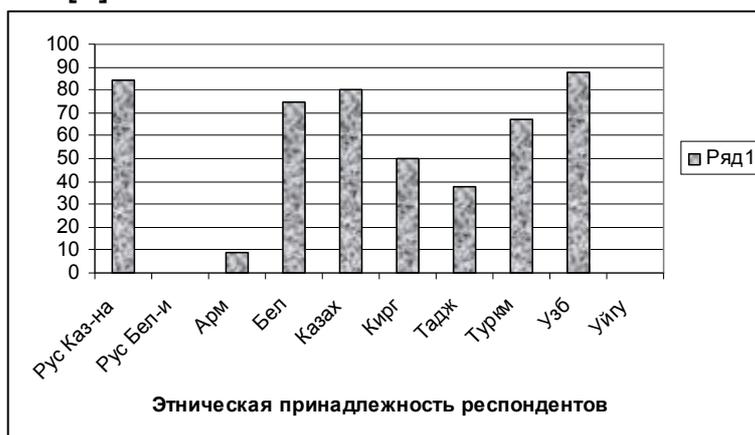

Диаграмма 3. Количество (в %) курсантов Кстовского высшего военного инженерно-командного училища из стран ближнего зарубежья, выбравших ответ «Говорить на родном языке» на вопрос «Что означает для меня быть представителем своей национальности»

Если внимательно посмотреть на данные, полученные при обследовании студентов Камской государственной инженерно-экономической академии (ИНЭКА) в г. Набережные Челны республики Татарстан, то становится ясным, что сосуществование на одном территориальном пространстве практически на равноправных основаниях двух языков – русского и татарского – актуализирует в целом лингвоидентификационные тенденции (диаграмма 4). Причем не только у основных этносов (82% русских, 77% татар и 67% крещеных татар), но и представителей менее многочисленных в Татарстане этнических общностей (83% чувашей, по 67% марийцев, поволжских немцев, киргизов). Не отметили родной язык в качестве культурно-идентификационного маркера казахи и азербайджанцы.

¹ Здесь можно сослаться на эмпирические данные: «6 из 10 русскоязычных людей в Казахстане хотят покинуть экономически наиболее развитую и богатую страну Центральной Азии; 9 из 10 студентов в казахских университетах являются представителями автохтонного населения, тогда как казахи составляют 5,5 из 10 человек населения [22].»

Выяснилось, что в нашей выборке представители этих этносов практически отказались от использования родного языка в общении. В рамках исследования было выяснено, что они живут в иноязычном окружении (преимущественно в общежитии), и даже в семьях родной язык уступает место русскому.

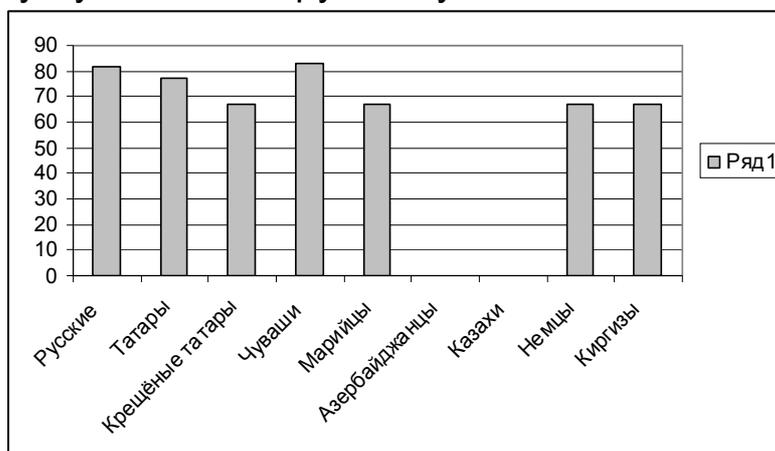

Диаграмма 4. Количество (в %) студентов Камской Государственной инженерно-экономической академии, г. Набережные Челны, выбравших ответ «*Говорить на родном языке*» на вопрос «*Что означает для меня быть представителем своей национальности*»

В последней чеченской моноэтнической выборке 85% определили язык как культурноидентификационный маркер. И хотя такой показатель очень значителен, он все же уступает количеству чеченцев, отметивших в качестве главного признака национальной принадлежности свою религию (ислам) -97%, и борьбу за права своего народа -97%. Оценивая языковую ситуацию в Чеченской Республике, необходимо вспомнить об этнокультурных процессах, происходивших там в последние два десятилетия. До начала этот регион серии вооруженных конфликтов в 1989 г. был одним из самых лингво- и культурно-гетерогенных в России¹. На сегодняшний же день по разным данным от 93 до 95% населения Чеченской Республики – этни-

¹ По данным Всесоюзной переписи 1989 г., на территории Чечено-Ингушской АССР проживало 1 270 429 человек, из них чеченцев – 734 501 , русских – 293 771, ингушей – 163 762 , армян – 14 824, татар – 14 824 , ногайцев – 12 637 и т.д. [2]. Но за период с 1989 по 2002 г. более 200 тыс. русских, 125 тыс. чеченцев и ингушей и 50-75 % жителей Кавказа: грузин, азербайджанцев, осетин и татар покинули Чечню Также в массовом порядке стали покидать Чечню малые народы Дагестана: аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, ногайцы [11].

ческие чеченцы [11]. Моноэтничный и монолингвистичный состав современной Чечни можно опрометчиво принять за признак духовного возрождения чеченского этноса. Между тем чеченский автор А.И. Халидов [18, с. 94] напоминает о лингвокультурном «гумбольтовском круге» народа «из пределов которого можно выйти только в том случае, когда вступаешь в другой круг». Чеченцы же за сравнительно короткое время «прорвали по всей его окружности» и «не вошли ни в какой другой круг» [18, с. 94]¹ и приблизились к порогу культурно-языковой деградации [13, с. 7].

Теперь, когда получены результаты исследования, мы снова можем задаться вопросом: что значит язык для народа, что значит родной язык для отдельного человека. Что такое язык – великая ценность, которую надо бережно хранить, или всего лишь инструмент, с помощью которого индивиды и группы обмениваются информацией?

Именно как инструмент, имеющий скорее прикладное значение в жизнедеятельности этноса, рассматривал язык наш великий соотечественник Л.Н. Гумилев². Сердцем этноса Л.Н. Гумилев считает общую «историческую судьбу» [5, с. 48]. С Гумилевым не соглашались многие ученые, в частности авторы известной работы «Народы, расы, культуры» Чебоксаровы [20], которые среди основ национального самосознания в первую очередь называют язык.

В нашем исследовании мы увидели, что в большинстве случаев изолированность этнической группы, добровольная или вынужденная, в большинстве случаев способствует сохранению исконной

¹ В Чечне «степень владения русским в последние годы стремительно падает, не в последнюю очередь из-за энергичных попыток вытеснить его из сфер образования, науки и т.д. (при этом не находя ему альтернативы). Параллельно с этим буквально за несколько лет родной чеченский язык оказался поставлен в такие условия, в которых он вряд ли сможет выжить, если эта тенденция не будет преодолена в самое ближайшее время» [18, с. 94].

² Рассуждая о месте языка в самосознании народа, Гумилев писал, что это «не единство языка, ибо есть много двуязычных и триязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском, баскском и провансальском, причем это не мешает их нынешнему этническому единству, несмотря на то, что история объединения, точнее – покорения Франции от Рейна до Пиренеев парижскими королями, была долгой и кровавой <...>. Кроме того, есть сословные языки, например, французский – в Англии XII-XIII вв., греческий – в Парфии II-I вв. до н. э., арабский – в Персии с VII по XI в. и т. д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке ... [5, с. 51-53.]»

лингвоидентичности. Так было у большинства иностранных студентов, у курсантов Кстовского училища, у молодых людей из г. Грозного. Но здесь язык играет все ту же прикладную инструментальную роль. Он не осознается как ценность, но как способ дистанцирования от других общностей. На таком языке перестают слагать стихи, писать книги, даже в сетевой коммуникации его не используют. Язык не развивается, он подобен сокровищу, зарытому в землю, которое не приносит радости ни своим обладателям, ни кому-либо еще.

В маргинальной среде, которую являет собою современное городское сообщество, влекущее к себе, язык, как ни парадоксально, оказывается в сходной ситуации, лингвоидентичность слабеет. Социальная идентичность принимает некий нейтральный, усредненный характер. На примере нашего исследования среди нижегородских студентов мы увидели, что русские студенты, будучи очевидно вовлеченными в культурно-глобализационные процессы, постепенно утрачивают связь с родным языком как культурной ценностью, и воспринимают его лишь как инструмент информационного обмена, который, в принципе, может быть замен каким-либо другим.

Не случайно во всем мире мы видим тенденцию к стремительному упрощению лингвистических структур, а точнее, к выхолащиванию языков – английского, французского, немецкого и др.

Мигранты, попадая в такую стремительно маргинализирующуюся среду, столь же стремительно теряют свои лингвокультурные основы, но и осваивать языковые ценности принимающей социальной среды не спешат. Выйдя из одного «гумбольтовского круга», в новый они не входят. Не входят потому, что этнокультурный круг принимающего сообщества тает на глазах, утрачивая свою «самость». Мигранты быстро осваивают инструментальные основы русского языка. Но русский для них – не язык Толстого и Чехова, а всего лишь «морзянка», инструмент взаимодействия с другими членами общества.

Лишь в городе Набережные Челны, в Татарстане, где два крупных этноса находятся в состоянии некой языковой конкуренции, пытаясь доказать друг другу ценность родных языков, мы не обнаружили явных признаков лингвокультурной изоляции или маргинализации. В такой ситуации, когда язык возведен в ранг культурной ценности, которую надо беречь, представители неосновных, менее крупных, этносов осознают свои языки подобным образом. Имеет место культурная интеграция, при которой культурный обмен способствует развитию отдельных культур мультикультурного общества. Такие условия являются наиболее благоприятными для развития лингвокультурной идентичности.

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. - М.: Аспект-Пресс, 1999.
2. Всесоюзная перепись населения 1989 года / Рабочий архив Госкомстата России. Таблица 9с. Распределение населения по национальности и родному языку.
3. Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. - М., 1984.
4. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Наука, 1985.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: ЛГУ, 1989.
6. Давидсон А. Б., Иванова Л. И. Московская Африка. Научный совет Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия. - М.: Изд-во театрального института им. Б. Щукина, 2003.
7. Данилова Е. Н. Идентификационные стратегии: российский выбор // Социологический журнал. – 1995. - № 6. – С. 56-65.
8. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Логос, 2000.
9. Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материале Карел. АССР): Автореф. дис. ...канд. истор. наук. - М.: Ин-т этнологии РАН, 1971.
10. Кумахов М. Г. Изменения социально-этнической структуры городского поселения Кабардино-Балкарской АССР (1959-1970): Дис. ...канд. истор. наук. - М.: МГУ, 1971.
11. Максудов С. Население Чечни: права ли перепись? //Население и общество. - № 211–212. - 29 августа-11 сентября 2005 / Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. – С. 77-81.
12. Набережные Челны. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chelni.info>.
13. Овхадов М.Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. - М.: Прогресс, 2000.
14. Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР / под рук. Ю. В. Арутюняна. - М.: Институт этнографии АН СССР, 1985.
15. Пименов В. В. Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. - Л.: Наука, 1977.
16. Савченко И.А. Культурная интеграция иностранного студента в российскую социальную действительность: опыт исследования // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. – 2008. - № 4. - С 110-117.
17. Савченко И.А. Трансформации культурной идентичности в мультикультурном сообществе // Личность. Культура. Общество. - 2009. - Т. 11. - Вып. 3 (50). - С. 430-430.
18. Халидов А. И. Культура сквозь призму языка // Культура Чечни: история и современные проблемы / отв. ред. Х.В. Туркаев; Ин-т этнологии и антропологии. - М.: Наука, 2002.
19. Чагилов В. Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. (Монография). - Москва, 1999.
20. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. – М.: Прогресс, 1971.
21. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. – 1995. - №№ 3-4.
22. Asimov F. Russians Are Leaving Kazakhstan In Mass Departure //HULIQ. - April 2nd. - 2008.

Нравственная цель религиозного контекста в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

В статье сделана попытка раскрыть на примере взаимоотношений героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» понимание писателем христианской любви и нравственной цели литературы.

In the article there is an attempt based on Tolstoy's novel «Anna Karenina» to reveal literature understanding of Christian love and moral aim that is based on the example of relations of heroes.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, религия, христианство, нравственность, церковь, философский вопрос.

Key words: L. Tolstoy, Religion, Christianity, morality, church, philosophical questions.

Обращение к религиозным мотивам Л.Н. Толстого вызвано необходимостью «усовершенствования характера», установления моральных правил. Религиозные мотивы появляются уже в первых литературных опытах писателя и отражают психологические перемены его собственной личности. Л.Н. Толстой с молодости был убежден, что «нравственная цель» литературы есть единственная» [6, с. 512]. Об этом же свидетельствует дневниковая запись писателя 18 декабря 1853 года: «А право не худо бы, как в баснях, при каждом литературном сочинении писать нравоучение – цель его».

Религиозные мотивы в «Анне Карениной» связаны не только с описанием церковных таинств и богослужений, но также с размышлениями главных героев о своей жизни, ее порядках и правилах, о стеснении правилами светского общества. Эти мотивы связаны с пребыванием героев в деревне, где они ощущают свою связь с народом осознают характер его религиозности: принятие бога и божеской правды такой, какая она есть, без религиозных премудростей через слияние и принимая все как есть, где происходит слияние, таким образом, с миром в самом широком смысле. Писатель Толстой дает свою разработку «учения о смысле жизни и *нравственном* [Курсив наш. – А.А.] поведении, условиях и этапах нравственного развития, механизмах овладения многообразием бытия» [3, с. 98–99].

Толстой во взаимоотношениях героев имеет в виду нравственные отношения. Измена не есть безнравственность или безбожие, но понятия религия, вера, Бог, любовь, совесть, добро и зло есть одно единое, цельное учение о стремлении «к смыслу и ценностям жизни человека» [3, с. 100]. Анна в своей душе еще до встречи с Вронским готова к измене (что является грехом для всех религий мира во все времена), но Каренин в попытках «предупредить» ее «падение» поступает истинно по-христиански, т.к. «духовные начала» - «абсолютное совершенство... любовь к ближнему, т.е. ко всем людям без исключения... Истина религиозная и нравственная везде и всегда одна и та же...», - пишет Толстой в письме к Я. Стыке в 1909 г. «Бог, начало всего; ... в человеке есть частица этого божественного начала, которую он может уменьшить или увеличить в себе своею жизнью ...» [5, с. 231-232].

У героев Толстого столько лжи в жизни, что они хотят сказать правду хотя бы себе. Как только Каренин проявил чрезвычайное «любопытство», у него наступил протяженный процесс расставания с женой, а жены – с жизнью. В браке не должно быть этого чрезмерного «любопытства» (что само по себе уже греховно). Анна отгородилась от мира и одновременно оказалась в эпицентре всеобщего внимания. Ей не удалось отгородиться от «чрезмерного любопытства» и света, что породило неимоверной силы сплетни, интриги, осуждения, ложь, зло. Она своим неумением лгать разрушала устои, создаваемые не одним поколением высшего общества (все знают, что Бетси и другие «связаны» интригами на стороне, но не переходят «границ»). Каренин при всем желании по-христиански «подставить другую щеку» все-таки не смог проигнорировать «чрезмерное любопытство» и вторжение, вмешательство света в семейную жизнь. Свет есть борьба, война. Семья Карениных оказалась «заложником» своей собственной среды, их жизнь проходит у всех на виду, как в театре, где Каренины – главные персонажи на сцене. Такая совместная жизнь заранее обречена.

Если до разрыва с женой Каренин любил сына и принимал его таким, какой он есть, то после первого же объяснения с Анной называл Сережу «молодым человеком», отказывая мальчику в бескорыстной христианской любви. Каренин в любви корыстен, его любовь-действие отчуждается от любви-понятия.

Л. Толстой в работе над романом сохранил верность своей традиции быть «исторически достоверным» (роман «Война и мир»). В письме 1875 г. к М.Каткову читаем: «*Яркий реализм* ... есть единственное орудие, так как ни пафос, ни рассуждения я не могу упот-

реблять. И это одно из мест (имеется ввиду последняя глава «Анны Карениной»), на котором стоит весь роман. Если оно ложно, то ложно все». В письме к Т. Кузминской 1874 г.: «Таня, милый друг, сделай мне одолжение. Спроси у Саши, брата, можно ли мне в романе, который я пишу, поместить историю, которую он мне рассказывал об офицерах, разлетевшихся к мужней жене вместо мамзели, и как муж вытолкнул и потом они извинялись. Дело у меня происходит в кавалерийском гвардейском полку, имена, разумеется, непохожие, да я и не знаю, кто были настоящие, но все дело так, как было. История эта прелестна сама по себе, да и мне необходима». Эта «история» отражена в пятой главе II части «Анны Карениной».

О своем романе Л. Толстой отзывался по-разному. «...Я ждал целый год, мучительно ждал расположения духа для писания – оно пришло – я им пользуюсь для того, чтобы кончить любимое мною дело» (письмо к Н.Страхову от 16 декабря 1873 г.); «Я не могу иначе нарисовать круга, как сведя его и потом поправляя неправильности при начале» (письмо к Н.Страхову 1874 г.).

Именно «поправлять неправильности» и выписывать «круг», чтобы «завязалось красиво и круто», писателю пришлось дольше намеченного для этой работы времени (роман в первой черновой редакции был готов в течение восьми дней, но работа над окончательным вариантом растянулась на несколько лет).

«Все смешалось» в душах Анны, ее мужа, брата Стивы и Долли, Кити и Левина в свете. Вронский «никогда не знал семейной жизни», и оттого «несчастье ее (Анны) свершилось». Степан Аркадьевич «не мог раскаиваться», добавим, и не желал этого и потому надеется на «авось». Каренин, раздражающий Анну своей добротой («я ненавижу эту его доброту»), рассуждая об институте брака с «холодной самоуверенностью», «без поспешности и без отдыха» (девиз Каренина), любивший «следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере», с его интересами к политическим, философским, богословским книгам («считал своим долгом все читать») «сомневался или отыскивал» «разумный и твердый взгляд» с одной целью единения семьи, хотя сам же подталкивает к ее разъединению и разобщению вследствие предпринимаемых шагов ко лжи, дабы «сохранить приличия».

Семья – это смысл жизни. О целостности образа семьи говорится на протяжении всего романа. Но в книге все семьи разобщены: Вронский никогда ее не знал, Долли и Стива Облонские также разделены на почве разного видения модели семьи, Стива порой даже забывает, что «у него есть жена и дети». Бетси, хотя фор-

мально и находится в браке, но и у нее есть «интерес» и все об этом знают, в том числе Анна, т.е. семья разъединена. Даже Каренин, упорно добивающийся объединения семьи, имеет внимательного «благочестивого» друга Лидию Ивановну. Во всем тексте романа только Константин (что означает «постоянный») Левин стремится к соединению в семью. И в этом что-то есть от исканий автора, графа Толстого. Семья есть истина, которая передается людям не словами, а только делами истины. То есть когда происходит единение в семью не только сердцем, но и разумом, две чужие личности могут превратить союз в обоюдный образ семьи. По этому поводу существуют воспоминания Т.Полнера в книге «Л.Толстой и его жена»: «...брак – не праздник. Сходятся два человека, чтобы мешать друг другу. <...> Сходятся два чужих между собой человека, и они на всю жизнь остаются чужими. Сравнивают мужа и жену с двумя параллельными линиями. Какие параллельные линии! Я всегда говорил, что как трудно, почти невозможно отыскать между множеством пересекающихся линий две параллельные, так трудно встретить две сходные натуры. Брак скорее пересечение двух линий: как только пересеклись, так и пошли в разные стороны». По этому поводу в «Анне Карениной» представлены взгляды Каренина. Он «умный, ученый, божественный что-то...», в вопросах чувства он полагается на совесть, которая «подлежит религии» - «пункт узаконений». По его мнению, ее (Анны) чувства «суть вопросы ее совести», «я должен сказать и высказать ... религиозное объяснение значения брака». Ведь главное в его глазах «предостеречь свою жену от ошибки в глазах света» (но не Церкви и Бога!) и «неволью» волновался о ее совести, т.к. «есть известные законы приличия, которые нельзя преступать безнаказанно». Он думает о каре не божьей, а своей. «Ему все равно... Но в обществе заметили, и это тревожит его», - думает Анна. Каренин же думает так: «Твои чувства – это дело твоей совести; но я обязан пред тобою, пред собой, пред богом указать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана <...> богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару». В то же время он не теряет надежды «спасти ее, заставить опомниться <...> чувствовал, что тот дух зла и обмана, который владел ею, овладевал и им».

Чувство стыда из-за лжи и обмана как необходимости охватывают и Вронского, и Анну. Этот стыд вызывает странное чувство – «омерзение». Лишь Сереженька, «ребенок <...> с своим наивным взглядом на жизнь был компас, который показывал им степень их отклонения от того, что *они знали, но не хотели знать*» [Курсив

наш. - А.А.]. Даже речевые перепады «невозможно-холодного между ними *вы* и опасного *ты* по-русски» подчеркивают обман, ложь, противные христианству.

Толстой-писатель последователен в мелочах, и нет ничего случайного в его повести о любви разъединяющей. «Любите друг друга», – сказано в Библии. Значит, любовь должна соединять весь мир, а то, что противно Богу, не подлежит соединению. И хотя цель романа была определена Толстым как «мысль семейная», т.е. о соединении судеб, выписался другой план семьи – идея внутреннего разобщения и разъединения в семье и, как следствие, ее распада. «В отличие от «Войны и мира», «Анна Каренина» – роман о разъединении, но и страстных поисках единения, которое оказывается возможным лишь в христианской вере» [2, с. 173-174]. «Мысль семейная» перерастает в мысль христианскую, божескую истину «что есть любовь».

Примечательна в романе сцена, в которой Анна стремится «проглядеть» истину в «присутствии уже знакомого ей духа лжи и обмана» в беседе с Михайловым о картине с изображением Христа и «увещанием» Пилата – сюжета, заимствованного из Евангелия от Матфея, глава XXVII. Анна в лике Христа нашла «удивительное выражение ... Видно, что ему жалко Пилата <...> В выражении Христа должно быть и выражение жалости, потому что в нем есть выражение любви, неземного спокойствия, готовности к смерти и сознания тщеты слов». Интересно, что в изображенном Пилате все участники сцены (Анна, Вронский, Михайлов, Голенищев) оказались едины в мысли о впечатлении от написанного палача – «чиновник до глубины души, который не ведает, что творит» (вспомним слова Иисуса «Господи! Прости их, ибо они не ведают, что творят»). В описываемой сцене обсуждаются работы А. Иванова «Явление Христа народу», И.Крамского «Христос в пустыне», «Осмеяние Христа»; «Что есть истина?» Н.Ге и др., близкие к замыслу сюжета картины Михайлова «Христос перед судом Пилата». О влиянии перечисленных полотен сообщается в примечаниях к роману. Главное религиозное чувство, занимающее писателя, – постижение канонической тайны не историческое и церковное, а «нравственное толкование сюжета», вызвало бурные споры. И.Долгополов в книге «Мастера и шедевры» приводит факты, свидетельствующие о дружбе Л.Толстого с художниками, о видении Крамского в образе художника Михайлова и духовном родстве с Н.Ге (старшим). О последнем из них Долгополов пишет: «Сошлись два безбожника». На холсте Н.Ге «Что есть исти-

на?» Христос «некрасив», он измучен пытками, его «били целую ночь», и потому он «не мог походить на розу». Христа и Пилата разделяет яркий блик солнечного луча, получился «бесконечно далекий от канонических засахаренных изображений Спасителя, принятого церковниками» Иисус. «И церковники, а вместе с ними власть предержавшие восстали». «Два безбожника» – Л.Толстой и Н.Ге – одинаково относились к проблеме жизни и смерти: «помирать все равно, что на золотом ложе или под воротами» [1, с. 241-244]. И в письме к В. Стасову в 1894 г. Толстой выделил мысль, что «новое отношение Ге к христианским сюжетам то, что он ... берет из жизни Христа те эпизоды, которые олицетворяют отношение людей к тем вечным истинам, которые с того времени еще осуществляются в мире, и те практические положения, в которые становятся люди, осуществляющие их и борющиеся с ними» [4, с. 282]. И если взять за основание обстоятельство, что в данной сцене обсуждения картины Михайлова в романе есть описания событий, имевших место, то можно сделать вывод, что образ Христа является не только эмоциональным, образным ощущением настроений, чувств и цвета, но также создает некую тревожную торжественность темы и придает основным персонажам динамику тревоги по поводу страшного, бесчеловечного мира, представшего в грядущем зле. Интересно и то, что Толстой безысходность судеб любимых героев и неминуемое горе подчеркивает мифологемами кольца («сжав исхудавшие руки с кольцами, спускавшимися с костлявых пальцев» - Долли, «пухленькие руки с кольцами», «сходившее кольцо с ее белого, тонкого в конце пальца» - Анна), браслета («ее полные руки с браслетами») и др. украшений в форме замкнутой линии, круга, подчеркивая тем самым безысходность, безвыходность положения и убеждая в том, что свершится несчастье.

В романе проходит также мотив возмездий – возмездия за сказанное, содеянные и ожидаемые поступки, пришедшие мысли, пусть и не реализованные в действительности, за ложь, неправду, нечестность и другие формы зла. И если зло многолико, то многолико и возмездие. Ложь опасна. Анна знает, что так дальше жить нельзя (впрочем, как и Вронский). Ложь, нечестность, неправда одного через час, день, год, десять могут привести к падению в пропасть многих и общего, - так гласит Евангелие. Ложь есть зло, так как порождает зло. И победить ложь и нечестность могут мысли о чистоте и боге. Ревность – присущее человеку чувство – есть сомнения

в честности, правде божеской, потому оно оскорбляет. Чтобы развеять сомнения, человек обращается к слову молитвы. В молитве должно быть откровение в слове, откровенность есть правда, но не истина. Мотив зла чаще проявляется в возражениях и спорах, причем все основные персонажи прекрасно осознают, что творят зло. Таковы Каренин, Анна, Вронский, Стива, Бетси и др. Если Каренин систематически останавливает себя и пытается смягчить порывы сердца и спокойно смириться, то недовольство накапливается и «подталкивается» извне тем окружением, которое его (зло) и порождает. Анна с первых строк романа оказалась в нише оппозиции, ее не любят, но замечают, подталкивают и злорадствуют, возмущаясь ее жизнью, ее семьей, ее связью. Если Каренин сознательно и решительно готов идти на компромисс, то общество, следуя принятым правилам «приличий», не позволяет разрешить семейный конфликт. Свет, не считаясь с мнением всемогущего государственного чиновника, выразил недовольство чрезвычайной силы. В поведении Анны проявляется несдержанность. Во взаимоотношениях супругов непонимание перемежается страхом, который появляется из-за возможного зла (отнять сына). Умение богато, великодушно, с размахом руководить государственными делами обернулось бедностью души и отсутствием великодушия Каренина. Несмотря на все возможные акты искреннего самопожертвования, Каренин, человек религиозный, понятный, даже предсказуемый, сторонник правды, «носился» и «мучился» мыслью о своем, а не Анны, счастье. «Он считал своим долгом следить за всем <...> в умственной сфере» («У нас начинает устанавливаться разумный и твердый взгляд»). Анна также считает мужа «умным, ученым, божественным что-то...». Он увлечен идеями, как и графиня Лидия Ивановна, в основном, религиозно-патриотическими, с целью христианской добродетели, но христиане должны уметь прощать, не сердиться на врагов, а здесь «все враги по христианству и добродетели». Следовательно, весь религиозный мотив деяний графини Лидии Ивановны и Каренина только внешняя, наигранная, ложная, нечестная добродетель, прикрываемая лишь словом «добродетель», но ее нет. Оттого у Анны многое вызывает «разочарование». Анне хотелось «легко положить конец» «глупостям» Вронского, т.к. «всякая женщина может подвергнуться этому», как считал Каренин. В то же время он слишком ненавидит Анну «за все то зло, которое она сделала» ему. И даже «стыдливо» сказанное слово Долли «Любите ненавидящих вас...» у Каренина

вызывает презрительную усмешку – «Любите ненавидящих вас, а любить тех, кого ненавидишь, нельзя», – так трактует Каренин одну из истин Христа.

Таким образом, в романе главный философский вопрос не прозвучал, а внутренний конфликт основан на иллюзии трезво смотрящих на жизнь персонажей. И оттого семейный конфликт перерастает в конфликт нравственный, конфликт противоречий в понимании и исполнении религиозного смысла чувств и нравственности.

Список литературы

1. Долгополов И.В. Мастера и шедевры: в 3 т. - М.: Изобразит. иск-во, 1987. - Т. 2.
2. Донсков А.А., Галаган Г.Я., Громова Л.Д. Единение людей в творчестве Л.Н. Толстого: Фрагменты рукописей. – М.: SRG Ottawa, ИРЛИ РАН, ИМЛИ РАН, 2002.
3. Кудрявая Н.В. Лев Толстой о смысле жизни. - М.: Красный пролетарий, 1993.
4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. - М.: Худож. лит., 1984. - Т. XIX-XX.
5. Л.Н. Толстой. В чем моя вера? - Тула, 1989.
6. Флоровский Г. В. У истоков // Русские мыслители о Л. Толстом: Сб. статей. - Тула, 2002.
7. Якушин Н.И. Ф.М. Достоевский в жизни и творчестве. - М.: Русское слово, 2002.

Транспортный дискурс и современность

В статье дается описание состояния транспортного дискурса на современном этапе его развития.

This article describes current status of transport discourse.

Ключевые слова: транспортный дискурс, термин, заимствование, смежные дискурсы, словарный состав.

Key words: transport discourse, term/expression, borrowing, allied discourses, lexis.

Гуманитарные науки на протяжении всего XX века находились под обаянием феномена дискурса. Примером тому могут служить исследования о дискурсе в собственно семиотической литературе, начиная от работ В. А. Миловидова, Р. Барта и Ю. М. Лотмана и заканчивая изданиями научных трудов непосредственно в этой области, например, труды ученых Института высших гуманитарных исследований РГГУ; новосибирский журнал «Критика и семиотика», объединивший сибирских ученых, работающих в области семиотики культуры [1].

В качестве первого и самого важного блока научной литературы, существенной для данной статьи, следует выделить работы по теории и анализу дискурса. В этом ряду следует назвать фундаментальные исследования Т. ван Дейка [4]. Именно в трудах Т. ван Дейка дискурс получил необходимое теоретическое осмысление как феномен, свойственный совокупной общественной речи, или «речевой деятельности», как ее провидчески понимал Ф. де Соссюр. Другой важной составляющей этой научной традиции выступает французская школа анализа дискурса, представленная такими именами, как М. Пеше, Ж.-Ж. Куртин, П. Серио и др. [3]. К названным исследованиям примыкают работы весьма плодотворной отечественной школы теории и анализа дискурса, представленные в специализированном журнале «Дискурс». В числе ведущих авторов этого журнала, работающих в области дискурсного анализа, можно назвать В. И. Тюпу, Ю. В. Шатина, Ю. Л. Троицкого, И. П. Смирнова, М. Я. Дымарского, В. И. Набиеву, И. В. Пешкова и др. Эта школа в настоящее время приобретает характер международной по своему

охвату – к ней, в частности, примыкают работы известного европейского исследователя дискурса и социологии коммуникации Р. Мочника [8]. Необходимо также указать работы исследователей, работающих в области дискурсного анализа: В. Н. Базылева, О. С. Иссерс, Н. А. Купиной, Л. М. Майдановой, М. Л. Макарова, Э. В. Чепкиной и др.

Несколько веков бурного развития транспортных систем мира привели к постепенному расширению транспортного дискурса. Актуальность его на современном этапе развития обусловлена, в первую очередь, серьезными изменениями, произошедшими в сфере железнодорожного, автомобильного, авиационного, водного транспорта. Особенности формирования системы железнодорожного транспорта России демонстрируют своеобразие влияния развития техники на развитие культуры народа. Россию невозможно представить без железных дорог. Строительство российской системы железных дорог началось 200 лет назад. Тогда необходимость железных дорог для поступательного экономического развития страны еще не была осознана на государственном уровне, и сфера применения рельсового транспорта ограничивалась горно-металлургическим производством, но уже в 1851 году было завершено строительство важнейшей для страны железной дороги Санкт-Петербург - Москва длиной 650 км. На первых дорогах России эксплуатировались заграничные типы паровозов (английские и американские). Позднее было принято решение собирать на Александровском чугунолитейном заводе в Петербурге локомотивы, используя зарубежный опыт и учитывая особенности новой железнодорожной линии. В начале 1870-х гг. в стране начался настоящий железнодорожный бум.

Формирование железной дороги также влияло на определение образа железных дорог в национальной картине мира. Так, метафора «*колбасная электричка / колбасный поезд / зеленая колбаса*», характерная для советского периода, невозможна больше ни в одной картине мира, кроме русской. При передаче такой метафоры на иностранный язык необходимо пояснение, т.к. человеку, не жившему в советский период и не видевшему, как во времена дефицита жители провинций приезжали на «*колбасных поездах*» в крупные города за продуктами и другими товарами первой необходимости, невозможно понять значение данной метафоры.

Различия в картине мира, формируемой языковыми средствами иностранного языка и языка перевода, коррелируют со структурой мышления и способом познания мира. Иногда для правильного по-

нимания значения информации, заложенной в термине транспортного дискурса, требуется хотя бы относительное совпадение культурных картин мира, к которым принадлежит язык.

В силу сложившихся обстоятельств транспортная система России продолжает формироваться, в значительной степени заимствуя достижения импортных разработок, что отражается в транспортном дискурсе. Это видно на примере проникновения в словарный состав русского транспортного дискурса из английского таких терминов, как *family of trains*, *transport corridor*, *biodiesel*, *tunnel advertising*, имеющих дословный перевод – *семейство поездов*, *транспортный коридор*, *биодизель*, *тоннельная реклама*.

Стиль мышления определяет процессы отражения действительности, зависит от характера интересующих проблем в определенном дискурсе, исходит из существующей на данный момент системы основополагающих понятий и взглядов. Через обозначение транспортных средств и сопровождающих их атрибутов в русском языке образовалась некоторая символика, связанная с характеристикой сфер экономики, медицины, а также финансовой и военной. Примером этого может служить термин «*road train*», появившийся в 1980 г. и обозначающий *автопоезда* (грузовики) с тремя и более трейлерами, длиной до 53-х метров (данное явление характерно для Австралии, где автопоезда, или как их еще называют «*демоны австралийской пустыни*», курсируют со скоростью 120 км в час и практически не тормозят). В настоящее время появилось новое определение данного термина в значении «*колонны грузовиков*», едущих плотным строем: «*A convoy of trucks traveling in close formation*». Термин «*road train*» показывает, что был осуществлен прямой перенос значения термина «*train*». В данном примере новый термин появляется в результате метафоризации, основанной на подобии структуры и функции поезда и автомобиля.

Прогресс во всех областях науки и техники заставляет исследователей, специалистов, экспертов и всех, кто работает в соответствующих областях, вносить свой вклад в создание новых терминов, потому что в процессе развития знания возникают новые явления и понятия, которые требуют новых наименований (терминов). Эти эквиваленты создаются и принимаются экспертами на основе существующей технической литературы и используются в специализированной коммуникации. Так, термин *dry port* существует только во французском и английском языках и обозначает внутренний терминал, который непосредственно связан с морским портом. В русском языке дается его дословный перевод и под *сухим портом*

обычно понимается либо припортовая станция, либо контейнерный терминал, который через припортовую станцию формирует контейнерные отправки в порт.

Если новые термины не принимаются всеми участниками коммуникации, то для них создаются синонимы, что может привести к путанице. Прогресс в определенных научно-технических областях идет очень быстро, и это часто приводит к тому, что появляются изменившиеся концепты, которые приписываются прежним терминам, как это произошло с термином *Dry port*.

Транспортные средства фигурируют в большом количестве художественных произведений, они привлекают внимание поэтов, писателей, музыкантов. Часто, например, герои фильмов, романов и песен знакомятся в поездах. Поезда и автомобили сами становятся героями мультфильмов, а в компьютерных и видеоиграх появился целый жанр игр, посвященный этим видам транспорта, – железнодорожный симулятор, автомобильный симулятор.

Транспортный дискурс – это живая субстанция, которая постоянно развивается. Он вбирает в себя термины с новыми значениями, старые значения которых уходят, появляются новые термины. Развитие транспортного дискурса на современном этапе можно рассматривать с двух разных сторон. Первая сторона – качественные изменения в составе и структуре словесных знаний, ведь в процессе исторического развития языка лексика представляет собой наиболее подверженный изменениям уровень языка. Словарный состав транспортного дискурса изменяется повседневно: любое нововведение в технике и технологии, в бытовом использовании сопровождается появлением новых терминов, слов, выражений и значений. Термины транспортного дискурса пополняются из различных областей человеческой деятельности, осуществляя связь данного типа дискурса с современным миром и его дискурсами. Различные сферы быденной жизни человека, животного мира служат источниками для образования новых терминов. Например, термин *donorcycle*, определяющий мотоцикл с очень мощным мотором: «*Organ donors are not just people who die. They are young, healthy people who die unexpectedly — usually from a violent accident, suicide or crime, such as a motorcycle crash or a gunshot wound to the head. Transplant surgeons sometimes refer to motorcycles as "donorcycles"*» [6].

Термин *butt bus*, обозначающий автобус, припаркованный у ресторана или паба, и используемый как помещение для курения: «*It's happy hour at T. B.'s Pub, but the place is almost empty. The real party is happening just steps away on a smoke-filled red school bus parked*

beside the bar in a gritty, working-class part of northwest Edmonton. This is the "butt bus," a place for bar patrons to light up between pints of Molson Canadian and Bud» [8].

Термин *eco-driving*, появившийся после изобретения экологических видов транспорта и обозначающий способ вождения с минимизацией вредных выбросов в атмосферу, до настоящего времени не нашел емкого эквивалента в русском языке:

«Educating drivers in 'eco-driving techniques' would, for example, involve learning how tyre pressure and accelerating or braking at the right time can cut fuel consumption.

From September, 'eco-driving techniques' will be included in driving tests. Candidates are already asked questions on eco-driving as part of the theory test and from September it will form part of the practical test.

Candidates will not fail if their driving is not considered eco-friendly, but the examiner will provide feedback at the end of the test» [7].

Часто явления, существующие в транспортных дискурсах английского и русского языков, в одном случае получают краткое определение, а в другом так и передаются описательным способом. Например, термин *car-panning*, образовавшийся в 2006-2007г. и переводимый на русский как попрошайничество в рядах машин, ждущих зеленого света светофора: *«Bruce, a panhandler in the Queen-John Sts. area yesterday, said he makes up to \$30 a day begging from passersby.*

"The Lake Shore is where the money is – car panning – those guys makes \$200-300 a day," added Bruce» [10].

Вторая сторона, находящаяся в непосредственной зависимости от первой, – количественные изменения в транспортном дискурсе и прежде всего в терминах. На подобные преобразования в терминологическом составе транспортного дискурса влияют такие процессы, как заимствование, словообразование, распад слов на омонимичные лексические единицы, процессы лексикализации, когда происходит семантическая изоляция той или иной морфологической формы и ее обособление в самостоятельную лексическую единицу и другие процессы.

Словарный состав транспортного дискурса в настоящее время активно пополняется новыми терминами, одновременно освобождаясь от старых. Определить, что меняется быстрее – форма термина или его значение – непросто; и очевидно, что единого ответа не может быть.

Основываясь на привязке транспортного дискурса к современному миру, мы можем сказать, что его обогащение терминами дру-

гих дискурсов и, наоборот, а также его взаимодействие с источниками, отражающими разнообразные сферы деятельности человека, основывается на процессе взаимообмена, который является базовым для формирования дискурса современности. При этом одни и те же термины могут быть перенесены одновременно в несколько смежных дискурсов с одинаковым, либо отличающимся основанием переноса.

На протяжении жизни одного или нескольких поколений практически не меняется фонологический или грамматический строй языка; но в лексике происходят заметные изменения даже на протяжении одного поколения. Развитие лексики транспортного дискурса имеет огромное значение для оценки современного состояния словарного состава технического языка. Периоды, в которых лексические изменения становятся заметными, сократились по сравнению с предыдущими ввиду активного развития в настоящее время техники и технологий смежных с транспортным дискурсом технических сфер. Взаимодействие сферы транспорта с различными сферами жизни также находится в центре внимания экономистов и социологов, маркетологов и философов, экологов и специалистов по рекламе. Одни авторы предлагают технические решения задач, другие подвергают критике сложившиеся практики и отношения в системе «транспорт – общество – человек». И наоборот, те изменения, которые вносятся экстенсивным и интенсивным развитием транспортной техники в разные стороны жизнедеятельности общества: экономику, экологию, строительство, трудовые ресурсы, социальную структуру, идеологию, мораль, быт и другие сферы, – охватывают иные дискурсы процессом «всемирной транспортизации». В результате подобного процесса происходит заимствование специализированной лексики и выражений, а также происходит отождествление явлений, принадлежащих сфере одних дискурсов, с явлениями других.

Так, например, название препарата от кашля «Коделак» у большинства ассоциируется с автомобильной маркой Cadillac, т.к. при употреблении в речи звучание этих двух названий очень схожи; или железнодорожный термин *тормозной башмак (brake shoe)*, где мы видим наложение одного дискурса на другой, а именно собственно транспортного дискурса и бытового дискурса.

Включение в транспортный дискурс фрагмента другого дискурса позволяет взглянуть на определенный аспект действительности с точки зрения другого коммуниканта – участника иной социокультур-

ной ситуации общения, что имеет особое значение для формирования собственной точки зрения.

Основным результатом процесса взаимодействия транспортного дискурса с другими является многогранное представление определенного аспекта действительности. Комбинирование двух взаимодействующих дискурсов приводит к сопоставлению разных социокультурных ситуаций общения. Взаимодействие фрагментов двух дискурсов заключается в том, что реципиент не только воспринимает явление с позиции участника определенного дискурса, но и то, что воздействие такого «гибридного» явления будет оказывать влияние и на другие аспекты взаимодействующих дискурсов. Контраст между разными явлениями и их компонентами, на наш взгляд, может привлекать внимание коммуниканта к одинаковому в рамках данных ситуаций предмету общения, т.е. дискурсу.

Являясь частью языка, транспортный дискурс испытывает на себе влияние тех же процессов. По мнению М.В. Марчука [2], существует некоторая коллективная языковая память общества, в которую включаются слова, выдержавшие проверку временем. Новации в языке встречаются достаточно часто, однако их закрепление происходит далеко не всегда. К сожалению, процесс новаций в языке изучен недостаточно, это касается и транспортного дискурса.

Список литературы

1. Миловидов В. А. От семиотики текста к семиотике дискурса. - Тверь, 2000.
2. Марчук М. В. Динамика лексических значений многозначных слов: дис. ...д-ра филол. наук. - М.: МПУ, 1996.
3. Квадратура смысла /предисл. Ю.С.Степанова. – М., 1999.
4. Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989.
5. Berenson. Born to Be Wild, but at a Cost // The New York Times. - July 6. – 2003.
6. James Chapman. Why Brown thinks we should all be happy that fuel costs are sky-high // Daily Mail. - July 9. – 2008.
7. Katherine Harding. Butt buses' ignite Edmonton furor // The Globe and Mail. – 2005. – December, 16.
8. Subject Supposed to Believe and Nation as a Zero-Institution // Along the Margins of Humanities. - Ljubljana, 1996. – S. 155-196; в русском переводе статья опубликована в журнале «Критика и семиотика». 2001. – Новосибирск, 2002. - Вып. 3/4. – С. 33-66.
9. Zen Ruryk. Begging ban pushed // The Toronto Sun. – 2007. - January, 25.

Сведения об авторах

Абрамова Елена Сергеевна – аспирант, Белгородский государственный университет; torch-e@mail.ru

Азаренко Надежда Александровна – кандидат филологических наук, Липецкий государственный педагогический университет; rolka2007@rambler.ru

Амирханян Анаит Михайловна – кандидат филологических наук, Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна; amirknan@yahoo.com

Артамонова Валентина Викторовна – кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена; v_artamonova@mail.ru

Бондаренко Наталья Андреевна – ассистент, Вологодский государственный технический университет; natalja.wologda@mail.ru

Бородулина Наталия Юрьевна – кандидат филологических наук, Тамбовский государственный технический университет; borodulina@yandex.ru

Брехова Татьяна Викторовна – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева; brekhova@list.ru;

Василенко Анатолий Петрович – кандидат филологических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, докторант Орловского государственного университета; a-132@online.debryansk.ru

Влавацкая Марина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет; vlavatskaya@list.ru

Газизов Рафаэль Аркадьевич – кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет; fund-lingua@rambler.ru

Галичкина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет; elenagalich@yandex.ru

Галушко Тамара Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Гаранович Марина Владимировна – аспирант, Пермский государственный университет; garamarina@yandex.ru

Горбова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; gorbova@yandex.ru

Григорьева Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет; grigoriewa@mail.ru

Емельянова Любовь Юрьевна – аспирант, Тверской государственный университет; ru_mail08@mail.ru

Ерофеева Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный университет; erofkaf@rambler.ru

Зайцева Валентина Викторовна – ассистент, Тамбовский государственный технический университет; apolinarija06@mail.ru

Звягина Александра Ивановна – соискатель, Тамбовский государственный технический университет; zvyaginaai@rzdinter.com

Ивинских Наталья Петровна – соискатель, Пермский государственный университет; ivinskikh@mail.ru

Ившина Татьяна Петровна - кандидат филологических наук, Московский институт современной экономики; i.t.p.-56@mail.ru

Кобенко Юрий Викторович – кандидат филологических наук, электротехнический институт Национального исследовательского Томского политехнического университета; serpentis@list.ru

Колодяжная Вероника Николаевна – соискатель, Белгородский государственный университет; veronikabgu@mail.ru

Куликова Ирина Михайловна – кандидат филологических наук, Сургутский государственный университет; v_artamonova@mail.ru

Костомаров Пётр Иванович – аспирант, электротехнический институт Национального исследовательского Томского политехнического университета; petrkost@yandex.ru

Малых Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет; ludmalykh@udm.ru

Мишланова Светлана Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный университет; mishlanovs@mail.ru

Нечаева Елена Александровна – аспирант, Ивановский государственный химико-технологический университет; lenabelca.84@mail.ru

Никитина Мария Александровна - аспирант, Дальневосточный государственный гуманитарный университет nikitina290583@yandex.ru

Озерова Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный университет; ozerova@bsu.edu.ru

Пенькова Татьяна Владимировна – соискатель, Пермский государственный университет; penkova.t@mail.ru

Прокопчик Ольга Дмитриевна – кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет; podspb@yandex.ru

Ребрина Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, Волгоградский государственный университет; Reblora@mail.ru

Савченко Ирина Александровна - кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева; avtchenko-75@ntu.nnov.ru

Урюпин Игорь Сергеевич – кандидат филологических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина; isuryupin78@mail.ru

Фёдорова Ирина Кимовна – кандидат филологических наук, Пермский государственный технический университет; abanico@yandex.ru

Шмелева Ольга Юрьевна – кандидат экономических наук, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; shmeleva-olga@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Образовательный кредит с государственным субсидированием

Основное условие для получения кредита – поступление Заемщика в ВУЗ участника «Эксперимента по государственной поддержке предоставления образовательных кредитов студентам образовательных учреждений высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию». Кредит предоставляется гражданам РФ в возрасте от 14 лет, являющимися студентами (отвечающих критериям успеваемости) любого курса очной формы обучения, получающим впервые образовательные услуги по реализации основных образовательных программ на основании заключенного с ВУЗом договора о предоставлении платных образовательных услуг или являющимися участниками программы "Кредо" ООО "Крэйн" и АКБ "Союз"(ОАО).

ВУЗ – участник программы:

Автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина»

<ul style="list-style-type: none">✓ сумма кредита: соответствует стоимости обучения или остатку задолженности в АКБ «Союз»✓ валюта кредита: рубли✓ срок кредитования: срок обучения + период погашения кредита (в течение 10 лет после завершения учебы)✓ процентная ставка: 4,94%✓ обеспечение: не требуется
<p>Порядок пользования кредитом</p> <ul style="list-style-type: none">✓ погашение задолженности по кредиту осуществляется ежемесячно в соответствии с графиком платежей✓ досрочное погашение части кредита осуществляется без ограничений по сроку и минимальной сумме досрочного возврата кредита✓ Предоставление отсрочки по погашению основного долга и уплате части процентов

Кредит предоставляется гражданам РФ в возрасте от 14 лет на оплату обучения в образовательном учреждении, зарегистрированном на территории РФ и имеющем лицензию на право ведения образовательной деятельности для получения:

- начального профессионального образования,
- среднего профессионального образования,
- высшего профессионального образования,
- дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) специалистов.

<p>Условия предоставления:</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ валюта кредита: рубли; ✓ процентная ставка: 12% ✓ срок кредитования: до 11 лет ✓ максимальная сумма кредита: до 90 % стоимости обучения ✓ минимальная сумма кредита: 30 тысяч рублей ✓ обеспечение: поручительства физических лиц, залог имущества. 	<p>Преимущества пользования кредитом</p> <ul style="list-style-type: none"> ✓ Банк не ограничивает выбор Заемщика/Созаемщиков по типу образовательного учреждения. ✓ Отсутствует комиссия за выдачу кредита и ведения ссудного счета. ✓ Возможность досрочного погашения кредита. ✓ Возможность предоставления отсрочки в погашении кредита. ✓ Возможно предоставление кредита частями.
--	---

**Получить дополнительную информацию вы можете:
в информационной службе:**

(812) 329-29-29;
8-800-333-00-88

(звонок бесплатный)

на официальном веб-сайте Сбербанка России:

<http://www.sberbank.ru>

Пушкинское отделение № 2009
г.Пушкин, ул. Оранжерейная, д. 46
☎ 335-10-27; 329-21-07

Научный журнал

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 3
Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.09.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20. Тираж 500 экз. Заказ № 557

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а